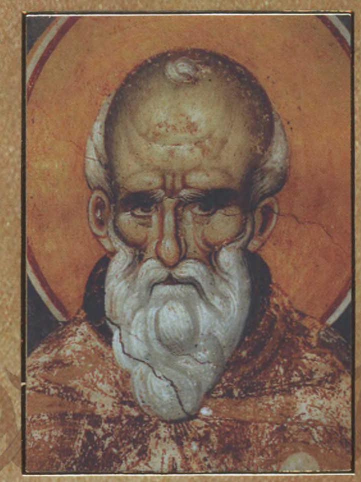


ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том III

Издание
Сретенского
монастыря

ДОБРОТОЛЮБИЕ

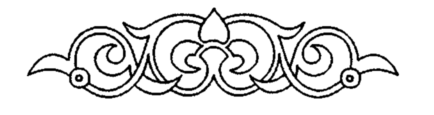
Том III

Перевод с греческого
святителя
ФЕОФАНА
ЗАТВОРНИКА

4-е издание

Издательство
Сретенского монастыря
МОСКВА
2010

УДК 271.2-42
ББК 86.372
Д 56



Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

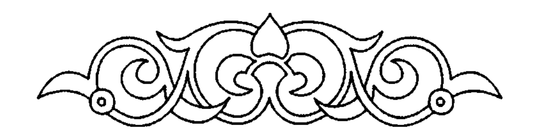
Д 56 **Добротолюбие**: В 5 т. — Т. 3. — 4-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-7533-0413-1 (т. 3)
ISBN 978-5-7533-0410-0

Пять томов Добротолюбия составляют золотой фонд православной аскетики. На протяжении столетий монахи и миряне черпают из этой книги сокровища духовного опыта святых подвижников. Настоящее издание, набранное по правилам современной орфографии, дополнено специальным приложением, посвященным истории составления Добротолюбия.

УДК 271.2-42
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0413-1 (т. 3)
ISBN 978-5-7533-0410-0



ПРЕДИСЛОВИЕ

Благочестивому читателю предлагается третий том русского Добротолюбия. Все почти статьи, входящие в него, заимствованы из греческого Добротолюбия. Прибавляется только собеседование аввы Зосимы, напутствовавшего святую Марию Египетскую, и из писаний святого Максима Исповедника подвижническое слово. Все сие следует в таком порядке:

Блаженного Диадоха, епископа Фотики, – слово подвижническое в ста главах, с предшествующими им десятью определениями последних степеней главнейших добродетелей.

Преподобного Иоанна Карпафского – сотня глав утешительных и увещевательных.

Аввы Зосимы – собеседования.

Святого Максима Исповедника:

а) подвижническое слово, в вопросах и ответах;

б) четыре сотни глав о любви;

в) умозрительные и деятельные главы, выбранные из его семи сотен глав.

Преподобного Фалассия – четыре сотни глав о любви, воздержании и духовной жизни.

Святого Феодора, епископа Едесского, душеполезные главы – 100.

Другого некоего Феодора – назидательное слово созерцательное.

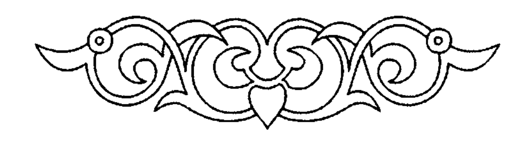
Многополезное сказание об авве Филимоне.

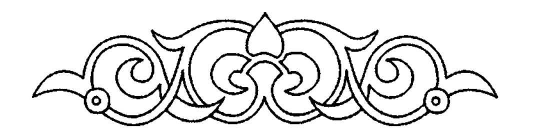
Преподобного Феогноста – о жизни деятельной и созерцательной, 75 глав.

Преподобного Филофея Синайского – 40 глав о трезвении.

Илии Пресвитера – «Цветник».

БЛАЖЕННЫЙ ДИАДОХ, ЕПИСКОП ФОТИКИ В ЕПИРЕ ИЛЛИРИЙСКОМ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О БЛАЖЕННОМ ДИАДОХЕ

О происхождении и ранней жизни святого Диадоха до епископства ничего не известно. На епископстве же он славился и жизнью святою и учением премудрым. Виктор, епископ Утики, что в Африке, в предисловии к своей «Истории о мучительствах вандалов» (Migne Patrol. Lat.? t. 58), писанной им около 490 года, называя себя учеником его, в честь себя ставит такое название и прибавляет, что «сей блаженный Диадох достоин быть превознесенным всякими похвалами, так как он оставил весьма много памятников православного учения о догмах и жизни христианской». Почему надо заключить, что он процветал во второй половине V века, и может быть, немного не дожил до конца его, как можно догадываться из того, что в послании Епирских епископов к императору Льву (457–473) значится и его подпись. Другие обстоятельства его жизни неизвестны.

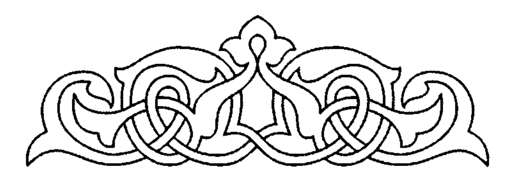
Из его писаний доныне известны: а) два слова: одно на Вознесение Господне, с изложением православного учения о воплощении Бога Слова, другое – против ариан; б) 100 глав подвижнических о жизни духовной с десятью предшествующими указаниями последних пределов совершенства главнейших добродетелей.

Из сих писаний его приводят свидетельства Софроний, патриарх Иерусалимский, в своем окружном послании против монофелитов (Библ. П. Фотия – чт. 231); не раз ссылался на него и преподобный Максим Исповедник.

О подвижнических его главах, которые мы берем в свой сборник, блаженный Фотий отзывается так: «Слово сие (то есть 100 глав) премного полезно подвизающимся, и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего не ясного; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом». Собиратели же греческого Добротолюбия в предисловии к сему слову говорят, что «святой отец наш Диадох был муж, мудрый в деянии и светлый в созерцании», это всякому желающему можно узнать из дошедшего до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, черпая духовную мудрость из долговременного опыта своего и из Божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самые глубочайшие тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми

свидетельствами Божественного Писания и созерцаниями просвещенного верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех следовавших за ним трезвенников и богоносных отцов образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам как к самым верным указателям истины и приводят из них дословные свидетельства в своих писаниях о трезвении. Так делали после бывшего при Андронике Палеологе Собора Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, Святейший Каллист и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения.

Святая Церковь чтит память святого Диадоха вместе со всеми святыми, просиявшими подвижнически, в субботу сырной седмицы. На службе в сей день во второй песни поется: «Пою и Диадоха, купно с Евстафием и Ювеналием отцеверховными».



БЛАЖЕННОГО ДИАДОХА, ЕПИСКОПА ФОТИКИ,
указание последних пределов, или верха совершенства, главнейших добродетелей

1. Предел, или верх совершенства, веры есть бесстрастное погружение ума в Бога.

2. Предел упования — преселение ума к чаемым благам.

3. Предел терпения — невидимого яко видимого зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.

4. Предел нестяжательности — так желать не иметь, как иной желает иметь.

5. Предел разумения — не ведать себя в исступлении (или всецелом устремлении) к Богу.

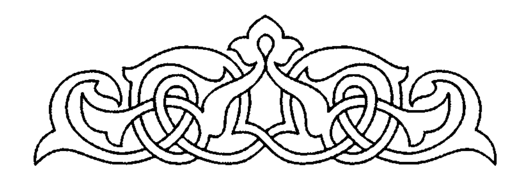
6. Предел смиренномудрия — решительное забвение своих добрых дел.

7. Предел безгневия — великое желание не гневаться.

8. Предел чистоты — чувство, непрестанно прилепленное к Богу.

9. Предел любви — умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.

10. Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога — вменять в радость прискорбность смерти.



ТОГО ЖЕ БЛАЖЕННОГО ДИАДОХА, ЕПИСКОПА ФОТИКИ, ЧТО В ДРЕВНЕМ ЕПИРЕ ИЛЛИРИЙСКОМ,

подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного

1
О трех добродетелях, которые, как вожди, должны предшествовать духовному созерцанию ума[1]

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь; ибо те (две — вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу через добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

2
Когда и как человек делается добрым

По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим через ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существенно благ, когда душа через ревностное тщание о добре настолько соделается сущею в Боге, насколько она по силе своей возжелает того и деятельно взыщет; ибо сказано: *будите убо милосерди, якоже и Отец ваш* (Который на небесах) *милосерд есть* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

---

[1] Этих оглавлений нет в греческом тексте. Их придумал латинский переводчик. Полагая, что они немало будут способствовать к уразумению и запоминанию премудрого учения святого Диадоха, заимствуем их у него (Patrol. graecae Migne. t. 65).

3
Когда и как зачинается грех

Зла нет в естестве, и нет никого злого по естеству, ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество со вне через навык, так как то есть, а этого нет, — разве только когда содевается.

4
Когда и как достигаем мы того, чтобы быть по подобию Божию

Все мы люди по образу Божию есмы[1]; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

5
Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова

Самовластие есть произволение разумной души, с готовностью устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно только добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякий злой помысел.

6
Что есть свет истинного ведения и что производит в уме пользование сим светом

Свет истинного ведения есть — непогрешительно различать добро от зла. И тогда (когда такое различие есть и по нему уст-

---

[1] В славянском переводе прибавка есть – «умным души движением». Верно, такое встречено чтение.

роятся сама жизнь) путь правый, возводя ум к Солнцу правды — Богу? — вводит его в беспредельное оное мысленное просвещение, как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным).

7
О том, что производит духовное слово, и о том, что движение любви беседу о Боге делает легкою и обильною

Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство, потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть — для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемого любовью умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге.

8
Когда подобает приступать к беседе о Божественных вещах

Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богатно осиявается благодатью Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облекает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовию Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак, к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые

духовные предметы), между тем как в то же время вожделенное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, источаемого любовию. *Труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6).

9
О даре ведения и даре премудрости, как каждый из них просвещает и как приобретается

Единого Духа Святого есть дар и премудрость, и ведение, как и все Божественные дарования; но каждый из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действо. Почему апостол и свидетельствует, что *иному дается премудрость, а иному ведение* (1 Кор. 12, 8). Ведение опытно (ощутительно) сочетавает душу с Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души, почему некоторые из любомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах Божественных не приступают. Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовью раскрывает самые внутренние воздействия ведения; поелику то (ведение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) — словом. Достигаются же они так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном беспопечении; а премудрость — не тщеславное изучение словес Духа, наипаче же — благодать всеподающего Бога.

10
Когда душа в борьбе – молчать должно, а когда успокоится – тогда простирать беседу, обуздывая, однако ж, ум смиренномудрием

Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть часть брани. Когда же увидит кто, что это возмущение молитвою ли, милостынею улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению Божественных

словес, сдерживая, однако ж, крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божием.

11
Слово духовное не ведет к тщеславию, а слово мирской мудрости – ведет. Отчего то и другое?

Слово духовное хранит душу не тщеславною, ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолюбию, потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце), и взамен того дарить своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовного слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией, при беспопечительном молчании.

12
О самолюбии и боголюбии и что свойственно себялюбивому и боголюбивому

Кто себя любит, тот Бога любить не может, а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда — одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы, так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно в исполнении всех творимых ею заповедей искать единой славы Божией, относительно же себя — услаждаться смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а человеку — смирение, чтоб через него соделываться нам своими Богу: что если хотим

творить и мы, то, по примеру святого Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *оному подобает расти,* мне же *ма́литися* (Ин. 3, 30).

13
Когда и от чего бывает, что иной кажется себе не любящим Бога, в то время как очень сильно любит Его

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанно носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самими похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но, служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным некиим расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою некиим неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы, ради преизобильного богатства любви ко Господу, столько нас возлюбившему.

14
О том, кто в чувстве сердца любит Бога, и как он, совершенно отрешаясь от любви к себе, приходит в восхищенную любовь к Богу

Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поскольку кто в чувстве сердца восприемлет любовь к Богу, постольку и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремиться к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощение самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и

поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу — и странноприемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. *Аще бо,* — говорит, — *изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (2 Кор. 5, 13).

15

Когда начинает кто любить ближнего и почему любовь плотская скоро истощается, а любовь духовная – никогда

Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить и, начавши, не престает: такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприемлет любовь к ближнему, хотя бы и немалое от него получено было оскорбление или понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божиею совершенно поглощается горечь разлада.

16

О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретается; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви – несовершенной, соединенной с очистительным страхом

Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возгрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо душа в действенную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится дей-

ствием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда, как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтоб таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенна любы вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтеся Господа вси святии Его* (Пс. 33, 10), а где: *возлюбите Господа вси преподобнии Его* (Пс. 30, 24), давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам, с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же, очистившимся, свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит пророк: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

17
Как душа больная начинает исцеляться действием страха Божия и как мало-помалу доводится до совершенного здравия любовью

Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств, а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств, и через то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о Страшном и неумытном Судилище Божием; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное некое врачевство, страх Божий, пережигающий ее, как в огне

некоем, действием обличений, и таким образом мало-помалу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умаляется страх, пока приидет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрастие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а наконец, любовь — полнота закона совершенства во Христе.

18
Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира.

19
Что свойственно чистой душе

Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее. Тогда (когда душа чиста) и ум верно установляет свои чаши (как установляются на весах чаши весовые), и трезвенным пребыванием в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20
Необходимо с верою соединять дела и с делами — веру

Вера без дел и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтоб доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если б он не привел плода ее — сына своего — на жертву Богу.

21
Какова вера без дел и какова любовью действующая

Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви, и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действенного (установляющего его на едином) отвеса преславной любви. *Но вера, любовию поспешествуема* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22
Не следует любопытно исследовать глубину веры

Исследующий глубину веры обуревается волнами помышлений, а созерцающий ее в простосердечном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом доспеть в пристань воли Божией.

23
Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать воней благ небесных, хотя бы и сильно того желала

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвоается сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожделенно устремляется он к ним, но уже не может любовно восприять их в чувстве сердца, по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим себя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожделенное благо еще с большим опытным в Боге вкушением его.

24

О двояком чувстве – телесном и духовном, и как надлежит возбуждать духовное чувство ко внушению небесного

Как к видимым нам благам невольно как бы влекут нас телесные чувства, так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное — духовное, когда вкусит Божественной благости. Все вожделевает сродного себе: душа, как бестелесная — небесных благ, а тело, как персть от земли -- земных сластей. Итак, в состояние опытно вкушать невещественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим перстное тело свое.

25

Чувство душевное в действовании своем было едино в состоянии невинности; грехопадением оно раздвоилось, а благодать Святого Духа опять возводит его в простоту единства

Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамовым оно разделилось на два действа; но Святым Духом оно опять соделывается единым и простым. Этого, однако ж, никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые в чаянии будущих благ охотно отрешаются от благ жизни сей и воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таковых ум, по причине полного беспопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать Божественную благостыню, и в то же время, по мере своего преспеяния, сообщать свои радости и телу, безмерным некиим словом в любви изъявляя свое обрадование исповеданием, говоря: *на Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя, и волею моею исповемся Ему* (Пс. 27, 7). Таковое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26
Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб различать верно помыслы, от Бога ли они или от диавола

Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующется, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и, различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовные хитрости устрояющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

27
Почему мало вполне знающих падения свои и что нужно для достижения сего

Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здравы, могут все хорошо видеть до малейших комаров и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малые свои падения почитает очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, как сказано: *праведнии исповедятся имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда, если совершит убийство или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко

почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28
Как Святой Дух очищает душу и что должны мы делать для сего

Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не приидет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника оного (см.: Лк. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобает убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным, упокоевать в себе Духа Святого, чтоб иметь в себе Светильник разума всегда светящим; потому что, когда Он непрестанно светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом. Почему апостол и говорит: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19), то есть *не оскорбляйте* (Еф. 4, 30) благостыни *Духа Святаго* злыми делами или помышлениями, чтобы не лишиться всепобедительного оного Светильника. Ибо не Присносущный и Животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление или, лучше, отвращение оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29
О единости чувства душевного прежде греха и разделении его по причине греха; и о том, когда желание неразумное соединяется и бывает согласно с разумным

Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство (ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас Всесвятой и человеколюбивый Дух Божий); но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму через преслушание. Почему то оно влечется страстною частью души, от чего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то соуслаждается разумному мысленному ее движению, поскольку ум наш, когда мы целомудрствуем, с вожделением устрем-

ляется тещи к небесным красотам. Если потому мы придем в навык презирать блага мира сего, то сможем наконец и земное вожделение души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святого, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действенно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души, вкусить небесного блага.

30
Когда и как чувством ума различаются истинные утешения от ложных

Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовные вещи. Как телесным нашим чувством вкуса, в здравом состоянии не погрешительно различая хорошее от нехорошего, приятного желаем (от неприятного же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном беспопечении о преходящем, может богато ощущать Божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретает опытность в чувстве сем безошибочную, так и ум, когда поднимается выше плотского мудрования, может нелестно вкушать и различать утешение Святого Духа, как говорится: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), и, имея память о сем вкушении по действу любви незабвенною, непогрешительно различать лучшее, по слову святого апостола: *и о сем молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествует в разуме и во всяком чувствии, во еже искушати вам лучшая* (Флп. 1, 9-10).

31
О ложном утешении сатаны, напускаемом во время упокоения сном, и как ум рассеивает его теплым призыванием имени Иисуса и самого сатану обращает в бегство

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся

сладким чувстве во время нощных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем, то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранью против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей.

32
О добром утешении души, в бодрственном ли состоянии или во время успокоения сном бывающем; и как сатана покушается во время сна прельстить душу ложным утешением

Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему, а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия к любви Божией в сильном излиянии душевных чувств, а это обыкновенно обвевает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно помятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага и с радостью выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие по благодати, в прехвальной опытности своей духовной.

33
Как радость о Духе Святе распознается от лживой бесовской; и когда диавол приступает к обольщению лживым утешением

Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча как бы в глубину сей неизреченной любви и самое тело, в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом ни помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной Божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоей радостью. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное или нечистое какое помышление, и если при сем святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; то ведать надлежит, что утешение то — от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некиими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною мокротною сластию, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). Никому, впрочем, невозможно ни Божественной благости чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверялись в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятью о Боге.

34
О двоякой любви – естественной и духовной (благодатной) и об отличиях каждой

Есть любовь в душе естественная и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действа (энергии), источает обильный некий поток любви и радования.

35
О благодати Божией, как она одна умиряет волненные движения души

Как море волнуемое, когда возливают на него елея, обыкновенно стихает, потому что тучность елея препобеждает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатью Святого Духа, сладостною исполняется тишиною; потому что, по слову пророка: *обаче Богови повинися, душе моя* (Пс. 61, 6), тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благостыни Духа, и порождаемому тем бесстрастию. Почему какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующей в себе и полною всякого радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвизающимся некий вид непорочности и чистоты. *Страх Господень чист,* — говорит пророк, — *пребываяй в век века* (Пс. 18, 10).

36
Как и когда душа может ощутить славу Божию и о лживости диавола, показывающего иногда свет или нечто похожее на свет

Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным некиим вкушением ощущает Божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого, *ибо ныне мы верою ходим, а не видением,* как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвизающихся явится свет или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живемციоннически в тленном теле сем, устраняемся от Бога (см. 2 Кор. 5, 6), то есть не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37
О снах, Богом посылаемых и диаволом навеваемых, и о разности их

Сны, являющиеся душе по любви Божией, суть необманчивые указатели здравия душевного. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапного опечаления, но приступают к душе со всею тихостью, и преисполняют ее духовного радования; почему душа и по пробуждении тела со всем вожделением ищет этого испытанного во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему: не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго несмятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великого, а еще больше

угрозами стращают, принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а иногда охотнее остается в том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство, и в том же сне обличая их и тем подвигая их на великий против себя гнев. Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в великом смиренномудрии.

38
О добродетели неверования никаким снам

Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Да довлеет однако ж нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшею частью бывают не что иное, как идолы помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовские над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен, случается однако ж, что душа, по некоему восхищению вражьему, нечувствительно и непроизвольно будучи осквернена, без чего, как думаю, никто не обходится, теряет след верного различения и верит снам недобрым, как добрым.

39
Пример в доказательство того, что Бог никому не ставит в вину неверия посылаемым от Него снам

Да послужит нам в доказательство сказанного следующий случай: господин, после долгого отсутствия возвратясь домой,

стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея и не сделаться предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но, напротив, великими превознес его похвалами, что голос его самого счел обманом, не желая утратить что-либо из его имущества.

40

О видении душою духовного в себе света, о светах вражеских и о том, как сделать, чтоб, живя в мире, быть чужду мира

Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать Божественный свет, соделывается весь светлым, так что сам богато видит сей сущий в нем свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огонь, как учит Божественный Павел, говоря, что и *сатана* иногда *преобразуется в Ангела светла* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде (то есть в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души, предуготованной к восхищению ее в прелесть, и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, что и есть *возлюбиши Господа Бога... от вся души... всею крепостию... и всем помышлением* (Лк. 10, 27). В ком действуется сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира.

41

О послушании, что оно есть величайшая из добродетелей, есть дверь любви и предводительница всех добродетелей

Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает

кичение и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входной дверью любви ко Христу Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его, Адам ниспал во глубину ада. Господь же, возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до Креста и Смерти (см. Флп. 2, 8), и это тогда, как ни в чем не меньше было величество Его, чтоб, Своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвесть к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей.

42
О том, что воздержание должно держать во всем, чтоб не одни телесные стяжать добродетели, но и те, кои очищают внутреннего человека

Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему *всяк же подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем недостает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолюбии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43
О пользе и образе хранения воздержания в пище

Все бессловесные похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы — да не будет! — но для того, чтобы, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища была обращаема в удовлетворение насущной нужды бедных, что есть признак искренней любви.

44
Как сделать, чтоб легко было отказываться от сласти яств и других удовольствий

От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу нисколько не противно закону ведения; ибо *вся* в созданиях Божиих *добра зело* (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многоядения и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. Только отказываться так самоохотно от предлежащих сластей мы не можем, если самим делом и опытом не вкусим Божественной сладости всем чувством.

45
Об избегании излишнего воздержания, чтоб тело оставалось крепким для подвигов духовных

Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным, так и будучи измождено чрезмерным воздержанием, соделывает созерцательную часть души унылою и несловолюбивою (может быть, неохочею рассуждать). Подобает убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять

ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаще и душа.

46
Об умалении обычной строгости воздержания по случаю прихода братий или других странников

Когда при приходе каких-либо братий или какого-либо странника тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надымая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава, тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего через послабление его сохраним невыказанною.

47
О посте и других телесных добродетелях, что они одни без сердечного благонастроения не имеют цены пред Богом

Пост, хотя как орудие, благоустрояющее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностью своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

48
О пользе умеренности в питии для духовного в душе плодоношения

Как земля, умеренно напояемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упояемая слишком

обильными дождями, приносит только терния и волчцы, так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же через меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49
О неумеренности в питии, как она вызывает срамные похотения

Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы, во сне представляемые ему бесами, смотрит страстно, но и сам в себе рисуя некие красивые лица, такими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждежением. Ибо когда похотные части тела разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такие тени страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда, от излишества бывающего. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь немечтательным и, что еще лучше, бессластным.

50
Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготовляемых

Желающим укротить воздымающиеся части тела не должно касаться искусственно приготовляемых напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпитием по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвизающимся телам, но и самое бессмысленное смешение входящих в их состав веществ сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого недостает в естестве вина, чтоб нужда належала примешением разных сластей смягчать его крепость?

51
Чему хотел научить Господь, прияв на кресте оцта из губки, надетой на трость

Господь наш и сего священного (подвижнического) жития Учитель, Иисус Христос, оцтом был напоен во время страдания Своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим Он как бы сказал: подвизающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий, но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляет свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях, напоминает о полном совершенстве очищения.

52
Духовным не следует ходить в баню, и почему

Ходить в баню никто не сочтет грешным или неразумным, но воздержания ради удаляться и от этого я называю делом мужественным и целомудреннейшим. Ибо в таком случае ни тело наше не разблажается сластным оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о бесславном обнажении Адама, чтоб, подобно ему, заботиться о листвиях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые, недавно высвободясь из пагубного растления жизни сей, должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотою целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53
Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыне

Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве,

и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачевствам в ряду творений. Впрочем, не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя Иисуса Христа. Это, однако ж, я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключающихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестающим действо веры, будучи окружены любовью; а то и по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диавола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единонравными братиями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи. С Господом он в самой пустыне имеет довольное утешение в болезнях. К тому же, как действо веры может у него не оскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего-то *Бог* и *вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

54
Что показывает малодушие в болезнях и что благодушие

Когда мы крайне тяготимся приключающимися нам расстройствами телесного здравия, ведать должно, что душа наша еще порабощена телолюбию. Почему, как вещественных вожделевая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, такою великою почитает тяготою не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами?! Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55
Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела

Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мирскому). Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего — присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвизающемуся никогда не подобает помышлять ни о древесах ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, равно как воспоминать и о богатых приношениях, если случалось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностью, жизнь же сию почитать некиим страннических путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56
Как немерное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о Боге и заповедях Его и как избегнуть сего зла

Что зрение, вкус и прочие чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила заповедь Божию; чего ради, как бы покрываемая крылами любви Божией, не ведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и, наконец, вкусила от плода его с неудержимым вожделением, тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и, как обнаженная, сочетавшись с сею страстью, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, примесивши по действию видимой привлекательности плода к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческо-

му стало затруднительно памятовать о Боге или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятью о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию падкую на прелести жизнь, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно сохранять непарительным присущий в нас позыв видеть *красное еже видети*. Этому и многоопытнейший Иов научает нас, говоря: *аще и вслед ока моего иде сердце мое* (Иов. 31, 7). Такое действование есть верный признак крайнего воздержания.

57
Как бывает, что ходящий духом не ведает вожделений плотских и диавол тщетно искушает его чистоту

Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику, таким образом, таковой шествие свое совершает в ограждении добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58
Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, каково оно и как его прогонять

Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большей частью некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим, или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разленяющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память

Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отогнать от себя неразумное оное разленение.

59
Коль велика помощь в духовном подвиге от непрестанного теплого поминания имени Иисусова во глубине сердца

Ум наш, когда памятью Божией затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как апостол говорит: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи Иисусе Христе и проч.) умом, в себе утесняющимся, непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное имя, будучи с напряженной заботливостью содержимо мыслью, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядай есть* всякое зло, как говорит апостол (Евр. 12, 29). Отсюда, наконец, Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своей; ибо преславное то и многовожделенное имя, укосневая через памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, продав все свое имение, с неизреченною радостью об обретении Его.

60
О двоякой радости – начальной и совершенной, и о слезах средних между ними

Иная есть радость началовводная и иная завершительная: та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренномудрием; посреди же их печаль боголюбивая и неболезненный плач. *Яко во множестве мудрости множество печали, и приложивый разум, приложит болезнь* (Еккл. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостью призвать душу к подвигам, потом предать ее обличению и искушению истиною Духа Святого, как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвении. *Во обличениих о беззаконии наказал еси человека и истаял еси, яко паучину, душу его* (Пс. 38, 12). Чтоб после того, как обличение Божие искусит ее, как в горниле, она восприяла действо немечтательной радости в теплом памятовании о Боге.

61
О забвении Бога и о восстановлении памятования о Нем; о причинах первого и средствах ко второму и о высшем его проявлении

Когда душа возмущается гневом или отягчается многоядением или сильною печалью омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютостью сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб через то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожделенную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама

благодать и сбогомысльствует душе, и совзывает: **Господи Иисусе Христе!** подобно тому, как мать, уча дитя свое, многократно повторяет вместе с ним имя — Отец, пока не доведет его до навыка вместо всякого другого, посильного дитяти слова, ясно произносить — Отец, даже и во сне. Посему апостол говорит, что *Сице же и Дух способствует нам в немощех наших; о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас, воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8, 26). Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели, то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтоб, когда неизреченная Его сладость обымет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его. Почему как тот же дивный Павел говорит: *о Немже вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15), когда Им благонастрояемы бываем призывать Бога Отца.

62
О гневе – когда и как можно допускать его

Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу, но есть случаи, когда он крайне для нее полезен. Так, когда несмущенно гневаемся на нечествующих или другим каким образом бесстудствующих, да спасутся или по крайней мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что кротостѣ; потому что в таком случае всячески споспешествуем целям Божией правды и благости. Также когда поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему. А что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы, запретив гневно самому духу-расстроителю возвышаться мудрованием даже над ужасами, коими хвалится подавлять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала запретил в духе аду и ободрил Себя и потом уже несмятенною волею как и всегда делал все,

что ни делал, возвратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, целомудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Богом более как орудие правды; и если бы Ева воспользовалась им против змия, то не подпала бы пагубному действию страстного оного похотения. Почему полагаю, что пользующийся целомудренно гневом по ревности к благочестию более одобрительным окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто, по неподвижности ума, никогда не подвигается на гнев; так как у этого его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели восседя, всегда в борьбе пребывает и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божием четвероконницу воздержания, которую Святое Писание назвало *колесницею Израилевою* (4 Цар. 2, 12), как находим в описании взятия на Небо Божественного Илии. Иудеев первых Бог многоразлично обучал четырем добродетелям; почему и взят был на Небо таковой и толикий питомец мудрости (мужества, правды и воздержания)[1], конями имея, как мне кажется, сии добродетели свои, когда взял его дух в веянии огня.

63
Совершенному в духовной жизни не подобает судиться

Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет: ибо правда властей века сего ниже правды Божией — или лучше, — она ничто перед правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими и людьми века сего, если не то, что правда этих последних не идет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш *укаряем противу не укаряше, стражда не прещаше* (1 Пет. 2, 23); а напротив, не только снятие одежды

[1] Прибавка по славянск. переводу.

перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении злодейски действовавших против Него. Люди же мира не перестанут тягаться, пока с лихвою не получат искомого от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64
Лучше, предав терпимую неправду суду Божию, внимать молитве и хранению сердца, чем судиться

Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан. Но так поступать ничто другое есть, как желать спасать больше свое, чем себя самих. Ибо если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать — и самой спасительной заповеди. И как явлюсь я последователем евангельской заповеди, повелевающей мне: *и от взимающаго твоя, не истязуй* (Лк. 6, 30), если, по слову апостольскому, не стану *разграбление имений* своих *с радостию* принимать (Евр. 10, 34), когда она (заповедь) и того, кто по суду обратно получает, в чем насилован, не освобождает ог греха лихоимания? Тленные (временные или тленными о тленных вещах производимые судилища) не могут отменить нетленного Божия суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело и по которым ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хочет, чтобы мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха через покаяние.

65
Продай все и раздай бедным: к сему паче всего располагает смирение

Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, и не попускать себе под видом желания всегда иметь возможность исполнять заповедь (о помогании бедным) преслушать сие спасительное повеление (о раздании зараз всего). От сего будет у нас, во-первых, доброе беспопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем мог бы воспламеняться огонь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смиренномудрие и в своих недрах упокоит, как нагих, подобно тому, как мать, взяв на руки дитя свое, упокоевает и согревает его в объятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятною наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: *храняй младенцы Господь: смирихся и спасе мя* (Пс. 114, 5).

66
Все раздать – путь к смирению

Господь потребует от нас отчета в милостынеподаянии, *по елику аще кто имать... а не по елику не имать* (2 Кор. 8, 12). Посему если я в страхе Божием с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? Но скажет кто (если все раздадим): откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаяний? Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога промышлять для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроять создание Свое, как делал сие от начала.

И прежде, чем сей или иной были возбуждены к милостынеподаянию, оставались ли бедные без пищи или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше, тотчас по познании истины, благостно иждить все на послужение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость, и возненавидев свои похотения, что и значит — возненавидеть душу свою, чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаянием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие Божественное повеление; когда же иждивим все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаянием, того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: *нищ и убог восхвалита имя Твое Господи* (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отрещись ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разуметь рекший: *уготовал еси благостию Твоею нищему, Боже,* и присовокупивший к сему: *Господь даст глагол благовествующым силою многою* (Пс. 67, 11-12).

67
О даре богословствования: сколько и какие блага от него происходят

Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагоподательны, но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благости, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благости Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостью презирать всякие приятные утехи житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утех неизреченное богатство словес

Божиих; а потом оно огненным неким изменением ум наш озаряет и через то делает его общником служебных духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, чтоб не говорить много, словесную разумную душу к нераздельному общению с Богом Словом благоустрояющей через святых пророков. Да и в душах человеков, — о дивное чудо! — устроив богогласные песни, сия Божественная невестоводительница поет громко величие Божие.

68

Почему ум наш не так скор на молитву, как на богословское созерцание, и сколь необходима молитва для преуспеяния в таком созерцании

Ум наш большею частью мало расположен бывает к молитве по причине утеснения его и ограничения молитвенною добродетелью; в богословствование же он охотнее вдается по причине простора и не ограничения Божественных созерцаний. Итак, чтоб не давать хода его свободному в себе разглагольствованию и не поблажать его охоте безмерно предаваться выспренним парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему свои речения примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словоохотливости, но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными. Упокоеваясь в себе в часы безмолвия, наипаче же упоеваясь сладостями молитвы, он не только делается свободным от указанных пред сим страстных движений, но и, паче обновляясь, силы восприемлет легко и безтрудно пребывать в Божественных созерцаниях, преуспевая вместе с тем и в зрячем рассуждении (практической

мудрости) с великим смирением. Ведать, впрочем, подобает, что молитва выше всякой широты созерцаний; сама же она свойственна только тем, кои во всяком чувстве и извещении преисполнены святою благодатью.

69
Благодать вначале ощутительнейше действует на душу, а потом сокращает свое действие и даже совсем сокрывает. Как это благотворно для души

Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением, а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частью неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней Таинства: чтоб после того (по умиротворении души) ввести нас в радовании на стезю Божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл не тщеславным. Подобает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатью, да паче смиримся и научимся покорствовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою: ибо как безмерная печаль вводит душу в нечаяние и безнадежие, так и чрезмерная радость приводит ее к самомнению и кичению. Говорю о младенчествующих еще жизнью и разумом. Между просвещением благодати и оставлением средина — искушение, а между печалью и радостью средина — надежда. Ибо говорится: *терпя, потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2), и еще: *по множеству болезней моих... утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19).

70
Сколь душевредно многословие и благотворно молчание

Как двери в бане, часто отворяемые, скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне, так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, испускает память свою (созна-

тельное стояние в строе духовных вещей) словесною дверью. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегает многословия. Молчание же, напротив, благотворно, будучи матерью премудрых помышлений.

71
Как подобает боголюбивой душе управлять чувством правды

Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многие толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспеяния ее в духовной жизни. Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду как-нибудь попираемую иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемою, но гневается и возмущается на злотворцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ее достоинство, по действию благочестивого помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом, она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит, потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ее завеса, тело, бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем, гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистью, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72
Ум – богослов и ум – знатель

Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *словеса Господня*, как говорится, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения; причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если непогрешительно имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностью оправданной жизни. Почему апостол и говорит: *овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже Дусе* (1 Кор. 12, 8).

73
О молитве гласной и в одном сердце творимой

Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейшее совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостью поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства), а за вторым — слеза духовная, и потом радование некое безмолвьелюбивое: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настраивает сердце производить слезотворные некие и в себя углубляющие помышления. В этом воистину можно видеть семена молитвы со слезами, радостно, однако ж, сеемые на земле сердца, в верной надежде обильной жатвы (см. Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалью, тогда надо немного громче совершать свое псалмопение, радостью

надежды подавляя скорбные вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии.

74
О естественном и благодатном боголюбии

Когда душа приидет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житейскими, она любовь некую (к Богу) отражает от себя в мире, соразмерно взыскуя Бога мира, но это памятование (о Боге взыскуемом) скоро рассеивается или потому, что впечатления чувств окрадают сию память, или потому, что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему еллинские мудрецы чего хотели достигнуть через воздержание, того не имели как должно, потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота, во-первых, мирна вся и непрестающа; потом, она все части души призывает к возлюблению Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовью некоей безмерною и радостью. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество здравствует через воздержание, но она не может возвести ума в бесстрастие, как делает любовь духовная (благодатная).

75
О светоносном воздействии на душу благодати и об омрачении ее под действием темных сил

Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра, а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящего и на всю вселенную наносящего некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истинного и Святого Духа, тогда вся бывает вне бесовского

омрачения, а когда сильно обвевается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святого, то есть к тому Духу, Которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с севера (см. Иез. 1, 4), чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в Божественные ведения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истинного ведения.

76
Как действует в душе Дух истины и дух прелести прежде крещения и по крещении

Некоторые придумали, будто благодать и грех, то есть Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в уме крещаемых, почему, говорят, одно лицо призывает ум к добру, а другое — к противному тому. Я же из Божественных Писаний и из самого чувства (опытно) ума постиг, что прежде Крещения благодать со вне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что, как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсущий благодати — да не будет! — а дымя как бы перед умом через мокротность тела приятностью бессловесных сластей. Бывает же сие по попущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя через бурю, огонь и искушение. Ибо говорится: *проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12).

77
Образ действия благодати Божией в душе

Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глу-

бине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения (сердца) своего, тогда она неизреченным неким словом беседует к душе через чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхочет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отрещись с великою радостью от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни (см. Мф. 13, 44).

Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства, тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. Затем, по мере преуспеяния души, и Божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность), но тогда же и бесам попускает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78

Через крещение Святой Дух вселяется в сердце, а дух злой извергается, но этим не вконец пресекаются покушения на грех

Мы по образу Божию есмы, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ее есть. Но так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше подпало тлению, то всесвятый Бог Слово воплотился и, как Бог, через собственное Свое крещение, даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святого и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святой вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте — характеристических свойствах души — в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда Божественная благодать через святое

крещение сочетавает себя в безмерной некой любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, так как нет никакого общения света с тьмою? (см. 2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею пакибытия* (Тит. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не дивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв оружия правды.

79

Благодать действует через чувство ума, а сатана через плотские чувства и влечения

Сатана, как сказал я, святым крещением извергается из души, но ему попускается по указанным выше причинам действовать на нее через тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, то есть в ум. Ибо, как говорится, *вся слава Дщере Царевы внутрь*, невидимая для бесов (Пс. 44, 14). Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя через подручную им плоть на тех, кои младенчествуют еще душою. Таким образом, ум наш, по Божественному апостолу, всегда соуслаждается закону Духа; чувства же плотские охотно увлекаются сластолюбивыми склонностями (см. Рим. 7, 18). Оттого в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать через чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то убийцы-бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу через чувства телесные, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет.

80
Против тех, кои говорят, что благодать и грех вместе обитают в сердце крещеных

Говорящие, что два лица, то есть Дух благодати и дух греха, вместе сопребывают в сердцах верующих, в подтверждение сего мнения своего из слов евангелиста: *И свет во тме светится, и тма его не объят* (Ин. 1, 5) выводят, что светлость Божественная нисколько не оскверняется от сопребывания с лукавым, хотя бы свет Божественный и приближался ко тьме бесовской. Но то же евангельское слово обличает таковых, что они мудрствуют не согласно со Святыми Писаниями. Ибо так как Бог Слово, сей Свет истинный, благоволив явиться твари во плоти Своей, по безмерному человеколюбию Своему возжег в нас свет святого ведения Своего, мудрование же мира не объяло (то есть не познало) сего света Божия, поелику *мудрование плотское, вражда на Бога* (Рим. 8, 7): то по сей причине богослов и употребил такое слово; и затем, сказав еще несколько слов, наводит сей дивный муж: *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир,* вместо: руководит и животворит. *В мире бе, и мир тем бысть, и мир Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Ин. 1, 9-12). И премудрый Павел в объяснение сего же речения: *не прияша* (не познали), говорит: *не зане уже достигох, или уже совершихся: гоню же аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. 3, 12). Итак, не о сатане говорит евангелист, что он не познал Света истинного, потому что он от начала был чужд Его, но достойно порицает сим словом людей, которые, слыша о силах и чудесах Божиих, не хотят, однако ж, приступить к свету ведения Его, по причине омрачения сердца их.

81
Два рода злых духов: тончайшие, на душу воюющие, и грубейшие, на тело паче действующие

Слово ведения научает нас, что есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественны. Тончайшие

воюют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют посредством срамных некиих сластных движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие, и духи, нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям, равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые наподобие змей гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некие темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминания развлекая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатью. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к душевным разжигаемся страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол, тогда, приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолюбивого самовозношения. То же должно делать и когда бесы, на тело воюющие, подготовляют сердце наше к воскипению срамными похотями: ибо это одно воспоминание сильно расстроит всякие покушения злых духов, в связи с памятью Божиею. В случае же, если, по поводу такого воспоминания, душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего, по причине разложения плоти (ибо так любят они действовать, когда кто начнет их самих мучить такими помышлениями), приведем на память честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного суда Божия, чтобы тем малодушное нечаяние предотвратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянию.

82

В сердце тех, кои во благодати суть, не может быть диавол; воюет же он против них посредством тела

Господь научает нас во Святом Евангелии Своем, что когда сатана, возвратясь, найдет дом свой выметенным и пустым,

найдет то есть сердце бесплодным, тогда берет других семь духов, злейших его, входит в него и гнездится там, делая последнее состояние человека того хуже первого (см. Лк. 11, 25-26). Отсюда надлежит уразуметь, что пока Дух Святой обитает в нас, дотоле сатана не может войти в глубину души и обитать там. Но и Божественный Павел учит такому же пониманию сего воззрения на это дело, когда из подвижнического (опытного) сведения увидев существо дела сего (каково т. е. оно и как есть воистину), так говорит он: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих, противо воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих* (Рим. 7, 22-23). О преуспевших же в жизни по духу говорит далее: *не едино убо ныне осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу. Закон бо духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (Рим. 8, 1-2). И в другом месте опять, чтоб показать, что из тела воюет сатана на душу, соделавшуюся причастницею Святого Духа, говорит он: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 14-17). Но иное дело есть пленение, и иное — борьба; так как то означает насильственное некое взятие в свою власть, а эта указывает на равносильное противоборство. Почему апостол и говорит, что диавол огненными стрелами нападает на души, Христа Господа в себе носящие. Ибо и обыкновенно так бывает, что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтоб издали ведущего с ним брань врага уязвить полетом стрел: так и сатана, поелику не может, как прежде, гнездиться в уме подвизающегося, по причине присутствия в нем благодати, то как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокротность, чтоб ее влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтоб ум, похотною мокротою влекомый, не поскользался на приманки сладострастия и не падал. Из самого речения апостольского

легко убедиться, что ум подвизающихся состоит под действием Божественного света, почему рабствует закону Божию и соуслаждается ему; а плоть, по своей падкости на зло, злым подчиняется духам, почему влечется раболепствовать их злым внушениям. Из сего само собою видно, что ум не есть некое общее обиталище для Бога и диавола: иначе как бы я умом моим работал закону Божию, а плотью закону греховному, если бы ум мой со всею свободою не противоборствовал демонам, охотно покорствуя благому действию на него благодати, тогда как тело в то же время увлекается приятною вонею бессловесных сластей, по причине, как я сказал, попущения гнездиться в нем у подвизающихся злым духам? Апостол и говорит: *вем бо, яко не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе* (Рим. 7, 18). Таким образом, у тех, кои посредством подвигов противостоят греху (ибо апостол говорит это не о себе), демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию; ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, кои крепко подвизаются против греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда состоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь, наконец, делается домом Святого Духа; ибо таковой прежде смерти уже воскрес, каковым был и сам блаженный Павел и каковыми были и бывают все, совершенным подвигом подвизавшиеся и подвизающиеся против греха.

83

Как и помыслы, сатаною всеваемые, почитаются исходящими из сердца

Износит сердце и само из себя помышления добрые и недобрые: впрочем, помышления недобрые произращает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в нем в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом наиболее злых,

зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать, и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящая же из уст, из сердца исходят, и та сквернят человека: от сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 18, 20). Не знают же они, что ум наш, по действу тончайшего некоего чувства, и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как по действу плоти тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем, как, увлекает душу по причине срастворения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе, когда вожделеваем соуслаждаться ими: что, укоряя, Господь, как само Божественное являет Слово, и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаною в него всеваемыми, и память о них как бы написует в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли?

84
Пример из Писания в объяснении, что благодать и диавол не могут вместе пребывать в сердце

Господь говорит в Евангелии, что сильный не может быть извергнут из дома своего, если сильнейший его не свяжет его, не расхитит всего, что у него, и не выбросит его вон (см. Мф. 12, 29). Как же может после такого посрамления этот изверженный опять войти внутрь и пребывать там вместе с истинным домовладыкою, в своем доме упокоевающимся как ему благоугодно? И какой царь, победив восставшего против него тирана, захочет, чтоб он вместе с ним вращался в его царских покоях? Не паче ли тотчас заколет его или, связав, предаст своим воинам на должайшее мучение и жалчайшую смерть?

85
Доказательство того же из опытов духовной жизни, или того, как благодать и грех действуют в преуспевающем

Если кто на том основании, что мы совместно помышляем и о худом и о добром, заключает, что Дух Святой и диавол вместе обитают в уме, да ведает таковой, что сие случается с нами от того, что мы не вкусили еще и не увидели, *яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Ибо на первых порах, как я и выше уж говорил, благодать сокрывает свое присутствие у крещаемых, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным некиим чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ее чувства, чтоб она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога. Если вследствие сего начнет наконец человек с твердою решимостью подвигаться вперед в соблюдении заповедей и непрестанно призывать Господа Иисуса, тогда огонь святой благодати простирается и на внешние чувства сердца, ощутительно поядая тернии человеческой земли, отчего и бесовские советы и внушения далеко останавливаются от того места (где сердце с благодатью), лишь слегка затрагивая страстную часть души. Когда же человек подвигами во все облечется добродетели, и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все естество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовские угасают еще вне телесного чувства, так как веяние Духа Святого сердце пополняет глубоким миром, огненные же стрелы бесовские погашает еще когда они несутся по воздуху. Впрочем, и в сию меру достигшего попускает иногда Бог подвергаться злому действию бесов, оставляя тогда ум его неосвященным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающего Бога в ревнующей о преуспеянии любви, хотя

бы кто, трудясь над сим преуспеянием, взошел на самый верх показанной Иакову лествицы.

86
Попущение Божие обучительное и Божие отвращение наказательное

Сам Господь говорит, что сатана спал с неба (см. Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, неудостоиваемый общения с добрыми рабами Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению, то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу Божественного света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтоб горечью бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие врага. Так мать дитя свое, бесчинствующее по нехотению подчиняться уставам млекопитания, на краткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и в слезах в матернии опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам, как бы связанною. Но мы — не подметные чада, но как веруем, есмы истинные детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем прийти *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

87
О действиях на душу попущения Божия обучительного и оставления Божия наказательного и о том, как надо действовать при том и другом

Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбью, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия,

чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое попущение и оставление, во время их приступать к Богу сообразно со свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого, а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать, впрочем, должно, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души.

88

Примером объясняется, отчего помышляют доброе и худое при благодати. И кто сподобляется помышлять об одном духовном

Как, когда кто в зимнюю пору, стоя на открытом где-нибудь месте, обратится лицом к востоку в начале дня, передние его части все обогреваются солнцем, а задние части его все остаются непричастными солнечной теплоты, потому что солнце тогда бывает не над головою его: так бывает и с теми, кои находятся еще в начале духовной деятельности, именно: сердце их отчасти согревается иногда святою благодатью, почему ум их начинает тогда плодоприносить духовные мудрования, но внешние части сердца их все еще остаются мудрствующими по плоти, потому что не все еще части сердца в глубоком чувстве озаряются святым светом благодати (чего некие, не понимая,

придумали, будто в уме подвизающихся находятся два лица, взаимно друг другу противоборствующие). Вот от чего и случается, что душа в одно и то же время помышляет и доброе и худое, подобно тому, как в предложенном выше примере человек в одно и то же мгновение ощущает прикосновение и холода и теплоты. Ибо ум наш с тех пор, как соскользнулся в двойственность ведения, нуждение некое имеет, хотя бы и не хотел в одно и то же мгновение помышлять худое и доброе, особенно у тех, кои достигают тонкости рассуждения. Почему как ни старается он всегда помышлять доброе, тотчас припоминается ему и худое, потому что память человеческая от преступления Адамова разделилась на двоякое помышление. Но если мы с горячею ревностью начнем исполнять заповеди Божии, тогда благодать, освещая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалять все наши греховные воспоминания, сердце же наше услаждая некиим миром любви непрестающей, будет приучать нас к тому, чтоб помышлять духовное, а не плотское. Сие очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрестанно имеют в сердце своем память о Господе.

89

Через крещение благодать восстановляет образ Божий, подобие же Божие она потом живописует вместе с трудами человека в стяжании добродетелей, верх коих – любовь – высшая черта богоподобия

Два блага подает нам святая благодать через возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает оно тотчас; именно — в самой воде обновляет и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвести в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. Итак, когда ум начинает с великим чувством вкушать блага Всесвятого Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала

одною какою краскою начертывают образ человека, а потом, мало-помалу краску за краскою накладывая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до власов; так и святая благодать Божия сначала через крещение восстановляет в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан, а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее детелище (мастерской), тогда добродетель за добродетелью расцвечивая в душе, и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия: причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармóнии, чувством восприемлет все добродетели, но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не приимет от Божественного света совершенного богоподобия, то хотя он все другие добродетели возыметь может, но совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о вместимом для человека подобии Богу), носит он и подобие Божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложена к нарисованному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют: так и когда Божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви, будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия. И бесстрастия (очищения и свободы от страстей) никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви: ибо *исполнение убо закона любы есть* (Рим. 13, 10): так что, хотя внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви.

90

Сначала дается вполне вкусить утешения благодатные, а потом они скрываются; первое, чтоб поддерживать ревность к подвигам, а второе, чтобы подвизающийся смирялся. Полное проявление благодати в любви и как это бывает

Дух Святой в самом начале преуспеяния, если человек горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что бес нелюбия иногда с такою силою налегает на души подвизающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действо неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что, тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви) не может возыметь ее в чувстве, по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого Божественною любовью какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: *несть бо Царство Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом, часто

здесь вкушать действо любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно *пожерто... мертвенное животом* (2 Кор. 5, 4).

91
О действии благодатной любви к Богу

Поведал мне некто из ненасытимо любящих Бога: когда я возжелал ощутительно изведать любовь Божию, даровал мне это в полном чувстве и удовлетворительности благий Господь; и я в такой силе чувствовал действие сие, что душа моя тогда желала с неизреченною некою радостью и стремительностью изыти из тела и отойти ко Господу и совсем забыть чин сей привременной жизни. И всякий, испытавший действо такой любви, хотя бы тысячи обид и лишений потерпел от кого, не гневается на него, но остается душевно прилепленным к оскорбляющему и обижающему его; возгорается же он ревностью только против тех, кои на бедных нападают или на Бога глаголют неправду (см. Пс. 74, 6), как говорит Писание, или иначе как живут недобре. Ибо любящий Бога много паче себя, или совсем не любящий себя, а одного только Бога, уже не заступается за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившего его честью вечною. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава, по причине полного вкушения любви к Богу. К тому же ведать надлежит, что Богом возбуждаемый к такой любви бывает выше самой веры во время такого действа в нем любви, как уже в чувстве сердца полною любовью держащий Чтимого верою. Это ясно указывает нам святой Павел, когда говорит: *ныне же пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы* (1 Кор. 13, 13). Ибо кто держит, как я сказал, Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви.

92
Сколь необходимо для успеха в богословствовании восстановлять нарушающийся с другими мир

Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому-либо, соделываем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневается на нас, хотя бы то и неправедно. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему, сущи всецело любовью, не попускает мысли нашей расшириться в порождении Божественных созерцаний, если наперед не восприимем опять в любовь и неправедно гневающегося на нас. В случае, если тот не хочет этого или удалился от наших мест, надлежит нам, прияв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым излиянием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лицо, неправо гневавшееся, представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую.

93
Путь добродетели сначала бывает труден и горек, а потом удобным и приятным делается

Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и пристрашным, не потому, чтоб он был сам по себе таков, но потому, что человеческое естество с самого исхода из чрева матерня привыкает жить пространно в удовольствиях, а для тех, которые успели пройти уже до средины

его, он является весь благим и отрадным: ибо когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях; вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что тесен и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало тех, кои идут им (см. Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего насилуемою некоею волею исполнять святые заповеди Божии, чтоб благий Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю, с удовольствием прочее покорствовать преславным Его волениям: *уготовляется хотение* от *Господа* (Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что *Бог бо есть действуяй в* нас, *и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13).

94
Внешние и внутренние искушения делают подвизающихся способными отпечатлеть в себе Божеские красоты

Как неразогретый и неумягченный воск не может добре отпечатлеть налагаемую на него печать, так и человек, если не будет искушен трудами и немощами, не может вместить печати добродетели Божией. Посему Господь говорит Божественному Павлу: *довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Сам же апостол так хвалится, говоря: *сладце убо похвалюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова* (там же). Также и в Притчах написано: егоже бо любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, егоже приемлет (см. Притч. 3, 12). Апостол немощами называет восстание врагов Креста, которые часто тогда случались и с ним и со всеми святыми, чтоб не превозносились, как говорит он, преизбытком откровений (см. 2 Кор. 12, 7); но паче пребывали через смирение в образе совершенства, преподобно сохраняя Божественный дар через частые

уничижения. Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесные стропотности. Ибо тогда телеса святых, подвизавшихся против греха, будучи предаваемы смертоносным уязвлениям и разным другим прискорбностям, были много выше страстей, через грех прившедших в естество человеческое; ныне же, когда о Господе множится мир церквей, необходимо тело подвижников благочестия искушать частыми стропотностями, а душу лукавыми помыслами, особенно тех из них, у коих ведение сильнодейственно со всяким чувством и удостоверением, чтоб они и тщеславию с высокоумием не подпали, и могли, ради великого смирения, вместить, как я сказал, в сердцах своих печать Божественной красоты, по слову святого пророка: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Подобает убо с благодарением претерпевать таковой о нас совет Господень; и тогда, как болезни, так и борьба с демонскими помыслами вменится нам во второе мученичество. Ибо говоривший в те времена устами беззаконных начальников святым мученикам: отрекитесь Христа и возлюбите славу века сего, то же и ныне сам говорит рабам Божиим; мучивший тогда тела праведных и крайне поносивший честных учителей через служивших диавольским оным мудрованиям, он же и ныне наводит разные страдания на исповедников благочестия с великими поношениями и унижениями, особенно когда они, славы ради Господа с великою силою помогают угнетаемым бедным. Сего ради надлежит нам со всем опасством и терпением созидать в себе такое свидетельство совести пред лицом Бога: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2).

95

О двояком смирении: смирении средних и смирении совершенных

Нелегко приобретаемое дело есть смирение: ибо чем выше оно, тем больших трудов требует стяжание его. Приходит же оно к причастникам святого ведения двумя способами: когда подвижник благочестия находится в средине духовного преуспеяния, тогда смиреннейшее о себе мудрование держится у него или ради немощи телесной, или ради неприятностей со стороны враждующих на ревнителей о праведной жизни, или ради

лукавых помыслов; когда же ум в полном чувстве и удостоверительно озарится святой благодатью, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. Ибо, будучи напаяема и насыщаема Божественной благодатью по благости Божией, не может она уже надыматься и напыщаться славолюбием, хотя бы непрестанно исполняла заповеди Божии, но почитает себя ничтожнейшею паче всех, в чувстве общения Божественной благостыни (т. е. что она такова по милости Божией). То смиренномудрие сопровождается большею частью печалью и упадком духа, а это радостью со стыдением всемудрым; то, как я сказал, приходит к тем, кои находятся посредине подвигов, а это ниспосылается приближающимся уже к совершенству. Почему то нередко от житейских благопоспешений некого подавляется, а это, хотя бы кто предложил ему все царства мира, не колеблется и самых страшных стрел греха не только не боится, но даже и совсем не чувствует, потому что будучи вседуховно, не имеет уже оно чувства для внешней славы. Доходит, однако ж, до сего последнего подвижник не иначе, как прошедши через то первое всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, через обучительное попущение приражения страстей в период первого.

96
О хранении себя от пустых, худых помыслов и речей

Любители удовольствий настоящего века от помыслов переходят к падениям. Носимы будучи безрассудным парением, они все почти свои страстные замыслы с вожделением выражают или в словах неподобных, или в делах беззаконных. А решающиеся исправно вести подвижническую жизнь от падений переходят к злым помыслам или к злым и вредоносным речам (от худых дел отстали, но еще остаются в области помыслов и речей недобрых). И бесы, если увидят таковых или вдающимися в пересуды и поношения, или ведущими пустые и неуместные беседы, или смеющимися как не должно, или гневающимися безмерно, или вожделевающими тщетной и пустой славы, тотчас

толпою нападают на них. Взяв в повод ко своему злодейству тщеславие, и через него, как через дверь какую темную, вскочив, они расхищают души их. Подобает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения; ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее; ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и предает в руки беса уныния, который, мало-помалу расслабив его, передает его потом бесу безмерной печали, а, наконец, и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо *храняй заповеди*, — говорит Писание, — *не увесть глагола лукавна* (Еккл. 8, 5), то есть не уклонится к непотребным помыслам или словам.

97
Непрестанная память о Господе и молитва непрестающая с блюдением ума – единое средство к очищению сердца

Когда сердце с жгучею некою болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возможет потом богато порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить сердце свое да разогревает его непрестанно памятью о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, тогда очищаемая руда опять ожестевает, так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно

всегдашнею памятью о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светлозарности.

98
В чем состоит бесстрастие или чистота сердца?

Бесстрастие есть не то, чтоб не быть боримому от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по апостолу, *от мира сего изыти* (1 Кор. 5, 10), но то, чтоб когда они борют нас, пребывать неборимыми; подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, неуязвляемые однако ж бывают ими, по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильно ревностью о добре в конце потребить в себе злое.

99
О двух бесах, дольше всех борющих, — бесе чрезмерной ревности и похоти плотской. И как бороться против них

Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче его; а другой — тело, возбуждая его огненным некиим движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом, во-первых потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; и, потом, по попущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восхо-

дящим в приумножении добродетелей, тогда попускает ему иной раз быть возмущаему сим скверным бесом, чтоб он почитал себя худейшим всех живых людей. Такое нападение страсти сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были велики совершенные его дела. Но против первого (беса, чрезмерную ревность возбуждающего) будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго (беса похоти плотской) — воздержанием, безгневием и углубленною памятью о смерти, чтоб через это, чувствуя в себе непрестанно действо Святого Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей.

100
Должно исповедовать Богу и все невольные и неведомые грехи, иначе в час смерти тяжело будет

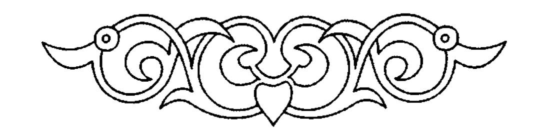
Те из нас, которые соделались причастниками святого ведения, всеконечно должны будем отдать отчет и в невольных парениях ума, как говорит Иов: *назнаменал же еси, аще что неволею преступих* (Иов. 14, 17) — и праведно. Ибо если кто будет всегда занят памятованием о Боге и не будет небречь о святых Его заповедях, то ни в невольный, ни в вольный грех не впадет. Надлежит убо нам тотчас и о невольных падениях сокрушенное исповедание приносить Владыке, прилагая его к совершению обычного нашего молитвенного правила. Так как человеку нельзя не падать в человеческие погрешения (то и следует всегда исповедание о них приносить Владыке), пока совесть в слезах любви не удостоверится в прощении их: ибо, как говорит святой Иоанн: *аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наши, и очистит нас от всякия неправды* (1 Ин. 1, 9). Почему надобно непрестанно внимать чувству сокрушенного исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как-нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедовалась Богу. Ибо суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого

с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: *но ни сам себе востязую: ничесоже бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть* (1 Кор. 4, 3-4). Если же мы не будем достодолжно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедываться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадоваемая же любовью Божиею душа в час разрешения от тела с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ, потому что такая душа окрылена бывает духовною любовью, имея в сей любви полное без всякого недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с таким дерзновением и во Второе Пришествие Господне восхищены будут со всеми святыми. Те же, которые во время смерти хотя мало поражаемы бывают страхом, будут оставлены тогда в толпе всех других людей, как состоящие под судом, чтоб, испытаны быв огнем суда, должный им по делам их удел получили они от благого Бога нашего и Царя Иисуса Христа. Ибо Он есть Бог правды, и Его есть на нас, любящих Его, богатство благ Царствия Его в век и во все веки веков. Аминь.

Святого Максима истолкование по вопросу некиих следующих слов настоящей сотой главы: «чтоб испытаны быв огнем суда...» и проч.

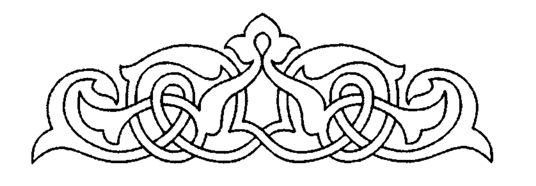
«Стяжавшие совершенную любовь к Богу и крылья души через добродетели соделавшие легко парительными, восхищаемы бывают, по апостолу, на облаках, и на суд не приходят; не достигшие же такого совершенства, и при делах добрых не чуждые и грехов, эти приходят в судилище суда, и там через исследование их добрых и худых дел как бы огнем испытуются; если чаша добрых дел перетянет, они избавляются от наказания».

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАРПАФСКИЙ



КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИОАННЕ КАРПАФСКОМ

О святом отце нашем Иоанне Карпафском – кто он был, в какое время процветал, где совершал течение подвижничества, и все прочее, касающееся его, ничего не известно. Вот только что свидетельствует о нем блаженный Фотий в 201-м чтении: «прочитал книгу, в коей, после десяти определений главных добродетелей и ста глав Диадоха, епископа Фотики, что в Епире, и нескольких писаний Нила Преподобного содержится и писание Иоанна Карпафского, которому он дает такое оглавление: утешительное слово к монахам, обратившимся к нему за утешением из Индии. И это слово состоит также из ста глав». Судя по сему сопоставлению святого Иоанна с Диадохом и Нилом, можно заключить, что он почитался современником их и жил в V веке. Карпаф – большой остров между Родосом и Критом. Святой Иоанн был или родом оттуда, или там подвизался. Сим словом святой отец отечески намащает читающих мужеством к перенесению скорбей и претерпению находящих искушений.



ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА КАРПАФСКОГО

к монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав

Земным царям весенние цветы преподнося, некие из просителей не только не бывали отвергаемы, но иной раз сподоблялись и особенных даров. Так и я, по вашему желанию, заимствованную негде сотницу благих словес принося вам, жительство на Небесах имущим, да буду благосклонно принят и дара молитв от вас да сподоблюсь.

1. Поскольку присносущен есть Царь всяческих, не имея ни начала, ни конца Царствию Своему, постольку сердечнейшему подобает быть тщанию у тех, кои положили поработать ради Его и ради добродетелей, благоугодных Ему. Ибо почести настоящей жизни, как ни будь они блестящи, пресекаются вместе с настоящею жизнью, те же, какие Бог разделяет достойным, пребывают вовеки, так как даются вместе с бессмертием.

2. Блаженный Давид, песнь творя Богу от лица всей твари, помянув Ангелов и все небесные силы, снизошел даже и до земли и не пропустил ни зверей, ни скотов, ни пернатых, ни пресмыкающихся, почитая такую песнь от лица их поклонением Сотворшему их, и как бы желая, чтоб всякая тварь имела в сем подобающий ей вклад. Как же монаху, сравниваемому со златом сапфирским, можно позволять себе ослабеть когда-либо в псалмопении или полениться на него!

3. Как огонь обнимал купину, но не опалял, так и жар тела не беспокоит и не сквернит ни плоти, ни ума в тех, кои получили дар бесстрастия, хотя бы они носили тело очень тяжелое и горячее: ибо *глас Господа, пресецающаго пламень* (Пс. 28, 7)

естества и хотение Божие, и слово Его разделяют соединенное по естеству.

4. Луна, то увеличиваясь, то умаляясь, изображает состояние человека, то добре действующего, то грешащего, и опять через покаяние вступающего на путь добродетели. Ум у согрешившего не погиб, как некие из нас думают, так же, как и у луны не тело умалилось, а свет. Так через покаяние человек опять возвращает себе свойственную ему светлость, как и луна после умаления опять облекается обычным светом. *Веруяй* во Христа *аще и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). *И увесте, яко Аз Господь: глаголах и сотворю* (Иез. 37, 14).

5. Когда восстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты, поддавшись им, побежден будешь, ведай, что ты на время отделился от Божественной благодати, почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтоб благодать никогда, даже на мгновение времени, не оставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, возможешь ты прейти стену страстных помыслов и друг за другом толпящихся скверных прилогов вражеской злокозненности, не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе данного; но исповедуй, с апостолом говоря: *не аз, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу, поставила меня выше восставших на меня нечистых помышлений, и *от мужа неправедна*, то есть от диавола и от ветхого человека, *избавиши мя* (Пс. 17, 49). Почему крылами Духа поднятый горé, и отрешившись как бы от тела, силен я был парить выше охотящихся за мною бесов, обычно уловляющих ум человеческий сетью сластолюбия, избавление от которого вымоливший себе взывает: изведший меня из земли Египетской, то есть из душегубительного мира, *яко рукою тайною ратуя* за меня, поразил Амалика и обнадежил меня, что и прочие непотребных страстей народы истребит Господь от лица нашего (см. Исх. 17, 14-16). Сей Бог наш даст премудрость и силу: ибо некие премудрость получили, но не и силу Духа на побеждение врагов. Сей вознесет главу твою над врагами твоими и даст тебе *крыле, яко голубине,* и полетишь, и почиешь

у Бога (см. Пс. 54, 7). Положит Господь *лук медян мышца моя,* показывая тебя твердым, скорым и сильным противостоять сопротивоборцу, и под ноги твои повергая всех восставших на тебя (Пс. 17, 35-40). Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей, что не затворил Он тебя в руках похотей плоти твоей и крови и действующих через них нечистых и тлетворных духов, но, как стеною, оградил тебя десницею Своею. Созижди Ему алтарь, как Моисей по обращении в бегство Амалика (см. Исх. 17, 15), и воспой Ему: *сего ради исповемся Тебе* и восхвалю Тя, Господи. *И имени Твоему пою, величаяй* силы твои (Пс. 17, 50-51), что избавил Ты от тли живот мой и похитил меня из сетей и уловлений удобообстоятельной, многообразной и многоискусной злобы.

6. Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы, а размышления о Божественном слове, особенно с излиянием слез бывающие, умерщвляют их и истребляют, хотя бы они были закоренелы, и мало-помалу как бы не сущими делают пагубные греховные действия, душевные и телесные: только не поленимся молитвою и упованием, неослабными и неотступными, приседеть Господу.

7. Для чего Христос из уст младенчествующих злобою верных совершает хвалу? Конечно для того, чтоб псалмопением сокрушить врага и мстителя, тиранствующего без меры, врага добродетелей, мстителя злобного, диавола. Ибо, говорится, *множеством славы Твоея стерл еси сопротивных* (Исх. 15, 7) и супостатов, ратующих против нас.

8. Всякий от плодов своего пути вкушает одну половину ныне, а другую в будущем веке.

9. Монах должен держаться всегда добрейшего пощения, не прельщаться страстями и великое возделывать безмолвие.

10. Ненавистники душ наших, бесы, внушают неким воздать нам какую-либо ничтожную похвалу, а потом и нас подущают порадоваться о том. Если после сего, расслабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то врагам нашим немного уже будет и труда совсем забрать нас в плен.

11. Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего, который, по Писанию, ничем не разнится от клянущего (см. Притч. 27, 14).

12. Когда, ревностно проходя подвиг пощения, по немощи послабишь себя в нем, тогда, сокрушив сердце, обратись с благодарением к Промыслителю и Судии всех. Если так будешь всегда смиренным являть себя пред Господом, то никогда ни пред одним человеком не вознесешься.

13. Враг, зная, что молитва есть самое победоносное для нас оружие и для него сокрушительное, и стараясь всячески отторгнуть нас от нее, влагает в нас иногда желание заняться еллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений, чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовного, и не собрать вместо смокв и гроздей виноградных терний и волчцев. *Премудрость бо мира сего, буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19).

14. *Радость велию*, — говорит Ангел, — *благовествую вам, яже будет всем людям* (Лк. 2, 10), а не части некоей. И еще: *вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе* (Пс. 65, 4), а не часть земли. Петь же свойственно не слезно молящимся получить что, а радующимся о получении желаемого. Если это так, то не будем отчаиваться, но, радуясь, будем проводить настоящую жизнь, из сказанного заимствуя побуждение к такой радости и благодушию. Однако ж, страхом Божиим растворим сие радование, как говорится в другом месте: *радуйтеся* Господу *с трепетом* (Пс. 2, 11). Так жены, бывшие с Мариею, со страхом и радостью великою бежали от Гроба (см. Мф. 28, 8). Может быть и мы когда-нибудь со страхом и радостью от мысленного устремимся гроба. И дивно будет, если без страха, потому что никто не безгрешен, хоть будь Моисей, хоть Петр апостол. Однако ж в таковых Божественная любовь, победив, вон изгоняет страх в час исхода.

15. О том, что страстный, уверовав от всего сердца и со всем смирением, получает дар бесстрастия, имеешь свидетельство в Писании. *Днесь*, — говорит Господь благоразумному разбойнику, — *со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43); жене кровоточивой:

вера твоя спасе тя: иди в мире блаженнейшего бесстрастия (Мк. 5, 34). Есть и других подобных мест немало, как: *по вере вашей буди вам* (Мф. 9, 29).

16. Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бесов бываем стужаемы срамными помышлениями, тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такою к нам завистью и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хоть этим удовлетворить злобе своей и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием.

17. Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действование (по истине узнанной). Итак, старайтесь паче делами показывать и веру и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его* (Тит. 1, 16).

18. Большею частью во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к Таинственной трапезе, бесы стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навыкшего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дугу сгибающиеся (подобно змиям), будто прямые.

19. За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями. Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец. К тому же *в немощи совершается... сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и в печальнейших состояниях обыкла процветать благодать Духа, как уверяет слово пророческое: *возсия,* — говорит, — *во тьме свет правым* (Пс. 111, 4); конечно, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца (см. Евр. 3, 6).

20. Ничто так не расстраивает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословия. И опять ничто так не об-

новляет обветшавшую душу и не уготовляет к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словесах Божиих, вооружение себя молитвою и взыскание доброплодного бдения.

21. И удобно и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого при том, кроме себя самих за то не укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего суждения.

22. Бывает, что человек сдвигается с правого стояния, хотя он и старателен, выступая из своего чина по причине умножившихся искушений, которыми, как говорит Писание, *и вся мудрость* его *поглощена бысть* и все искусство (Пс. 106, 27). Попускается сие, *да не надеющеся будем на ся* (2 Кор. 1, 9), и *да не когда похвалится Израиль... глаголя: рука моя спасе мя* (Суд. 7, 2). Но уповай, что опять восстановлен будешь в прежнее прекрасное состояние, когда повелением Божиим отпадет от тебя и отогнан будет лукавый, который заставляет все и видеть и слышать страстно и на грех подвигает; одебелив же ум как бы облаком густым, и плоти дает чувствовать неизреченную тяготу и бремя; и врожденный помысл, который сам по себе прост и не лукав, подобно новорожденным младенцам, делает многосоставным и очень искусным во всяком грехе, растлив его и извратив склонением то туда, то сюда.

23. Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И, однако ж, сей великий боится греха, как слон мыши, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27).

24. Не только пред скончанием мира диавол *словеса на Вышняго возглаголет,* как говорит Даниил (7, 25); но и ныне бывает, что он через наши помыслы воссылает тяжкие хулы на самое Небо, и Самого Вышняго бесславит, и создания Его и Святые Христовы Таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвещать врагу.

25. С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что изшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее Небесные Силы, и как стеною ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого диавола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с Неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердие Его к нам и спасения в Нем Честный Его Крест. Ты же беги дальше от нас, окаянный. Ничтоже тебе и рабам Христовым. От таких дерзновенных слов души хребет наконец даст диавол, раздирающий испуская крик, в бессилии устоять против имени Христова; душа же превыше его будучи и паря над врагом, заушает его, как так называемый быстрокрыл ворону. После сего она в радовании переносится Божественными Ангелами в определенное ей по ее состоянию место.

26. Что и малое некое искушение иногда по попущению полагает препону в преуспеянии ревнителю, да удостоверит тебя в сем ехениис, малейшая рыбица, одним прикосновением своим останавливающая тьмами вещей нагруженный корабль и не дающая ему поддвигаться вперед; припомни при том и того, кто говорит о себе: я Павел, — *хотехом приити к вам ...единою и дважды; и возбрани* мне *сатана* (1 Фес. 2, 18). Однако ж, не приходи от сего в смятение, но паче подвизайся против сего с терпением и получишь благодать.

27. Когда богатый добродетелями по разленению уклонится от достодолжного, тогда восстают на него сыны злых востоков от Амалика, наипаче же Мадиам (см. Суд., гл. 6), блудолюбивая сила, с верблюдами их, то есть страстными воспоминаниями, коим нет числа, и растлевают все плоды земли, то есть плоды добрейшего действования и обычая; вследствие чего обнищавает наконец Израиль, впадает в малодушие и понуждает воззвать

ко Господу. Тогда посылается ему свыше благий помысл, подражатель Гедеону в великой вере и смиренномудрии (ибо он говорил: *тысяча моя хуждша в Манасии* (Суд. 6, 15)); и он ополчается против такого множества нападающих с тремястами человек немощных, и при споборстве благодати преславно воздвигает трофеи победы над врагами.

28. Не возможешь ты *на аспида и василиска* наступить и попрать *льва и змия* (см. Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов, чтоб они, подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякого веществолюбивого мудрования.

29. Когда кто из крепко подвизающихся будет побежден, да не падает он духом и да не расслабляется нравом, но под действием слов Исаии выпрямясь, да благодушествует, такую воспевая песнь: *могущии покаряйтеся*, о лукавые бесы! *Аще бо паки возможете, паки побеждени будете: и иже аще совет совещаете, разорит Господь, яко с нами Бог* (Ис. 8, 9-10), Бог, восставляющий низверженных и заставляющий врагов наших раздираться скорбью и досадой, коль скоро покаемся.

30. Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями, но после сего великой сподобляются радости таковые и слез сладких, и помышлений Божественных, за то, что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих.

31. Если ни хотящий Исаак, ни текущий Исав к желанному благословению не получили чаемого (см. Рим. 9, 16), так, как Бог милует, благословляет и Духом помазует не того, кого мы восхотели, но того, кого Он Сам, прежде создания, предопределил в служение Себе; то отнюдь не будем смущаться или завидовать, когда увидим каких-либо братий, жалких и последнейших, преуспевающими в добродетели. Слышал ты, конечно, и то, что говорит Господь в притче: *даждь сему место* (Лк. 14, 9), чтоб возлег тут тот, кто выше тебя. Подивимся же паче при Сем Судии, премудро и неизреченно присудившему, чтоб тот, малейший и последнейший, первенствовал и предводительствовал, а мы были последними, хотя первенствуем над ним и подвигами и летами. Какую меру Господь дал каждому

человеку, с тою и да сообразуемся. *Аще живем духом, духом и да ходим*, как написано (Гал. 5, 25).

32. Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании скажет тебе: дай мне власть некоторое время для добродетели попытать то или другое дело, и совершать его так и так. Ибо говорящий так явно свою волю исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отметает.

33. Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется. Ибо *милость же Господня от века* сего *и до века* грядущего *на боящихся Его* (Пс. 102, 17).

34. Сокровищницы царские наполнятся златом, а умы истинных монахов исполнятся ведения.

35. Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, *мы же бесчестни*, — бесчестимы будучи пакостником плоти, — *мы немощни, вы же крепцы: вы же славни... о Христе* (1 Кор. 4, 10).

36. Источник и опора растления через плоть — страстный помысел. Но отрезвившийся после падения изгоняет его из души покаянием. Ибо, говорится, лучше бы было, если б вы поплакали, *да изъмется от среды вас* настроивший вас сделать *дело сие*, злой и непотребный помысл (1 Кор. 5, 2). Так плач противостоит духу растления.

37. Кто возвестит угнетенному бесславием и бессилием к добродетелям, что он узрит Иисуса не только в будущем, но еще здесь, с силою и славою многою грядущего к нему через бесстрастие? Так что, подобно Сарре, душа его, состарившаяся в бесплодии и по обетованию родившая наконец сына правды, скажет: *смех мне сотворил Господь* (Быт. 21, 6), то есть великую даровал радость, столь много лет в печали пребывшую по причине многострастия; или по другому переводу: *младость сотворил мне Бог,* и обновилась, как *орля, юность* моя (Пс. 102, 5). Ибо состарившись прежде во грехах и страстях бессчетных, ныне снова родилась я и стала юною и нежною, прежде бывши огрубелою от вещества, и легко уже ныне смотрю на мирские

вещи, восприяв свойственную мне по естеству простоту и безразличность, после того, как по многоблагоутробию Божию здравым соделался ум мой, и плоть моя стала, как у Неемана Сирианина, подобною плоти младенцев, чрез омытие мое в Иордане ведения; теперь я единонравна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева, и от полчища злых помыслов, многоискусных во зле и многовещественных (погруженных в чувственность).

38. Предположи, что Сам Господь говорит тебе: «В одно время Я отнял у тебя такой-то и такой-то дар, в которых ты удовлетворялся умом и упокоевался; и дал тебе вместо них другое равносильное им дарование такое и такое. Ты же, думая об отнятом и не обращая внимания на данное вместо того, стенаешь, болезнуешь и печалью уязвляешься; но радуешь Меня, *приемля скорбь от* Мене (2 Кор. 2, 2), ибо Я скорбь причиняю на пользу, спасти паче, а не погубить заботясь почитаемого сыном Мне».

39. Наложи на себя заповедь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы. И как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он, услышав: «вот от этого древа не ешь», на это одно запрещенное и устремился со всем похотением.

40. Иного Бог спасает разумностью, а иного простотою и незлобием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлобивого.

41. Которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям.

42. Если облещись в бесстрастие предызбран ты, не предавайся беспечности, но сколько сил есть — старайся достигнуть ее. *Ибо о сем воздыхаем в жилище наше небесное облещися желающе; да пожерто будет мертвенное животом* (2 Кор. 5, 2, 4), не только телесно вместе со скончанием мира, но и еще здесь духовно, как залог. Ибо *пожерта бысть смерть победою* (1 Кор. 15, 54). И пожерты будут волнами с Небес посланной нам силы все египтяне, которые, гонясь вслед нас, оскорбляют нас.

43. Если забыл ты сказавшего: боюся, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27), и: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12), еще: *блюдый себе* (слово к духовным), *да не и ты искушен будеши* (Гал. 6, 1), если забыл ты об уклонении с правого пути и беззакониях Соломона после толикой благодати, если предал ты забвению неожиданное отречение великого Петра, то понадейся на свой разум, повеличайся образом жизни своей, похвались длительностью твоего подвижничества великого, и дай место гордыне. Но, о брате, отнюдь не разленивайся (развалившись навзничь) и не предавайся беспечности, но паче бойся, пока есть дыхание в ноздрях твоих, хотя ты достиг числа лет Моисеевых, и молись, говоря: Господи, *не отвержи мене во время старости, внегда оскудевати крепости моей, не остави мене,* Боже, Спасителю мой! *О Тебе пение мое выну* (Пс. 70, 9, 6).

44. Говорит тебе Господь, как Матфею: *по Мне гряди* (Мф. 9, 9). Если теперь ты, усердно теча вслед своего многовожделенного Владыки по пути жизни, преткнешься о камень страсти ногою своею и внезапно падешь во грех, или, встречая тенистые места, почасту и нехотя будешь поскользаться и упадать, то сколько раз случится тебе пасть и боль мучительную причинить телу своему, столько же, вставши, опять с прежнею ревностью теки вслед Господа своего, пока не достигнешь Его. Тако *во святем* помышлении *явихся Тебе, видети* спасающую меня *силу Твою и славу Твою... и о имени Твоем воздежу руце мои,* и возмню себя *от тука и масти* исполненным быть и возрадуются *уста моя* поя песнь Тебе (Пс. 62, 3, 5, 6). Великое для меня достоинство в том, что я получил имя христианина, как говорит мне Господь устами Исаии: *велие ти есть, еже назватися тебе рабом Моим* (Ис. 49, 6).

45. Где говорится, что *Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11), а где, что *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13): каковыми речениями внушается, что не только оставление грехов, но и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал

Господь такие блага. Итак, проси неотступно и с несомненным расположением, хотя несовершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего недостоин, и получишь великое.

46. Да помыслит невер или маловер, как муравей окрыляется и еще, как червь некий делается пернатым, и много других дивных явлений совершается среди тварей; чтоб хоть таким образом отложив недуг неверия и нечаяния, окрылить наконец и прорастить, как древо, преславное ведение. Ибо Аз есмь, говорит Господь, — проращаяй древо сухое и кости сухия оживотворяющий (см. Иез. 17, 24; 37, 4 и 9).

47. Отнюдь да не восхощем ради потребностей телесных истаявать в заботах, но всею душою будем веровать Богу, как некий некогда говорил благий муж: вверьтесь Господу, и Он вверится вам, и, как пишет блаженный Петр, апостол: *уцеломудритеся убо и трезвитеся в молитвах* (1 Пет. 4, 7) — *всю печаль вашу возвергше* на Бога*, яко Той печется о вас* (1 Пет. 5, 7). Если еще сомневаешься и не веришь, что Он печется о тебе, чтоб препитать тебя, посмотри на паука и рассуди, сколько разнствует человек от паука, паука, говорю, которого слабее и бессильнее ничего нет. А он ни стяжаний не имеет, ни повсюдных хождений не совершает, не судится и не гневается, и кладовых не имеет, в совершенной кротости и целомудрии и крайнем безмолвии проводит жизнь свою, о том, что касается ближних, не любопытствует, одно свое делает и своим делом тихо и безмятежно занимается, чем и не говоря говорит любителям бездействия, что не хотящий трудиться не должен и есть, молчалив же он столько, что много превзошел самого Пифагора, которому больше всех философов еллины дивятся за его подвиг воздержания языка. Пифагор не со всеми говорил, но с приятелями своими говаривал по временам тайком, также к быкам и орлам обращал иногда речь, делая нечто смеха достойное и бессмысленное; вина совсем он не употреблял и пил одну воду. Такое Пифагорово воздержание языка паук превзошел совершенным своим безгласием; воздержание же его от винопития — тем, что чуждается и водопития. В таком безмолвном состоянии пребывает слабый и смиренный паук, не любя

выходить наружу и блуждать там и сям, ни безмерно предаваться труду и утомлению; и *в высоких живый и на смиренныя презираяй* (Пс.112, 5-6) (а ничего нет смиреннее паука), простирая даже до него свое промышление, посылает ему каждодневно питаньице некое, по близости скинийцы его, давая попадаться в сети его для потребы его малым насекомым.

48. Может быть, кто из порабощенных гортанобесию скажет: я много ем, и как много потом трачусь, то мне нельзя не вплетаться во многие житейские хлопоты и сделки. Но и этот пусть посмотрит на китов великих, пасомых в Атлантическом океане, как изобильно питаемы они бывают от Бога и никогда голода не испытывают, хотя каждый из этих зверей столько поедает рыбы, сколько даже самый многолюдный город в день потребить не может. *Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время,* — поет святой пророк (Пс. 103, 27). Почему много ли кто съедает или мало — того и другого питает Бог. Слыша сие, и ты, широкое и пространное чрево имеющий, всего себя возложи на Бога и веру, отрясши всякую мирскую заботу и ум многопопечительный, и не будь неверен, но верен.

49. Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовью, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искусства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мирскую. Ибо Бог отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен. Добре некоторые истолкователи назвали суетное самомнение упитанием себя собою и дмением.

50. Как можем мы преодолеть укоренившийся прежде грех? Нужно самопринуждение (или насилие делать желаниям воли своей). Ибо говорится: *муж в трудех труждается* и изнуждает (насильно прогоняет) погибель свою (см. Притч. 16, 26), всегда любопряся возводит помыслы свои горé к святыне. Насилие насилием разрушать не воспрещено законами (т. е. насилие греха насилием добрых стремлений). Когда вносим самопринуждение к какому-либо доброму тщанию (т. е. сами себя насильно заставляем в дело произвести доброе стремление), тогда

ожидаем прочее имеющую прийти к нам с высоты силу, сидя в Иерусалиме (см. Лк. 24, 49), то есть в непрестанной пребывая молитве и в прочих добродетелях, пока приидет к нам сия сила державная, действующая не как наши немощные усилия, но такая, которой нельзя выразить телесными устами, мощно побеждающая и одолевающая и греховный нрав, и злобу бесов, побеждающая и наклонность наших душ к худому, побеждающая и все непотребные движения телесные. *И бысть*, — говорит, — *внезапу с небесе шум, яко носиму дыханию бурну* (Деян. 2, 2), чтоб нудительно изгнать из нас зло, всегда нудительно нас влекущее к худому.

51. *Приседит* враг в ловитве, *яко лев во ограде своей* (Пс. 9, 29-30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смиренномудрие, послужение ближним и милость, благодарение и Божественных словес слушание — вот засада врагу: и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удавление.

52. Исполненный лет многих, Божественный Давид, благодаря Бога, избравшего его, говорит к концу своего исповедания благословений Божиих: ныне обрел раб Твой сердце свое помолитися Тебе молитвою сею. Это сказано, чтоб дать нам уразуметь, что требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтоб достигнуть начатков безмятежного устроения сердца, сего другого некоего неба сердечного, где обитает Христос, как говорит апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть* (2 Кор. 13, 5).

53. Если Христос *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30), то явно, что и упокоение. Ибо говорит: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Добре потому говорить можно, что Он соделался для человека субботою, то есть упокоением. Ибо род человеческий только в едином Христе покой обрести может.

54. Как есть чаша падения и чаша гнева, так есть и чаша немощи, которую, прияв от нас, Господь в подобающее время

дает в руки врагов наших, чтобы прочее не мы, а бесы немоществовали и падали.

55. Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеловы, воины, строители; так разумей о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей, чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия.

56. Не только словом преклоняется Господь на дарование спасения, как было с разбойником, вопиявшем к Нему со креста, но и помыслом. Так кровоточивая сказала в с ебе (т. е. помыслила с верою): *аще токмо прикоснуся ризе Его, спасена буду* (Мф. 9, 21); и раб Авраамов глаголющу во уме своем к Богу о Ревекке (см. Быт. 24, 15).

57. Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания.

58. Блюди себя от чар Иезавелиных (см. 4 Цар. 9, 22), из коих лютейшие суть помыслы кичения и суетной славы. Избавиться же от них можешь ты благодатью Божиею, если будешь уничижать и охуждать душу свою, и повергать себя пред Господом, призывая Его помочь тебе и исповедуя, что искомое тобою избавление есть небесное дарование. Почему и говорится: *не может человек примати ничесоже, аще не будет дано ему с небесе* (Ин. 3, 27).

59. Бывает иногда, что во время учреждения братии, прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не вовремя; ангельские же помыслы внушают тебе прогнать этот болтливый безвременный помысел. Итак, если ты не прогонишь его добрым молчанием, а позволишь ему пройти наружу, напыщен быв кичением, то должен будешь понести худые от того последствия, — праведно предан будучи или большему еще греху, или внешним каким прискорбностям, или тяжелым неприят-

ностям со стороны братий, или мучению в будущем веке: ибо и о праздном и тщеславном слове, произнесенном по необученности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно должно блюсти язык свой.

60. Которые искушаются чувственными утехами, гневом, славолюбием и другими страстями, о тех говорится, что они днем жегомы бывают солнцем, а ночью луною (см. Пс. 120, 6). Итак, молись, да осенит тебя Божественное росоиспускательное облако, чтоб избежать вражеского жжения.

61. Отнюдь не давай смелого к себе доступа любителям пьянства и рабам бесчинных трапез, ни тем, кои охочи говорить бесстыдные речи. Хотя бы они были убелены сединами, и хотя бы долгое время вели монашескую жизнь; чтоб их гнилость не покрыла и тебя, и ты не причтен был к нечистым и необрезанным сердцем.

62. Прежде Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтоб падением таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разумения, подпадешь разным искушениям, не дивись сему, но прославляй единого премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее в след за Божественным ведением: ибо искушения суть узда, по Божию промышлению, могущая обуздать человеческое надмение.

63. Если Господь часто отнимает у нас блага, как, например, богатство у Иова; ибо Господь его дал, Господь и взял (см. Иов. 1, 21), то, конечно, взято будет из рук наших и зло, которое навел на нас Вечный; ибо, как говорит премудрый, *благая и злая... от Господа суть* (Сир. 11, 14). И наводящий на нас злое, Он же дарует нам и вечную радость со славою вечною. Как я бдел, говорит Господь, чтоб разорить вас, и зло сотворить вам, так и воссозижду, и уже не разорю, насажду и уже не исторгну. Да умолкнет же народное присловие, гласящее: коль скоро стало недобре, не будет уже добре. Ибо изменивший дела наши на худшее, конечно, может опять неожиданно преложить их в светлейшее состояние.

64. Сильнее и победолюбнее нападающий на бесов воздержанием или молитвою, или другою какою добродетелью, и сам от них получит глубочайшие раны, до того, что даже в безнадежие придет, подозревая, не лежит ли на душе его осуждение мысленной смерти, и вынужден бывая взывать: *кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 8, 24); потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим.

65. Не просто написано прежде, как некоторые говорили друг к другу: *востаните,* пойдем к народу, живущему *со упованием,* и в покое пребывающему (Суд. 18, 9-10); и еще: приидите *взыдем во Иудею, и собеседоваше с ними* языком лукавым, *отвратим я к нам* от истины (Ис. 7, 5-6). Так обыкновенно и злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание, во всю жизнь их точат мечи искушений. И на тех, кои более благоговейны и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия, бранями неизреченными; чтоб хоть таким образом отклонить их от веры во Христа, от молитвы и благоупования, препобедив их. Но мы, Господи, говоря с Давидом (см. Пс. 79, 19), *не отступим от Тебе,* дондеже ущедришь нас, и удалятся от нас поглощающие нас; *не отступим от Тебе,* пока не повелишь отойти он нас искушающим нас, и мы не оживотворимся терпением и твердым бесстрастием. Ибо искушение есть житие человеческое и часто, во время определенное, от Самого Подвигоположника попускается нам падать под ноги чуждых, но душе великой и доблестной свойственно не отчаиваться в прискорбных случайностях.

66. Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю, по причине выступления его из истинного своего по естеству чина; то сколько более силен Ангел, в определенное время прияв повеление от Бога, все расположения человека перевести на лучшее? И если север всехладный столько силен, что мягчайшее естество воды превращает в твердость каменную, то чего не может сделать теплейший юг. Если воздух, крайне охлажденный, все себе подчиняет и своим холодом исполняет: ибо *противу*

лица мраза... кто постоит? (Пс. 147, 6). То как теплоте не преложить всего по свойству своему? Ибо и против лица теплоты кто постоит? Будем же веровать, что и хладный и черный угль ума нашего позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения Божественного огня.

67. Есть и в настоящем веке с верным свидетельством и признаками проявляющееся в сокровенном нашем Иосифе состояние бесстрастия, в коем ум наш, изшедши из Египта, отстает от страстных влечений и скрытного срамнейшего рабства, и слышит язык, которого не знал, не язык бесов, нечистый и растлевающий здравое разумение, но святой язык Ангелов, преобразующих ум из телесного в бестелесный язык, просветительный для приемлющей его души.

68. Слышал я некоторых братий, тяжко болящих телом и не могущих держать пощения, обратившихся ко мне с вопросом: «Как можем мы без пощения избавиться от диавола и страстей?» Таковым надобно отвечать, что не одним воздержанием от яств, но и воплем к Богу из сердца можете вы истреблять и прогонять недобрые движения и тех, кои возбуждают их. Ибо говорится: *воззваша ко Господу, внегда скорбети им, и от нужд их избави я* (Пс. 106, 6); и еще написано: *из чрева адова вопль мой услышал еси глас мой: и да взыдет из истления живот мой* (Иона. 2, 3, 7). Почему *дондеже прейдет,* — говорит, — *беззаконие,* то есть стужение греха, *воззову к Богу Вышнему* (Пс. 56, 2-3), да подая мне величайшее благодеяние, истребит Он самый прилог греха властью Своею и изгладит идолов страстного ума и безъидольным покажет наши полные идолов немощи. Итак, если ты не получил дара воздержания, то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упования хочет услышать тебя, когда воззовешь к Нему. Узнав теперь такое Господне о тебе присуждение, не тужи о своем бессилии к подъятию подвига пощения, но паче потщися избавиться от врага молитвою и благодушным терпением. *Если* помыслы немощи и злострадания *гонят вы во граде* пощения, *бегайте в другий* (Мф. 10, 23), то есть в град молитвы и благодарения.

69. Говорит фараон, молясь: да отымет Бог от меня смерть сию, — и был услышан; также и бесы, просившие Господа, да не повелит им идти в бездну, получили просимое. Не тем ли паче услышан будет человек-христианин, молящийся об избавлении от мысленной смерти.

70. Время некое просвещаемый и упокоеваемый Божественной благодатью, по умалении же ее впадающий в парение ума и влечения неподобные, и ропщущий за то, или бесполезному унынию предающийся, а не ревнующий мужественно молитвою опять восстановить в себе спасительное то настроение, подобен бедному, который, получив милостыню из палаты царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за царскою трапезою.

71. *Блажени не видевшии, и веровавше* (Ин. 20, 29), как блаженны и те, которые, по умалении действа благодати, не находя утешения в себе самих, а, напротив, встречая чередование скорбей и тьму глубокую, не падают в нечаяние, но верою укрепляясь, доблестно терпят в уверенности, что видят Невидимого.

72. Смирение, благодатью Божиею в свое время, после многих подвигов, борений и слез свыше подаемое ищущим его, несравненно сильнее и выше смирения, бывающего у отпадавших от добродетели. Сподобившиеся его суть воистину мужи совершенные.

73. Когда диавол оставил Господа, тогда *Ангелы приступиша* к Нему *и служаху Ему* (Мф. 4, 11). И так, как не написано, что во время искушения Господа присущи были Ангелы, так когда мы бываем искушаемы в какое-либо время, отступают недалеко Ангелы, потом по удалении искушающих приходят к нам и служат нам, подая Божественные помышления, утверждение, просвещение, сокрушение, утешение, терпение, услаждение и все, что спасает, укрепляет и воссозидает душу, потрудившуюся в борьбе. Нафанаилу сказано было: *отселе узрите небо отверсто, и Ангелы Божия восходящия и нисходящия над Сына Человеческаго* (Ин. 1, 51), то есть отселе на род человеческий богато изольется служение и помощь Ангелов.

74. Помни архиерея оного, одесную коего стал диавол, чтоб сопротивляться ему (см. Зах. 3, 1), то есть всякому правому помышлению, слову и делу, — да не изумишься, когда случится что подобное.

75. Ведать надлежит иноку, что есть немощь, как в словах: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3), и что есть отступление от Бога, — сия болезнь диавола и ангелов его.

76. Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом, почему бесы всеми силами и стараются леностью расслаблять нас на терпеливое пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и уму споборательна в брани.

77. Давид принял усердие вышедших вместе с ним из Секелага против иноплеменников, хотя они, изнемогши, и остались на потоке Восор[1] (см. 1 Цар. 30, 9-10). Почему возвратившись с победы над варварами и услышав, как иные говорили, что не следует давать части из добычи этим, сидевшим от изнеможения при потоке, и видя, что они устыдились, не имея что сказать, благостнейший Давид защитил их, говоря: они были посажены при вещах, чтоб беречь их; и отделил на них часть, равную той, какую дал ратникам, мужественно и благодушно воевавшим (1 Цар. 30, 21-25). Рассуди теперь, что, если в брате каком-либо, в начале показывавшем горячую ревность (к подвигам поста, бдения и проч.) и потом немного ослабевшем в них, предположить сохраненными вещи его (внутренние добрые расположения) — веру, раскаяние, смирение, плач, терпение, упование, великодушие и проч.; то этот, приседящий им и терпеливо в них пребывающий в чаянии о Христе Иисусе Господе, хотя и слаб в подвигах явных, улучит, как подобает, некий вечный дар.

78. Левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностью и созерцанием; а скотами левитскими (Чис., гл. 3) называются те, которые, хотя бессильны

---

[1] Вся дружина, пошедшая из Секелага, была в шестьсот человек. Двести из них, дошедши до потока Восор, не имели сил идти далее. Давид оставил их тут беречь вещи и пошел далее с четырьмястами. – Усердие разумеется то, с каким они пошли.

неуклонно шествовать путем добродетелей, однако ж соуслаждаются добродетели, желают ее непрестанно и ревнуют о ней посильно, хотя не всегда успевают в том по причине худа, отнимающего у них силы. Но во время подобающее и они, можно надеяться, получат дарование бесстрастия, по одному человеколюбию Божию. Ибо говорится: *желание убогих услышал еси, Господи* (Пс. 9, 38).

79. Удары, какие наносит нам враг явно и не явно, мы часто замечаем и видим; мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или какие другие совершаем дела благочестия, от которых он раздирается, мучится, плачет и расседается, — этого всего мы, по смотрению Божию, не видим, чтоб не надмиться. Ибо *праведно у Бога,* — как говорит апостол, — *воздати скорбь оскорбляющим вас* (1 Фес. 1, 6).

80. Если устаревший на земле или на камне пень от водной влаги дает отростки, как новонасажденное, то возможно и нам, когда бываем оживляемы силою Духа Святого, произращать нетление, которое прияли мы по естеству, и давать плод, как дает новонасажденное, хотя мы ниспадали в ветхого человека.

81. К душе, отчаивающейся по причине обилия искушений и множества грехов, и говорящей: погибла надежда, убиты мы, сказано не отчаивающимся во спасении нашем Богом: *Оживете, и увесте, яко Аз есмь Господь* (Иез. 37, 6). К душе же, недоумевающей, как и силою каких добродетелей возможет она снова родиться во Христе, сказано: *Дух Святый найдет на Тя* (Лк. 1, 35). Где же присущ Дух Святой, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ поклоняемый Святой Дух и не могущее сбыться по естеству произведет в тебе силою Своею, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей.

82. Подвизайся сохранить невредимым светозарность ума твоего владычественного. Если начнешь страстно смотреть на все, значит, Господь омрачил тебя, наложил покров на лицо твое, — и света очей твоих нет с тобою (см. Пс. 37, 11). Однако ж, если и так у тебя это есть, не знай утомления и не ослабевай, молясь со святым Давидом: *посли свет Твой и истину Твою* мне, омраченному унынием, *спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 42, 3, 5); *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30).

83. Блажен, кто ненасытно яст и пиет молитвы и псалмы здесь день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование.

84. Всеми силами крепись не падать; ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тмократно случилось с тобою первое по отступлению благодати, тмократно да будет у тебя и второе (т. е. восстание). И так до конца жизни твоей. Ибо написано, что, если *седмерицею падет праведный*, седмерицею *и востанет* (Притч. 24, 16). Пока держишь оружие святой схимы (то есть решимость служить Богу), со слезами и умаливанием Бога, дотоле считаешься ты в ряду стоящих, хотя бы и часто падал. Пока пребываешь с иноками, как мужественный воин, получаешь раны спереди, за которые и похвален будешь, что, и будучи уязвляем, не уступил, не поддался и не отступил. Если же отступишь от иноков, то будешь получать раны уже сзади, как беглец и трус, растерявшийся и оставивший строй.

85. Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда-предатель был малодушен и неискусен в брани, почему впал в отчаяние, и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же, сей камень твердый, подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но, вскочив, излил горячайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного, и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лицо, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли.

86. Против следующих трех страстей монах должен до конца непримиримую вести брань: против чревоугодия, против тщеславия и против сребролюбия, которое есть идолослужение.

87. Царь некий израильский победил народ троглодитов и других с ними варваров при псалмах и пениях, и песнях духовных, петых на органах Давида и словами его (2 Пар. 12, 3, 20-22). Имеешь и ты варваров троглодитов, бесов, в чувства твои и члены протесняющихся и плоть томящих разжжением, и настраивающих тебя страстно смотреть, слушать и обонять, говорить непотребные речи, очи иметь полные блуда, и быть смятенну и внутри и во вне, по-вавилонски. Позаботься же и ты вконец истребить этих злодействующих в тебе троглодитов верою великою, и псалмами, и песнями, и пениями духовными.

88. Как Господь хочет, чтоб человек через человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек через человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто сближаясь, едва улучает спасение. Если же кто с лукавнующим станет общиться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и во вне.

89. Кто хочет, чтоб его прозвали мудрым и разумным, и другом Божиим, тот да печется усердно душу свою представить Господу такою, какою от Него приял ее чистою, неуязвленною и всю непорочною. За это увенчан он будет на Небесах и ублажен Ангелами.

90. Одно доброе слово сделало некогда непотребного оного разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в Землю обетованную. Не будем же почитать языкоболие малою болезнью: ибо злоречивые и суесловые заключают для себя Царствие Небесное. *Муж язычен* хотя здесь и может еще какой-либо успех иметь, там же — никакого, но *злая уловят* его *во истление* (Пс. 139, 12). Добре сказал некий мудрый муж, что лучше упасть с высоты на землю,

нежели от языка. Надлежит нам потому послушаться святого Иакова, который пишет: *да будет всяк человек скор услышати и косен, глаголати* (Иак. 1, 19).

91. Чтоб не парить нам и не рассеиваться, прельщаясь суетностью, хорошо внимать пророку, который говорит: *идите, людие мои, внидите во храмину вашу,* в храмину сердца вашего, сокрытую от всякого чувственного впечатления, в оное обиталище безо́бразное, осияваемое бесстрастием и осенением святой благодати, *затворите двери своя* от всего видимого, *укрыйтеся мало елико елико,* — ибо и вся жизнь человеческая мала, и после сего прилагает: *дондеже мимоидет гнев* Господень (Ис. 26, 20), как другой некто сказал: *дондеже прейдет беззаконие* (Пс. 56, 2). Ибо и беззаконие, а следовательно и бесы, и страсти, и грехи суть гнев Божий, как говорит к Богу Исаия: *се Ты разгневался еси, и мы согрешихом* (64, 5). Избегает же сего гнева человек, непрестанно внимая сердцу в молитве, и усердно борясь быть внутрь, во внутренней своей неприступной храмине. Ибо привлеки, говорит некто, премудрость во внутреннейшая твоя (ср. Притч. 8, 12; Сир. 45, 31; 51, 18); потому что *вся слава Дщере Царевы внутрь* (Пс. 44, 14), говорит другой, прилагая: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие* (Пс. 72, 16-17), и в гору достояния (см. Пс. 67, 17), в готовое жилище (см. Пс. 32, 14), которое соделал Ты, Господи, во святыню, которую уготовали руки Твои (см. Пс. 77, 54).

92. Желающий истинно отрещися от мира, да подражает блаженному пророку Елисею, ни одной вещи из имений своих с собою не взявшему, по великой, как пламенем распалявшей его любви к Богу. Все, что есть у него, пусть раздаст он нуждающимся, и подъяв таким образом Крест Господень, да течет произволением на вольную смерть — виновницу вечного Царствия.

93. Когда восчувствуешь, что Амморей возмогает в тебе, как дуб, прилежно молись Господу, да иссушит Он плод его сверху (т. е. делом совершаемый грех) и корни его снизу (нечистые помыслы). И да отженет Господь Аморрея от лица твоего!

94. Не следует чудиться, когда увидите посмевающихся безмолвию нашему, потому что сами не могут безмолствовать;

лучше пением отразите дурное от них впечатление, однако ж без злопамятства, восставляя в себе вящшее Богу повиновение ваше, и взывая в пении: *обаче Богови повинися, душе моя* (Пс. 61, 6); ибо *вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся* (Пс. 108, 4), об исцелении и меня самого, и их.

95. Если не дохнет на море сильный ветер, не появится волнение; и если не нападет на нас бес, не взволнуется страстьми ни душа, ни тело.

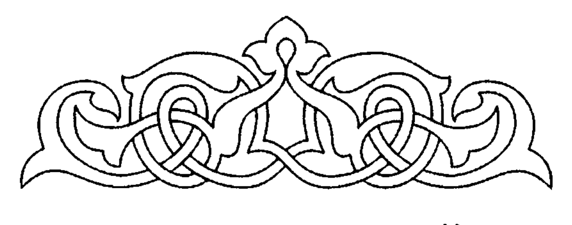
96. Если ты всегда бываешь согреваем молитвою и Божественною благодатью, то, как говорит Божественное Писание, ты облечен во оружие света. Твое одеяние тепло, враги твои облечены, как в двойную одежду, в стыд и дрожание от холода.

97. Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище.

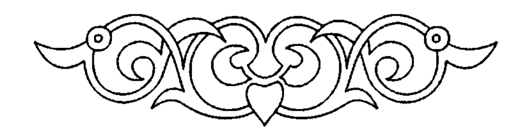
98. Огонь желания высших благ и святого богомыслия о словесах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей.

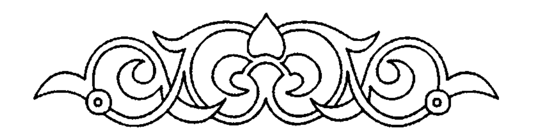
99. Если всегда будешь стараться *обувше нозе во уготование благовествования* (Еф. 6, 15), то всеконечно устроишь добре и свой собственный дом, и дом ближнего твоего. Если же возмалодушествуешь (при встрече неприятностей), то оплеван будешь невидимо, и по закону наследуешь *имя... изутаго из сапога* (Втор. 25, 9, 10).

100. Если, по Иоанну, *Бог любы есть,* то любящий в Боге пребывет и Бог в нем. Кто же ненавидит ближнего в разрыве союза любви, тот очевидно вместо любви восприял ненависть. Ненавидящий убо однородного себе далеко отстоит от Бога, если *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16). Ему слава и держава вовеки. Аминь.



БЛАЖЕННЫЙ АВВА ЗОСИМА ПАЛЕСТИНСКИЙ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О БЛАЖЕННОМ АВВЕ ЗОСИМЕ ПАЛЕСТИНСКОМ

Древний латинский переводчик собеседований преподобного Зосимы такое предисловие предпосылает им:

«Высоко ставлю и ценю собеседования сии по причине ясно излагаемого в них истинного свойства аскетических подвигов, по причине обильного помазания духовного, коим они пропитаны, и сладчайшего благоухания святыни, ими издаваемого. Ничего так охотно я не списывал, ничего не переводил я с таким услаждением сердечным. Что и заставило меня исследовать, кто такой был автор их и в какое время процветал, так как то и другое не было определенно известно».

Собеседований всех не слишком много сохранилось. Их, как видно, записывал некий усердный слушатель, как принимал из уст преклонного летами старца во время многолетнего своего пребывания в иночестве, прошедшего все степени христианского совершенства и востекшего на самый верх святыни, доступной смертному человеку при помощи Божественной благодати. Автор собеседований именуется блаженным аввою Зосимою. О записывателе намекается только, что он был один из всегдашних его слушателей, и, вероятно, брат той обители, в коей жил авва Зосима, при Иордане.

«Но кто же сей блаженный авва Зосима? После долгого и старательного о сем изыскания вот на чем наконец остановилось мое мнение, – что автор наших собеседований есть тот самый славный Зосима, который свыше избран был для услышания об образе жизни святой покаянницы Марии Египетской из уст ее самой и для напутствия, и погребения сей преподобной матери».

Подтверждает он такое мнение свое тем, что некоторые обстоятельства жизни аввы Зосимы, изрекающего настоящие наставления, сходны с обстоятельствами жизни аввы Зосимы, видевшего святую Марию Египетскую и рассказавшего о ней.

1) В сказании о жизни святой Марии Египетской говорится, что авва Зосима, с юных лет поступив в некий монастырь, прожил в нем 53 года; потом, по особому внушению свыше, перешел в один из монастырей прииорданских; и, оттуда

уже исходя, видел святую Марию. И в настоящих собеседованиях поминается, что изрекавший их авва Зосима прежде жил в некоем монастыре в Тире (соб. 24); потом собеседования сии дают видеть его в Неаполе (в Самарии, соб. 14) проходом; и, наконец, в обители Святого Герасима (соб. 2). Последние указания очевидно истолковывают первые.

2) В сказании о святой Марии об авве Зосиме говорится, что он был богат опытностью духовною и что потому к нему обращались за советом многие не только из своего монастыря, но и из других ближних и дальних (п. 2 – в греч.). Видно, что он не любил писать, а только говорил. И о святой Марии сказание не написал он, а передал устно, как оно осталось среди братий, пока святой Софроний не предал его письмени. Что таков же был и изрекатель настоящих наставлений, доказывает самый образ изложения их: его спрашивали, и он говорил. Двадцать девятое собеседование его ведется в обители святого Герасима. Можно допустить, что и другие все слышаны тут же и записаны каким-либо из ближайших его учеников.

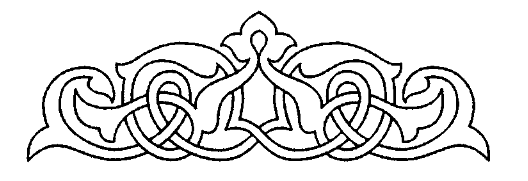
3) Авва Зосима, изрекатель наставлений, любящий приводить отеческие изречения, приводит все древнейших старцев, и притом так, что память о них тогда еще была свежа. Это указывает на конец четвертого и начало пятого века. Находят, что Мария Египетская почила около 430 года. Авва Зосима перешел в обитель прииорданскую, можно положить, лет семидесяти. В обители сей ему пришлось прожить лет тридцать; ибо он почил ста лет. Для того, кто жил в первой половине пятого века, изречения старцев века четвертого могли быть свежи.

Такие наведения, с коими следует согласиться, определяя автора собеседований, определяют и время их происхождения, и то, как они произошли. Авва говорил, любящий духовное назидание ученик записывал. Так все собеседования и начинаются: «Говорил или сказал, или рассказывал авва Зосима». Можно не сомневаться, что собеседований как было много держано, так много было и записано. Настоящие собеседования представляются отрывком, который виден был и читан Иоанном Мосхом, составителем «Луга духовного» («Лимонара»). Его сказание 211 взято из 30 собеседования; 212 – из 24; 216 – из 15; 218 – из 25; 219 – из 29.

Память преподобного Зосимы 4 апреля.

В Патрологии, изд. Migne, собеседования сии помещены в 78-м томе. Есть они и в рукописном Патерике, из обители Святого Саввы Палестинского, и помещены в конце первой главы в виде прибавления. В рукописи собеседования

идут без всякого разделения. В печати их означено 14; но так, что в некоторых из сих отделений содержится не одна беседа. При переводе сочтено более целесообразным каждое наставление и каждое сказание означать особым пунктом. Это тем более нужно было сделать, что в печати не все беседы помещены, и некоторые из помещенных не вполне помещены. Вышло таким образом 31 отделение.



БЛАЖЕННОГО АВВЫ ЗОСИМЫ
собеседования

1. Положив крестное знамение на уста, блаженный Зосима начал говорить так: «Бог Слово, воплотившись, великую даровал благодать уверовавшим и верующим в Него. Можно и в наше время уверовать и начать это отныне, если желаем. Ибо если произволение наше возжелает и благодать повоздействует, то всякому желающему можно ни во что вменить весь мир».

Потом он взял, что попалось под руку, кажется, соломинку или щепочку, или другое что ничтожное, и прибавил: «Кто изза этого станет браниться или спорить, злопамятствовать или убиваться скорбью, кроме разве того, кто поистине потерял ум? Человек ли Божий, преуспевающий и в предняя простирающийся в жизни по Богу, не будет всего мира иметь наравне с этою соломинкою, хотя бы действительно он обладал всем? Ибо, как я всегда говорю, не иметь вредно, а иметь с пристрастием. Кто не знает, что из всего, что имеем, ничего нет дороже для нас тела? Итак, если когда время потребует, мы имеем повеление пренебречь даже телом, не тем ли паче тем, что есть у нас кроме его? Впрочем, не следует просто и как ни попало разбрасывать свои вещи, как не следует и самого себя без разбора бросать на смерть: ибо так действовать свойственно только потерявшему ум; но надобно ожидать, когда потребует того время, чтобы тогда быть готовыми на такое дело».

При сем припоминал он о брате, имевшем овощи, и говорил: «Не сеял ли он? не трудился ли? не возращал ли? не удобряли? Но не вырывал их без разбора и не бросал, а только имел их так, как бы не имел. Почему, когда пришел к нему один старец с намерением испытать его и начал истреблять их, он даже не показался ему, а спрятался; и когда уже оставался один

корень, сказал ему: если желаешь, отче, оставь это и сделаем из того угощение. Из сего старец святой узнал, что он есть истинный раб Божий, а не раб овощей, и говорит ему: «Дух Божий почил в тебе, брате». Если б он имел овощи с пристрастием, то тотчас и обнаружил бы сие скорбью и смущением; но он показал, что имел их так, как бы не имел».

И заключил авва Зосима: «Бесы замечают такие случаи, и если видят, что кто-нибудь бесстрастно относится к вещам, не тревожась потерею их, то уразумевают из сего, что он ходит по земле, но не имеет в себе мудрования земного».

2. В устремлениях произволений вся сила. Горячее произволение в один час может принести Богу более благоугодного Ему, нежели труды долгого времени без него. Произволение вялое и ленивое бездейственно.

3. Бесы боятся, если увидят, что кто-нибудь, будучи подвергаем оскорблению, бесчестию, ущербам и всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся сему, но о том, что, подвергшись, не перенес того мужественно: ибо уразумевают из сего, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по заповедям Божиим. При сем авва Зосима вспомнил о святом Пахомии, как поступил он, когда старший брат его укорил его, говоря: перестань, увлекаясь тщеславием, расширять монастырь. Святой Пахомий делал это по данному свыше повелению. Почему, когда услышал это, то как за доброе дело стоя, почувствовал движение негодования; однако ж ничего не сказал брату против в то время. Когда же настала ночь и неприятное движение сердца улеглось, он, вошедши в малую молитвенницу свою, начал плакать и молиться, говоря: «О Боже! во мне все еще мудрование плотское, все еще живу я по плоти. Увы мне! Как таковой, умрети имам, по Писанию (см. Рим. 8, 13). После таких подвигов, после такого уготования сердца, опять гневом увлекаюсь, хоть и за добро. Помилуй мя, Господи, да не погибну до конца! Ибо если Ты не утвердишь меня совершенно в добре, и враг найдет во мне свою часть, хоть самую малую, я буду пленником его: *иже бо весь закон соблюдет,*

согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2, 10). Но верую, что если Ты, по великим щедротам Своим, поможешь мне, то я научусь наконец шествовать путем святых Твоих, всегда *в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13), и посрамлю, как следует, самого врага. Иначе как же, Господи, буду я учить тех, кого призовешь Ты вместе со мною проводить жизнь сию, если сам прежде не побежду себя и врага?» В такой молитве пробыл он всю ночь, такие с плачем говорил слова, пока настал день; и от пота его под ногами его образовалось блато, потому что время было жатвенное, и место то очень знойно. «Удивляюсь сему, — сказал блаженный Зосима, — его слезы не знали меры. Как же Бог не дарует такому горячему произволению всяких благ, у Него испрашиваемых, когда оно для всего мертво, кроме сего?»

4. Говорил еще авва Зосима, что когда кто приведши на мысль оскорбившего его или вред ему причинившего, или поносившего и оклеветавшего, или другое какое зло ему сделавшего, сплетает замыслы против него, то он сам на себя наветует подобно бесам; и тогда для навета на него достаточно его самого. И что я говорю: когда сплетает замыслы? Если не вспоминает о нем, как о благодетеле и враче, то крайне не право к нему относится. Ибо он вызывает наружу ту страсть, какою ты болишь, чтоб уврачевать ее; и ты должен потому воспоминать о нем, как о враче, посланном тебе от Христа. Ради Христа должно тебе перенесть все в благодарность Ему за такое благодеяние. Если же ты не воспользуешься сим как должно и не отстанешь от злой страсти своей, не Господь Бог виновен в этом. То самое, что ты страдаешь, есть признак, что душа твоя больна; если б ты не был болен, то и не страдал бы. Посему должен ты благодарен быть брату за то, что через него узнал ты ход болезни своей, и то, что ты от него потерпел, с любовью принять, как целительное врачество, посланное от Самого Господа Иисуса. Если же ты не только не благодаришь, но оскорбляешься, восстаешь против, жалуешься и сплетаешь замыслы против него, то ты через то говоришь как бы Господу Иисусу: «Не хочу быть уврачеван Тобою; не хочу принимать врачевства

Твои; хочу изгнить в ранах моих, хочу быть послушен бесам. *Не вем Господа;* и кто Он есть, чтоб мне послушаться гласа Его (см. Исх. 5, 2)? И что наконец сделает Господь?» Господь, будучи благ к нашим худостям, дал нам заповеди к уврачеванию их, как прижигания и очистительные. Почему, кто хочет и ищет уврачеваться, тому необходимо перетерпевать, что налагает на него врач, с молчанием, хотя и болезненным. Ведь и больной телом не сладким почитает терпеть сечения и прижигания, или принимать чистительное; но убежден будучи, что без этого невозможно избавиться от болезни, отдает себя в руки врача с уверенностью, что через эту малую предлежащую ему боль избавится от сильного внутреннего расстройства и долговременной болезни. Прижигатель же Иисус Христов есть Тот, Кто причиняет обиды и вред.

5. Сказал он сверх того: «Уничтожишь искушения и помыслы, и не будет ни одного святого. Бегущий от искушения спасительного бежит от вечной жизни. Некто из святых говорил: «Кто доставил святым мученикам венцы оные, если не мучители их? Кто даровал святому Стефану такую окружающую его славу, если не те, кои побили его камнями?», прилагая к сему изречение и другого святого, который говорил: «Я не виню поносящих меня, а, напротив, называю их и почитаю своими благодетелями; и не отреваю Врача душ, подающего тщеславной душе моей врачевство бесчестия, боясь, как бы Он некогда не сказал и моей душе: *врачевахом Вавилона и не исцеле* (Иер. 51, 9); и опять: *колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже кокошь гнездо свое под крыле, и не восхотесте. Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13, 34-35)».

6. Говорил еще, что Евагрий боялся, чтобы Господь, укоряя его, не сказал ему: «Ты болел тщеславием, и Я навел на тебя врачевство бесчестия, чтоб ты через то очистился, но ты не уврачевался». Да ведаем же, что никто не говорит о нас прямой истины, кроме того, кто укоряет нас. Господь, испытующий сердца и утробы, ведает, что хотя бы все люди хвалили и ублажали нас, наше все тем не менее достойно укора и студа

оплеваний. Если скажут: ты то и то сделал; я отвечу: но что же из всего моего хорошо? Никто не говорит о мне лжи, кроме хвалящих и ублажающих меня, и никто не говорит о мне истины, кроме укоряющих и уничижающих меня; и они не всю еще обо мне истину говорят. Если б пришлось им узнать не все море моих злых дел, но часть некую, то они отвратились бы от смрада и зловония души моей. Если б все члены тел человеческих превратились в языки, чтоб укорять нас, я убежден, что и тогда не смогли бы они вполне выразить наше бесчестие. Всякий укоритель часть только некую укоряет, всего же знать он не может. Если Иов говорит: *исполнен есмь бесчестия* (10, 15), а что полно, то не вмещает уже ничего более; что скажем мы, бездною будучи зол? Всяким грехом смирил нас диавол, и мы должны быть благодарны тем, кои смиряют нас уничижением: ибо те, которые бывают благодарны за свое уничижение, стирают главу диавола. Святые же отцы сказали, что если смирение низведено будет до ада, оно вознесется до небес; и напротив, если гордость возвысится до небес, она низведена будет до ада. Кто заставит уничиженного сплетать помыслы против кого-либо или хоть похулить кого, или возложить вину на другого? Ибо что бы не потерпел смиренный или не услышал, он берет от сего повод к тому, чтоб себя самого похулить и уничижить. При сем блаженный Зосима припомнил, как авва Моисей, когда клирики выслали его из алтаря, говоря: “Поди вон, эфиоп!”, начал себя самого уничижать, говоря: “Добре они с тобою поступили, чернокожий! Не будучи человеком, не ходи в среду людей. Хорошо они сделали”».

7. Говорил также, что удобнее к исполнению того, что слышим от святого и деятельного наставника нашего аввы Аммона, который говорит: «Внимай тщательно себе — чего ради вышел ты из мира и зачем ты здесь, — и всячески старайся, когда кто скорбь какую причинит тебе, молчать и отнюдь ни одного слова не произносить, пока непрестанною молитвою не укротится сердце твое; и потом уже умоляй брата о прощении. Ибо кто любит истинный и прямой путь, тот, когда смутится чем,

всегда сильно укоряет и обличает самого себя, говоря: что беснуешься, душа моя, и что мятешься, как помешанная? Этим самым показываешь, что ты больна. Ибо если б не была больна, то не страдала бы. Для чего же, оставя укорять саму себя, упрекаешь ты брата, который показал тебе болезнь твою? Делом и истиною научайся заповедям Христа Господа, Который *укаряем противу не укаряше, стражда не прещаше* (1 Пет. 2, 23). Слышишь, что говорит Он, и что делом показывает: *плещи Моя вдах на раны, и ланите Мои на заушения, лица же Моего не отвратих от студа заплеваний* (Ис. 50, 6). Ты же, бедная душа, за малое похуление тебя и непочтение, за некое презрение и отвращение, осуждение и оклеветание, сидишь, сплетая бесчисленные неприязненные помыслы, чем наветуешь сама на себя, как демоны. Что сам демон может сделать такой душе больше того, что она сама себе делает? Крест Христов видим, о страданиях Его, какие претерпел Он ради нас, читаем каждый день, а сами ни одного оскорбления не переносим. Поистине мы уклонились от правого пути».

8. Еще сказал: «Если кто Мафусаловы проживет лета, а не будет шествовать тем прямым путем, каким шествовали все святые, — говорю о пути обесчещивания и несправедливых уронов и мужественного их претерпевания, — тот не преуспеет ни много, ни мало и не обретет сокрытого в заповедях сокровища, а только напрасно потратит все лета жизни своей. При сем прибавил он: когда был я у блаженной Дионисии, один брат просил у нее что-нибудь в благословение, и она дала ему, что и сколько могла. Но как ему дано было не столько, сколько он ожидал, то он начал ее поносить и говорить на нее и на меня нелепые речи. Услышав это, она рассердилась и хотела отплатить ему чем-нибудь. Поняв это, я сказал ей: «Что ты делаешь? Этим ты наветуешь сама на себя и отъемлешь всю добродетель у души своей. И что по достоинству терпишь ты такого, что Христос потерпел ради тебя? Знаю, госпожа, что ты рассорила все имущество свое, как сор, но если не взыщешь кротости, то будешь то же, что кузнец, который бьет кусок железа, а нужной вещи не выделывает.

Послушай, что говорит Игнатий Богоносец: «Взыщи кротости, коею разрушается вся сила князя века сего. Признак того, что мир совершенно оставлен, есть не встревоживаться ни из-за чего. Бывает, что иной, презрев многие сокровища, пристращается к игле и сие пристрастие причиняет ему смущение и тревоги. Тогда игла заступает у него место сокровищ. Вот как бывает иной рабом иглы или кукуля, или мантии, или книги, переставая уже быть рабом Божиим. Хорошо сказал некто из мудрых, что «сколько страстей в душе, столько и господ». И Господь говорит: *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). И апостол также: *имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет. 2, 19). Выслушав сие, она посмотрела на меня с удивлением и сказала: «Да обретешь ты Бога, Коего вожделеваешь».

9. Говорил также блаженный: душа желает спастись, но, вожделевая благ суетных и об них заботясь, бегает трудов по делу спасения. Хотя поистине не заповеди тяжки, а злые пожелания наши. Бывает же, что мы иной раз, боясь утонуть в море или попасться в руки разбойников, все презираем и охотно бросаем вещи свои, когда видим, что спустя немного предлежит нам смерть. Но если для того, чтобы еще немного пожить на земле, мы все презираем, и за счастье считаем, если, все потеряв, спасем самих себя от разбойников ли или от моря, причем не задолго пред сим бесновавшийся из-за овула[1] спешно бросает все, чтобы только сохранить привременную жизнь, то почему не держим мы такого расчета и относительно жизни вечной? Почему не силен у нас столько страх Божий, сколько силен страх моря, как сказал некто из святых.

10. В подтверждение сего авва рассказал следующий случай, слышанный им от неких. Некогда один торговец камнями сел на корабль с детьми своими, имея с собою множество драгоценных камней и маргаритов, которые надеялся выгодно продать в той стране, куда направлялся. Случилось ему по смотрению

---

[1] Овул – мелкая монета.

Божию особенно полюбить одного отрока, прислуживавшего ему на корабле; и он утешал его, как и сам утешался им и давал ему есть то же, что сам ел. В один день слышит отрок сей, как корабельщики шепчутся между собою и, прислушавшись, узнает, что они порешили торговца того бросить в море из-за камней его драгоценных. Это очень его опечалило. Когда потом с лицом печальным пришел он к тому торговцу камнями, чтобы по обычаю послужить ему, тот спросил его: «Чего ты ныне так печален?» «Ничего», — ответил отрок, не смея сказать истину. Тот опять спросил: «Есть что-то у тебя, скажи мне по правде, что такое?» Отрок зарыдал и сказал ему: «Так и так умыслили против тебя корабельщики». «Точно так?» — спросил купец. «Да, — ответил отрок, — так они положили между собою». Тогда купец призвал детей своих и сказал: «Что ни скажу вам, сделайте то, не упираясь». Потом, разостлав полотно, сказал им: «Принесите сюда ящики». Они принесли. И он начал выкладывать камни. Выложив же все, проговорил он: «Такова жизнь! Из-за этих вещей я подвергаюсь опасности быть брошенным в море и спустя немного умереть, ничего не взявши с собою». Затем приказал детям: выбросьте все это в море; и они вместе со словом его тотчас выбросили все в море. Изумились корабельщики и разорился умысел их злой.

Кончив этот рассказ, блаженный авва Зосима прибавил: «Видите, куда вдруг устремился помысел его; как тотчас сделался он любомудрым и в словах, и в делах? И это для сохранения сей кратковременной жизни. И справедливо поступил, рассуждая, что если умрет, какая ему польза от камней сих. А мы и малой потери или лишения не хотим равнодушно перенести заповеди ради Христовой. Но если уже не можем не печалиться, то следует печалиться о погибели причинившего нам вред, а не о потере имущества, ибо тот, онеправдовавший, себя изверг из Царствия: так как *неправедницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9); а тебе, онеправданному, доставил живот вечный, как говорит Господь таковым: *радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 12). Мы же, оставя печаль о погибели

члена Христова, сидим и сплетаем помыслы о вещах тленных и ничтожных, погибельных и ничего не стоящих. Поистине достойны мы всякого наказания. Бог возвел нас в чин членов Тела, имеющего главою Христа Бога нашего, как сказал апостол: *вси же уди единого тела, мнози суще, едино суть тело* (1 Кор. 12, 12). Глава же всех есть Христос (см. Еф. 1, 22). Потому когда брат причиняет тебе скорбь, то это подобно тому, как страждущая рука или болящий глаз заставляет страдать другой член. Ведь руки мы не отсекаем и не отбрасываем и глаза не выкалываем, когда они причиняют нам боль, почитая большим для себя вредом отъятие того или другого из сих членов; а, напротив, и крестное знамение, сию честнейшую печать Христову, на них полагаем и святых помолиться призываем, и свои прилежные о них приносим Богу молитвы, и вместе с сим приготовляем коллурии (глазные мази) и пластыри, чтобы помощью их излечить болящий член. Итак, как молишься ты о глазе или руке, чтоб они уврачевались и не причиняли тебе более боли, так молись и о брате своем. Мы же, видя, как члены Христовы такой терпят душевный вред, не только не скорбим о них, но даже молимся против них. Это поистине свойственно тем, кои не имеют милосердого сердца».

11. Говорил еще блаженный, что стяжавший утробы щедрот, любовь и сострадание, прежде себя самого радует и пользует, а потом и ближнего, как, напротив, злость ранит и уязвляет прежде того, кто имеет ее. Хотя и кажется, что он вред причиняет ближнему в имении или в чести, или в самом даже теле, но в самом деле он себя самого лишает живота вечного. К сему приложил авва изречение: что не вредно для души, то не вредно и для человека.

12. Еще говорил он: «Некто сказал мне: «Авва, слишком много того, что заповедано нам, и помрачается ум, когда станешь рассматривать, что соблюдаешь и чего не соблюдаешь». Я ответил ему: «Это пусть не смущает тебя; но вот что содержи в мысли: что если будешь непристрастен к вещам, то удобно исполнишь всякую добродетель. Не ссорясь из-за них, ты не

будешь злопамятовать, и тогда какой труд будет для тебя молиться за врагов? То же ли, что копать землю? Но иди путем терпения, переноси благодушно неправые потери в имуществе, благодари за обесчещение — и вот ты ученик святых апостолов, которые, возвращаясь из судилища после побоев, радовались, *яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. 5, 41). И они, как чистые и святые, за имя Христово прияли бесчестие; мы же должны подвергаться бесчестию за грехи свои. Мы бесчестны, хотя бы никто не бесчестил нас, и прокляты: ибо *прокляти*, — говорит пророк, — *уклоняющиися от заповедей Твоих* (Пс. 118, 21). Не всем принадлежит терпеть бесчестие за имя Христово, не всем, но только святым и чистым, как я сказал; дело же подобных нам людей есть с благодарностью принимать бесчестие, исповедуя, что справедливо терпим за худые дела наши. Окаянна та душа, которая, зная свои нечистые дела и видя, что достойно терпит то, что терпит, сидит и, обманывая совесть свою, сплетает помыслы, говоря: он мне то и то сказал, бесчестил меня и поносил, наветуя сама на себя и сама заменяя для себя место демонов. Ибо что бывает у художников, то же случается и с душою. Как там главный мастер, преподав искусство ученику, оставляет его потом работать самого по себе и не имеет более нужды сидеть подле него, а только по временам надсматривает за ним — не разленился ли или не испортил ли дела: так и демоны, если увидят душу покорною и легко принимающую злые помыслы, предают ее сему сатанинскому искусству и не считают уже нужным сидеть подле нее в уверенности, что ее самой одной достаточно к навету против себя, только по временам приходят посмотреть — не разленилась ли она».

13. Говорил также авва: «Что удобнее, как любить всех, и что приятнее, как быть любиму всеми? И какого утешения не имеют заповеди Христовы? Но произволение не устремляется к исполнению их; ибо если бы устремлялось, то при помощи благодати Божией все было бы для него легко. Малое влечение воли нашей на добро привлекает Бога на помощь, как я часто говорил, и как говорит Божественный Антоний: для добродетели

нужно только наше желание и опыт — не нужно нам отправляться вдаль для стяжания Царствия Небесного, ни преходить моря для добродетели. Какое упокоение вкушает кроткий и смиренный?! Поистине *кротцыи же наследят землю и насладятся о множестве мира* (Пс. 36, 11)».

14. Сказывал еще блаженный: «Шли мы однажды — я, один брат и из мирян несколько по неапольской дороге (в Самарии) и пришли на то место, где была таможня. Миряне, знавшие, что по обычаю тут требовалось, отдали пошлину, ничего не говоря; но брат, бывший со мною, начал противоречить, говоря им: смеете вы требовать с монахов?! Услышав это, я сказал ему: что ты делаешь, брат? Ты (хотя и бессознательно) не другое что говоришь ему, как, хоть и нехотя, чти меня, как святого. Другое дело, если б он сам, видя твою добрую волю и смирение, устыдился и сказал: прости, не возьму. И так, ты поступил не как ученик кроткого и смиренного. Отдай, что должно, и проходи далее с миром».

15. В другой раз, когда был я во Святом граде, пришел ко мне некто из христолюбцев и говорил: «Возымели мы — я и брат мой, небольшое друг на друга неудовольствие; и брат не хочет помириться со мною. Умилостивись, поговори с ним». Я с радостью согласился на то, и призвав брата того, говорил ему, что может склонить к любви и к миру. Он, казалось, убедился, но потом говорит мне: «Нет, не могу помириться с ним, потому что Крестом поклялся не мириться». Тогда, улыбнувшись, я сказал ему: «Клятва твоя имеет такой смысл: клянусь Честным Крестом Твоим, что не буду соблюдать заповеди Твои, но буду творить волю врага Твоего диавола. Ведай же, что не только не обязаны мы стоять в своем слове сделать какое-либо злое дело, по паче должны каяться и сокрушаться о том, что положили сами с собою поступать так, как говорил богоносный Василий: если б Ирод опомнился и не исполнил клятвы своей, то не впал бы в великий грех обезглавления Предтечи Христова». Наконец, я ему привел сказание Святого Евангелия о том, как когда Господь хотел умыть ноги святого Петра, сей последний с ретивостью, свойст-

венной клянущимся, говорил: *не умыеши,* — а потом не только согласился на это, но и возжелал большего (Ин. 13, 6-10).

16. Говорил опять блаженный: «Спросили меня, как следует обуздывать гнев, и я сказал в ответ, что начало обуздывания гнева есть — не говорить, пока продолжается гневное раздражение. Пример сему видим на авве Моисее, который, когда отцы, желая испытать его, говорили в собрании между собою: «Зачем этот эфиоп входит в наше собрание?» Слыша то, молчал; и когда после собрания некоторые спросили его, смутился ли он, отвечал: «*Смятохся и не глаголах*» (Пс. 76, 5). Но так было в начале. Когда же потом усовершился он, и был посвящен в диаконы, то не только молчал, но и не смущался. Вот что было: архиепископ, желая испытать его, сказал клирикам: «Когда войдет авва Моисей в алтарь, вышлите его вон, и, идя за ним, подслушайте, что он будет говорить». Когда пришел он в алтарь, клирики сказали ему: «Поди вон, чернокожий эфиоп». И он вышел, говоря себе: «Хорошо поступили с тобою; не будучи человеком, зачем входишь в собрание людей». Теперь уже он не только промолчал на осмеяние, но и не смутился; и не только не смутился, но еще и укорил сам себя. Смущаться и не говорить свойственно несовершенным и новоначальным; а даже и не смущаться есть дело совершенных, как говорит пророк: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60). И это есть великая добродетель. Мы же большею частью оказываемся стоящими ниже самых новоначальных, когда не стараемся одолеть себя и заставить себя смолчать, когда зародится гнев, думая по великому нерадению своему, что добродетель сия высока и недоступна для нас. Даже желания не показываем, чтобы положить начало сему над собою труду, и тем привлечь благодать Божию в помощь себе, или если по-видимому и показываем желание, но вялое, нетвердое и недостойное того, чтобы получить от Бога какое-либо благо».

17. К сему присовокупил блаженный: «Дело жизни нашей идет так: привносит кто в дело от себя труд произволения, и получает, что потребно для него, от благодати. Как земледелец

пусть и не много посеет, но если Бог благословит труд его, приобретает много, как написано об Исааке: *сея же Исаак в земли той, и приобрете в то лето стократный плод ячменя: благослови же его Господь* (Быт. 26, 12): так если благословит Господь и труд произволения нашего, мы станем все творить без труда, непринужденно и с сладостью, — и от всего получать пользу. Молитва с самопринуждением и терпением рождает молитву легкую, чистую и сладостную. И та, с самопринуждением бывающая, есть дело произволения, а эта, совершаемая с услаждением, есть дело благодати. Не то же ли видим и в деле навыкновения искусствам? Приступающий к искусству пусть и с твердым желанием выучиться приступает, сначала работает с трудом, не добре слаживает одну часть с другою, и часто портит. Но не падает духом, а опять берется за дело и хоть опять испортит, не покидает дела, показывая учителю твердость своего произволения. Если он упадет духом и покинет труд, то ничему не научивается, а если, несмотря на то, что часто портит, не покинет труда, но будет с терпением продолжать трудиться и работать, то, наконец, при содействии Божием навыкает искусству и начинает все изделия понемногу производить, не тяготясь, с удовольствием и с таким успехом, что добываемого через то бывает достаточно к полному его содержанию. Так и в деле духовной жизни: решающийся творить добродетели не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно, но пусть употребляет усилие и, хотя вначале дело его будет идти не совсем исправно, пусть не отступает от начатого, иначе не достигнет успеха, но пусть новые и новые употребляет усилия, подобно тому, как делает желающий научиться какому-либо искусству. Когда он таким образом будет с терпением трудиться не теряя духа, Бог призрит на труд его произволения и подаст ему силу все творить без принуждения. И вот это именно и значит сказанное аввою Моисеем — сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтоб не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же».

18. Говорил еще, что для всякой добродетели потребны и труд, и время, и то, чтобы желать ее искренно, особенно же потребно для нее содействие Божие. Ибо если Бог не посодействует произволению нашему, всуе будет труд наш, так же, как и труд земледельца, обработавшего и засеявшего свои земли, если не одождит Бог на семя его. Содействие же Божие требует наших молитв и молений; ибо ими только привлекаем мы помощь Божию в заступление нас. Если вознерадим о молитве, то как Бог призрит на труд наш? Тоже, если и будем молиться, но лениво и рассеянно, или скоро скучать за молитвою, ничего получить не сподобимся, как я всегда говорил вам: ибо Бог смотрит на наше произволение и судя по нему подает дары. Не был ли прежде авва Моисей начальником разбойников? Не наделал ли он тьмы преступлений, так что должен был укрываться от господина своего по причине злонравия своего. Но так как он мужественно и с таким теплым произволением приступил к делу, то знают все, в какую достиг меру, так что сопричислен был к избранным Божиим, как говорил писатель жития его. Мы же, хотя в начале отречения показываем теплоту усердия, но со временем по нерадению своему теряем ее, пристращаясь к вещам охлаждающим, пустым и ничего не стоящим, взамен любви к Богу и ближним; и притом, если успеем что сделать доброе, приписываем то себе, как будто своими то сделали силами, а не от Бога прияли их; тогда как истина говорит: *что же имаши, егоже неси приял; аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь* (1 Кор. 4, 7).

19. Говорил также: «Не обеднел Господь Иисус и не обессилел, чтоб даровать и нам такие же блага, какими обогатил Он святых патриархов, если бы видел, что мы во благо себе и славу Его пользуемся тем, что уже даровал Он нам. Но как видит, что мы по своей неустроенности во вред себе обращаем данные уже Им нам невеликие и немногие дары, то, как человеколюбивый, и не вверяет нам больших, чтобы мы не погибли вконец. Если бы Он видел, что мы во благо себе обращаем немногое данное уже, то, конечно, не был бы бессилен даровать нам

и большее, как я сказал впереди. Бог, как я всегда говорю, будучи благ, дал нам свободу и возможность от всего получать пользу, но мы через пристрастие и злоупотребление губим дары Божии и лишаем себя их, когда дарованные уже нам блага по своему злоумию и злонравию обращаем во вред себе».

20. Часто говорил также блаженный, что никто не может причинить вред верной душе; но все, что ни пострадает она, вменится ей во благо. Работник, хотя и отягчен бывает трудом, но благодушно продолжает трудиться в уверенности, что после труда получит мзду; а неверный, встречая что тягостное, мучится как в аду по причине неверия своего. Верный при всех тягостностях своих, пребывающий верным и с уверенностью чающий воздаяний за терпение свое, великое из того почерпает утешение; а неверный, не имеющий веры, получит что от Господа, какое может иметь утешение? Сидит и тлеет в помыслах, хотя малое встретит что скорбное, разглагольствуя в себе: он мне сказал, но и я имею нечто сказать ему, — злопамятствует и замышляет вещи невозможные, которых он совсем бессилен произвести в дело. Ибо не все, что замышляют люди, могут уже и сделать. Нет, но только то, что попускается им от Бога, — и это ими же один Он весть судьбами. Часто замышляет иной сделать зло другому, но, если не попускает сего Бог, тщетны бывают усилия Его и только испытываются через то произволения человеческие. Сколько замышляли сделать зло святым патриархам, но как не попустил сего Бог, то никто никакого не мог сделать им вреда, как написано: *не остави человека обидети их, и обличи о них цари. Не прикасайтеся помазанным моим и во пророцех моих не лукавнуйте* (Пс. 104, 14-15). Когда же Бог восхощет показать преизбыточество силы Своей, тогда сердца даже самых немилостивых подвигает на милость, как написано в книги Даниила: *и вдаде Бог Даниила в милость и щедроты пред старейшиною евнухов* (Дан. 1, 9). Блаженна душа, через жаждание Бога истинно уготовившая себя к принятию даров Его; потому что Он ни в чем не оставляет такой души, но во всем покровительствует ей, даже и в том, о чем она по неведению

не просит Его. Хорошо сказал премудрый: муж мудрый пребывает под кровом Бога (см. Пс. 30, 21). Сколько раз Саул покушался умертвить блаженного Давида? Что ни делал? Как не ухитрялся? Но, как Давида покрывал Господь, то всякий умысел Саула оставался тщетным; и не только это, но и сам он часто был предаваем в руки святого, который, однако ж, щадил его, не имея против него ожесточенной и мстительной злобы.

21. Однажды спросили авву: «Как достигнуть того, чтоб не гневаться, когда унижают и злословят другие?» Он ответил: «Кто в сердце своем имеет себя ничтожнейшим, тот никаким унижением не возмущается, как сказал авва Пимен: если уничижишь себя, будешь иметь покой».

22. Сказывал еще авва: «Один брат из числа живших со мною и схиму от меня получивших, которого я старался обучить всякой добродетели и которому снисходил иногда, по причине немощи его, так как он был нежного сложения, сказал мне в один день: «Авва мой! Я сильно люблю тебя». Я ответил ему: «Я еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я его люблю. Вот ныне ты говоришь, что любишь меня, и я верю тому, но если случится тебе что-либо неприятное от меня, ты не останешься таким же. Я же, что бы ни потерпел от тебя, всегда останусь одинаково расположен к тебе, и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе». Прошло немного после того времени, и он, не знаю, что с ним сделалось, начал говорить на меня многое, даже до срамных речей; и я все то слышал. Тогда сказал я в себе: «Он прижигатель Иисусов, и послан вылечить[1] тщеславную душу мою. От таковых внимающий себе может снова приобрести то, что теряет через ублажающих его. Он истинный мой благодетель». И я всегда поминал его как врача и благодетеля своего. Тем же, которые извещали меня о его речах, говорил: «Он узнал только явные мои худости, и то не все, а часть некую; сокровенные же мои недостатки бесчисленны». По времени

---

[1] Есть обычай на востоке лечить прижиганием.

встречается он со мною в Кесарии (Палестинской), подходит и, по обычаю, обнимает и целует меня и я его, так, как будто бы между нами ничего не было. После таких наговоров он так обнимал меня, встретясь со мною, без сомнения, потому, что я не показывал ему никакого подозрения и ни малого вида оскорбления, хотя все слышал. Но он сам пал в ноги мне и, обняв их, сказал: «Прости мне, отче мой, ради Господа, что я так много говорил на тебя нехорошего». Я же, облобызав его ласково, сказал ему: «Помнит ли твое боголюбие, как, когда ты сказал мне: «Сильно люблю тебя», я ответил тебе, что еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я люблю его, и что если случится тебе что неприятное, ты не останешься таким же, я же, как бы ни пострадал от тебя, всегда буду к тебе одинаков и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе? Да удостоверится же сердце твое, что ничто не утаилось от меня из того, что говорил ты; но и где, и кому, все слышал, и никогда не сказал, что это не так, и никто не мог склонить меня сказать что-нибудь худое; но я говорил еще: «Что говорит он — говорит истинно, и говорит из любви»; и, считая тебя своим, никогда не пропускал я поминать тебя в молитвах моих, и чтобы дать тебе еще большее свидетельство любви моей к тебе, открою тебе, что, как некогда сильно заболел глаз мой я, вспомнив о тебе, положил на нем знамение Честного Креста и сказал: «Господи, Иисусе Христе! Ради молитв его исцели меня! И я исцелился тотчас».

23. Часто говорил еще блаженный, что не знаем мы, люди, как сделать, чтобы нас любили и почитали, но потеряли всякий смысл. Если мало потерпит кто на брате своем, когда он гневается или скорбит на него, то он скоро придет в себя, и, узнав, как тот потерпел на нем, самую душу свою положит за него. При сем однажды припомнил блаженный о некоем брате, рассказавшем ему, что он имел авву весьма кроткого, которого за великую его добродетель и чудеса, им творимые, вся страна почитала, как Ангела Божия. В один день брат сей, движимый врагом, подошел к нему и начал до последней меры злословить его при всех. Старец спокойно стоял при сем, смотря на уста

его, и потом сказал: «Благодать Божия во устах твоих, брате мой!» Он же, еще более вознеистовствовав, закричал: «Знаю я, ты это говоришь, бессмысленный и чревонеистовый старик, для того, чтобы показать себя кротким». Старец сказал на это: «Истинно так, брате мой; то, что ты говоришь, справедливо». После сего некто спросил старца: «Неужели ты не смутился, старец Божий?» — «Нет,— ответил он,— но чувствовал в душе моей, что она была как бы покрываема Христом». К сему блаженный присовокупил: «Поистине должно благодарить таковых и почитать их, если кто страстен, врачами, врачующими раны души его, а кто бесстрастен, благодетелями, доставляющими ему Царство Небесное».

24. Сказывал еще блаженный: «Когда был я еще в Тирском монастыре, прежде перехода моего оттуда пришел к нам один славный добродетелями старец. Когда стали мы читать книгу достопамятных сказаний и премудрых изречений святых старцев (ибо блаженный любил их прочитывать, и как бы дышал ими, и черпал из них научение всякой добродетели) и дошли до сказания о том старце, который, когда пришли к нему разбойники и сказали, что они положили взять все, что есть в келлии его, спокойно ответил им: «Возьмите, дети, все, что вам покажется»; и когда они все забрали и ушли, оставя одну сумку, он, взяв ее, погнался за ними, крича: «Дети! Возьмите от меня, что забыли вы в келлии нашей»; они же, пораженные незлобием старца, возвратили ему все в келлию его, в раскаянии говоря друг другу: «Истинно, это человек Божий». Как только прочитали мы это, говорит мне старец: «Знаешь, авва мой, это сказание большую мне принесло пользу». Говорю ему: «Как так, отче?» Он ответил: «Некогда во время пребывания моего в местах, прилежащих Иордану, прочитав это, подивился я старцу и сказал: «Господи, сподоби меня и по стопам тех шествовать, которых образ (схиму) принять сподобил Ты меня». Так это желание и удержалось у меня. И вот спустя два дня подошли разбойники и постучались в дверь. Я тотчас узнал, что это разбойники, и сказал в себе: благодарение Богу! се, время показать плод желания

моего. Потом, отворив дверь, принял их радушно, и зажегши светильник, начал показывать им вещи, говоря им: «Не мятитесь; как верую Господу, ничего не скрою от вас». Они говорят мне: «Есть ли у тебя злато?» — «Есть, — ответил я, — вот три монеты», — и открыл пред ними сосуд. Они взяли и пошли с миром. «Я же, — сказал с улыбкою блаженный, — спросил его: «А возвратились ли они к тебе, как те к тому старцу?» — «Не дай Бог, — тотчас ответил он, — у меня и помышлений не было, чтоб возвратились». К сему приложил блаженный: «Вот какова была ревность старца и вот что доставила ему готовность подражать святым, — то, что не только не скорбел, но еще радовался, как сподобившийся особенного некоего блага».

25. «Как беседуя с вами пред сим, — сказал блаженный, — я помянул, что если мало потерпим брату нашему, гневающемуся, приобретем душу его, то теперь хочу рассказать вам на сие, что слышал от блаженного Сергия, игумена Педиадского. Он сказывал мне: «Некогда были мы в дороге с одним святым старцем и заблудились. Не зная, куда идти, попали мы на засеянное поле и потоптали немного зелени. Увидев это, земледелец, случившийся тогда там на работе, начал крепко бранить нас, крича с гневом: «Вы, монахи! Боитесь вы Бога? Если бы вы имели страх Божий пред очами своими, не сделали бы этого». Старец тот святой тотчас сказал нам: «Господа ради никто не говори»; к земледельцу же кротко обратился с такою речью: «Правду ты говоришь, чадо, что, если бы мы имели страх Божий, то не сделали бы этого». Тот опять забранился с гневом, старец снова сказал ему: «Правду говоришь, что если бы мы были монахи, то не сделали бы этого. Но, Господа ради, прости нам; винимся, что погрешили против тебя». Это так поразило земледельца, что он, подошедши, бросился в ноги старцу и сказал: «Прости меня, ради Господа, отче, и возьми меня с собою». И, действительно, он пошел за нами, — сказал блаженный Сергий, — и пришедши в обитель, принял схиму». Вот что, — прибавил авва Зосима, — кротость и доброта святого старца могли сделать с Божиею помощью — спасти созданную

по образу Божию душу, которая вожделенна Богу паче, нежели тьмы миров с богатствами их».

26. Говорил еще авва Зосима: «Однажды, когда был я у блаженного Сергия, он сказал мне: «Почитай нам что-нибудь из Писания». Я начал читать Притчи и, когда дошел до места, где говорится: *во множех древех растет огнь: а идеже несть разгневляюща, умолкает свар* (Притч. 26, 20), спросил его: «Что значит это изречение?» Он сказал мне в ответ: «Как дрова суть (материальная) причина пламени огненного, и если их недостаточно будет, огонь скоро угасает: так есть свои причины и страстей; и если кто отсечет сии причины, страсти остаются бездейственными. Именно: причины блуда, как сказал авва Моисей, суть: есть и пить невоздержно, спать вдоволь, сидеть без дела, забавляться, празднословить и любить наряжаться. Если кто отсечет все это, страсть блуда будет бессильна. Опять причины гнева, как он же сказал, суть: давать и брать (хлопотливые сделки иметь), творить волю свою, любить учительство, почитать себя разумным. Кто отсечет это, у того страсть гнева не будет иметь силы. Так и относительно всех страстей. И это-то значат слова аввы Сисоя, какие сказал он, когда брат спросил его: «Почему страсти не отступают от меня?» Он сказал ему в ответ так: «Потому что сосуды их (т. е. причины) суть внутри тебя, отдай им залог их — и они отойдут».

27. В другой раз говорил, что двоегневен, в ком не умолкает брань, есть тот, кто не довольствуется первым раздражением, но сам еще разжигает себя ко второму гневу. Кто, воспламенившись гневом, тотчас придет в себя, и, сознав вину свою, испросит прощение у брата, на которого рассердился, этот не называется двоегневным; в нем утихает брань, потому что, как только он, сознав вину свою, помирится с братом, брань не имеет уже в нем места. Но кто, разгневавшись, не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев, и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем, — этот называется двоегневным; и в нем брань не утихает, потому что после гнева берут его

в свою власть злопамятство, неприязнь и злоба. Господь Иисус Христос да избавит нас от части таковых и да сподобит части кротких и смиренных.

28. Часто говорил он также, что великое внимание и немалая мудрость потребны против злокозненности диавола; ибо бывает, что он иногда из-за ничего возбуждает тревоги и неудовольствия, внушая и благословные к тому предлоги, чтоб казалось, что гневаться в предлежащем случае справедливо, и есть основательная причина. Но что бы ни внушал он, да ведает желающий во истине шествовать путем святых монах, что никакое раздражение, как бы оно ни казалось правым, не должно им быть допускаемо, как говорит Макарий: «Монахам не следует гневаться, и еще, не следует причинять скорбь ближнему». При этом он рассказал нам следующее: «Некогда заказал я писать для меня некоторые книги одному искусному писцу». Кончив писать, он прислал сказать мне: «Се кончил я; пришли, что рассудится тебе, и возьми». Один брат, услышав о сем, пришел к тому писцу от моего имени, и, дав известную плату, взял книги. Между тем и я, не зная о случившемся, послал нашего брата с письмом и платою взять их. Писец, узнав из этого, что осмеян взявшим книги братом, сильно раздражился и сказал: «Пойду непременно и досажду ему — и за то, что насмеялся надо мною, и за то, что взял не свое». Я же, услышав о сем, послал сказать ему: «Ведомо, конечно, тебе, брате мой, что мы за тем приобретаем книги, чтоб научиться из них любви, смирению, кротости; если же самое начало приобретения книг ведет к ссорам, то и не хочу иметь их, чтоб не ссориться: ибо *рабу же Господню не подобает сваритися* (2 Тим. 2, 24)». Таким образом, отказавшись от книг, я сделал, что брату тому не причинено было преднамеренное досаждение.

29. Однажды сидя с нами и беседуя о душеспасительных вещах, блаженный начал приводить изречения святых старцев и, дошедши до изречения, сказанного аввою Пименом, что осуждающий себя находит покой всюду, и до того, которое сказал авва Нитрийской горы, на вопрос: «Что более всего обрел ты,

отче, на пути сем?» — «Обвинять и укорять себя самого всегда», — ответил он, при чем вопрошавший прибавил: «И нет другого пути, кроме сего». Сии изречения припомнив, сказал блаженный: «Какую силу имеют слова святых! И поистине, что ни говорили они, говорили от опыта и истины, как свидетельствует божественный Антоний. От того слова их и сильны, что изречены деятелями, как и всем делать заповедует некто из мудрых: «Слова твои да подтверждает жизнь твоя». При сем авва рассказал нам следующий случай: «Когда я еще немного времени пребывал в Лавре аввы Герасима, сидели мы однажды с возлюбленным мне братом и беседовали о душеспасительных вещах. Я припомнил вышесказанные слова аввы Пимена и того другого старца Нитрийского, и брат сказал мне при сем: «Я опытом узнал истину сих слов, и вкусил покоя, доставляемого исполнением их. Жил я в искренней дружбе с одним диаконом Лавры сей. Он не знаю, от чего, возымел на меня подозрение в одном деле, оскорбился тем и стал смотреть на меня мрачно. Заметив эту мрачность, я просил объяснить мне причину того, и он мне сказал: «Ты сделал такое и такое дело». Не сознавая за собою такого дела, я начал удостоверять его в своей невинности; но он сказал на это: «Прости, не удостоверяюсь». Удалясь в келлию свою, я начал испытывать сердце свое, сделано ли мною когда-либо такое дело, — и не находил. Когда после того случилось, что он, взяв потир, подавал, я побожился ему на нем, что не помню, чтоб сделал то дело; но он и тут не удостоверился и этим. Тогда снова вошедши в себя, вспомнил я о сих словах старцев, и в полной вере в истину их, обратил помысл свой на себя и сказал: «Диакон искренно любит меня, и сею любовью движимый, открыл мне, что имеет сердце его на меня, чтоб я трезвенно блюл себя, как бы не сделать того. Впрочем, бедная душа моя, как говоришь ты, что не сделала дела того? Тысячи худых дел наделано тобою, и ты забыла о них. Где то, что сделано тобою вчера или за десять дней назад? Помнишь ли о том? Итак, не сделала ли ты и этого, как сделала то, — и забыла, как забыла прежнее?» Таким образом,

я положил в сердце своем, что я истинно сделал это; но как забыл прежнее, так забыл и это. И начал я благодарить Господа и диакона, что через него сподобил меня Господь познать грех свой и покаяться в нем. Потом встал, и в таких помышлениях пошел к брату сознаться пред ним, и поблагодарить его. Но лишь только постучал я в дверь, как он, отворив ее первый, делает мне поклон, говоря: «Прости мне, я поруган бесами, заподозрив тебя в деле том; ибо истинно удостоверил меня Бог, что ты неповинен в нем; и не допустил меня более уверять его, говоря: «В этом нет уже нужды». Пересказав это, блаженный Зосима прибавил: «Вот к чему искреннее смирение расположило сердце брата, возлюбившего его, что он не только не возмутился поступком диакона, и не оскорбился на него, во-первых, за то, что тот заподозрил его, во-вторых за то, что не поверил его уверениям в своей невинности, но еще принял на себя не сделанный грех, и не только это, но и возблагодарил диакона. Видите, что творит добродетель сия? На какие степени преуспеяний возводит любящих ее? Ибо, если бы захотел брат, то тысячи поводов возымел бы к тому, чтоб сделаться через диакона демоном. Но как он устремился к добродетели, то не только не оскорбился на него, но еще поблагодарил его, так как добродетель объяла сердце его. Так если б и мы предварительно посевали в себе семена кротости и смирения и располагали к ним сердце свое, то враг не имел бы места сеять в нем злые семена свои. Но как он находит нас пустыми без добрых помыслов или даже более того, самих себя разжигающими на худое, то берет отсюда поводы наполнять нас своим злом. При любви же к добродетели бывает совершенно противное сему: ибо тогда Господь, видя, как душа жаждет спастись и как усердно возделывает в себе добрые семена, ради сего благого произволения ее исполняет ее Своими дарами».

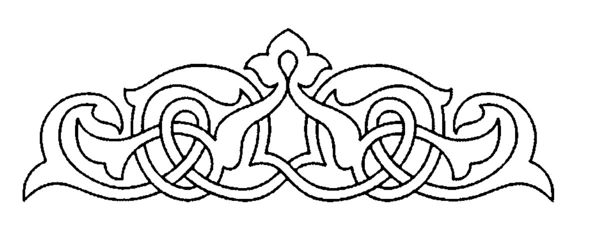
30. Однажды блаженный авва, вспомнив о старце, которого окрадывал живший по соседству с ним брат, — что он, зная то, никогда не обличал этого брата, но еще более работал, говоря: «Может быть, нужду имеет брат», — дивился благосердию

святых, и рассказал при этом следующий случай. «Во время пребывания моего в Педиаде вот что рассказывал мне один игумен: «Близ обители нашей жил один старец и был он преблагой души. Живший по соседству с ним брат, однажды, в отсутствие старца, по вражескому искушению, отворив келлию его, вошел внутрь и забрал себе вещи его и книги. Когда старец по возвращении, отворив келлию, не нашел своих вещей, то пошел к брату тому сказать ему о сем. Но вошедши в его келлию, увидел вещи свои посреди ее, потому что брат не успел еще прибрать их. Не желая, однако ж, пристыдить брата и обличить его, показал вид, что будто схватил его живот, и вышел вон, где пробыл довольно времени, как бы для нужды, чтоб брат, между тем, успел убрать вещи. Возвратясь же к нему после сего, начал он говорить о другом и не обличил брата. Через несколько дней узнаны были у него вещи старцевы, и его взяли и посадили под стражу. Старец ничего о том не знал, но услышав, что брат в темнице, и не зная, за что он в темнице, пришел ко мне, — говорит игумен, ибо он учащал к нам, — и просил: «Сделай милость, дай мне несколько яиц и немного чистых хлебцев». Я говорю ему: «Верно, у тебя ныне есть кто?» — «Да», — ответил старец; взял же это он для того, чтобы пойти в темницу и утешить брата. Лишь только вошел он в темницу, как брат падает ему в ноги и говорит: «За тебя я здесь, авва, потому что это я украл твои вещи, но книга твоя у того-то, одежда же у того-то». Старец говорит ему: «Да удостоверится сердце твое, сын мой, что я не ради того пришел сюда; я даже не знал, что ты здесь за меня; но услышав, что ты здесь, я опечалился и пришел утешить тебя; вот смотри — яйца и чистые хлебцы. Теперь же пойду и сделаю все, пока извлеку тебя отсюда». Пошел и попросил некоторых из начальственных лиц, кои знали его ради добродетели его; и они послали выпустить брата из темницы».

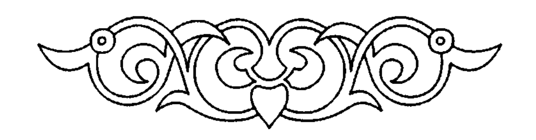
31. Рассказывали еще о том же старце, что однажды пошел он на рынок купить себе одежду. Купил и отдал одну златицу. Оставалось ему приплатить еще несколько мелкими монетами. Он взял одежду и положил под себя, и стал отсчитывать мелочь

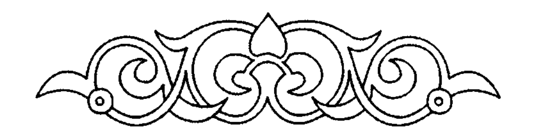
на дощечку. Тут кто-то подошел и пробовал вытащить из-под него одежду. Ощутив это, старец понял, что это значило, и жалея о трудящемся, стал понемногу приподниматься, как бы потягиваясь с монетою, пока тот вытащил одежду и ушел; и старец не обличил его. После сего блаженный Зосима сказал: «Чего стоила эта одежда его или те, украденные у него, вещи? Но сколь высокоценно произволение его! Он показал, что, имея их, он был таков, как бы ничего не имел. Когда их похищали, он оставался таким же, не скорбя о том и не раздражаясь за то; ибо как я всегда говорю, не то вредит, чтоб иметь, но иметь с пристрастием. Старец сей хотя бы весь мир имел, был бы таков, как бы ничего не имел: ибо тем, что он сделал, показал, что свободен от всего.

Восподвизаемся же, братие, и мы подражать примерам святых отцов и ревностно исполнять словеса их, чтоб, исполнясь здесь плодов благих, сподобиться и вечных благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».



ПРЕПОДОБНЫЙ
МАКСИМ
ИСПОВЕДНИК





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ МАКСИМЕ ИСПОВЕДНИКЕ

Святой Максим, цареградец, рода знатного. Получив полное образование – и богословское, и философское, и всякое другое, какое требовалось в то время, он был взят императором Ираклием в придворные и исправлял дела первого секретаря с успехом и достойною похвалою.

Когда поднялась монофелитская ересь, в порождении которой виновны были и царь с патриархом, и начались смуты и во дворце, и в городе, и в других областях царства, святой Максим почел это благословным поводом к удовлетворению всегдашнего своего желания оставить мир и поступить в какую-либо обитель. Уволившись от дел, поступил он в Хрисопольскую обитель (641 год), и со всею ревностью предался аскетическим подвигам по строгим отеческим уставам, являя в себе для всех и во всех отношениях пример, достойный подражания. Почему, когда потребовался новый настоятель в обители, он единодушно всеми избран был на сие служение, которое и исправлял достодолжно, не поблажая себе и не человекоугодничая.

Между тем ересь монофелитская все росла и росла, поддерживаемая двором и патриархом; росли вместе с нею и смуты. Не терпя смут, святой Максим оставил обитель и направился в Рим. Мимоходом он останавливался на время в Карфагене, в Африке, где на бывшем там Соборе обличил несостоятельность монофелитства в лице случившегося там патриарха Константинопольского Пирра, бывшего не у дел. Затем переплыл в Рим, где также скоро принял участие в Соборе против монофелитов, собранном святым папою Мартином, по случаю повеления царева – принять и подписать типик, или составленное им изложение исповедания веры, куда внесено было и монофелитское зломудрие. На сем Соборе осудили и прокляли монофелитство, и типик царский, и всех, приемлющих это еретическое учение. Затем такое соборное определение разослали всюду, по Западу и Востоку.

Разгневанный тем царь распорядился схватить и папу святого Мартина, и святого Максима, и привезти в Царьград. По доставлении их сюда святого Мартина после неимоверных истязаний сослали в заточение в Херсонес, где он и скончался (655), а святого Максима принялись склонять на свою сторону, что и делали очень усердно: сначала в царских палатах, потом в узилище в Царьграде,

далее во Фракийском городке Визие, месте первого заточения святого страдальца; затем, по вызове оттуда, опять в Царьграде, в обители Святого Феодора, где он был помещен, в более торжественной и грозной обстановке. Дело производили сенаторы, присутствовали при сем иной раз и архиереи. Целью имелось убедить святого Максима согласиться на их учение или хоть подписать типик, или хоть молчать. Ничто не удалось. Истина Православия в устах святого Максима являлась всякий раз победоносною и заставляла не молчать только, но и преклоняться противников. Мужество поборника истины покушались поколебать и обещаниями, и угрозами, и указаниями, как обойти истину незаметно для других; наконец, на последнем собрании и побоями. Ничто не помогло; и святого Максима сослали во второе место заточения через Селимврию в Перверу, в прибрежиях Мраморного моря к западной стороне.

Но врагам истины не спалось, и святой Максим снова вызван был в Царьград для увещаний окончательных, кои и велись с большею настойчивостью, но также безуспешно, в трех приемах: в царских палатах, в узилище и опять в палатах, где постановлено было и последнее решение: оставить страстотерпца в живых, но наложить ему муки, тягчайшие смерти. И предали его с сею целью в руки градского епарха.

Этот же бесчеловечный мучитель, взяв преподобного, ввел его в претор, повелел обнажить и, простерши на земле, бить острейшими жилами. И били старца Божия столь бесчеловечно, что не осталось ни одного целого места на теле его, и кровью обагрилась вся земля под ним. Затем, едва дышащего, ввергли его в темницу.

Наутро взяли святого опять в претор, и еще жесточайшей подвергли казни: отрезали ему язык богоглаголивый и ересеобличительный, и отсекли руку правую ножом и млатом за писание учительных и обличительных книг. Потом, извлекши из претора, раздетого и разутого влачили по торжищу на поругание, показывая народу отрезанные язык и руку.

Наконец, после таких бесчеловечных мучений и поруганий, отослали святого в далекое изгнание, в Мингрелию, и там заключили в Схемарскую темницу, где, пострадав три года, всякую терпя нужду, святой Максим отошел ко Господу, утешен быв перед смертью некиим известительным видением. Это было в 662 году. Память святого Максима совершается 21 января.

Святой Максим оставил много писаний – и догматических, и обличительных, более же – нравоучительных и аскетических. В греческом Добротолюбии помещены из них главы о любви, числом четыреста; семьсот глав о Пресвятой Троице и о воплощении Бога Слова, более же о добродетелях и страстях; и толкование о молитве Господней.

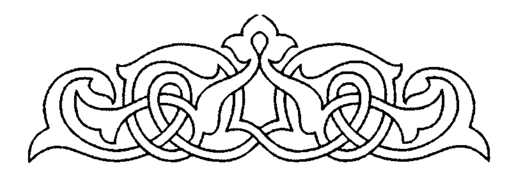
Мы заимствуем из сего в свой сборник главы о молитве все, как есть; из семи же сот глав делаем выборку более удобопонятных и более нравоучительных, и аскетических глав. Взамен опускаемого здесь вносим, по изданию Migne, подвижническое слово.

Таким образом, из святого Максима предлагаются:

1) Подвижническое слово, в вопросах ученика и ответах старца.

2) Четыреста глав о любви (в новом переводе).

3) Умозрительные и деятельные главы, выбранные из семисот глав греческого Добротолюбия.



1
СЛОВО ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

(брат и старец)

1. Брат спросил старца: прошу тебя, отче, скажи мне, какая была цель воплощения Господня? Старец сказал ему в ответ: удивляюсь тебе, брате, что каждый день слушая Символ веры, ты спрашиваешь меня о сем. Скажу впрочем тебе, что целью воплощения Господня было наше спасение.

Брат сказал: объясни мне, отче, как это? Старец ответил: поелику человек, в начале сотворенный от Бога и помещенный в раю, преступив заповедь, подвергся тлению и смерти; потом, несмотря на то, что многоразличным Промыслом Божиим во всяком роде и роде был направляем на добро, постоянно преуспевал только в худшем, множеством страстей плотских влекомый в отчаяние, того ради единородный Сын Божий, предвечное Слово, еже из Бога Отца Источник жизни и бессмертия явился нам во тьме и сени смертной сидящим (см. Ис. 9, 2; Мф. 4, 16), воплотившись от Духа Святого и Пресвятой Девы, и показал нам образ богоподобной жизни, дав святые заповеди с обетованием Царства Небесного тем, кои будут жить по ним, и угрозою вечными муками тем, кои будут преступать их; потерпев же спасительные страсти и из мертвых воскресши, даровал нам надежду воскресения и жизни вечной, послушанием разрешив вину прародительского греха и смертью уничтожив власть смерти, да *якоже бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* (1 Кор. 15, 22); а наконец вознесшись на Небо и седши одесную Отца, ниспослал Святого Духа в залог жизни, — в просвещение и освящение душ наших, и в помощь подвизающимся спасения ради исполнять заповеди Его.

Вот, говоря кратко, какая была цель воплощения Господня!

2. Брат сказал: желал бы я, отче, вкратце услышать, какие заповеди должен я исполнять, чтобы спастись? Старец ответил: Сам Господь сказал апостолам по воскресении: *шедше убо, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19-20). Так, что все, заповеданное Им, должно соблюдать всякому человеку, крещеному во имя Животворящей и Богоначальной Троицы. Господь неразрывным союзом сочетал с правою верою и соблюдение всех заповедей, зная, что при разделении одного от другой невозможно спастись человеку. Почему и Давид, имея правую веру (недовольствовался ею одною), но говорил к Богу: *ко всем заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды везненавидех* (Пс. 118, 128). Против всякого пути неправедного даны нам от Господа противоположные тому заповеди; и если кто оставляет какую-нибудь из них, то вместе с тем вступает на противоположный ей путь неправды.

3. Брат сказал: кто же, отче, может исполнить все заповеди, когда их столько?! Старец ответил на это: тот, кто подражает Господу и последует Ему шаг за шагом. Брат сказал: а Господу кто может подражать? Господь был Бог, хотя и соделался человеком, а я человек грешный, порабощенный бесчисленным страстям, как же могу я подражать Господу? Старец ответил: из тех, которые порабощены миру и суетностям его, никто не может подражать Господу; те же, которые могут сказать: *се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом* (Мф. 19, 27), получают силу подражать Господу и по всем заповедям Его направляться. Брат говорит: какую силу? Старец ответил: Его самого послушай, что говорит: *се даю вам власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит* (Лк. 10, 19).

4. Таковую силу и власть получив, апостол Павел говорил: *подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16). И опять: *ни едино убо ныне осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу* (Рим. 8, 1). И еще: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Также: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

5. Об этой же власти и помощи, пророчествуя, Давид говорил: *живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него* (Пс. 90, 1-2). И немного ниже: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия... Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих* (Пс. 90, 13, 11). Те же, которые к плоти пристрастились и любят суетность мира, послушай, что слышат от Господа: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). И еще: *иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 27). Также: *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). Итак, желающий быть Его учеником, и явиться достойным Его, и силу от Него получить против духов злобы, отстает от всякого плотоугодливого обычая и обнажает себя от всякого пристрастия к вещественному; и таким образом подвизается против невидимых врагов за заповеди Господни, как Сам Господь подал нам образец тому в Себе, и тогда, как был искушаем в пустыне от начальника их, и тогда, когда, явясь в мир (во время всенародного служения), был искушаем от тех, кои действовали под влиянием их.

6. Брат сказал: но, отче, заповедей Господних много; и кто может все их иметь в уме, чтобы подвизаться за все, особенно я, человек небольшого ума? Почему желал бы я услышать краткое слово (немногосложное правило), чтобы, содержа его, содевать мне свое спасение. Старец ответил: хотя и много заповедей, брат, но все они совмещаются в одном слове, — следующем: *возлюбиши Господа Бога твоего... всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим: и ближняго своего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Подвизающийся соблюдать сие слово исправляет все зараз заповеди. Но кто не отрешится, как сказано впереди, от всякого пристрастия к вещественному, тот не может настоящим образом любить ни Бога, ни ближнего. Вместе — и к веществу быть пристрастну, и Бога любить — невозможно. И это внушал Господь, когда говорил: *никтоже может двема господинома работати* (Мф. 6, 24). И: *не можете Богу работати*

и мамоне (Лк. 16, 13). Ибо насколько ум прилепляется к вещам мира сего, настолько порабощается им и презирает заповедь Божию, преступая ее небоязненно.

7. Брат сказал: к каким это вещам пристрастие разумеешь ты, отче? Старец ответил: к яствам, к деньгам, к имуществу всякого рода, к славе, к родным и другим подобным. Брат сказал: да не Бог ли создал все сие, отче, и дал людям на употребление? Как же Он теперь не велит и касаться этого! Старец ответил: точно — Бог создал все это и дал людям на употребление, — и все, от Бога произшедшее, хорошо (см. Быт. 1, 31) и затем нам дано, чтобы мы, хорошо тем пользуясь, угождали Богу. Но мы, будучи немощны и оземленены помышлением, предпочли вещественное заповеди о любви, и пристрастившись к тому, ведем из-за того брань с людьми. Надлежит всему видимому и даже самому телу предпочитать любовь ко всякому человеку, которая служит признаком и любви к Богу, как Сам Господь показывает в Евангелии, говоря: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите* (Ин. 14, 15). Какая же это заповедь, соблюдши которую, мы окажемся любящими его, послушай, что говорит Он опять: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12). Видишь — взаимная друг к другу любовь составляет любовь к Богу, которая есть исполнение всякой Божией заповеди (см. Рим. 13, 10)? Вот почему и повелевает Господь не только не пристращаться к вещам мира, но отрекаться и от всякого имущества своего тому, кто искренно желает быть Его учеником.

8. Брат сказал: ты сказал, отче, что всему видимому и даже самому телу надлежит предпочитать любовь ко всякому человеку; но как могу я любить того, кто меня ненавидит и отвращается от меня? Кто завидует мне, сплетает клеветы, строит козни, покушается сделать зло, как могу я любить такого? По естеству судя, мне кажется, отче, что это невозможно; ибо чувство скорби естественно заставляет отвращаться от того, кто причинил скорбь. Старец ответил: для пресмыкающихся и зверей, водящихся естеством, точно невозможно не отмщать,

сколько силы есть, за причиненное им озлобление; но для созданных по образу Божию, водящихся разумом, удостоенных познания Бога, и закон от Него принявших, возможно не отвращаться от оскорбляющих и любить ненавидящих. Почему и Господь, говоря: *любите враги ваша... добро творите ненавидящим вас* и прочее (Мф. 5, 44), заповедует сие, конечно, не как невозможное, но как возможное; иначе не полагал бы Он наказания преступающему эту заповедь. Что такая любовь возможна, самым делом показали то Господь и ученики Его, которые за любовь к ближнему подвизались даже до смерти, и тепло молились за тех, которые убивали их. А мы, поелику вещелюбивы и сластолюбивы и предпочитаем вещи и удовольствия заповеди, то по тому самому не можем любить ненавидящих нас, и не только это, но часто из-за них отвращаемся даже от любящих нас, оказываясь по нраву худшими зверей и пресмыкающихся. Не могши же таким образом последовать стопам Божиим, не можем мы познать и цель Его, чтоб отсюда заимствовать силу себе.

9. Брат сказал: вот, отче, я оставил все: родство, имение, утехи и славу мира, так что у меня ничего нет, кроме этого тела; и однако ж брата, ненавидящего меня и отвращающегося от меня, любить не могу, хотя и нужу себя на деле не воздать ему злом за зло. Скажи мне, что должно мне сделать, чтоб я возмог от сердца любить такого, — да и всякого, каким-либо образом оскорбляющего меня и наветующего на меня. Старец ответил: невозможно любить оскорбляющего даже тому, кто отрекся от мира и всего, что в мире, если он истинно не познает цель Господню. Когда же даст ему Господь познать ее, и он возревнует ходить по указанию ее, тогда возможет он от сердца любить ненавидящего и оскорбляющего, как любили и апостолы, знавшие ее.

10. Брат сказал: какая это цель Господня, растолкуй мне, прошу тебя, отче. Старец ответил: если хочешь познать цель Господню, слушай разумно. Господь наш Иисус Христос, естеством Бог сый и человеком соделаться благоволивши по чело-

веколюбию, родившись от Жены, был под законом, по Божественному апостолу, чтобы, соблюдши заповеди, как человек, уничтожить древнюю Адамову клятву. Зная, что весь закон и пророки висят на двух заповедях: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего... и ближняго своего, яко сам себе* (Лк. 10, 27), Он так положил действовать от начала до конца, чтоб в совершенстве, по-человечески, однако ж, соблюсти сии заповеди. Но, прельстивший в начале человека и через то возымевший державу смерти, диавол, видя, как во время крещения свидетельствовал о Нем Отец, и как Он, приняв с небес, яко человек сородного Духа Святого, изшел потом в пустыню искуситься от него — диавола, всю брань обратил на Него, не успеет ли сделать, чтобы и Он блага мира предпочел любви к Богу. Зная же, что есть три вещи, около которых кружатся все человеческие желания и утехи, так как яства, деньги и слава, которыми он всегда и ввергает людей в бездну погибели, этими тремя покушался он обольстить и Господа; но Господь, явясь выше всего этого, грозно повелел: *иди за Мною, сатано* (Мф. 4, 10).

11. Это и есть признак любви к Богу (т. е. чтоб стоять выше тех вещей), и сатана, не могши склонить Христа Иисуса Господа преступить ее из-за того, что обещал, всячески покушался потом, когда выступил Господь для всенародного действования, довести Его до нарушения заповеди о любви к ближнему, действуя через беззаконных иудеев. Для сего, когда Господь учил путям жизни и делом показывал образец небесного жития, возвещал воскресение мертвых и верующим обещал жизнь вечную и Царство Небесное, а неверующим угрожал вечным мучением, в подтверждение же истины словес Своих творил дивные Божественные знамения, призывая народ к вере, — тот возбуждал беззаконных фарисеев и книжников к разным против Него наветам, чтоб, не стерпевши, как им чаялось, искушений, подвигся Он ненавистью к наветникам, — и он, злокозненник, достиг бы таким образом своей цели, показав Его нарушителем заповеди о любви к ближнему.

12. Но Господь, яко Бог, зная его замыслы, не воспринимал ненависти к возбуждаемым от Него фарисеям (ибо как это возможно, когда Он естеством благ), а, напротив, любовью к ним поражал его самого, возбудителя их. Так как они, подвергаясь вражескому возбуждению, могли не принимать Его, и если принимали, то потому, что произвольно, по невниманию и беспечности, склонялись на внушения возбудителя; то Господь вразумлял их, обличал, укорял, оплакивал и в то же время не переставал всячески им благодетельствовать, злословимый — благодушно сносил, страдая — терпел, показывал в отношении к ним всякие дела любви. Таким человеколюбием к возбуждаемым против Него Он поражал возбудителя. Дивная брань! Вместо ненависти показывает Он любовь, и благостью низвергает отца злобы. Претерпев от них столько зол, истиннее же сказать, ради их, до смерти по-человечески подвизавшись за заповедь любви, и одержав совершенную над диаволом победу, восприял Он наконец ради нас венец воскресения; и таким образом новый Адам обновил ветхого. Вот что значит слово, изреченное Божественным апостолом: *сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе,* и проч. (Флп. 2, 5).

13. Такова была цель у Господа, чтоб Отцу быть послушну даже до смерти, как человеку ради нас, храня заповедь любви, а диавола поражать, страдая от него через возбуждаемых им книжников и фарисеев. Так свободно, давая будто над Собою победу, победил Он чаявшего победить Его и исторг мир из его тиранства. Так Христос *распят бысть от немощи* (2 Кор. 13, 4), но сею немощью умертвил Он смерть и упразднил *имущаго державу смерти* (Евр. 2, 14). Так и Павел немоществовал сам в себе, и хвалился в немощах, *да вселится* в него *сила Христова* (2 Кор, 12, 9).

14. Изучив образ сей победы, святой Павел говорил, писав к ефесеям: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем,* и проч. (Еф. 6, 12). И тем, которые имеют брань с невидимыми врагами, заповедал взять броню правды, шлем упования, щит веры и меч духовный, да возмогут *вся стрелы лука-*

ваго разженныя угасити (Еф. 6, 16). Делом же показывая образ сей брани, говорил: *аз убо тако теку, не яко безвестно: тако подвизаюся, не яко воздух бияй. Но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26-27), и опять: *до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем* (1 Кор. 4, 11), еще: *в труде и подвизе, во бдениих множицею... в зиме и наготе* (2 Кор. 11, 27).

15. Такою же бранью воевал он и с демонами, возбуждающими похоти плотские, отгоняя их изможением своего тела. Показывая же нам самим делом образ победы над теми демонами, которые борют на ненависть, и для того нерадивейших воздвигают против благочестивых, чтобы, будучи ими искушаемы, они возненавидели их и тем преступили заповедь любви, говорил: *укоряеми, благословляем: гоними, терпим: хулими, утешаемся: якоже отреби миру быхом, всем попрание доселе* (1 Кор. 4, 12-13). Демоны для того внушали укорять, злословить и гнать апостола, чтоб подвигнуть его на ненависть к укоряющему, злословящему и гонящему, имея в цели довести его до преступления заповеди о любви. А апостол, не ведая умышлений их, укоряющих благословлял, гонящих терпел, хулящих умолял отстать от возбуждающих на это демонов и присвоиться благому Богу; и сим образом брани демонов, научающих злу, поражал он всегда, благим побеждая злое, по подражанию Спасителю. Сим образом он и прочие апостолы весь мир отторгли от демонов и присвоили Богу, своим поражением побеждая тех, которые думали, что одержали победу. Итак, брат, если и ты будешь держать ту же цель, то возможешь и ты любить ненавидящих тебя; а если не будешь, то не возможешь; ибо иначе это невозможно.

16. Брат сказал: поистине, отче, так есть, а не иначе. И для этого-то Господь, поносимый, по ланитам ударяемый и другим подвергаясь страданиям от иудеев, все сносил, об этих, как творящих по неведению и прельщенных, сожалея, как и на Кресте говорил: *отче, отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. 23, 34), над вселукавством же и прелестью диавола и князей

его торжествуя на Кресте победу; так как даже до смерти выдержал против них подвиг за заповедь любви, как сказал ты. Сию над ними победу Он нам подарил; и разрушив державу смерти, Воскресение Свое всему миру даровал в живот. Но помолись обо мне, отче, чтоб я мог совершенно познать цель Господа и апостолов Его, и потом трезвиться во время искушений, не неразумевая умыслов диавола и демонов его.

17. Старец сказал ему на это: если будешь всегда иметь в мысли сказанное, то возможешь не неразумевать (умышлений лукаваго). Но когда уразумеешь, что как ты искушаем бываешь, так и брат твой искушается; то искушаемому брату прощай, а искушающему диаволу, желающему ввести тебя в ненависть к брату искушаемому, противостой, не поддаваясь его козням. Это самое внушает и Иаков, брат Божий, когда говорит в послании: *повинитеся убо Богу, противитеся же диаволу и бежит от вас* (Иак. 4, 7). Итак, если, как сказано, будешь ты всегда содержать в трезвенной мысли изложенное выше, то возможешь познать цель Господа и апостолов Его, и людей любить, сострадая им, когда они неправо действуют, а лукавым демонам всегда противоборствовать посредством любви. Если же мы с тобою будем распущенны, беспечны, нерадивы, и помысел свой предадим плотским удовольствиям, то не против демонов будем вести брань, а против себя и братий, демонам же угождать будем, ради них воюя с людьми.

18. Брат сказал: так, отче; всегда от нерадения моего берут демоны случай против меня восставать. Но прошу тебя, отче, скажи мне: как должен я стяжать трезвение? Старец ответил: совершенное беспопечение о земном и всегдашнее поучение в Божественном Писании приводит душу в страх Божий, страх же Божий приводит трезвение. И тогда душа начинает видеть, как демоны воюют против нее посредством помыслов, и отражать их: о чем говорил и Давид: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9). К такому противоборству демонам возбуждая учеников своих и верховный апостол Петр сказал: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая,*

ходит, иский кого поглотити. Емуже противитеся тверди верою (1 Пет. 5, 8-9). И Господь сказал: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). Так же и Екклесиаст говорит: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави* (10, 4). Место же ума есть добродетель, ведение и страх Божий. Дивный апостол, очень трезвенно и мужественно подвизавшийся, говорил: *во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем: оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово, и в готовности имуще отмстити всяко преслушание* (2 Кор. 10, 3-6). Так если и ты будешь подражать святым и притрудно упразднишься от всего для Бога, то будешь трезвен.

19. Брат сказал: что должно делать, отче, чтоб возмочь непрестанно быть с Богом? Старец ответил: невозможно уму всегда быть с единым Богом, если не стяжет он следующих трех добродетелей: любви, воздержания и молитвы. Любовь укрощает гнев, воздержание изсушает похоть, а молитва, отрешая ум от всех помышлений, нагим представляет его самому Богу. Эти три добродетели совмещают в себе все правды; и без них ум не может пребывать с единым Богом.

20. Брат сказал: прошу тебя, отче, научи меня, как любовь укрощает гнев? Старец ответил: дело любви — миловать ближнего и благодетельствовать ему, долготерпеть на нем и сносить все, причиняемое им, как часто было говорено. Имея такие свойства, любовь естественно укрощает гнев в том, кто стяжал ее. Брат сказал: немалы дела ее; но блажен тот, кто возмог стяжать ее. Я же поистине далек от нее. Однако ж, прошу тебя, отче, скажи мне, что значит долготерпеть?

21. Старец ответил: быть тверду духом в несчастиях, сносить всякое зло и ждать конца искушению, не позволяя проторгаться гневу, или сказать неразумное слово, или заподозрить что, или подумать что не приличное благочестивому человеку, как говорит Писание: *до времене стерпит долготерпеливый, и последи*

воздаст ему веселие: до времене скрыет словеса своя и устне верных исповедят разум его (Сир. 1, 23-24).

22. Таковы свойства долготерпения! И не это только, но еще и то, чтобы себя самого считать причиною искушения есть свойство долготерпения. А может быть и в самом деле так есть (т. е. что причина в нас). Ибо много из случающегося с нами случается в научение нас или во очищение прошедших грехов, или в исправление настоящего нерадения, или в предотвращение будущих падений. Кто помышляет, что искушение случилось с ним для чего-либо одного из показанного, тот не станет гневаться, будучи бием, особенно, когда сознает при сем за собою грехи; не станет обвинять того, через кого искушение: ибо через него или через другого всячески он должен был пить чашу судов Божиих; но к Богу воззрит умом и возблагодарит Его, попустившего искушение, обвиняя себя одного и охотно принимая вразумление, как поступил Давид в отношении к Семею и Иов в отношении к жене. А неразумный часто просит у Бога милости, когда же приходит милость, не принимает, потому что пришла не так, как ему хотелось, а как судил полезным Врач душ. Почему малодушествует, мятется, и то на людей гневается, то на Бога изрыгает хулу; и таким образом и неблагодарность обнаруживает, и врачевства от вразумительного жезла не получает.

23. Брат сказал: хорошо истолковал ты, отче. Но прошу тебя, скажи мне и о том, как воздержание иссушает похоть. Старец ответил: воздержание учит воздерживаться от всего, что не необходимой потребности удовлетворяет, а только доставляет удовольствие, не позволяет касаться ничего, кроме необходимого для жизни, не дает гоняться за приятным, а велит искать лишь полезного, и пищу и питие соразмерять с нуждою, не допускать в теле собираться излишней мокротности, и только жизнь тела поддерживать, соблюдая его свободным от похотных стремлений. Вот как воздержание иссушает похоть. Напротив, удовольствия, обилие пищи и пития разгорячают чрево и возжигают сильнейший позыв срамной похоти,

и влекут человека, как неразумное животное, к беззаконному смешению. Тогда глаза бывают бесстыжи, руки необузданны, язык говорит только то, что чешет слух, и ухо охотно слушает только суетное; ум небрежет о Боге, и душа, не только мысленно содевает блуд, но и тело увлекает к неподобному деянию.

24. Брат сказал: истинно так, отче. Но прошу тебя научить меня и молитве, как она отрешает ум от всяких помышлений. Старец отвечал: помышления наши суть мысли о предметах, из которых одни чувственны, а другие умственны. Занят будучи ими, ум носит в себе и перебирает мысли о них. Благодать же молитвы с Богом сочетавает ум, и сочетавая с Богом, отрешает от всех помышлений. Тогда ум, нагим беседуя с Богом, соделывается боговидным. Ставши же таковым, он просит у Бога боголепного и никогда не погрешает в прошении своем (всегда получает просимое). Апостол потому и заповедует *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17), чтобы, чаще сочетавая ум свой с Богом, мало-помалу отбросили мы пристрастие к вещественному.

25. Брат сказал: но как ум может непрестанно молиться? Ибо когда поем или читаем, когда беседуем с кем или служим кому, тогда естественно развлекаем его многими помышлениями и представлениями. Старец ответил: Божественное Писание не повелевает ничего невозможного. Сам апостол, чрез коего изречено сие, и пел, и читал, и исправлял дела служения своего (апостольского), и; однако ж, непрестанно молился. Непрестанно молиться — значит содержать ум прилепленным к Богу с великим благоговением и теплым желанием, висеть на уповании на Него, и о Нем дерзать во всем — в делах и приключениях. Так расположен будучи, апостол говорит: *кто ны разлучит от любве Божия; скорбь ли, или теснота,* и прочее (Рим. 8, 35). И немного спустя: *известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангелы* (Рим. 8, 38). И опять: *во всем скорбяще, но не стужающе си: нечаеми, но не отчаяваеми: гоними... но не погибающе: всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов в теле нашем явится* (2 Кор. 4, 8-10).

26. Так расположен будучи, апостол непрестанно молился: ибо во всех, как сказано, делах и приключениях своих висел на надежде Божией. Да и все святые всегда радовались скорбям, в чаянии через них прийти в навыкновение Божественной любви. Посему-то апостол и говорил: *сладце убо похвалюся паче в немощах моих, да вселится в мя сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и немного ниже: *егда бо немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Но горе нам, бедным, что оставили путь святых отцов, и оттого пусты от всякого духовного дела.

27. Брат сказал: отчего это, отче, не имею я сокрушения? Старец ответил: оттого, что у нас с тобою нет страха Божия пред очами нашими. Оттого, что сделались мы убежищем всякого зла, и страшные Божии прещения презираем, как пустые представления. Иначе как не сокрушаться бы, слушая, как, например, Моисей говорит от лица Божия о грешниках: *яко огнь возгорится от ярости Моея, разжется до ада преисподняго: снесть землю и жита ея, попалит основания гор* (Втор. 32, 22). И еще: *поострю, якоже молнию меч Мой, и приимет суд рука Моя, и воздам месть врагом Моим, и ненавидящим Мя воздам* (32, 41). Или как вопиет Исаия: *отступиша, иже в Сионе беззаконницы, приимет трепет нечестивыя*... тщетна будет крепость духа вашего; огнь вы пояст. *Кто возвестит вам, яко огнь горит? Кто возвестит вам место вечное?* (Ис. 33, 14). И опять: *и изыдут и узрят трупы человеков преступивших Мне: червь бо их не скончается, и огнь их не угаснет и будут в позор всяцей плоти* (Ис. 66, 24). Или как говорит Иеремия: *дадите Господу Богу вашему славу прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся нозе ваши к горам темным: и пождете света, и тамо сень смертная, и положени будут во мрак* (Иер. 13, 16). И опять: *слышите сия, людие буии и не имущии сердца: иже имеюще очи, не видите, и уши, и не слышите. Мене ли не убоитеся, рече Господь, или от лица Моего не устыдитеся?* (Иер. 5, 21-22). И еще: *накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя: и увеждь, и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Мя, глаголет Господь... Аз же насадих тя виноград плодоносен, весь истинен: како превратился еси в го-*

ресть виноград чуждий? (Иер. 2, 19-21). И опять: *не седох в сонме их играющих, но бояхся от лица руки Твоея: на едине седях, яко горести исполнихся* (Иер. 15, 17). Кто также не ужаснется, слыша, что говорит Иезекииль: *пришел есть конец, ныне конец тебе, и испущу ярость Мою на тя, и отмщу тебе по путем твоим, и дам на тя вся мерзости твоя. Не пощадит око Мое на тя и не помилую... и познаеши, яко Аз Господь бияй* (Иез. 7, 3-4, 9). Кто не сокрушится, слыша, как Даниил описывает день Страшного Суда, говоря: *зрях, дондеже престоли, поставишася, и Ветхий денми седе, и одежда Его бела, аки снег, и власи главы Его, аки волна чиста, престол Его пламень огненный, колеса его огнь палящ. Река огненна течаше, исходящи пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася* (Дан. 7, 9-10), то есть дела каждого. И опять: *видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын Человеч идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людие, племена, и языцы Тому поработают: власть Его, власть вечная, яже не прейдет, и царство Его не разсыплется. Вострепета дух мой в состоянии моем, аз Даниил, и видения главы моея смущаху мя* (Дан. 7, 13-15).

28. Кто не убоится, слыша, что говорит Давид: *единою глагола Бог, двоя сия слышах, зане держава Божия, и Твоя, Господи, милость, яко Ты воздаси комуждо по делом его* (Пс. 61, 12-13)? И опять, что говорит Екклесиаст: *конец слова, все слушай: Бога бойся, и заповеди Его храни; яко сие всяк человек: яко все творение приведет Бог на суд о всяком погрешении аще благо и аще лукаво* (Еккл. 12, 13-14)?

29. Кто не вострепещет, слыша подобное же и от апостола, который говорит: *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10; см. Рим. 14, 10). Кто же не восплачет после сего о неверии нашем и об ослеплении душ наших, что, слыша все это, не каемся и горьких не проливаем слез о таковом нерадении и таковой беспечности своей, которую предзря, Иеремия говорил: *проклят (человек), творяй дело Господне*

с небрежением (Иер. 48, 10). Если б мы имели заботу о спасении душ своих, то вострепетали бы от слова Господня и поспешили со всем старанием исполнить заповеди Его, от коих спасение наше. Но мы, несмотря на то, что слышим от Самого Господа: *внидите узкими враты... вводяй в живот* (Мф. 7, 13-14), предпочли путь широкий и пространный, ведущий в пагубу. За то, когда придет Он судить живых и мертвых, услышим от Него: *идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 41).

30. И это услышим мы, не только когда наделаем худых дел, но если понерадим о добрых, и ближнего своего не будем любить. Если же и худых при том наделаем дел, то как стерпим день тот при таком худом состоянии души? Ведать к тому же надобно, что *не убий, не прелюбы сотвори, не укради,* и прочее, древним сказано было через Моисея (Исх. 20, 13-15). Господь же, зная, что христианину для совершенства в жизни соблюдения только этого недостаточно, сказал: *глаголю бо вам, яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Почему прежде и после тех слов всегда требовал совершенной святости душевной, ради коей и тело освящается, и законоположил искреннюю любовь ко всем людям, через которых можем мы стяжать любовь и к Нему Самому. Образец этому подал Он нам в Себе Самом и в учениках Своих, как не раз говорено было.

31. Какое оправдание можем мы иметь в день оный, имея такой пред собой образец, и в таком оставаясь нерадении? Нас оплакивая, говорит Иеремия: *кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез; и плачуся день и нощь* о народе сем (Иер. 9, 1), что сподобясь такой благодати, пребываем в таком нерадении, или паче, исполнены всякого зла. О нас, слышу, говорит и Моисей: *яде Иаков и насытися (утучнел Израиль), и отвержеся возлюбленный: уты, утолсте, разшире: и остави Бога сотворшаго его, и отступи от Бога Спаса своего* (Втор. 32, 15). О нас плачет и Михей, говоря: *у, люте мне душе, яко погибе благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть...*

кийждо ближняго своего озлобляет озлоблением, на зло руки своя уготовляют (Мих. 7, 2, 3). Равным образом и Псалмопевец о нас говорил, молясь: *спаси мя Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих* (Пс. 11, 2).

32. Нас оплакивая, и апостол говорит пророчески: *вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго. Гроб отверст гортань их, языки своими льщаху: яд аспидов под устнами их. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Сокрушение и озлобление на путех их, и пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия пред очима их* (Рим. 3, 12-14, 16-18). И опять в пророческом предзрении о нынешней же нашей злой жизни пишет он к Тимофею: *сие же веждь, яко в последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горди, хулницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительни... клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли*, и прочее (2 Тим. 3, 1-4). Потому горе нам, что до последней дошли мы крайности во зле. Ибо, скажи, кто из нас непричастен исчисленным видам злонравия? Не на нас ли исполнилось это пророчество? Не все ли мы чревоугодники? Не все ли сластолюбцы? Не все ли веществолюбивы до неистовства? Не все ли гневливы? Не все ли злопамятны? Не все ли предатели всякой добродетели? Не все ли злословны? Не все ли пересудливы? Не все ли неуважительны? Не все ли братоненавистливы? Не все ли напыщены? Не все ли высокомерны? Не все ли горды? Не все ли тщеславны? Не все ли лицемерны? Не все ли лукавы? Не все ли завистливы? Не все ли непослушливы? Не все ли ленивы? Не все ли обманчивы? Не все ли беспечны? Не все ли нерадивы о заповедях Спасителя? Не все ли исполнены всякого зла? Не стали ль мы вместо храмов Божиих капищами идольскими? Вместо Духа Святого злых духов убежищем? Не притворно ли называем Бога Отцом? Не сделались ли мы вместо сынов Божиих сынами геенны? Не стали ль хуже иудеев мы, ныне великое имя Христово носящие? И никто не приходи в негодование, слыша такую истину! И те (иудеи), пребезаконными

будучи, говорили: *единаго Отца имамы, Бога;* но от Спасителя услышали: *вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Ин. 8, 41, 44).

33. Не справедливо ли и нам, преступникам заповедей Его, слышать подобное от Него? Вот апостол сынами Божиими назвал водящихся Духом. *Елицы бо,* — говорит, — *Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 14). Мы же как можем называться сынами Божиими, когда водимся мудрованием плотским? Которые водятся Духом, — говорит, — это явно бывает от плодов Духа. *Плод же духовный есть,* — говорит апостол, — *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Имеем ли мы что-либо из этого? Не скорее ли все противное тому? Потому не сынами Божиими надлежит нам называться, а противным тому. Рожденное от кого-либо бывает подобно родившему. Но Господь говорит: *рожденное от Духа, дух есть* (Ин. 3, 6). Мы же соделались плотью, похотствующею на дух, и к нам потому справедливо идет следующий приговор: *не имать Дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Как можем мы называться даже христианами, когда не имеем в себе ничего Христова?

34. Скажет кто, может быть: я имею веру во Христа, довольно для меня одной этой веры в Него ко спасению? Но противоотвечает таковому апостол Иаков, говоря: *и беси веруют и трепещут* (Иак. 2, 19). И еще: *вера без дел мертва есть* (2, 26). Да веруем ли мы в Него?! Как можно сказать, что верим Ему относительно будущего, когда не веруем относительно временного и настоящего?! А не веруем, ибо пристрастны к вещественному, живем плотски и воюем против Духа. Истинно же во Христа верующие и через исполнение заповедей в себя Его вселившие, так говорят: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос: а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 20). Почему, страдая за Него для спасения других, как верные Ему подражатели, и заповедей Его истинные исполнители, говорили: *укоряеми, благословляем: гонимы, терпим: хулими, утешаемся* (1 Кор. 4, 12-13).

Ибо слышали слово Его, заповедавшее: *любите враги ваша, благословите клянущыя вы, добро творите ненавидящым вас, и молитеся за творящих вам напасть и изгонящыя вы* (Мф. 5, 44). Так и словами их, и делами обнаруживался действующий в них Христос. Мы же поелику всяким Его заповедям противнодействуем, оказываемся исполненными всякой нечистоты. Почему и стали мы вместо храма Божия домом купли, вместо дома молитвы — вертепом разбойников, вместо рода святого — родом грешным, вместо народа Божия — народом, исполненным грехов, вместо семени святого — семенем злым, вместо сынов Божиих — сынами беззакония; поелику оставя заповеди Господа, работаем мы злым духам через нечистые страсти, — и прогневали Святого Израилева.

35. Посему-то великий Исаия, оплакивая нас и вместе желая помочь нам в падении нашем, взывает, говоря: *что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконие? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль: от ног даже до главы несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязания?* (Ис. 1, 5-6). Что же потом за этим? *Оставится дщерь Сионя, яко куща в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде, яко град воюемый* (Ис. 1, 8). Таковое опустошение души нашей показывая, и апостол сказал: *и якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная. Исполненных всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы: исполненных зависти, убийства, рвения, льсти, злонравия: Шепотники, клеветники, богомерзски, досадители, величавы, горды, обретатели злых, родителем непокоривы, неразумны, непримирителны, нелюбовны, неклятвохранителны, немилостивны. Нецыи же и оправдание Божие разумевше, яко таковая творящии достойни смерти суть, не точию сами творят, но и соизволяют творящым. Сего ради предаде их Бог в страсти безчестия... сквернитися телесем их в себе самех* (Рим. 1, 28-32, 26, 24). И что же за этим? *Открывается,* — говорит, — *бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. 1, 18).

36. Таковое опустошение души означая, и Господь говорил: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланныя к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотесте? Се оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23, 37, 38). Исаия, опять прозря, как мы, монахи, совершаем свои службы только телесно, о духовном же служении Богу нерадим, несмотря, однако ж, на то, надымаемся, говорил: *услышите слово Господне, князи Содомстии внемлите закону Божию, людие Гоморрстии... Что ми множество жертв ваших, глаголет Господь; исполнен есмь всесожжений овних, и тука агнцев, и крове юнцев и козлов не хощу... Кто бо изыска сия из рук ваших; ходити по двору моему не приложите: и аще принесете ми семидал, всуе: кадило, мерзость ми есть: новомесячий ваших, и суббот, и дне великаго не потерплю: поста, и праздности... и праздников ваших ненавидит душа моя: бысте ми в сытость, ктому не стерплю грехов ваших. Егда прострете руки ваша ко мне, отвращу очи мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас.* Почему же? *Руки бо,* говорит, *ваша исполнены крове* (Ис. 1, 10-15), так как *ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Потому всякий подвижнический труд, чуждый любви, не угоден Богу.

37. И лицемерство наше издали обличая, Бог говорит: *людие сии усты своими и устнами своими почитают мя: сердце же их далече отстоит от мене, всуе же почитают мя,* и так далее (Ис. 29, 13). Да и что Господь наш говорит, укоряя фарисеев, очень приложимо к нам, нынешним лицемерам, которые, сподобясь такой благодати, оказываемся по нраву еще худшими тех. Не связываем ли и мы бремена тяжкие и неудобоносимые, и их возлагаем на рамена людей, а сами и перстом не хочем коснуться их (см. Лк. 11, 46)? Не делаем ли и мы все дела свои, да видимы будем человеки (см. Мф. 6, 5)? Не любим ли и мы прежде возлежания на вечерях, и преждеседания на сонмищах? Не любим ли и мы зватися от человек: учителю, учителю, и тех, которые не слишком отдают нам такую честь, не преследуем ли даже до смерти? Не взяли ль и мы ключ разумения, но не отво-

ряем им, а затворяем Царствие Небесное пред человеки, — так что и сами не входим и тех не пускаем войти? Не слепые ли и мы вожди, комара оцеждающие, а верблюда пожирающие? Не очищаем ли и мы внешняя сткляницы и блюда, тогда как внутреннее наше полно хищений, лихоимства и невоздержания? Не одесятствуем ли и мы мятву и копр, и кимен, и оставляем суд и любовь Божию? Не уподобляемся ли и мы закрытым гробам, внешне показываясь людям праведными, а внутри будучи исполнены лицемерия, беззаконий и всякой нечистоты? Не зиждем ли и мы гробы мучеников и не украшаем ли раки апостолов, будучи по нраву подобны тем, которые убивали их (см. Мф. 23, 4-32)? Кто же не восплачет о нас в таком состоянии находящихся? Кто не пожалеет о таковом пленении нашем? Ибо за это мы, сыны Божии, честные, вменились в сосуды глиняны. За это потемнело злато наше, изменилось сребро наше доброе (см. Плач 4, 1-2). За это мы, назореи Сиона, блиставшие паче снега, стали как эфиопы, бывши белы паче млека, стали черны паче чернил. За это паче сажи почернел вид наш; увеличилось беззаконие наше паче беззаконий содомских; за это мы, сыны дня и света, стали сынами ночи и тьмы (см. 1 Фес. 5, 5). За это мы, сыны Царствия, стали сынами геенны. За это мы, сыны Вышняго, *яко человецы умираем, и яко един от князей падаем* (Пс. 81, 7). За это мы преданы *в руки врагов беззаконных,* то есть злых и свирепых бесов, *и царю неправедну и лукавнейшу паче всея земли* (Дан. 3, 32), то есть начальнику их сатане, ибо согрешали и беззаконновали, преступивши заповеди Господа Бога нашего (см. Дан. 3, 29-30), Сына Божия поправши и кровь Завета ни во что вменивши (см. Евр. 10, 29). Но Господи, *не предаждь убо нас до конца, имене Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас* (Дан. 3, 34-35), щедрот ради Твоих, Отче наш, иже еси на небесех, благоутробия ради Единородного Сына Твоего и милости ради Святого Духа Твоего. *Не помяни наших беззаконий первых: скоро да предварят ны щедроты Твоя, Господи, яко обнищахом зело. Помози нам Боже, Спасителю наш славы ради имене Твоего, Господи, избави ны,*

и очисти грехи наша имене ради Твоего (Пс. 78, 8, 9), помянув начаток наш, который от нас по человеколюбию взяв, Единородный Сын Твой за нас имеет на небесах, подавая нам твердую надежду спасения, чтоб через отчаяние не сделались мы худшими. Помози, избави, ради честные крови Его, которую излил Он за живот мира, ради святых его апостолов и мучеников, за имя Его кровь свою проливших, ради святых пророков, отцов и патриархов, которые подвизались благоугодить святому имени Твоему. Не презри молений наших, Господи, и не остави нас в конец. Ибо не на правды наши уповаем, но на милость Твою, по коей снабдеваешь Ты род наш. Молимся Тебе и просим Твою благостыню, да не будет нам в осуждение, устроенное для нас единородным Сыном Твоим ко спасению таинство; не отвержи нас от лица Твоего. Не погнушайся нашим недостоинством, но помилуй нас по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония наши, да неосужденно приступив пред лицо славы Твоея, сподобимся покрова Единородного Сына Твоего, а не окажемся рабами лукавыми и неключимыми по грехам своим. Ей, Владыко всесильне, Господи, услыши моление наше, иного бо разве Тебе Бога не знаем; имя Твое именуем. Ты еси действуяй вся во всех и от Тебя ищем мы всякой помощи. Призри с небесе, Боже, и виждь из жилища святой славы Твоей. *Где есть ревность Твоя и крепость Твоя? Где есть множество милости Твоея, и щедрот Твоих, яко терпел еси нам? Ты бо еси Отец наш, понеже Авраам не уведе нас, и Израиль не позна нас, но Ты, Господи, Отец наш, избави ны исперва... на нас есть* имя святое Твое и Единородного Сына Твоего и Святого Духа Твоего. *Что уклонил еси нас, Господи, от пути Твоего, и ожесточил еси сердца наша, еже не боятися Тебе*? Возврати Господи рабов Твоих, ради святые церкви Твоея и ради всех от века Святых Твоих; *да поне мало наследим горы святыя Твоея: противницы наши попраша святыню Твою. Быхом, яко исперва, егда не владел еси нами, ниже бе наречено имя Твое на нас* (Ис. 63, 15-19).

38. *Аще отверзеши небо, трепет приимут от Тебе горы, и растают, яко тает воск от лица огня, и попалит огнь супостаты, и*

явлено будет имя Твое в сопротивных Твоих... Егда сотвориши славная; трепет приимут от Тебе горы. От века не слышахом, ниже очи наши видеша Бога, разве Тебе, и дела Твоя, яже сотвориши ждущым милости. Милость бо срящет творящих правду и пути Твоя помянутся: се Ты разгневался еси, и мы согрешихом. Лучше же сказать: мы согрешили и Ты разгневался. *Сего ради заблудихом, и быхом яко нечисти вси мы, якоже порт нечистыя, вся правда наша: и отпадохом, яко листвие, беззаконий ради наших: тако ветр восхитит нас, и несть призываяй имя Твое, и помянувый удержати Тя: яко отвратил еси лице Твое от нас, и предал ны еси беззаконий ради наших. И ныне Господи, Отец наш еси Ты, мы же брение, дела руку Твоею вси. Не прогневайся на ны зело, и не помяни во время беззаконий наших: и ныне призри, яко людие Твои вси мы. Град святилища Твоего бысть пуст, Сион якоже пустыня бысть, Иерусалим на проклятие. Дом святый наш, и слава, юже благословиша отцы наши, бысть огнем пожжен, и вся славная наша купно падоша. И о всех сих терпел еси Господи, и молчал и смирил еси ны зло* (Ис. 64, 1-12).

39. Случилось это с древним народом Твоим прообразовательно, а ныне в нас исполнилось истинно. И *быхом поношение соседом нашим,* демонам, *подражнение и поругание сущим окрест нас* (Пс. 78, 4). Но призри с небесе и виждь, и спаси нас имене ради Твоего святого. Дай нам узнавать обходы противников наших и избавь нас от козней их. Не отдали помощь Твою от нас, ибо сами мы не довольны к тому, чтобы победить нападающих на нас; Ты же силен спасти нас от всех врагов. Спаси нас, Господи, от всех прискорбностей мира сего по благости Своей, чтобы с чистою совестью переплыв море жизни, чистыми и непорочными предстали мы страшному престолу Твоему и сподобились жизни вечной.

40. Выслушав все это и в великое пришедши сокрушение, брат со слезами сказал старцу: сколько вижу, отец мой, нет мне надежды спасения. *Яко беззакония моя превзыдоша главу мою* (Пс. 37, 5). Что же мне делать, скажи мне, прошу тебя? Старец сказал ему в ответ: спастися людям самим невозможно, но для

Бога все возможно, как сказал сам Господь (см. Мф. 19, 26), и так *предварим лице Его во исповедании... поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господем, сотворшим нас: яко Той есть Бог наш* (Пс. 94, 2, 6-7), ибо слышим слово его, через пророка Исаию изрекаемое: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (Ис. 30, 15). И опять: *еда не может рука Господня спасти? Или отягчил есть слух Свой, еже не услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Богом, и грех ради ваших отврати лице Свое от вас, еже не помиловати* (Ис. 59, 1-2). Почему говорит: *измыйтеся, и чисти будите, отимите лукавства от душ ваших пред очима Моима, престаните от лукавств ваших; научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу и приидите, и истяжимся, глаголет Господь, и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю. И аще хощете, и послушаете мене, благая земли снесте... уста бо Господня глаголаша сия* (Ис. 1, 16-20); также и через Иоиля говорит Он: *обратитеся ко Мне всем сердцем вашим, в посте, и в плачи, и в рыдании, и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша и обратитеся ко Господу Богу вашему, яко милостив и щедр есть... и раскаяваяйся о злобах* (Иоил. 2, 12-13). И Иезекиилю велел Он сказать: *сыне человеч, рцы дому Израилеву, сице ресте глаголюще: прелести наша и беззакония наша в нас суть, и мы в них таем, и како нам живым быти; Рцы им: живу Аз глаголет Адонаи Господь, не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему: обращением обратитеся от пути вашего злаго: и вскую умираете доме Израилев* (Иез. 33, 10-11). Третья же книга Царств, показывая преизбыточество благости Божией, так говорит: когда услышал Ахав, — бывши в винограднике Навуфея, который принял он в наследие через убиение Навуфея Иезавелиею, — слова Илии, сказавшего: *сице глаголет Господь, понеже ты убил еси (Навуфея), и приял еси в наследие (виноград его)... — на месте идеже полизаша свинии и пси кровь его, тамо полижут и кровь твою... И ко Иезавели рече Господь, глаголя: пси снедят ю в предградии Иезраеля... Егда услыша Ахав*

словеса сия, умилися от лица Господня, и идяше плачася, и раздра ризы своя и препоясася вретищем по телу своему, и постися, и бе облечен во вретище от дне... И бысть глагол Господень рукою раба Его Илии о Ахааве... видел ли еси, яко умилися Ахаав от лица Моего? — сего ради не наведу зла во днех его (3 Цар. 21, 19, 23, 27-29). И пророк Давид говорит: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых. Рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви: и Ты оставил еси нечестие сердца моего. За то помолится к Тебе всяк преподобный во время благопотребно* (Пс. 31, 5-6). В Евангелии же Господь говорит: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17). А когда Петр спросил его: *колькраты, аще согрешит в мя брат мой, и отпущу ли ему до седмь крат?* Естеством благий и неизреченный в благостыни ответил ему: *не глаголю тебе, до седмь крат, но до седмьдесят крат седмерицею* (Мф, 18, 21-22). Что может сравниться с такою благостынею? Чему уподобим такое человеколюбие?

41. Познавши таким образом страх Божий, равно как благость Его и человеколюбие, как из Ветхого, так и из Нового Завета, обратимся к Нему от всего сердца нашего. И чего ради гибнуть нам, братие? Очистим руки наши грешные, исправим сердца наши двоедушные, восскорбим, сокрушимся, и восплачем о грехах своих. Престанем от злых дел своих; поверим благоутробию Господню, убоимся прещений его, и положим соблюдать заповеди его. Возлюбим друг друга от всего сердца; скажем: братие наши вы, — и тем, которые ненавидят и поносят нас, да прославится имя Господа. Будем прощать друг друга, когда друг другом искушаемы бываем, ибо всех нас борет общий враг наш. Станем противиться худым помыслам своим, призывая в совоинствование нам Бога и изгоним через то из себя злых и нечистых духов. Подчиним плоть духу, умерщвляя ее и порабощая всякими злостраданиями. Очистим себя от всякой скверны плоти и духа. Будем возбуждать друг друга в поощрении любви и добрых дел. Не будем завидовать другим и не станем раздражаться против тех, которые нам завидуют. Будем оказывать взаимное сострадание, и смиренномудрием врачевать друг

друга. Не будем осуждать и осмеивать друг друга, яко уды есмы друг другу. Отбросим от себя нерадение и беспечность, и станем мужественно подвизаться против лукавых духов. Имеем ходатаем ко Отцу Иисуса Христа Праведника; и Той есть очищение о гресех наших: помолимся же ему от чистого сердца, от всей души, и Он оставит нам грехи наши. Ибо *близ Господь всем призывающим Его... во истине* (Пс. 144, 18). Почему говорится: *пожри Богови жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя в день скорби твоея, и изму тя и прославиши Мя* (Пс. 49, 14-15). Исаия же опять что говорит: *разрешай всяк соуз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, отпусти сокрушенныя во свободу, и всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой, и нищия безкровныя введи в дом твой, аще видиши нага одей, и от свойственных племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и изцеления твоя скоро возсияют и предъидет пред тобою правда твоя, и слава Божия объимет тя.* А за этим что? *Тогда воззовеши, и Бог услышит тя, и еще глаголющу ти, речет: се приидох... Тогда возсияет во тме свет твой, и тма твоя будет, яко полудне, и будет Бог твой с тобою присно: и насытишися, якоже желает душа твоя* (Ис. 58, 6-11). Видишь ли, что когда разрешим всякий союз неправды, и расположимся благодетельствовать ближнему от всей души, тогда облистаемся светом ведения, освободимся от страстей бесчестия, исполнимся всякою добродетелью, светом славы Божией осветимся, и от всякого неведения избавимся; молясь же Христу, услышаны будем, и Бога всегда будем иметь с собою и Божественных исполнимся желаний.

42. Возлюбим друг друга и возлюблены будем от Бога. Будем долготерпеть друг другу, и Он подолготерпит грехам нашим. Не будем воздавать злом за зло, и Он не воздаст нам по грехам нашим. Оставление прегрешений наших обретем в прощении братиям; ибо милость Божия к нам сокрыта в милостивости нашей к ближним. Почему и сказал Господь: *отпущайте и отпустят вам* (Лк. 6, 37). И *аще бо отпущаете человеком согрешния их, отпустит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). И опять: *блаже-*

ни милостивии: яко тии помилованы будут (Мф. 5, 7). И: *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). Се устроил нам Господь образ спасения, и *даде область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12). После сего спасение наше уже в нашей воле.

43. Предадим же себя всецело Господу, да и Его восприимем всецело, и соделаемся через Него богами. Ибо для того Он и человеком соделался, естеством сый Бог и Владыка. Покоримся Ему вседушно, и Он недремленно будет отражать врагов наших. *Аще быша людие мои послушали Мене,* говорит Он, *Израиль, аще бы в пути Моя ходил, ни о чесом же убо враги его смирил бых; и на оскорбляющия их возложил бых руку Мою* (Пс. 80, 14-15). Все упование наше на Него единого возложим, на Него возвергнем всю печаль нашу, и от всякой скорби Он избавит нас и во всю жизнь препитает нас. Всякого человека возлюбим от души, но ни на какого человека не будем возлагать упования своего. Только поскольку Господь хранит нас, постольку и друзья споспешествуют нам и враги немоществуют пред нами. Когда же Господь оставляет нас, тогда оставляют нас и друзья наши (в беспомощности), а враги преодолевают нас. Но и на себя самого надеющийся падет падением дивным, а боящийся Господа возвышен будет. Почему и говорил Давид: *не на лук бо мой уповаю, и меч мой не спасет мене; спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси* (Пс. 43, 7-8).

44. Не будем принимать помыслов, умаляющих грехи наши и обманом уверяющих нас, что они уже прощены нам. Это от них предостерегая нас, сказал Господь: *внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (Мф. 7, 15). Пока ум наш стужаем бывает от греха, дотоле, знай, не улучили еще мы оставления его; ибо верно не сотворили еще мы плодов, достойных покаяния. Плод покаяния есть бесстрастие души; бесстрастие же есть изглаждение греха. Не имеем еще мы совершенного бесстрастия, если иногда стужаемы бываем от страстей, а иногда нет. Не улучили мы, значит, и совершенного оставления грехов. От прародительского греха освободились мы через святое Крещение, от тех же

грехов, на которые дерзали мы по крещении, освобождаемся не иначе, как посредством покаяния.

45. Покаемся же искренно, чтоб, освободившись от страстей, улучить нам оставление грехов. Презрим временные блага, чтоб, ссорясь из-за них с людьми, не нарушить заповеди любви и не отпасть от любви Божией. Будем ходить духом и похотей плоти совершать не станем (см. Гал. 5, 16). Возбодрствуем и вострезвимся, и отрясем сон беспечности; поревнуем святым подвижникам Спасовым, и воспоодражаем подвигам их, задняя забывая, в предняя же простираяся. Воспоодражаем неутомимому их течению, горячему усердию, постоянству в воздержании, святыне целомудрия, твердости терпения, непоколебимости благодушия, искренности сострадания, невозмутимой кротости, теплоте ревнования, непритворной любви, высокому смиренномудрию, совершенному нестяжанию, мужеству, благостыне, тихонравию. Не будем поблажать влечению к удовольствиям, не допустим расслабления в помыслах, не оскверним совести. Будем иметь мир со всеми и святыню, без которых никто не узрит Господа (см. Евр. 12, 14). Ко всему же этому убежим от мира, братие, и от миродержца. Оставим плоть и плотское. Потечем на небеса и там станем иметь свое жительство, подражая Божественному апостолу, да достигнем Начаьловождя жизни и вкусим от Источника Живота. Составим хор с Ангелами и Архангелами, и воспеснословим Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

2
ЧЕТЫРЕ СОТНИ ГЛАВ О ЛЮБВИ

Предисловие к Элпидию

Се к слову о подвижнической жизни посылаю твоей честности, отче Элпидие, и слово о любви в равночисленных четырем Евангелиям сотницах глав, которое немало, может быть, не соответствует ожиданию твоему; но не ниже наших сил. Впро-

чем, да ведает святыня твоя, что и это не моего ума плод. Но прочитав писания святых отцов и набрав оттуда, что обращает внимание ума к моему предмету, и в виде изречений или глав в немногом совместив многое для удобнейшего запоминания и мысленного обозрения, препровождаю то к твоему преподобию, прося читать с благою мыслию, ища одной пользы и не обращая внимания на некрасоту речи, и молиться о моем недостоинстве, чуждом всякого плода духовного. Прошу также не вменить в отягощение написанного (будто я возлагаю бремена тяжкие на совесть); ибо я исполняю заповедь послушания. Говорю же сие потому, что ныне нас, отягчающих совести словами наставительными много, а учащих делами, или учащихся из дел очень мало.

Потрудись потщательнее вникать в каждую главу. Ибо не все, как думаю, для всех удобопонятно; но многое от многих потребует многого изыскания, хотя, по-видимому, и очень просто изречено. Быть может, что открытое в них таким образом окажется и душеполезным. Но, конечно, и окажется по благодати Божией, если кто будет читать не с пытливым духом, а со страхом Божиим и любовью. Кто же сию или другую какую книгу станет читать не для духовной пользы, а для уловления речений на укор писавшему, дабы тщеславно показать себя более знающим, нежели он, тому нигде, никогда, ничто полезное не откроется.

Первая сотница о любви

1. Любовь есть благое расположение души, по которому она ничего из существующего не предпочитает познанию Бога. Но в такое любительное настроение невозможно прийти тому, кто имеет пристрастие к чему-либо земному.

2. Любовь рождается от бесстрастия; бесстрастие — от упования на Бога; упование — от терпения и великодушия; сии последние — от воздержания во всем; воздержание — от страха Божия; страх — от веры в Господа.

3. Верующий Господу боится адских мук. Страшащийся мук воздерживается от страстей. Воздерживавшийся от страстей терпеливо переносит скорби. Претерпевающий скорби возымеет упование на Бога. Упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия. Отрешенный от сего ум возымеет любовь к Богу.

4. Любящий Бога предпочитает познание Бога всему от Него сотворенному, и непрестанно прилежит к тому с вожделением.

5. Если все сущее существует через Бога и для Бога, Бог же лучше всего через Него получившего бытие: то Бога оставляющий и занимающийся низшими предметами показывает тем, что он предпочитает Богу то, что стало быть через Него.

6. Чей ум прилеплен к Богу любовью, тот ни во что ставит все видимое, даже самое тело свое как бы чужое.

7. Если душа лучше тела, и несравненно лучше мира создавший его Бог, то предпочитавший душе тело и Богу созданный от Него мир ничем не разнится от идолослужительствующих.

8. Отторгши ум свой от любви к Богу и пребывания в присутствии Его и привязавшийся оным к чему-либо чувственному, предпочитает душе тело, и Богу-Создателю то, что стало быть от Него.

9. Если жизнь ума есть просвещение познания, а сей свет рождается от любви к Богу, то хорошо сказано, что нет ничего выше Божественной любви.

10. Когда по влечению любви ум возносится к Богу, тогда он ни самого себя и ничего из сущего совсем не чувствует. Озаряемый Божественным безмерным светом он бесчувствен бывает ко всему сотворенному, подобно как и чувственное око к звездам по воссиянии солнца.

11. Все добродетели споспешествуют уму в возлюблении Бога, но всех более чистая молитва. Ею воскриляемый к Богу, он бывает вне всего сущего.

12. Когда через любовь ум восхитится от Божественного познания, и, став вне сущего, восчувствует Божескую беспредельность, тогда по примеру Божественного Исаии, от изум-

ления пришед в чувство своего ничтожества, искренно возглашает слова сего пророка: *о окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людий нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Ис. 6, 5).

13. Любящий Бога не может не любить и всякого человека как самого себя, хотя не благоволит к страстям тех, кои еще не очистились. Почему когда видит их обращение и исправление, радуется радостью безмерною и неизреченною.

14. Нечиста страстная душа, наполненная помыслами похотными и ненавистливыми.

15. Видящий в сердце своем след ненависти к какому-либо человеку за какое-либо падение, совершенно чужд любви к Богу. Ибо любовь к Богу никак не терпит ненависти к человеку.

16. *Аще любите Меня,* говорит Господь, *заповеди Мои соблюдете* (Ин. 14, 15). *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12). Итак, нелюбящий ближнего не соблюдает заповеди, а несоблюдающий заповеди не может любить и Господа.

17. Блажен человек, который всякого равно любить может.

18. Блажен человек, не привязанный ни к какой вещи тленной или временной.

19. Блажен ум, который, минуя все твари, непрестанно услаждается Божественною красотою.

20. Кто, попечение о плоти простирая до похотей, за что-либо временное злопамятствует на ближнего, тот служит твари паче Творца.

21. Охраняющий тело свое от сластей и от болезней имеет в нем соработника в служении лучшему.

22. Бегающий всех мирских похотей поставляет себя выше всякой мирской печали.

23. Любящий Бога непременно и ближнего любит. А таковой не может беречь имение, но боголепно распоряжается им, подавая каждому требующему.

24. Творящий милостыню, подражая Богу, не делает различия между злым и благим, между праведным и неправедным

в потребностях телесных. Но всем равно разделяет соразмерно с нуждою; хотя добродетельного за благое расположение воли его предпочитает порочному.

25. Как Бог по естеству благий и бесстрастный, хотя всех равно любит, как Свои создания, но добродетельного прославляет, как родственного Ему и нравом, а порочного милует по благости Своей, и, наказуя в веке сем, обращает его, так и человек благомыслящий и не страстный любит равно всех человеков: добродетельного — по естеству и за благое расположение воли, а порочного — как по естеству, так еще из сострадания, милуя его, как несмысленного и во тьме ходящего.

26. Не раздаянием только имения оказывается расположение любви, но еще более преподанием слова Божия и телесным служением.

27. Искренно отрекшийся мирских вещей и нелицемерно из любви служащий ближнему скорее освобождается от всякой страсти и становится причастным Божественной любви и Божественного ведения.

28. Стяжавший в себе любовь Божественную, подобно Божественному Иеремии, не утруждается, последуя Господу Богу своему, но мужественно переносит всякий труд, оскорбление и поношение, не мысля зла совершенно ни против кого.

29. Когда ты оскорблен кем-нибудь или в чем уничижен, берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти.

30. Когда тяжко тебе от укоризны или бесчестия, то знай, что ты великую получил от того пользу, ибо через уничижение промыслительно изгнано из тебя тщеславие.

31. Как воспоминание об огне не согревает тела, так вера без любви не производит в душе света ведения.

32. Как свет солнца влечет к себе здравое око, так познание Бога естественно восхищает к себе через любовь чистый ум.

33. Чист ум есть, вышедший из неведения и просвещаемый Божественным светом.

34. Чиста душа, освободившаяся от страстей и непрестанно возвеселяемая Божественною любовью.

35. Страсть достойна порицания, как неестественное движение души.

36. Бесстрастие есть мирное состояние души, в котором она неудободвижна на зло.

37. Кто тщанием своим стяжал плоды любви, тот не отлагается от нее, хотя бы претерпевал тысячи зол. В сем да удостоверит тебя ученик Христов Стефан и подобные ему, и Сам Христос, за убийц Своих молившийся Отцу и просивший им у Него прощения, как по неведению творящим то (см. Лк. 23, 34).

38. Ежели свойство любви есть долготерпеть и милосердовать (1 Кор. 13, 4), то очевидно, что гневающийся и злобствующий чужд любви. Но чуждый любви чужд Бога: поелику *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8).

39. Не говорите, что вы есте храм Божий (см. Иер. 7, 4), говорит Божественный Иеремия. Не говори и ты: одна вера в Господа нашего Иисуса Христа может спасти меня, ибо это невозможно, если не стяжешь и любви к Нему, делами свидетельствуемой. Что же касается до голой веры, то *и беси веруют и трепещут* (Иак. 2, 19).

40. Дело любви составляют: усердное благодетельство ближнему, великодушие, терпение и благоразумное пользование вещами.

41. Любящий Бога никого не огорчает и ни на кого не огорчается из-за временного: огорчает же и огорчается одною спасительною печалью, каковою блаженный Павел и сам огорчился и огорчил коринфян (см. 2 Кор. 2, 4).

42. Любящий Бога ангельскою жизнью на земле живет, постяся и бдение совершая, поя и молясь, и о всяком человеке всегда доброе помышляя.

43. Если всякий чего желает, того и достигнуть домогается; всех же благ и желаемых вещей несравненно добротнее и вожделеннее — Бог: то какое рвение должны мы показать, чтобы достигнуть Его, по естеству благого и вожделенного.

44. Не растлевай плоти твоей срамными делами; не оскверняй души помыслами злыми: и мир Божий снидет на тебя, принося с собою любовь.

45. Изнуряй плоть свою гладом и бдением; и неленостно упражняйся в псалмопении и молитве: и освящение целомудрия снидет на тебя, нося с собою любовь.

46. Сподобившийся Божественного ведения и любовью стяжавший его просвещение никогда не надмевается духом тщеславия, а не сподобившийся оного весьма легко им кружим бывает. Впрочем, если таковой во всем, что ни делает, будет воззревать к Богу, делая все ради Его, то с Богом легко избежит сего недуга.

47. Недостигший еще ведения Божественного, любовью вдохновляемого, много думает о том, что им делаемо бывает по Богу, а сподобившийся получить таковое от сердца повторяет слова патриарха Авраама, которые сказал он, когда удостоен был Божия явления: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. 18, 27).

48. Боящийся Господа имеет смиренномудрие всегдашним своим собеседником и по его напоминаниям восходит к любви и благодарению Бога. Он, воспоминая первое свое житие по духу мира, свои разнообразные прегрешения, случившиеся с ним от юности искушения, и то как Господь от всех их избавил его, и от жизни страстной перевел к жизни по Богу, со страхом восприемлет и любовь; и непрестанно с глубоким смиренномудрием благодарит Бога, благодетеля и правителя жизни нашей.

49. Не оскверняй ума твоего удержанием в себе помыслов похоти и гнева, дабы, отпадши от чистой молитвы, не впасть в дух уныния.

50. Ум тогда лишается дерзновения к Богу, когда бывает собеседником с помыслами злыми и нечистыми.

51. Неразумный, водимый страстями, когда, будучи движим гневом, растревоживается, спешит без рассуждения бежать от братий: когда же похотью разжигается, тогда, раскаиваясь, паки прибегает и вступает с ними в беседу. Благоразумный же в том и другом случае поступает иначе. В случае рассерчания, отсекши причины возмущения, освобождает себя от огорчения на братий; в случае похотливости воздерживается от бессловесных позывов и праздных бесед.

52. Во время искушений не оставляй монастыря своего, но мужественно переноси волнование помыслов, особенно наводящих печаль и уныние: ибо таким образом, благопромыслительно быв искушен скорбями, возымеешь твердую надежду на Бога. Если же оставишь оный, то окажешься не искусным, не мужественным и не постоянным.

53. Если желаешь не отпасть от любви Божественной, то ни брата своего не допусти уснуть в огорчении на тебя, ни сам не усни в огорчении на него: но иди, *примирись с братом твоим* (Мф. 5, 24) и возвратясь с чистою совестью, принеси Христу дар любви в прилежной молитве.

54. Если, по словам Божественного апостола, все дары Духа имеющий, любви же не имеющий, никакой не получает пользы, то какое должны мы употребить тщание, дабы стяжать ее (1 Кор. 13, 3).

55. Если любовь *искреннему зла не творит* (Рим. 13, 10), то завидующий брату, приводимый в печаль его доброю славою, помрачающий злоречием имя его или по злонравию наветующий на него, не делает ли себя чуждым любви и повинным вечному осуждению?

56. Если *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10), то памятозлобствующий на брата, уготовляющий ковы ему, проклинающий его и радующийся падению его не есть ли законопреступник и не достоин ли вечной муки?

57. Ежели *оклеветаяй брата или осуждаяй брата своего, оклеветает закон и осуждает закон* (Иак. 4, 11); закон же Христов есть любы (см. Ин. 13, 34; Рим. 13, 10); то клеветник

не отпадает ли от любви Христовой и не делается ли сам для себя виновником муки вечной?

58. Не предавай слуха твоего языку клеветника, ниже языка твоего слуху любящего злоречие, с удовольствием говоря или слушая речи против ближнего: да не отпадешь от любви Божественной и окажешься чуждым вечной жизни.

59. Не принимай укоризны на отца твоего и не поощряй того, кто его бесчестит; да не прогневается на дела твои Господь и потребит тебя от земли живых.

60. Загради уста клевещущему в уши твои, да не согрешишь с ним двойным грехом, и сам приучась к сей страсти пагубной, и ему не препятствуя поносить ближнего.

61. *Аз же глаголю вам,* говорит Господь, *любите враги ваша... добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44). Для чего заповедал Он сие? Для того, чтобы освободить тебя от ненависти, огорчения, гнева памятозлобия, и сподобить величайшего стяжания совершенной любви, которой невозможно иметь тому, кто не всех человеков равно любит, по примеру Бога, всех человеков равно любящего, *иже всем... хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4).

62. *Аз же глаголю вам, не противитися злу: но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу: и аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два* (Мф. 5, 39-41). Для чего? Дабы и тебя сохранить безгневным, бестревожным и неогорченным, и его твоим незлобием научить, и обоих вас подвести под иго любви, яко благ Господь.

63. К каким вещам были мы когда-нибудь пристрастны, о тех носим и страстные воображения. Почему побеждающий страстные воображения конечно презирает и вещи воображаемые. Потому что брань с воспоминаниями о вещах столько же труднее брани с самыми вещами, сколько грешить мыслию удобнее, нежели самым делом.

64. Из страстей иные суть телесные, иные душевные. Телесные от тела получают повод, а душевные от внешних предме-

тов. Но и те и другие отсекает любовь и воздержание: та — душевные, а это — телесные.

65. Иные страсти принадлежат к раздражительной силе души, а иные к вожделевательной. Те и другие возбуждаются чувствами: возбуждаются же тогда, когда душа находится вне любви и воздержания.

66. Труднее преодолевать страсти раздражительной силы души, нежели вожделевательной: потому-то против них от Господа и врачевство дано сильнейшее — заповедь о любви.

67. Все другие страсти касаются только или раздражительной части души, или вожделевательной, или же мыслительной, как например, забвение и неведение, а уныние, охватывая все силы души, вдруг, за одним духом, приводит в движение почти все страсти, почему оно и тяжелее всех других страстей. Добре убо Господь, подав противу оного врачевство, говорит: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19).

68. Не бей никогда никого из братий, особливо безвинно, дабы он, не снесши скорби, не удалился; и тогда ты никогда не убежишь от обличения совести, которое всегда будет причинять тебе печаль во время молитвы и отгонять ум от дерзновения к Богу.

69. Не терпи приносящих тебе соблазны подозрений, на какого бы то ни было человека. Ибо допускающие до себя каким-нибудь образом соблазны от приключений, произвольно или не произвольно случающихся, не ведают *пути мирнаго* (Рим. 3, 17), который через любовь ведет к познанию Бога любителей своих.

70. Тот еще не имеет совершенной любви, кто располагается к людям, смотря по нравам их, одного любя, другого ненавидя за то или другое, или одного и того же человека иногда любя, иногда ненавидя по тем же причинам.

71. Совершенная любовь не разделяет единого естества человеков по различным их нравам; но всегда смотря на оное, всех человеков равно любит: добрых любит, как друзей, а недобрых, как врагов, благодетельствуя им, долготерпя, перенося

ими причиняемое, отнюдь не отплачивая им зла, но даже страдая за них, когда случай востребует, дабы, если возможно, соделать и их себе друзьями; но если и невозможно, она все же не отступает от своего расположения к ним, всегда равно являя плоды любви всем человекам. Так и Господь наш и Бог Иисус Христос, являя Свою к нам любовь, пострадал за все человечество, и всем равномерно даровал надежду воскресения, хотя, впрочем, каждый сам себя делает достойным или славы, или мучения адского.

72. Не равно ни во что вменяющий славу и бесславие, богатство и убожество, утехи и горести, не достиг еще совершенной любви. Совершенная любовь не только сие все ни во что вменяет, но и самую временную жизнь и смерть.

73. Послушай достигших совершенной любви, что говорят они: *кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? якоже есть писано, яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день; вменихомся, якоже овцы заколения. Но во всех сих препобеждаем за Возлюбльшаго ны. Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни Начала, ниже Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 35-39).

74. О любви к ближнему послушай опять, что они говорят: *истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым: яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему: молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть израилите,* и т. д. (Рим. 9, 1-4). Также говорил и Моисей, и другие святые.

75. Кто не вменяет ни во что честолюбия и сластолюбия, и их возращающего, и ради их порождающегося сребролюбия; тот не может отсечь причин гневного раздражения, а неотсекающий их не может достигнуть совершенной любви.

76. Смирение и злострадание (телесные лишения) освобождают человека от всякого греха; потому что то отсекает страсти

душевные, а это — телесные. Так поступал блаженный Давид, как видно из следующей молитвы его К Богу: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18).

77. Через заповеди Господь исполняющих оные делает бесстрастными, а через Божественные догматы дарует им свет ведения.

78. Все догматы или о Боге говорят, или о видимых и невидимых творениях, или о явленном в них промысле и суде.

79. Милостыня врачует раздражительную часть души; пост иссушает похоть; молитва очищает ум и уготовляет его к созерцанию сущего. Ибо по силам души Господь дал нам и заповеди.

80. *Научитеся от Мене,* глаголет Господь, *яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Кротость предохраняет раздражительность от возмущения, а смирение освобождает ум от надмения и тщеславия.

81. Страх Божий двояк. Один рождается от угроз наказанием, от которого порождаются в нас по порядку воздержание, терпение, упование на Бога и бесстрастие, из коего любовь. Другой сопряжен с самою любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога.

82. Первый страх любовь совершенная *вон изгоняет* (1 Ин. 4, 18) из души, ее стяжавшей и не боящейся уже муки; а второй, как сказано, она всегда имеет сопряженным с собою. Первому приличествуют следующие слова Писания: *страхом же Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27); и: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7); ко второму: *страх Господень чист пребываяй в век века* (Пс. 18, 10); и: *несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10).

83. *Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание* и проч. (Кол. 3, 5). Землею назвал здесь апостол плотское мудрование; блудом — грех, делом совершаемый; нечистотою — соизволение на оный; страстью — страстный помысл; похотью злою — простое принятие

помысла похотного; лихоиманием — вещество, порождающее и возращающее страсть. Все сие, как члены мудрования плотского, повелел умертвить Божественный апостол.

84. Сперва память вносит в ум простой посмысл; и если он замедлит в нем, то от сего приходит в движение страсть; если не истребишь страсти, она преклоняет ум к соизволению, а когда и сие произойдет, тогда доходят уже до греха и делом. Посему-то премудрый апостол, пиша к христианам, обратившимся из язычников, во-первых, повелевает прекратить совершение греха делом, а потом, подвигаясь обратно прежнему порядку, доходит и до причины оного. Причина, порождающая и возращающая страсти, как выше сказано, есть лихоимание, которое, по моему мнению, здесь означает пресыщение, яко мать и питательницу блуда. Ибо лихоимание, не только в отношении к имению, но и в отношении к пище — зло; как и воздержание не только в отношении к пище, но и в отношении к имению — добро.

85. Как птица, привязанная за ногу, начавши подниматься вверх, стягивается опять на землю, влекомая за вервь: так ум, не достигши еще бесстрастия, хотя и воспаряет к познанию небесных вещей, но, влекомый страстями, стягивается опять на землю.

86. Когда ум совершенно от страстей освободится, тогда он и к созерцанию сущего непреткновенно шествует, направляя путь к познанию Святой Троицы.

87. Когда ум чист, то, получая понятия о вещах, возбуждается к духовному созерцанию оных; сделавшись же нечист по разленению, помышления о других вещах воображает просто, а воспринимая что-либо человеческое, превращает то в срамные и злые помыслы.

88. Если никогда во время молитвы не осаждает ума твоего никакое помышление мирское, то знай, что ты не вне области бесстрастия.

89. Когда душа начнет чувствовать себя здравою, тогда начнет и сновидения иметь чистые и безмятежные.

90. Как чувственное око привлекается красотою вещей видимых, так чистый ум познанием невидимых. Невидимым я называю бестелесное.

91. Великое дело не пристращаться к вещам, но гораздо большее — быть бесстрастну к воображениям их: ибо через помыслы брань с нами злых духов жесточае брани через самые вещи.

92. Преуспевший в добродетелях и обогатившийся ведением, как видящий уже вещи, как они по естеству суть, всегда все и делает и говорит по здравому разуму, отнюдь не уклоняясь от него. Ибо судя по тому, благоумно или неумно пользуемся мы вещами, бываем мы или добродетельны, или порочны.

93. Признак совершенного бесстрастия есть тот, когда и во время бодрствования, и во сне представления вещей всегда всходят на сердце простыми.

94. Исполнением заповедей ум совлекается страстей; духовным созерцанием видимого совлекается страстных о вещах помыслов; познанием невидимого отрешается от созерцания видимых вещей; наконец, познанием Святой Троицы и от самого ведения вещей невидимых.

95. Как солнце, восходя и освещая мир, являет и себя, и освещаемые им предметы, так Солнце правды, возсиявая в чистом уме, являет и Себя, и разумение всего, от Него бывшего и быть имеющего.

96. Бога знаем мы не по существу Его, но по великолепию творений Его и Его о них промыслу. В них как в зеркале видим мы беспредельную Его благость, премудрость и силу.

97. Чистый ум пребывает или в простых помышлениях о вещах человеческих, или в естественном созерцании видимого, или в созерцании невидимого, или во свете Святой Троицы.

98. Бывая в созерцании вещей видимых, ум исследует или естественные их свойства, или то, что знаменуется ими, или же ищет самую их причину.

99. Упражняясь же в созерцании вещей невидимых, Он ищет узнать естественные свойства оных, причину бытия их, и что из сего следует, и какой о них промысл и суд Божий.

100. Когда же бывает в Боге, то сперва от пламенной любви ищет уразумения естества Его, но утешение находит при сем не из познания того, что есть в Нем: ибо сие невозможно и невместительно равно для всякого сотворенного естества, а утешается познанием того, что окрест Его, как то; вечности, беспредельности, неописанности, благости, премудрости и силы вседетельной, всепромыслительной и всесудительной. И то только в Нем всякому постижимо, что Он беспределен; и самое познание недоведомости Его есть ведение, превосходящее ум, как сказали мужи, сильные в богословии — Григорий и Дионисий.

Вторая сотница о любви

1. Искренно любящий Бога молится без всякого развлечения, равно и молящийся без всякого развлечения любит Бога искренно. Но не может молиться без развлечения тот, чей ум пригвожден к чему-либо земному. Итак, не любит Бога тот, чей ум привязан к чему-либо земному.

2. Ум, долго занимающийся помышлением о чем-либо чувственном, конечно имеет страсть к тому, именно вожделение или сетование, или гнев, или злопамятство, и, если не вменит ни во что той вещи, то не может освободиться от страсти.

3. Страсти, обладая умом, привязывают его к вещественным предметам; и, отлучив от Бога, заставляют заниматься ими: напротив, любовь Божия, возобладав им, разрешает его узы, убеждая его не дорожить не только чувственными предметами, но и самою жизнью временною.

4. Дело заповедей есть делать помышление о вещах простыми, чтения же и созерцания — соделывать ум безвещественным и безвидным. А следствием этого бывает молитва без развлечения.

5. Для совершенного освобождения ума от страстей так, чтобы он мог молиться без развлечения, не довольно деятель-

ного способа, если его не сопровождают различные духовные созерцания. Тот освобождает ум от невоздержания и ненависти, а эти от забвения и неведения его избавляют, и он таким образом получает возможность молиться, как надлежит.

6. Два есть высочайших состояния чистой молитвы. Одно случается с людьми жизни деятельной, другое — с людьми жизни созерцательной. Одно бывает в душе от страха Божия и благой надежды; другое — от Божественной любви и крайней чистоты. Признак первой меры есть тот, когда собирают ум от всех мирских помыслов, творя молитвы без развлечения и смятения, и как бы сам Бог предстоял ему, как и предстоит действительно. Признак второй — когда в самом устремлении молитвы ум бывает восхищаем Божественным и безмерным светом, и совсем не чувствует ни себя, и ничего иного из сущих, кроме Единого, любовью содевающего в нем таковое озарение. В сем состоянии, подвизаемый к уразумению словес о Боге, получает он чистые и светлые о Нем познания.

7. Кто что любит, тот то и объять всячески желает; и все препятствующее ему в этом отстраняет, дабы сего не лишиться. Так и Бога любящий печется о чистой молитве, и всякую страсть, полагающую ему в том препону, из себя извергает.

8. Кто мать страстей — самолюбие — отвергнет, тот, при помощи Божией, удобно отложит и все другие страсти, как то; гнев, печаль, злопамятство, и прочие. Кто же одержим первым, тот, хотя бы не хотел, уязвляется и последними. Самолюбие же есть страстная любовь к телу.

9. Человеки похвально или предосудительно любят друг друга по следующим пяти причинам: или для Бога — как добродетельный любит всех, а добродетельного любит даже и недобродетельный; или по естеству — как родители любят детей, и наоборот; или по тщеславию — как хвалимый хвалящего; или из корысти — как богатого за получки; или по сластолюбию — как работавший чреву и тому, что под чревом, устрояющего пиры. Первая из сих похвальна, вторая обоюдна, прочие страстны.

10. Если одних ненавидишь, а других ни любишь, ни ненавидишь; иных любишь, но посредственно, а иных любишь очень сильно, то из сего неравенства познай, что ты далек еще от совершенной любви, которая внушает любить равно всякого человека.

11. *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 36, 27), то есть борись с врагами, чтоб умалить страсти, а затем бодрствуй, чтоб не умножились они; и опять борись, чтоб стяжать добродетели, а после того бодрствуй, дабы сохранить их. И сие-то было бы *делати... и хранити* (Быт. 2, 15).

12. По Божию попущению искушающие нас или разгорячают вожделевательную силу души, или растревоживают раздражительную, или омрачают мыслительную, или тело облагают страданиями, или телесные потребности похищают.

13. Демоны или сами нас искушают, или вооружают против нас людей, не боящихся Господа: сами искушают, когда уединяемся от людей, как искушаем был Господь в пустыне; искушают через людей, когда обращаемся с людьми, как опять искушали Господа через фарисеев. Но мы, взирая на образец наш, то есть Господа, отразим их в том и другом случае.

14. Когда начинает ум успевать в любви Божией, тогда начинает искушать его и дух хуления, и внушает ему такие помыслы, каких ни один человек изобрести не может, а токмо один диавол, отец их. И сие делает он, завидуя боголюбцу, дабы, как измысливший такие помыслы, пришед в отчаяние, не дерзал он более воспарять к Богу обычною молитвою. Но от этого не получает лукавец ничего благоприятного для его цели, но делает нас более твердыми. Ибо, будучи боримы и противоборствуя, мы становимся опытнее и искреннее в любви к Богу. *Меч их да внидет в сердца их, и, луцы их да сокрушатся* (Пс. 36, 15).

15. Ум, обращаясь к видимому, естественно понимает вещи при посредстве чувств. Ни ум, ни естественное понимание вещей, ни вещи, ни чувства не суть зло: ибо то суть все Божии создания. Что же тут злое? Очевидно, что страсть, прицепляю-

щаяся к пониманию вещей естественному. И она может не иметь места при употреблении естественных понятий о вещах, ежели ум бодрствует.

16. Страсть есть неестественное движение души или по несмысленной любви, или по безрассудной ненависти к чему-нибудь чувственному, или за что-нибудь чувственное: по несмысленной любви или к яствам, или к женам, или к имению, или к преходящей славе, или к иному чему-нибудь чувственному, или ради сего; по ненависти несмысленной, когда ненавидят, как выше сказано, без рассуждения что-либо из вышесказанного или кого-нибудь по причине того.

17. Или опять — зло есть погрешительное суждение о познанных вещах, сопровождаемое неправильным их употреблением. Так, в отношении к вещам, правильное суждение о совокуплении целью его поставляет деторождение. Но кто имеет при этом в виду одну сласть похотную, тот погрешает в суждении, недоброе почитая добрым. И таковой, совокупляясь с женою, злоупотребляет сим. Подобным образом должно рассуждать о понимании и употреблении других вещей.

18. Когда демоны, отторгнув ум твой от целомудрия, окружают его блудными помыслами, тогда со слезами воззови ко Владыке: *изгонящии мя ныне обыдоша мя: Радосте моя, избави мя от обышедших мя* (Пс. 16, 11; 31, 7). И избавишься.

19. Тяжел демон блуда и сильно налегает на подвизающихся против сей страсти, наипаче при небрежении об умеренности в пищи и при встречах и беседах с женским полом. Он сначала незаметно уловляет ум поползновенностью на сласть похотную, а потом дверью памяти привходит к безмолвствующему, и как тело разжигает, так и представляет уму различные срамные образы; и тем вызывает его к соизволению на грех. Если не хочешь, чтобы сие длилось в тебе, восприими пост, труд, бдение и доброе безмолвие с прилежною молитвою.

20. Непрестанно ищущие души нашей ищут посредством страстных помыслов ввергнуть ее в мысленный или действительный грех. Но когда сретят ум, не приемлющий их, тогда

постыдятся и посрамятся; когда же найдут ум занятым духовным созерцанием, тогда *возвратятся* вспять *и устыдятся зело вскоре* (Пс. 34, 4; 6, 11).

21. Дело ***диакона*** исправляет тот, кто намащает ум на священные подвиги и отгоняет от него страстные помыслы; дело ***пресвитера*** — кто просвещает ум познанием сущего и уничтожает лжеименное знание; дело ***епископа*** — кто завершает усовершение его святым помазанием ведения поклоняемой Святой Троицы.

22. Изнемогают демоны, когда через исполнение заповедей уменьшаются в нас страсти: погибают, когда в силу бесстрастия души совершенно исчезают из нее, не находя в ней того, чем держались в ней и чем воевали против нее. Сие-то значит: *изнемогут и погибнут от лица Твоего* (Пс. 9, 4).

23. Одни из людей воздерживаются от страстей из страха человеческого, другие из тщеславия, иные по воздержанию, а иные освобождаются от страстей судьбами Божиими.

24. Все слова Господни содержат следующие четыре предмета: заповеди, догматы, угрозы и обетования; и мы ради их претерпеваем всякую строгость жития, как-то: посты, бдения, спание на голой земле, лишения и труды в послушаниях, обиды, бесчестие, мучение, смерть и тому подобное. *За словеса устен Твоих,* говорит пророк, *аз сохраних пути жестоки* (Пс. 16, 4).

25. За воздержание награда — бесстрастие; за веру — ведение. Бесстрастие рождает рассудительность, а ведение — любовь к Богу.

26. Ум, проходя исправно деятельную жизнь, преуспевает в благоразумии, а проходя исправно созерцательную — в ведении. Первая приводит подвизающегося в ней к различению добродетели от порока; вторая причастника своего вводит в познание свойств бестелесных и телесных существ. Дара же богословского сподобляется ум тогда уже, когда на крыльях любви, прелетев все вышесказанное и достигши пребывания

в Боге, духом созерцает свойства Его, сколько уму человеческому то возможно.

27. Желая богословствовать, не ищи, что есть Бог в себе самом; ибо этого не найдет не только человеческий ум, но ни ум кого-либо другого из сущих после Бога. Но рассматривай по возможности облекающие Его свойства, как-то: присносущность, беспредельность, неописанность, благость, премудрость и силу всесодетельную, всепромыслительную и судящую все сущее. Ибо между человеками тот уже великий богослов, кто хотя несколько раскрывает сии свойства Божии.

28. Силен муж, ведение соединивший с деятельностью: ибо тогда он этою иссушает похоть и укрощает раздражение, а тем воскрыляет ум и к Богу преселяется.

29. Когда говорит Господь: *Аз и Отец едино есмы,* то сим означает единство естества; когда же паки глаголет: Аз *во Отце и Отец во Мне,* то показывает нераздельность Ипостасей. Итак, трифеиты (троебожники), разделяя Сына от Отца, падают в пропасть с той и другой стороны или, признавая Сына соприсносущным Отцу, но разделяя Его от Отца, принуждены говорить, что Он не рожден от Отца, и таким образом впасть в ересь, признающую трех богов и три начала, или, признавая Сына рожденным от Отца, но разделяя Его с Ним, по необходимости должны допустить, что Он не соприсносущен Отцу, и Владыку времен подчинить времени. Надлежит, по учению великого Григория, и сохранить единого Бога и исповедывать три Ипостаси, каждую с собственным ей свойством. Ибо, по его же учению, Троица разделяется, но нераздельно; и соединяется, но раздельно. Дивное разделение и единение! Но какая была бы дивность, если бы Отец с Сыном также соединялся и разделялся, как соединяется и разделяется человек с человеком, и ничего более?

30. Совершенный в любви и достигший верха бесстрастия не знает разности между своим и чужим, или своею и чужою, или между верным и неверным, или между рабом и свободным, иди даже между мужеским полом и женским. Но став

выше тиранства страстей, и взирая на одно естество человеческое, на всех равно смотрит, и ко всем равно расположен бывает. Нет в нем ни иудея, ни еллина, нет мужеского пола, ни женского, нет раба, ни свободного, но все и во всех Христос (Гал. 3, 28).

31. От лежащих в душе страстей демоны заимствуют поводы воздвигать в нас страстные помыслы. Потом, ими поборая ум, понуждают его снизойти к соизволению на грех; победив его в этом, вводят его во грех мысленный, а по совершении сего, как пленника, ведут его на самое дело греховное. После сего наконец через помыслы соделав душу запустелою, отходят вместе с оными. Остается только в уме идол (мысленный образ) греха, о котором говорит Господь: *егда убо узрите мерзость запустении... стоящу на месте святе* (Мф. 24, 15). Читающий да разумеет, что место святое и храм Божий есть ум человеческий, в коем демоны, опустошив душу страстными помыслами, поставили идола греховного. В том же, что сказанное Господом сбылось и исторически, никто из читавших Иосифа Флавия, думаю, не сомневается. Некоторые, впрочем, говорят, что то же будет и при антихристе.

32. Три начала побуждают нас к добру: семена (добра в нас) от природы, святые Силы и доброе произволение. Семена природы, когда, например, как желаем, чтобы с нами поступали люди, так и мы поступаем с ними; или когда видим человека в тесноте и нужде, и естественно милосердуем о нем. Святые Силы, когда, чувствуя побуждение к доброму делу, обретаем (в себе) благое содействие и успеваем. Наконец, доброе произволение, когда, различая добро от зла, избираем доброе.

33. Равномерно три же есть начала, побуждающих нас на зло: страсти, демоны и злое произволение. Страсти, когда желаем чего безрассудно, как-то: или пищи не вовремя и без нужды, или жены без намерения деторождения и незаконной; также когда гневаемся или огорчаемся; на кого не должно, как-то: на бесчестившего или вред нам причинившего. Демоны, когда они во время вознерадения нашего усмотрев удобное время,

внезапно налегают на нас, и с великою силою возбуждают вышесказанные страсти и подобные им. Наконец, злое произволение: когда, зная добро, избираем зло.

34. Мзду за подвиги в добродетели составляют бесстрастие и ведение. Ибо они виновниками бывают для нас Царствия Небесного, как страсти и неведение — муки вечной. И потому ищущий их ради славы человеческой, а не ради того, что они добро суть, слышит от Писания: *просите и не приемлете, зане зле просите* (Иак. 4, 3).

35. Между человеческими действиями многие добры сами по себе, но бывают недобрыми по какой-либо причине. Например — пост и бдение, молитва и псалмопение, милостыня и страннопримство сами по себе суть дела добрые, но когда делаются из тщеславия, тогда они уже не добры.

36. Во всех наших делах Бог смотрит на намерение, для Него ли мы делаем их или ради иной причины.

37. Когда услышишь слово Писания: *иже воздаст коемуждо по делом его* (Рим. 2, 6), помни, что Бог воздает добром не за то, что делается без правого намерения, хотя то кажется и добрым; но именно за делаемое с правым намерением. Ибо суд Божий взирает не на одно то, что делается, но на намерения, с какими делается.

38. Демон гордости двоякое имеет лукавство: или убеждает монаха исправные дела свои приписывать себе, а не Богу, Подателю благих и Помощнику в исправности, или, когда он не соглашается на сие, подущает уничижать менее совершенных братий. Но не ведает он, что и при таком действии на него демон наущает его отвергаться Божией помощи. Ибо уничижая тех, как не могших подобно ему оказаться исправными, он выставляет себя именно показавшим особенную исправность собственною силою. Что невозможно, как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Ибо наша немощь такова, что, и возжелав добра, она не может довести его до конца без Подателя благих.

39. Кто познал немощь естества человеческого, тот получил опытное познание и Божией силы помогающей. И таковой при помощи ее, иное уже совершив, а другое стараясь совершить, никогда не уничижает никого из людей. Ибо знает, что как ему помогла она и избавила его от многих страстей и бед; так сильна помочь и всем, когда восхощет, и наипаче подвизающимся Его ради, хотя по некиим судьбам всех вдруг от страстей не освобождает, но, яко благий и человеколюбивый Врач, каждого притекающего к Нему исцеляет в свое время.

40. При бездействии страстей привходит гордость, когда или причины оных скрываются, или демоны коварно отбегают.

41. Всякий почти грех бывает ради услаждения самоугодия и потому истребляется злостраданием и печалованием — вольным или невольным — по действу покаяния или по действу беды какой, смотрительно Божиим о нас Промыслом наводимой. *Аще бо быхом себе разсуждали,* говорит Писание, *не быхом осуждены, были: судими же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31-32).

42. Если приидет на тебя нечаянное искушение, не вини того, через кого оно пришло, а ищи, для чего оно пришло; и обретешь исправление. Ибо через него ли или через другого кого, но ты имел испить горечь из чаши судеб Божиих.

43. Чем ты злонравнее, тем менее отрицайся от злострадания, дабы, смирен быв им, изрыгнул ты гордость.

44. Искушения приводят к человекам иные — удовольствия, иные — печали, а иные — телесные страдания. Ибо Врач душ по судьбам Своим прикладывает врачевство, смотря на причину страстей, в душе лежащую.

45. Искушения наводятся на одних для изглаждения грехов, прежде бывших, на других — для прекращения теперь деемых, а на иных — для предотвращения имеющих быть содеянными; кроме тех, кои бывают для испытания человека, как то было со Иовом.

46. Благоразумный, помышляя о врачебности судеб Божиих, с благодарением сносит приключающиеся ему по ним

бедствия, никого другого не почитая виновным в них, кроме грехов своих, а неразумный, когда грешит, и наказываем за то бывает виновниками зол своих, почитает или Бога, или людей, неуразумевая премудрого о сем Божия промышления.

47. Есть средства, которые останавливают движение страстей и не дают им возрастать; и есть другие, которые умаляют их и ведут к истощению. Так пост, труд и бдение не дают возрастать похоти; а уединение, созерцание, молитва и возлюбление Бога умаляют ее и ведут к исчезновению. Так и в рассуждении раздражимости: великодушие, незлопамятность и кротость останавливают ее и не дают ей возрастать; а любовь, милостыня, доброхотство и человеколюбие умаляют ее.

48. Чей ум непрестанно устремлен к Богу, того и вожделение превозрастает в желании Бога, и раздражительность вся превращается в Божественную любовь. Ибо через долговременное приобщение Божественному озарению ум, соделавшись весь светловидным, и вожделетельную свою часть утеснив и подавив в себе, превращает в непрестанное, как сказано, желание Бога и неослабную к Нему любовь, всецело переводя ее от земного к Божественному.

49. Не всяко — не завидующий, не гневающийся, не памятозлобствующий на оскорбившего, имеет уже и любовь к нему: ибо он может и не любя не воздавать злом за зло по заповеди, но не так легко добром воздавать за зло, не нудя себя на то; потому что с расположением делать добро ненавидящим свойственно одной духовной совершенной любви.

50. Не любящий другого не есть уже ненавидящий его; равно и не ненавидящий не есть уже любящий. Но он может быть в средине в отношении к нему, то есть ни любить, ни ненавидеть. Ибо любительное расположение в душе производят обыкновенно показанные в 9 статье сей второй сотни пять побуждений: одно похвальное, другое обоюдное и три укорных.

51. Когда приметишь, что ум твой с услаждением занимается предметами вещественными и любезно пребывает в помышлениях о них, то знай, что ты любишь их более нежели Бога.

Ибо *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше,* глаголет Господь (Мф. 6, 21).

52. Ум, прилепляющийся к Богу и в Нем пребывающий молитвою и любовью, бывает мудр, благ, силен, человеколюбив, милостив, великодушен и, просто сказать, почти все Божественные свойства в себе носит. А удаляющийся от Него, и с вещественными предметами сдружающийся, предавшись сластолюбию, бывает или скотен или зверск, воюя с людьми из-за этого.

53. Миром называет Писание чувственные вещи, и те, которые занимают ими свой ум, суть лица мирские, к которым к большему их пристыжению оное говорит: *не любите мира, ни яже в мире... Яко все еже в мире, похоть плотская и похоть очима, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Ин. 2, 15-16).

54. Монах тот, кто ум свой отдалил от чувственных вещей и воздержанием, любовью, псалмопением и молитвою непрестанно приседит Богу.

55. Скотопитателем в духовном смысле называется деятельный муж, ибо нравственные, право творимые дела в духовной жизни имеют значение рабочего скота. Потому и говорит Иаков: *мужие скотопитателие есмы раби твои.* Пастырь же овец есть муж созерцательный, ибо значение овец имеют помыслы на горах созерцаний, умом пасомые. Посему-то и *мерзость бо есть египтяном,* то есть сопротивным силам, *всяк пастух овчий* (Быт. 46, 34).

56. Ум порочный, когда тело возбуждаемо бывает чувствами к свойственным ему похотям и сластям, последует за ним и сослагается с его мечтаниями и стремлениями. Но ум добродетельный воздерживается и отвлекает себя от страстных мечтаний и стремлений, и паче любомудрствует сделывать свои движения лучшими.

57. Из добродетелей иные суть телесные, а иные душевные. Телесные суть: пост, бдение, спание на голой земле, служение, рукоделие, чтобы не быть в тягость другим, или для подаяний

и прочее. А душевные суть: любовь, великодушие, кротость, воздержание, молитва и прочее. И так если случится, что по какой-либо нужде или состоянию телесному, например, по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить выше показанных телесных добродетелей, то имеем снисходительное прощение от Господа, ведущего и причины тому; не исполняя же добродетелей душевных, никакого не будет иметь извинения, ибо они не подлежат таковым препятствиям.

58. Любовь к Богу располагает причастника своего презирать всякую преходящую сласть, всякое телесное страдание и печаль. Да удостоверят тебя в сем все святые, столь много пострадавшие за Христа.

59. Берегись матери зол — самолюбия, которое есть неразумная любовь к телу. Ибо от него с кажущеюся благословностью рождаются три первые и родовые страстные и неистовые помыслы, а именно: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, заимствуя поводы от необходимой потребности телесной, а от этих рождается все племя страстей. Вот почему и надлежит, как сказано, весьма остерегаться самолюбия и противоборствовать ему с великою бдительностью. Ибо с истреблением его истребляются и все его порождения.

60. Страсть самолюбия внушает монаху щадить тело и снисходить ему в пище под видом сохранения здоровья и разумного управления телом, чтобы, мало-помалу уклоняясь на его сторону, впал он в бездну сластолюбия; мирянина же тем самым, что он мирянин, подущает попечение о плоти творить в похоти (см. Рим. 13, 14).

61. Высочайшее состояние молитвы есть, говорят, то, когда ум во время молитвы бывает вне плоти и мира совершенно безвеществен и безвиден. Кто сохраняет такое состояние ненарушимым, тот воистину непрестанно молится.

62. Как тело, умирая, совершенно отделяется от всех житейских вещей, так и ум, умирая в действии совершеннейшей молитвы, отторгается от всех мирских помышлений.

И если не умирает он таковою смертью, то с Богом быть и жить с Ним не может.

63. Никто да не обольстит тебя, смиренный монах, таковою мыслию, будто тебе можно спастись, работая сластолюбию и тщеславию.

64. Как тело грешит делами и для пестунства своего имеет добродетели телесные, да целомудрствует; так ум грешит страстными помыслами и для пестунства своего имеет добродетели душевные, да чисто и беспристрастно взирая на вещи, целомудрствует.

65. Как дни приемлются ночами и лета зимами, так тщеславие и сластолюбие печалями и болезненными страданиями или в настоящем веке, или в будущем.

66. Согрешившему невозможно избежать грядущего суда без добровольных в сей жизни болезненных трудов или без страданий от невольных бед.

67. Пяти ради причин, говорят, от Бога попускается нам быть боримыми от демонов: первая причина сего та, чтобы мы, будучи боримы и противоборствуя, дошли до умения различать добродетель от греха; вторая та, чтобы мы, борьбою и трудом снискав добродетель, имели ее твердою и неизменною; третья, чтобы, преуспевая в добродетели, мы не высоко о себе мудрствовали, но научились смиренномудрию; четвертая, чтобы, испытав делом, сколько зол грех, совершенною возненавидели его ненавистью; наконец, пятая и важнейшая та, чтобы, сделавшись бесстрастными, не забывали мы своей немощи и силы Помогшего нам.

68. Как ум алчущего мечтает о хлебе, а жаждущего о воде, так ум чревоугодника — о разнообразных яствах; любострастного — о женских лицах; тщеславного — о почетах людских; сребролюбивого — о прибытках; злопамятного — о мщении оскорбившему; завистливого— об ухудшении того, кому завидует. То же бывает и в прочих страстях. Ибо страстями осаждаемый ум приемлет страстные помышления и во время бодрствования тела, и во сне.

69. Когда похоть возрастает, тогда ум мечтает во сне о вещах, доставляющих услаждение, а когда раздражение, тогда видит он вещи, страх наводящие; усиливают страсти нечистые духи, приемля в содейственницы себе наше нерадение и подстрекая их; а умаляют — святые Ангелы, побуждая нас к деланию добродетелей.

70. Частое возбуждение вожделевательной силы души влагает в душу непреодолимую привычку к делам сластолюбивым, а частое возмущение раздражительности делает ум робким и лишает мужества. Первую исцеляет продолжительный подвиг поста, бдения и молитвы; вторую — благостыня, человеколюбие, любовь и милосердие.

71. Злые духи воюют против нас или вещами, или страстными о вещах помыслами: вещами против тех, кои среди их вращаются, а помыслами против тех, кои удалились от вещей.

72. Сколь удобнее грешить мыслию, нежели делом, столь же брань через помыслы тяжелее брани через вещи.

73. Вещи вне ума, а помышления о них внутрь его. Почему в его власти пользоваться ими хорошо или худо. Ибо за погрешительным употреблением мыслей следует злоупотребление вещей.

74. Ум получает страстные помыслы следующими тремя путями: через чувства, через состояние тела, через воспоминание. Через чувства — когда производящие на них впечатление вещи, как такие, к которым мы имеем страсть, возбуждают в уме страстные помыслы; через состояние тела — когда несоблюдением воздержания в питании или действием демонов, или какою-нибудь болезнию изменившееся состояние тела побуждает его к страстным помыслам, или к восстанию на Промысл; через воспоминание — когда память возобновляет помышления о вещах, к коим мы пристрастны и возбуждает в уме сим образом страстные помыслы.

75. Из данных нам от Бога в употребление вещей одни находятся в душе, другие — в теле, а иные окрест тела. В душе — силы ее; в теле — чувства и прочие члены; окрест тела — пища,

имение, деньги и проч. Доброе или худое пользование сими вещами и бывающими из-за них случайностями, являет нас или добродетельными или порочными.

76. Из сказанных случайностей иные бывают в том, что в душе, иные в том, что в теле, и иные в том, что окрест тела: в душе — ведение и неведение, памятование и забвение, любовь и ненависть, страх и дерзновение, радость и печаль, и прочее; в теле — наслаждение и утомление, чувствительность и притупление чувства, здравие и болезнь, жизнь и смерть, и тому подобное; в том, что окрест тела — многочадие и бесчадие, богатство и бедность, слава и бесчестие, и проч. Из сих иное у людей почитается добром, иное злом; тогда как, в собственном смысле ничто из сего не зло, а бывает злом или добром по употреблению.

77. Знание по естеству есть добро, подобно тому и здравие. Но многим более пользы принесло противное. Ибо для злых знание бывает не на добро, хотя оно по естеству, как сказано, и добро. Подобно, не на добро бывает для них и здравие, и богатство, и радость, ибо не на полезное себе они употребляют их; для таковых полезнее противное сему, а следовательно и это (противное) не зло в собственном смысле, хотя и кажется злом.

78. Не злоупотребляй мыслями, чтоб по необходимости не злоупотребить и вещами: ибо если прежде не согрешишь мысленно, то никогда не согрешишь делом.

79. ***Образ перстного*** (Адама) суть главные пороки, как-то: неразумие, малодушие, невоздержание, неправда. ***Образ небесного*** суть главные добродетели, как-то: благоразумие, мужество, целомудрие, справедливость. Но *якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго* (1 Кор. 15, 49).

80. Если хочешь найти путь, вводящий в живот, то ищи его в том Пути, Который рек: *Аз есмь путь и дверь, и истина и живот* (Ин. 14, 6; 10, 9); и там найдешь его. Но ищи прилежно, потому что *мало их есть иже обретают его* (Мф. 7, 14); чтоб иначе, оставлен будучи сими немногими, не оказался ты в числе многих.

81. Душа отстает от грехов по следующим пяти побуждениям: или страха ради человеческого, или из страха суда, или для будущего мздовоздаяния, или по любви к Богу, или, наконец, ради угрызений совести.

82. Некоторые говорят, что не было бы зла в тварях, если бы не было посторонней некоей силы, увлекающей нас к оному. Но сила сия не иное что есть, как наше нерадение о естественной деятельности ума. Почему те, которые радеют о нем, всегда делают добро, а зла никогда. Итак, если и ты сего же хочешь, то отжени нерадение, и с тем вместе отженешь и зло, которое есть погрешительное употребление мыслей, сопровождаемое злоупотреблением и вещами.

83. По естеству разумной в нас части следует, покоряясь Божественному слову, начальствовать над неразумною в нас частью. Да будет соблюдаем во всем сей порядок — и ни зла не будет в тварях, ни того, что бы влекло к нему, не окажется.

84. Одни из помыслов просты, а другие сложны. Просты — бесстрастные, а сложны — страстные, как из страсти и помышления сложенные. При всем том можно видеть, что многие из простых идут вслед за сложными, когда начинают подвигаться к тому, чтобы согрешить мыслию. Возьмем в пример золото. Пришел кому-нибудь на память страстный помысл о золоте, и он устремился мысленно украсть его; и вот он в уме уже совершил грех. За воспоминанием о золоте последовало воспоминание о кошельке, сундуке, кладовой и проч. Здесь воспоминание о золоте было сложное, ибо соединено было со страстью, а о кошельке, сундуке и прочем простое, ибо ум не имел к ним страсти. То же бывает и со всяким другим помыслом, с помыслом тщеславным, с помыслом о жене, и о прочем. Ибо не все помыслы, последующие за помыслом страстным, бывают также страстны, как показано в примере. Из сего можем познавать, какие помышления страстны и какие нет.

85. Некоторые говорят, что демоны, касаясь во время сна срамных членов нашего тела, возбуждают страсть блуда; за тем возбужденная страсть памятно приводит на ум образ женщины.

Другие же думают, что сами демоны представляются уму в образе жен; потом, касаясь срамных членов тела, возбуждают похотение жен; и бывают мечтания в этом роде. Иные еще думают, что страсть, преобладающая в приближающемся демоне, возбуждает таковую же и в человеке, и таким образом душа воспламеняется к помыслам, и привносит образы посредством памяти. Так и о других страстных мечтаниях одни говорят, что в них бывает дело так, а другие, что этак. Впрочем, ни одним из вышесказанных способов демоны не сильны возбудить какую-либо страсть ни во время бодрствования тела, ни во время сна, если душе присущи любовь и воздержание.

86. Иные из заповедей закона должно соблюдать и телесно и духовно, а иные только духовно. Например: *не прелюбодействуй, не убий, не укради,* и подобные сим надобно соблюдать и телесно и духовно; и духовно трояким образом. Напротив того, обрезываться, хранить субботу, закалать агнца, снедать опресноки с горьким зелием, и подобное, только духовно.

87. Три главнейших нравственных состояния бывает у монахов: первое, когда кто ни в чем не грешит делом; второе, когда кто не дает замедлять в душе страстным помыслам; третье, когда кто бесстрастно взирает в мыслях на образы жен и обидящих.

88. Нелюбостяжателен тот, кто отрекся от всякой собственности и на земле совсем не имеет ничего кроме тела, да и к нему отторгнув всякое расположение, Богу и благочестивым людям вверил все о себе попечение.

89. Из приобретающих имение некоторые приобретают оное бесстрастно: почему, и лишаясь его, не скорбят, как разграбление имений своих некогда с радостью принимавшие (см. Евр. 10, 34). Другие же стяжевают его страстно: почему когда предлежит им лишиться стяжаний, печалятся, как и упоминаемый в Евангелии богач, *отъиде скорбя* (Мф 19, 22); если же в самом деле лишатся, то скорбят смертельно. Таким образом, лишение имения обличает расположение бесстрастного или страстного стяжателя.

90. На высоких молитвенников нападают демоны, ввергая в их ум простые помышления о вещах чувственных, и тем отвлекая их от молитвы; на прилежащих познаниям — на должайшее время задерживая в них страстные помыслы; на подвизающихся в деятельной жизни — склоняя их грешить делом; всяческим способом со всеми борятся окаянные, чтоб отдалить людей от Бога.

91. Божиим Промыслом упражняемые в благочестии в сей жизни, испытуются следующими тремя искушениями: или подаянием приятного, как-то: здравия, красоты, многочадия, богатства, славы, и тому подобного; или насланием скорбного, как-то: лишения детей, имения, славы; или тем, что телу причиняет страдания, как-то: болезнями, мучениями и проч. К первым говорит Господь: *иже не отречется всего своего имения не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33); ко вторым же и третьим: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19).

92. Говорят, что состояние тела изменяют и через то подают уму страстные или бесстрастные помыслы следующие четыре причины: Ангелы, демоны, воздух, пища. Ангелы, говорят, изменяют словом; демоны — прикосновением; воздух — переменами своими; пища — качеством яств и питий, их излишеством и скудостью. Кроме сего сказанного, изменения производимы бывают еще памятью, слухом и зрением, когда душа наперед пострраждет под действием печальных или радостных обстоятельств. Пострадав от них, душа производит перемену в телесном состоянии, а измененное состояние тела, по прежде реченному, подает уму и соответственные помыслы.

93. Смерть, собственно, есть отдаление от Бога; жало же смерти — грех, которое Адам, прияв в себя, стал в одно время изгнан и от древа жизни, и от рая, и от Бога, за чем необходимо следовала и телесная смерть. Жизнь же, собственно, есть Тот, Кто сказал: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). Сей, быв в смерти, паки возвел в жизнь мертвенного.

94. Когда что пишется, пишется или для себя на память, или для пользы других, или для того и другого, или ко вреду некоторых, или на показ, или по нужде.

95. *Место злачно* (Пс. 22, 2) есть деятельная добродетель; *вода* же *покойная* есть ведение сотворенного.

96. *Сень смертная* есть человеческая жизнь. И тот, кто с Богом и с кем Бог, может смело сказать: *аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4).

97. Чистый ум право смотрит на вещи; образованное упражнением слово виденное полагает как бы пред очами других, а открытый слух приемлет то: но лишенный сих трех порицает сказавшего.

98. Тот с Богом, кто знает Святую Троицу, Ее творение и промышление; и кто страстоприемную часть души содержит бесстрастною.

99. *Жезл* означает, говорят, суд Божий, а *палица* Промысл. Кто приял познание о сем, тот может говорить: *жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста* (Пс. 22, 4).

100. Когда ум обнажится от страстей и просветится созерцанием сущего; тогда может он и в Боге быть и молиться, как должно.

Третья сотница о любви

1. Разумное употребление помышлений и вещей доставляет целомудрие, любовь и ведение; а неразумное — невоздержание, ненависть и неведение.

2. *Уготовал еси предо мною трапезу,* и проч. *Трапеза* здесь означает деятельную добродетель: ибо она Иисусом Христом уготована противу стужающих нам; *Елей,* умащающий ум, означает созерцание тварей; *чаша* Божия — познание Бога, *милость* Его есть Его Слово и Бог: ибо Он вочеловечением Своим женет вслед нас вся дни, доколе не постигнет всех спасаемых, как Павла. *Дом* означает Царствие, в которое вселятся все святые; *долгота* же *дний* — жизнь вечную (Пс. 22, 5-6).

3. Грехи случаются с нами от неправого употребления душевных сил, то есть силы вожделевательной, раздражительной и мыслительной. Неправое употребление силы мыслящей, невежество и безрассудность силы раздражительной, и вожделевательной — ненависть и невоздержность. Доброе же употребление их есть ведение, благоразумие, любовь и целомудрие. А когда так, то ничто из созданного и получившего бытие от Бога — не зло.

4. Не пища зло, но чревоугодие, не деторождение, а блуд, не деньги, но сребролюбие, не слава, а тщеславие; а когда так, то в сущем нет ничего злого, кроме злоупотребления, которое случается от нерадения ума о возделании естества (душевных сил и их добром направлении).

5. Зло в демонах вот что есть, говорит блаженный Дионисий,— раздражительность безрассудная, вожделевательность безумная, фантазия опрометчивая. Но безрассудность, безумие и опрометчивость в разумных существах суть лишения рассудка, ума и осмотрительности; лишение же бывает после имения или обладания чем. Следственно, было время, когда был в них и рассудок, и ум, и благоговейная осмотрительность. А если так, то и демоны не по естеству злы, но от злоупотребления сил естественных сделались они злыми.

6. Иные страсти порождают невоздержание, иные — ненависть, а иные — и невоздержание, и ненависть.

7. Многоядение и сластоядение бывают причиною нецеломудрия; сребролюбие и тщеславие — ненависти к ближнему; мать их — самолюбие — есть причина обоих.

8. Самолюбие есть страстное и безрассудное любление тела. Противоположны ему любовь и воздержание. Очевидно, что имеющий самолюбие имеет все страсти.

9. *Никто же,* говорит апостол, *свою плоть возненавиде* (Еф. 5, 29): однако тем не менее *умерщвляет* ее и *порабощает* (1 Кор. 9, 27), не давая ей ничего кроме *пищи и одеяния* (1 Тим. 6, 8); и их одних, только потому что они необходимы для жизни. Так бесстрастно любят ее и, яко служительницу Божественного,

питают и греют (Еф. 5, 29) единственно тем, что восполняет ее оскудение.

10. Кого кто любит, тому всячески и угождать старается. Итак, кто любит Бога, тот конечно и угодное Ему творить старается, а кто любит плоть, тот творит ее удовляющее.

11. Богу угодны любовь, целомудрие, созерцание и молитва, а плоти угодны чревоугодие, невоздержность, и все их возращающее. Посему-то *сущии же во плоти, Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8); *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24).

12. Когда ум к Богу клонится, тогда имеет тело рабом и ничего более не дает ему, кроме необходимого для жизни, а когда клонится к плоти, то порабощается ее страстям, и попечение о ней всегда творит в похоти (см. Рим. 13, 14).

13. Если хочешь избавиться от помыслов, уврачуй страсти; и тогда удобно изгонишь их из ума. Именно в отношении к блудной страсти постись, совершай бдение, трудись и уединяйся; относительно гнева и печали ни во что вменяй славу и бесславие, и прочие вещи земные; относительно злопамятства молись за оскорбившего, — и избавишься.

14. Не примеряй себя к слабейшим из людей, а лучше расширяй себя в меру заповеди о любви. Примеряясь к людям, впадешь в пропасть высокомерия, а расширяя себя в меру любви, достигнешь высоты смиренномудрия.

15. Если точно ты хранишь заповедь о любви к ближнему, то из-за чего внедряешь в себя горечь досады на него? Не явно ли, что ты предпочитаешь любви временное, и за него заступаясь, войну поднимаешь на брата?

16. Не столько по нужде золото стало столь желательно людям, сколько потому, что через него многие удовлетворяют сластолюбие.

17. Три причины любви к богатству: сластолюбие, тщеславие и неверие; сильнее же двух первых неверие.

18. Сластолюбивый любит сребро, чтобы с помощью его наслаждаться; тщеславный, чтобы прославиться; а неверующий,

чтоб скрыть и хранить его, боясь голода или старости, или болезни, или изгнания, и на него более надеясь, нежели на Бога, Создателя и Промыслителя всякой твари, даже до последних и малейших животных.

19. Четыре рода людей собирают богатство: три вышеименованные и четвертый — домовитый человек; очевидно, что один последний правильно собирает, дабы никогда не оскудевала рука его подавать каждому потребное.

20. Все страстные помыслы или возбуждают вожделевательную силу души, или возмущают раздражительную, или омрачают мыслительную, от чего случается, что ум слеп бывает для духовного созерцания и молитвенного восхождения. Почему монах, особливо безмолвствующий, долженствует тщательно внимать помыслам, и причины их познавать и отсекать. Познавать же таким образом: вожделевательную силу души возбуждают страстные воспоминания о женщинах, а их причиною бывает невоздержность в пище и питии, и частое неразумное обращение с женщинами. Отсекают же их — глад, жажда, бдение и уединение. Раздражительную силу возмущают страстные воспоминания о людях, нас огорчивших; причиною сего служат сластолюбие, тщеславие и любовещность, из-за коих огорчается страстный или что их лишился, или что не получил. Отсекает их ни во что вменение и уничижение сих вещей из любви к Богу.

21. Бог знает Себя и знает создания Свои, и святые Силы знают Бога, и знают создания Божии. Но святые Силы знают Бога и создания Его, не так, как знает Себя и создания Свои Бог.

22. Бог знает Себя из блаженного естества Своего, а создания Свои из Своей премудрости, с которою и в которой все сотворил: святые же Силы знают Бога, сущего превыше всякого причастия, по причастию (Его ведения), а творения Его через восприятие сущих в них умных созерцаний.

23. Твари суть вне ума; а созерцание их он приемлет внутрь себя. Но не так это в Боге присносущном, беспредельном

и неописанном, даровавшем всему сущему от Него и бытие, и благобытие, и приснобытие.

24. Святого Бога, разумею, Его благости и премудрости причащается разумное и мысленное естество и самым бытием, и способностью к благобытию и благодатью приснобытия. Сею благодатью познает оно Бога; Создания же Его познает, как выше сказано, восприятием созерцаемой в тварях всеустроительной премудрости, которая тонка, и слагается мысленно в уме.

25. Бог, приводя в бытие разумное и умное существо по высочайшей благости Своей, сообщил сим тварям четыре Божественные свойства, их содержания, охраняющие и спасающие: бытие, приснобытие, благость и премудрость. Из них два первые даровал существу, а два последние нравственной способности: существу — бытие и приснобытие, а нравственной способности — благость и премудрость, дабы тварь соделывалась тем по причастию, что Он Сам есть по существу. Посему и сказано, что человек сотворен по образу и по подобию Божию: сотворен по образу яко сущий, — сущего яко присносущий, присносущего, хотя и не безначально, впрочем бесконечно; сотворен по подобию яко благий — благого, яко премудрый — премудрого, тем бывая по благодати, чем Бог есть по естеству. По образу Божию есть всякое существо разумное, по подобию же — одни добрые и мудрые.

26. Все разумное и умное бытие разделено на двое, то есть, на Ангельское и человеческое естество; и все естество Ангельское разделено опять на два главных нравственных союза и общества, на святое и проклятое, то есть на святые Силы и нечестивых демонов; и весь род человеческий разделяется только на два союза, то есть на благочестивых и нечестивых.

27. Бог, яко самобытие, самоблагость, самопремудрость или, точнее сказать, яко сущий превыше всего сего, совершенно ничего не имеет Себе противоположного. Но твари, как все по причастию токмо и благодати имеющие бытие, — разумные же и умные сверх того; и способность благости и премудрости, —

имеют противоположное, а именно — бытию небытие, способности к благости и премудрости — зло и неведение. Приснобытие или небытие их состоит во власти Сотворшего их, а причастие или непричастие благости Его и премудрости состоит в воле разумных тварей.

28. Еллины, полагая, что естество тварей от вечности было с Богом, и что они от Него приняли только качества свои, говорят, что и их естеству нет ничего противоположного, а противоположность находится в одних их качествах. Но мы утверждаем, что противоположного не имеет единое Божеское естество, яко вечное, беспредельное и дарующее вечность всем прочим естествам; естеству же тварей противоположно небытие, и приснобытие или небытие их состоит во власти собственно Сущего. Но как дары Его нераскаянны и непреложны, то тварь как есть всегда, так и будет, содержима будучи вседержительною силою, хотя и имеет, как сказано, противоположное себе небытие, яко из небытия в бытие приведенная и имеющая в Его воле то, чтоб быть или не быть.

29. Как зло есть лишение добра, и неведение есть лишение ведения, так и несуществование (небытие) есть лишение существования (бытия) — не собственно сущего, ибо сие не имеет противоположного; но сущего по причастию собственно сущего. Лишение первых двух зависит от воли твари, а лишение второго состоит в воле Сотворшего, Который по благости всегда хочет, чтобы существа были, и всегда были Им благодетельствуемы.

30. Все твари суть или разумные и умные, допускающие в себе противоположности, то есть добродетель и порок, ведение и неведение; или различные тела, из противоположностей состоящие, как то: из земли, воздуха, огня, воды. Одни совершенно бесплотны и невещественны, хотя некоторые из них и сопряжены с телами; другие же состоят токмо из вещества и вида (формы).

31. Все тела по естеству неподвижны; движутся же душою, одни разумною, другие неразумною, а иные бесчувственною.

32. Из душевных сил иная питательная и растительная, иная воображательная и побуждательная, иная наконец разумная и мыслительная. Одной первой причастны растения; второй, вместе с первою — бессловесные животные; третьей же, вместе с двумя первыми — люди. Первые две силы тленны, а третья усматривается нетленною и бессмертною.

33. Святые Силы, передавая между собою друг другу просвещение, передают и человеческой природе и сущую в них добродетель, и сущее в них ведение: добродетель, то есть Богоподражательную благость, по которой благодетельствуют и сами себе и между собою друг другу, и низшим их существам, соделывая их Боговидными; ведение, как то, или о Боге нечто высшее; ибо, *Ты же,* говорит пророк, *вышний во век Господи* (Пс. 91, 9); или о существах телесных нечто глубочайшее, или о бестелесных точнейшее, или о провидении яснейшее, или о суде определеннейшее.

34. Нечистота ума состоит, во-первых, в ложном знании; во-вторых, в неведении чего-либо всеобщего; говорю сие относительно к человеческому уму, ибо Ангелу несвойственно не знать даже что-нибудь и из частного; в третьих, в страстных помыслах; в четвертых, в соизволении на грех.

35. Нечистота души состоит в том, что она не действует по естеству; ибо от сего рождаются в уме страстные помыслы. Действует же душа по естеству тогда, когда страстные силы ее, то есть раздражительная и вожделевательная, во время воздействия на них вещей и помышлений по поводу их, остаются бесстрастными.

36. Нечистота тела есть грех, делом содеянный.

37. Тот любит безмолвие, кто непристрастен к мирскому; тот любит всех человеков, кто не любит ничего человеческого; и тот имеет ведение о Боге и о Божественном, кто не соблазняется никем, ни по причине падений его, ни по причине подозрением порождаемых помыслов на счет его.

38. Великое дело — не быть пристрастну к вещам, но гораздо еще большее — пребывать бесстрастным при помышлениях о них.

39. Любовь и воздержание сохраняют ум бесстрастным и к вещам, и помышлениям о них.

40. Ум Боголюбивого вооружается не против вещей и помышлений о них, но против страстей, сопряженных с помышлениями сими. То есть, он ни против восстает женщины, ни против обидевшего, ни против воображения их, но против страстей, сопряженных с сими воображениями.

41. Вся брань монаха против демонов состоит в том, чтобы отделить страсти от мыслей; ибо иначе невозможно ему бесстрастно смотреть на вещи.

42. Иное есть вещь, иное помышление, иное страсть: вещь, например — муж, жена, золото и проч.; помышление — простое воспоминание о чем-либо из сказанного; страсть — или бессловесная любовь, или безрассудная ненависть к чему-либо из того. С такою-то страстью брань у монаха.

43. Помышление страстное есть помысл, сложенный из страсти и помышления. Отделим страсть от помышления и останется чистый помысл. Отделяем же, если хотим, посредством духовной любви и воздержания.

44. Добродетели отрешают ум от страстей, а духовные созерцания от простых мыслей; чистая же молитва представляет его самому Богу.

45. Добродетели — для познания созданий, познание же — для познающего, а познающий — для недоведомо познаваемого и превыше познания ведущего.

46. Бог вседовольный произвел твари из небытия в бытие не потому, чтобы в чем-либо имел нужду, но чтоб они, соответственно приемлемости своей, причащаясь Его блаженства, наслаждались; Сам же Он веселился о делах Своих, видя их веселящимися и всегда ненасытимо насыщающимися ненасытимым.

47. Мир имеет много нищих духом, но не по надлежащему; много плачущих, но или об утрате имения, или о потере детей; много кротких, но к нечистым страстям; много алчущих и жаждущих, но того, чтобы похищать чужое неправедно и собирать корысти; много милостивых, но к телу и телесному; и чистых сердцем, но по тщеславию; и миротворцев, но подчиняющих душу плоти; много изгоняемых, но за свое бесчестие; много поносимых, но за срамные грехи. Блаженны же одни те, которые и действуют, и страждут за Христа и о Христе. Почему? *Яко тех есть Царствие Небесное;* и: *яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 3, 8); и так далее. Не потому они блаженны, что так действуют и страждут, ибо и выше сказанные то же делают; но потому, что действуют и страждут ради Христа и о Христе.

48. Во всем, что мы делаем, как многократно говорено, Бог взирает на цель, для Него ли или для чего другого мы то делаем. Почему, когда хотим сделать что доброе, будем иметь целью не человекоугодие, но Богоугождение, чтоб на Него всегда взирая, все делать для Него, инако мы и труд понесем, и мзду погубим.

49. И простые мысли о вещах человеческих и созерцания всего сотворенного отрывай от ума во время молитвы, чтоб, мечтая о меньшем, не отпасть от Того, Кто несравнено лучше всего сущего.

50. Если истинно возлюбим Бога, то сею самою любовью отженем страсти. Любить же Его есть предпочитать Его миру, а душу плоти с презрением всех мирских вещей, с всегдашним посвящением себя Ему — воздержанием, любовью, молитвою и псалмопением, и проч.

51. Если долгое время, Богу внимая, будем тщательно пещися о страстной части души, то уже не бываем уклоняемы с правого пути приражениями помыслов, но точнее понимая причины оных и отсекая их, делаемся предусмотрительными так, что сбывается с нами пророческое слово: *воззре око мое*

на враги моя и возстающия на мя лукавнующия услышит ухо мое (Пс. 91, 12).

52. Когда видишь, что ум твой благочестно и праведно вращается в помышлениях мирских, то ведай, что и тело твое пребывает чисто и безгрешно. Когда же видишь ум, мысленно занимающимся грехами, и не пресекаешь сего, то знай, что и тело твое не замедлит впасть в них же.

53. Как для тела миром служат вещи, так для ума миром служат помышления; и как тело любодействует с телом женщины, так и ум любодействует с помышлениями о женах воображением своего тела: ибо он зрит мысленно образ своего тела, совокупляющимся с образом женщины. Равно в мыслях отмщает он образом своего тела образу обидевшего. То же бывает и с другими грехами: ибо что тело в мире вещей делом производит, то производит и ум мысленно в мире мыслей.

54. Не должно ли ужаснуться, вострепетать и прийти в исступление умом, что, когда Бог *Отец бо, не судит ни комуже, но суд весь даде Сынови* (Ин. 5, 22); Сын же вопиет: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1), *не осуждайте, да не осуждени будете* (Лк. 6, 37); подобно и апостол: *прежде времене ничтоже судите, дондеже приидет Господь* (1 Кор. 4, 5): и еще; *имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши* (Рим. 2, 1); когда, говорю, это так есть: люди, оставя плакаться о своих грехах, взяли суд из рук Сына, и сами, как бы безгрешные, судят и осуждают друг друга? Небо ужасается сему и земля трепещет, а они не стыдятся, бесчувственные!

55. Кто любопытствует о чужих грехах или по подозрению судит брата, тот не положил еще начала покаяния, и не принимал заботы узнать собственные грехи, поистине тягчайшие многопудовой свинцовой тяжести, и не знает, от чего человек бывает тяжкосердым, любящим суету и ищущим лжи (см. Пс. 4, 3); и потому как безумный и бродящий во тьме, оставя свои грехи, мечтает о чужих истинных или мнимых, по одному подозрению.

56. Самолюбие, как неоднократно говорилось, состоит причиною всех страстных помыслов; ибо от него рождаются три главнейшие помысла вожделевательной части души: чревоугодия, сребролюбия и тщеславия. Потом от чревоугодия рождается помысл блудный; от сребролюбия — любостяжательный; от тщеславия — гордостный; прочие же все следуют за каждым из сих трех, как то: помысл гневный, печальный, злопамятный, унывный, завистливый, клеветливый и прочие. Сии страсти связуют ум предметами вещественными и клонят его к земле, налегая на него, подобно тягчайшему камню, тогда как он по природе легче и тоньше огня.

57. Начало всех страстей есть самолюбие, а конец — гордость. Самолюбие есть безрассудное любление тела. Отсекший его отсек и все страсти, кои из него.

58. Как родители плотские пристрастны бывают к тем, кои родились от них, так и ум естественно привержен к своим мыслям, и как наиболее пристрастным из родителей свои дети кажутся более всех скромными и благообразными, хотя бы они по всему более всех посмеяния были достойны, так неразумному уму свои мысли кажутся более всех разумными, хотя бы более всех были нелепы. Мудрому же не кажутся такими свои мысли, но когда даже удостоверение имеет он, что они истинны и добры, и тогда тем больше не доверяет своему суду, а других мудрых поставляет судьями своих мыслей и рассуждений, *да не... вотще* течет *или тек* (Гал. 2, 2); и от них приемлет утверждение.

59. Когда победишь какую-либо из бесчестнейших страстей, например, пресыщение или блуд, или гнев, или любостяжание, тотчас нападет на тебя тщеславный помысл; а когда его победишь, тогда переймет тебя помысл гордостный.

60. Все бесчестные страсти, владея душой, изгоняют из нее помысл тщеславия, а быв побеждены, отверзают оному вход в нее.

61. Тщеславие рождает гордость, иногда быв изгоняемо, а иногда оставаясь. Но быв изгоняемо, оно приводит самомнение, а оставаясь — надменность.

62. Тщеславие истребляется скрытным действованием, а гордость приписыванием Богу исправно делаемых дел.

63. Сподобившиеся познания Бога и подлинно вкусившие сладости оного, презирают все удовольствия, рождающиеся от вожделетельной силы.

64. Водящийся земными пожеланиями желает или яств, или удовлетворения подчревных движений, или славы человеческой, или богатства, или чего другого, за сим последующего; и если ум не найдет ничего лучшего сих вещей, на что бы перенести свое вожделение, то не решится до конца жизни презреть их. Лучше же их несравненно ведение Бога и вещей Божественных.

65. Презирающие удовольствия презирают их из страха или в надежде, или в силу познания их ничтожности, или же по любви к Богу.

66. Познание Божественных вещей без приверженности к ним не убеждает ума совершенно презреть вещественное, но бывает подобно простому помыслу о чувственной вещи. Потому много можно найти людей, имеющих много познаний и в плотских страстях валяющихся, подобно свиньям в тине (см. 2 Пет. 2, 22). Ибо очистившись несколько во время ревнования о добре и получив в известной мере познание о сем, потом же обленившись, они уподобились Саулу, который, удостоившись царского престола, но недостойно его начав жить, с страшным гневом был с него свержен.

67. Как простой помысл о вещах человеческих заставляет ум презирать Божественное, так и простое знание Божественного не убеждает его совершенно презирать человеческое; потому что здесь истина пребывает еще в тенях и гаданиях; и потому имеет нужду в блаженной приверженности святой любви, связующей ум с духовными созерцаниями, и убеждающей предпочитать вещественному невещественное, чувственному мысленное и Божественное.

68. Не всяк отсекший страсти и помыслы соделавший простыми уже тем обратил их и на Божественное; но он может

не быть приверженным ни к человеческому, ни к Божественному, что случается с деятельными только людьми, не сподобившимися еще ведения, которые воздерживаются от страстей или по страху мук, или в надежде Царствия Небесного.

69. *Верою бо ходим, а не видением* и познание имеем еще как в зерцалах и гаданиях (2 Кор. 5, 7). А посему имеем нужду в долгом в нем упражнении, чтоб долговременным в нем поучением и прилежанием к нему приобрести неотторжимый навык к созерцаниям непресекаемым.

70. Если, отсекши на время причины страстей, займемся мы духовными созерцаниями, но не всегда в них будем проводить время, имея это одно себе дело, то легко опять обращаемся на плотские страсти, не получив от того другого плода, кроме простого знания с самомнением, коего конец есть самого познания мало-помалу помрачение и всеконечное ума к предметам вещественным уклонение.

71. Страсть любви предосудительная занимает ум предметами вещественными, а страсть любви похвальная прилепляет его к Божественному. Ибо ум обыкновенно на каких предметах замедляет вниманием, к тем и располагается; а к каким располагается, к тем обращает и вожделение и любовь, или к предметам Божественным, ему свойственным, мысленным, или к вещам плотским и страстям.

72. Бог создал невидимый мир и видимый; и душу и тело также Он сотворил. И если мир видимый столь прекрасен, то каков же невидимый? Если же тот лучше этого, то сколь превыше их обоих создавший их Бог? Если теперь Творец всех доброт лучше всего сотворенного, то по какой причине ум оставил лучшее всего, занимается всего худшим, то есть плотскими страстями? Не явно ли от того, что к этому привык, от рождения обращаясь с ним, а того, что лучше и выше всего, совсем еще не испытал? Таким образом, если долговременным воздержанием от чувственных удовольствий и поучением в Божественном, мало-помалу мы отторгнем его от такой привычки, то он, понемногу преуспевая в сем, расположится к Божественно-

му и собственное свое познает достоинство, а наконец и всю приверженность свою перенесет к Богу.

73. Бесстрастно говорящий о грехе брата говорит по двум причинам: или чтоб его исправить, или чтоб принести пользу другому. Если же он говорит самому ли ему, или другому без сих целей, то говорит, осуждая или оклеветывая брата, и таковой не избежит оставления от Бога, но непременно впадет или в то же, или в другое прегрешение, и быв обличен и укорен другими, посрамится.

74. Не одинаково должно судить о согрешающих тем же по действию грехом, но различно (судя по причине согрешения): ибо иное грешить по навыку, а иное по внезапному, неудержимому увлечению. В последнем случае человек ни прежде греха не имел мысли о нем, ни после греха не имеет влечения к нему, а напротив, весьма скорбит и мучится о случившемся. Совсем не то бывает с тем, кто грешит по навыку: ибо он и до греха не переставал грешить мысленно, и по совершении его в том же остается расположении.

75. Кто творит добродетели из тщеславия, тот и познания ищет из тщеславия же. Но таковой ничего уже не делает и не говорит для назидания, но во всем ищет уловить славу от видящих дело его или слышащих слово его. Обличается же страсть сия тем, если когда некоторые из таковых станут хулить слова или дела его, он крайне огорчается тем, не потому, что те не получили назидания, ибо сей цели он и не имел, но потому, что он унижен или уничижен ими.

76. Страсть сребролюбия обнаруживается тем, если кто принимает всегда с радостью, а подает с печалью. Таковой не может быть истинно экономным (см. п. 19).

77. Страждущий переносит страдания по следующим причинам: или из любви к Богу, или в надежде мздовоздаяния, или из страха мучения, или из страха человеческого, или по природной сносливости, или для удовольствия впереди, или из корысти, или из тщеславия, или по необходимости.

78. Иное — избавиться от помыслов, а иное — освободиться от страстей. Часто избавляются от помыслов, когда нет на глазах тех предметов, к которым страсть кто имел: но страсти между тем скрываются в душе и при появлении предметов обличаются. И потому должно наблюдать за умом при тех вещах и узнавать, к какой он имеет страсть.

79. Искренний друг тот, кто во время искушения ближнего вместе с ним без смятения и тревоги переносит, как собственные, случившиеся с ним скорби, нужды, несчастия и беды.

80. Не презирай совести, всегда лучшее тебе советующей; ибо она предлагает тебе божеский и Ангельский совет, освобождает тебя от тайных осквернений сердца и при исходе из мира дарует тебе дерзновение к Богу.

81. Если хочешь быть мудр и вместе скромен, а не рабствовать страсти самомнения; то всегда ищи в вещах, что скрыто от твоего разума, и, найдя, что многое и различное неизвестно тебе, ты подивишься своему невежеству и смиришь свое мудрование. А познав свое ничтожество, познаешь многие великие и дивные вещи. Мечтание же о своих знаниях не дает успевать в познаниях.

82. Спастись искренно желает тот, кто не противится врачевательным лекарствам; — лекарства же сии суть скорби и печали, разными несчастиями наводимые. Противящийся же бедам не знает ни того, какой торг идет у нас здесь, на земле, ни того, с какою прибылью отыдет он отзде.

83. Тщеславие и сребролюбие суть взаимные друг друга породительницы. Ибо иные богатеют из тщеславия, а иные, обогатясь, тщеславятся. Но так в мире водится. Монах же более тщеславится, когда бывает нестяжателен, а имея сребро, прячет оное, стыдясь, что имеет вещь, его званию неподобающую.

84. Тщеславию монаха свойственно тщеславиться добродетелью и ее последствиями; гордости же его свойственно гордиться успехами, уничижать других и приписывать то себе, а не Богу. Тщеславию же и гордости мирянина свойственно тщесла-

виться и гордиться красотою, богатством, силою и рассудительностью, или житейским благоразумием.

85. Успехи мирских людей суть падения в монахах, а успехи монахов суть падения в мирских людях. Успехи мирян состоят в богатстве, славе, силе, утехах, в благоплотии, многочадстве и тому подобных вещах, в которые вступя, монах погибает. Успехи же монаха суть нестяжание, бесславие, бессилие, воздержание, злострадание, лишения и сим подобное; чему невольно подвергшись, миролюбец почитает то великим несчастием, и часто близок бывает к опасности накинуть петлю на шею, а некоторые и делали так.

86. Пища создана для двух причин — для питания и врачевания. Посему приемлющие оную не в том намерении, и не как следует употребляющие данное Богом на пользу, осуждаются яко сластолюбцы. И в отношении ко всем вещам неправильное их употребление есть грех.

87. Смиренномудрие рождается от чистой молитвы со слезами и болезнованием. Ибо она, призывая всегда на помощь Бога, не попускает безумно полагаться на свою силу и мудрость и превозноситься над другими — две лютые болезни горделивой страсти.

88. Иное — сражаться с простым помыслом, чтобы он не возбудил страсти, иное — с помыслом страстным, чтобы не произошло соизволения нашего на грех. Оба же эти вида борьбы не дают замедлять в нас помыслам.

89. С злопамятством неразлучна печаль. И так, когда ум с огорчением видит в себе как в зеркале лицо оскорбившего брата, то очевидно, что он имеет памятозлобие. *Путие же злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28); ибо *иже памятозлобствует, беззаконен* (Притч. 21, 24).

90. Если злопамятствуешь на кого, молись о нем; и, молитвою отделяя печаль от воспоминания о зле, какое он причинил тебе, остановишь движение страсти; став же дружелюбным и человеколюбивым, совершенно изгонишь страсть из души.

Когда же другой злобится на тебя, будь к нему ласков, смирен и живи с ним добре, и избавишь его от страсти.

91. Печаль завидующего трудно остановить. Ибо он почитает для себя несчастием то, чему завидует в тебе. И не иначе можно успокоить его, разве скрывая то от него. Если же то для многих полезно, а ему печаль причиняешь: то которую пренебречь сторону? Надобно стать на стороне полезного для многих, но по возможности не понебречь и о нем, и не давать себе увлекаться коварством страсти, подавая помощь не страсти, а страждущему от оной; но по смиренномудрию почитать его превосходящим тебя, и давать ему предпочтение над собою во всякое время, во всяком месте и во всяком деле. А свою зависть остановить можешь, если станешь сорадоваться радости того, кому завидуешь и вместе с ним печалиться о том, о чем он печалится, исполняя заповедь апостола: *радоватися с радующимися и плакати с плачущими* (Рим. 12, 15).

92. Ум наш находится посреди двух некиих, из которых каждый внушает свойственное ему: один — добродетель, а другой — порок: то есть между Ангелом и демоном. Но ум имеет власть и силу последовать или противиться кому хочет.

93. Святые Силы направляют нас к добру, а естественные семена добра и добрая воля помогают нам; приражениям же демонов придают силы страсти и злая воля.

94. Чистый ум иногда сам Бог учит, нисходя на него, иногда же внушают ему доброе святые Силы, а иногда созерцаемое им естество вещей.

95. Уму, сподобившемуся ведения, надлежит соблюдать мысли свои бесстрастными к вещам, созерцания — не погрешительными, молитвенное состояние — безмятежным. Но этого не может он всегда соблюдать, проторжениями плотских движений, как дымом, омрачаясь по навету демонов.

96. Не на все то мы гневаемся, чем огорчаемся; ибо опечаливающих случаев более, нежели прогневляющих. Например: то-то изломалось, то-то потерялось, такой-то умер. В таких случа-

ях мы печалимся только, а в других и печалимся и гневаемся, не в любомудром находясь настроении.

97. Ум, приемля помышления о вещах, обыкновенно соответственно каждому помышлению вновь изменять вид свой; созерцая же оные духовно, различно преображается соответственно каждому созерцанию. Но быв в Боге, бывает совершенно безо́бразен и безвиден. Ибо созерцая единовидного, и сам единовиден и весь световиден делается.

98. Совершенная душа есть та, коей вожделетельная сила вся совершенно устремилась к Богу.

99. Совершенный ум есть тот, который истинною верою недоведомо познав Недоведомого, обозрел все вообще Его творения и от Бога получил всеобъемлющее познание о Его в них промысле и суде, сколько то доступно человекам.

100. Время делится на три части, и вера простирается на все сии три отдела; надежда на один, а любовь на два. Вера и надежда имеют предел, любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастая, пребывает в бесконечные веки. И потому-то *больши же всех любы* (1 Кор. 13, 13).

Четвертая сотница о любви

1. Во-первых, ум удивляется, помышляя о Божественной по всему беспредельности, о неисследимой оной и многовожделенной пучине; во-вторых, поражается тем, как Бог из ничего привел в бытие все существующее. Но как *величию Его несть конца* (Пс. 144, 3), так и премудрости Его *несть изобретения* (Вар. 3, 18).

2. Ибо как ему не удивляться, созерцая неприступную оную и преизумительную причину благости? Или как не прийти в исступление, помышляя, как и откуда произошло словесное и умное естество, и четыре стихии, из коих тела, когда никакого вещества, предсуществовавшего их порождению, не было? Какая это сила оная, которая, подвигшись к действию, привела их в бытие? Но сыны еллинов не приемлют сего, не ведая

всемощной благости и живодейственной Ее и ум превышающей премудрости и разума.

3. Творцом будучи от вечности Бог по беспредельной Своей благости творит, когда восхочет, единосущным Своим Словом и Духом. Не вопрошай: как же так, будучи благ всегда, Творец явился Он токмо ныне? Ибо и я тебе говорю, что неисследимая премудрость бесконечного Существа не подходит под человеческое ведение.

4. Творец от вечности предсуществовавшее в Нем ведение о всем сущем осуществил и произвел в дело, когда восхотел. Ибо неуместно сомневаться о Боге всемогущем, может ли Он осуществить что, когда восхочет.

5. Для чего Бог что сотворил — исследуй; ибо сие можно познать; но как и почему не так давно, сего не испытывай, потому что это не подлежит твоему разуму. Ибо из Божественных вещей иные постижимы, другие же непостижимы для человека. Умозрение, если его не обуздывать, может в пропасть низвергнуть, как сказал некто из святых (Григоргий Богослов).

6. Некоторые говорят, что твари от вечности сосуществовали Богу, но это невозможно. Ибо как могут от вечности сопребывать во всем бесконечному существа, по всему конечные, и как они собственно твари, если совечны Творцу? Но это речь еллинов, которые вводят Бога, Творца отнюдь не естества, а качеств токмо. Мы же, признавая Бога всемогущим, говорим, что Он — Творец не качеств токмо, но и естеств окачествованных. Если же так, то твари от вечности не сосуществовали Богу.

7. Божество и Божественное в некотором отношении познаваемо, а в некотором непознаваемо. Познаваемо созерцаниями о том, что есть окрест Его; непознаваемо — в том, что Оно есть Само в Себе.

8. В простом и бесконечном естестве Святой Троицы не ищи какой-либо склонности и способности, дабы не сделать Ее сложною, подобно тварям; что нелепо и к Богу не приложимо.

9. Просто, единовидно, бескачественно, мирно, невозмутимо, покойно — одно естество беспредельное, всемогущее и вседержительное. Тварь же всякая сложена из существа и случайностей и всегда имеет нужду в Божием Промысле, как несвободная от превратности.

10. Каждое мысленное и чувственное естество, когда приведено было в бытие, получило от Бога силы принимать впечатления от вещей: мысленное получило силу помышлять, чувственное — чувствовать.

11. Бог сообщает только, а тварь и приемлет, и сообщает; приемлет бытие и благобытие, сообщает же только благобытие, но инако телесное и инако бестелесное естество.

12. Существо бестелесное сообщает благобытие и говоря, и действуя, и будучи созерцаемо, а телесное токмо будучи созерцаемо.

13. Приснобытие или небытие разумного и мысленного естества состоит в воле Создавшего вся *добра зело* (Быт. 1, 31); но бытие благими или злыми по произволению состоит в воле созданий сих.

14. Зло созерцается не в естестве созданий, но в погрешительном и неразумном их движении.

15. Душа благоумно движется, когда ее сила вожделевательная окачествована воздержанием, раздражительная ревнует о любви, отвращаясь от ненависти, мысленная пребывает в Боге молитвою и духовным созерцанием.

16. Не имеет еще совершенной любви и глубокого ведения о Божием Промысле тот, кто во время искушения не великодушествует при печальных приключениях, но отсекает себя от любви к духовным братиям.

17. Цель Божия Промысла есть разнообразно разорванных злом соединить опять посредством правой веры и духовной любви. Спаситель и пострадал для того, *да и чада Божия расточенная соберет во едино* (Ин. 11, 52). Итак, кто не хочет случайностей тяжелых подъять, печальных перенести,

болезненных перетерпеть, тот шествует вне Божией любви и цели провидения.

18. Если *любовь долготерпип* и *милосердует* (1 Кор. 13, 4): то малодушествующий при печальных приключениях, злобствующий на опечаливших его и отсекающий себя от любви к ним не отступает ли от цели Божия Промысла?

19. Внемли себе, не в тебе ли самом, а не в брате, кроется зло, разлучающее тебя с братом; и поспеши примириться с ним, дабы не отпасть от заповеди любви.

20. Не неради о заповеди любви; ибо через нее будешь ты сыном Божиим, а преступая ее, окажешься сыном геенны.

21. Любовь между друзьями разрушается, если завидуешь или делаешься предметом зависти, если причиняешь или терпишь урон, если бесчестишь или терпишь бесчестие, и наконец, если питаешь и держишь подозрительные на брата мысли. Итак, не сделал ли ты или не пострадал ли чего такого, и за то отступаешь ты от любви дружней?

22. Случилось тебе искушение со стороны брата, и огорчение довело тебя до ненависти, не будь побежден ненавистью, но победи ненависть любовью. Победить же ее можешь так: искренно молясь о нем Богу, приемля приносимое от брата извинение, или сам себя врачуя извинением его, поставив самого себя виновником искушения и положив терпеть, пока пройдет облако.

23. Долготерпелив тот, кто ждет до конца искушения, и получает похвалу за претерпенное.

24. *Долготерпелив муж мног в разуме* (Притч. 14, 29), ибо все случающееся относит к последнему концу, и в ожидании его переносит все скорбное. *Конец* же, по словам апостола, есть *жизнь вечная* (Рим. 6, 22). Се *же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3).

25. Не будь скор на отвержение духовной любви, ибо иного пути ко спасению не осталось человекам.

26. Кого вчера почитал за духовного брата и за добродетельного, не считай сего дня порочным и злым, по ненависти к нему, породившейся в тебе от наваждения лукавого; но долготерпящею любовью, помышляя о вчерашнем добром, отбрось от души сегодняшнюю ненависть.

27. Кого вчера хвалил, как доброго, и превозносил, как добродетельного, не поноси ныне, как порочного и злого по причине превращения твоей любви в ненависть, хулу на брата выставляя в извинение этой злой в тебе ненависти к нему; но оставайся при тех же ему похвалах, хотя бы все еще владело тобою огорчение, и удобно возвратишься к спасительной любви.

28. Ради кроющейся еще в тебе на брата твоего досады не изменяй обычной твоей ему похвалы в беседах с другими братиями, вмешивая в слова свои неприметно порицание, но говори о нем в беседе с чистосердечною похвалою и искренно молись о нем, как о себе самом, и вскоре избавишься от гибельной ненависти

29. Не говори: я не ненавижу брата, когда отвращаешься от воспоминания о нем, но внемли, что говорит Моисей: *не возненавидиши брата твоего во уме твоем: обличением да обличиши ближняго твоего, и не приимеши ради его греха* (Лев. 19, 17).

30. Пусть по какому-либо искушению брат продолжительно будет злословить тебя, но ты не выносись из любительного состояния и не попусти тому же злому духу возмутить твою мысль. Ты и не вынесешься из него, если поносимый и наветуемый благословлять и благожелательствовать будешь ему. Таков путь любомудрия по Христе, и шествующий сим путем сововодворится с Ним.

31. Не почитай благомыслящими тех, которые переносят тебе слова, порождающие в тебе досаду или неприязнь к брату, хотя бы казалось, что они говорят правду; но отвращайся от таковых, как от смертоносных змий, чтоб и их злословие пресечь, и свою душу избавить от озлобления.

32. Не уязвляй брата намеками, чтобы и от него взаимно не получить подобного, и тем из обоих не изгнать расположения

любви, но с любительным дерзновением иди и обличи его (см. Мф. 18, 15), чтобы устранить причины огорчения, и себя и его избавить от тревоги и досады.

33. Испытай совесть свою со всею точностью, не по твоей ли вине не примиряется с тобою брат, и ложными умствованиями не отклоняй обличения ее, ведающей сокровенное твое и имеющей обличить тебя во время исхода из мира, и во время молитвы быть тебе претыканием.

34. Во время мира не воспоминай, что сказано было братом во время досады, в лицо ли тебе неприятное что изречено было или заочно о тебе сказано другому, и ты после того услышал о том; чтоб, приняв помыслы злопомнения, не возвратиться опять к пагубному ненавидению брата.

35. Душа разумная, питающая к человеку ненависть, не может быть мирна в отношении к Богу, давшему нам такую заповедь: *аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш* небесный *отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15). Пусть брат не хочет мира, но ты сохрани себя от неприязни, искренне молясь за него и не злословя его ни перед кем.

36. Невыразимый мир святых Ангелов держится на следующих двух расположениях: на любви к Богу и любви друг к другу; подобным образом и мир всех от века святых. Итак, предобре сказано Спасителем нашим: *в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 22, 40).

37. Не будь самоугодник; не будешь и братоненавистником. Не будь самолюбив; и будешь боголюбив.

38. Восхотев жить с духовными братиями, у дверей их отрекись от своих хотений: ибо другим способом не возможешь ты быть в мире ни с Богом, ни с живущими с тобою.

39. Стяжавши совершенную любовь и всю жизнь свою по ней устроивши, *Духом Святым* именует Господом Иисуса (см. 1 Кор. 12, 3). Из противного же сему бывает противное.

40. Любовь к Богу любит всегда воскрылять ум к собеседованию о Боге и о Божественном; любовь же к ближнему располагает всегда доброе о Нем помышлять.

41. Любящему суетную славу или привязанному к чему-либо вещественному свойственно досадовать на людей за временное или злопамятствовать на них, или ненависть иметь к ним, или рабствовать срамным помыслам, боголюбивой же душе все сие чуждо.

42. Когда мысленно не говоришь и не делаешь ничего срамного, когда не злопамятствуешь на причинившего тебе вред или злословившего на тебя, и когда во время молитвы имеешь ум, постоянно отрешенный от вещества и образов, то знай, что ты достиг в меру бесстрастия и совершенной любви.

43. Не малый подвиг освободиться от тщеславия; освобождаются же от него тайным творением добродетелей и частою молитвою, а признак освобождения — не злопамятствовать на злословившего или злословящего.

44. Если хочешь быть праведен, доставляй, что достоит, каждой в тебя части, то есть душе и телу: мыслительной части души — чтение, духовное созерцание и молитву; раздражительной — духовную любовь, противоположную ненависти; вожделевательной — целомудрие и воздержание; а плоти — пищу и одеяние, кои одни необходимы.

45. Ум действует по естеству своему, когда содержит страсти в покорности, созерцает значение всего сущего и пребывает с Богом.

46. Как здоровье и болезнь видятся в теле животного, свет и тьма в оке: так добродетель и порок в душе, ведение же и неведение в уме.

47. Христианин умудряется сими тремя путями: заповедями, догматами и верою. Заповеди отрешают ум от страстей, догматы вводят его в познание Сущего, а вера — в созерцание Святой Троицы.

48. Иные из подвижников отгоняют только страстные помыслы, а другие отсекают и самые страсти. Отгоняются страстные помыслы или псалмопением, или молитвою, или богомыслием, или иным каким уместным занятием; отсекаются же страсти презрением тех вещей, к которым кто страстен.

49. Страстны бываем мы к женщине, к имению, к славе и проч. До равнодушия и презрения к женщине можно дойти, если кто по отречении от мира нудиться будет, как должно, иссушать тело воздержанием; к имению — если он убедит помысл свой быть довольну тем, что есть; к славе — если возлюбит тайное творение добродетелей, являемое Богу единому. Так и во отношении к прочим страстям. Кто же презирает все сие, тот не доходит никогда до неприязни какой-либо.

50. Отрекшийся от вещей мирских, как то: жены, имения, и проч. соделал монахом человека внешнего, а еще не внутреннего; отрешившийся же от страстных помыслов, соделал таковым и внутреннего человека, то есть, ум. Внешнего человека легко сделать монахом, если только захотеть, но не мал подвиг сделать монахом внутреннего человека.

51. Кто же в роде сем есть всецело освободившийся от страстных помыслов и сподобившийся достигнуть чистой и от всего отрешенной молитвы, что и есть признак внутреннего монаха?

52. Много страстей кроется в душах наших; обнаруживаются же они, когда появляются предметы их.

53. Может иной не возмущаться страстьми в отсутствии предметов их, достигши малой части бесстрастия, но едва появятся предметы, страсти тотчас начинают влещи ум.

54. В отсутствии предмета страсти не почитай себя имеющим совершенное бесстрастие. Но когда и предмет появится, а ты остаешься нетронут ни им, ни после воспоминанием о нем, тогда знай, что ты вступил в пределы ее. Однако ж, и тогда не будь беспечен: ибо хотя долговременная добродетель умерщвляет страсти, но если понебрежешь о ней, то они опять возбудятся.

55. Любящий Христа, без сомнения, и подражает Ему по возможности. Христос же не переставал благотворить людям; встречая неблагодарность и поносим будучи, долготерпел; будучи от них бием и убиваем, претерпел то, никому отнюдь не вменяя зла. Сии три действия суть дела любви к ближнему,

без которых говорящий, что любит Христа или что получит Царствие Его, обманывает себя. Ибо Господь сказал: *не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21). И опять: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите* (Ин. 14, 15), и прочее.

56. Вся цель заповедей Спасителя та, чтобы освободить ум от невоздержания и ненависти, и возвести его в любовь к Нему и ближнему, от которой рождается свет святого деятельного ведения.

57. Сподобившись от Бога некоего ведения, не неради о любви и воздержании; ибо они, очищая страстную часть души, устрояют тебе путь к ведению удобным.

58. Путь к ведению есть бесстрастие и смирение; *ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

59. Поелику *разум кичит, а любы созидает* (1 Кор. 8, 1), то с разумом сопряги любовь, и будешь чужд надмения, будешь духовным домостроителем (экономом), и себя назидающим и всех, приближающихся к тебе.

60. От того бывает, что любовь созидает, что она не завидует и не огорчается на завидующих, и не разглашает о себе всенародно того, что достойно завидования; (она) не почитает себя уже достигшею совершения (см. Флп. 3, 12), и чего не знает, о том не стыдится признавать свое неведение. Таким образом, она предохраняет ум от кичения и всегда располагает его преуспевать в познании.

61. Обыкновенно за познанием следует самомнение и зависть, особенно в начале. Самомнение проявляется внутри только, а зависть и внутри, и во вне: внутри (моя) к имеющим ведение, во вне (ко мне) от имеющих неведение. Любовь сии три неправости отвращает: самомнение, поелику *не гордится;* зависть внутреннюю, поелику *не завидит;* внешнюю, поелику *долготерпит* и *милосердствует* (1 Кор. 13, 4). Итак, имеющему ведение нужно приобрести и любовь, дабы она сохраняла ум во всем невредимым.

62. Сподобившийся дара ведения, но питающий огорчение, злопомнение или ненависть к человеку, подобен колющему глаза свои тернием и волчцами. Итак, знание необходимо имеет нужду в любви.

63. Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее. Ибо *телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8), и проч.

64. Пребывающий внутри и заботящийся непрестанно о внутреннем целомудрствует, долготерпит, милосердствует, смиренномудрствует; и не это только, но и созерцает, богословствует и молится. Сие то и есть то, что разумеет апостол, говоря: *духом ходите* (Гал. 5, 16), и проч.

65. Не умеющий ходить путем духовным не заботится о страстных помыслах, но все попечение имеет о плоти, — и или чревоугодничает, распутничает, досадует, гневается и злопамятствует, и таким образом омрачает ум, или через меру вдается в подвиги и тем подавляет мысль.

66. Писание не отнимает у нас ничего данного нам от Бога для употребления, но обуздывает неумеренность и исправляет безрассудность. То есть, оно не запрещает ни есть, ни рождать детей, ни иметь деньги и правильно их расходовать; но запрещает чревоугодничать, прелюбодействовать и проч. Не запрещает даже и думать об оном, ибо для того оно и сотворено, но запрещает думать страстно.

67. Иное, совершаемое нами для Бога, делается по заповеди, иное не по заповеди, но так сказать, по вольному приношению. По заповеди — когда мы любим Бога и ближнего, любим врагов, не прелюбодействуем, не убиваем, и прочее; за что, если мы то нарушаем, подвергаемся осуждению. Не по заповеди — когда храним девство и ведем безбрачную жизнь, отчуждаемся от всякой собственности, отшельничествуем и проч. Сии действия имеют значение даров, чтобы, если по немощи не исполним какой заповеди, сими дарами умилостивить благого Владыку нашего.

68. Избравший себе жизнь безбрачную или девство, должен иметь *чресла препоясана* и *светильник горящий* (Лк. 12, 35): *чресла препоясана* воздержанием; и *светильник горящий* — молитвою, богомыслием и духовною любовью.

69. Некоторые из братий думают, что они не могут иметь даров Духа Святого; ибо, по нерадению об исполнении заповедей, не знают, что имеющий истинную веру во Христа имеет в себе сокращенно все дары Божии. Но поелику мы по безделью нашему далеко отстоим от деятельной к Нему любви, которая показала бы нам Божественные в нас сокровища, то справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих.

70. Если, по словам Божественного апостола, в сердцах наших *верою* живет Иисус Христос (Еф. 3, 17), а *в Нем все сокровища премудрости* и ведения *сокровенны суть* (Кол. 2, 3), то в сердцах наших находятся все сокровища премудрости и ведения. Открываются же они сердцу по мере очищения каждого заповедями.

71. Се сокровище, скрытое на селе (см. Мф. 13, 44) сердца твоего, которого ты еще не обрел по безделью. Ибо если бы обрел, то продал бы все, и купил бы село сие. Но ты, оставя это село, работаешь около него, где нет ничего, кроме терния и волчцев.

72. Посему-то говорит Спаситель: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Узрят же Его и сущие в Нем сокровища тогда, когда очистят себя любовью и воздержанием, и тем более, чем более очистятся.

73. Посему-то говорит еще: *продадите имения ваша и дадите милостыню* (Лк. 12, 33), *и се вся чиста вам будут* (Лк. 11, 41), как уже не занимающимся вещами, до тела касающимися, а старающимся очистить от ненависти и невоздержания ум свой, который Господь называет *сердцем* (Мф. 15, 19). Ибо все оное, оскверняющее ум, не дает ему видеть живущего в нем Христа благодатью святого Крещения.

74. Писание именует добродетели путями; больше же всех добродетелей любовь, почему апостол сказал; *и еще по превос-*

хождению (превосходнейший) *путь вам показую* (1 Кор. 12, 31), как располагающий презирать все вещественное, и ничего временного не предпочитать вечному.

75. Любовь к Богу противоборствует похоти, ибо склоняет ум воздерживаться от услаждений чувственных; любовь же к ближнему противоборствует гневу, ибо заставляет презирать славу и богатство. И они-то суть два пенязя, которые Спаситель дал содержателю гостиницы (Лк. 10, 35), чтобы он поимел о тебе попечение. Но не явись неблагодарным, приставши к разбойникам, чтобы опять не быть изранену, и уже не еле живым, но мертвым не остаться.

76. Очищай ум твой от гнева, злопамятства и срамных помыслов, и тогда возможешь узнать Христово в тебе вселение.

77. Кто просветил тебя верою во Святую, Единосущную и поклоняемую Троицу? Или кто дал тебе знать о воплощенном домостроительстве единого от Святой Троицы? Кто научил тебя познанию о бесплотных, о происхождении и скончании видимого мира, или о воскресении из мертвых и вечной жизни, или о славе Царствия Небесного и о Страшном Суде? Не благодать ли Христова, живущая в тебе, которая есть залог Святого Духа? Что более сей благодати? Или что лучше такой мудрости и ведения? Что выше таких обетований? Если же и после сего остаемся мы праздны и нерадивы, и не очищаем себя от страстей, ослепляющих ум наш и мешающих нам зреть такие истины яснее самого солнца, то должны винить себя, а не отрицать обитание в нас благодати.

78. Бог, обетовавший тебе вечные блага и давший в сердце твоем залог Духа, заповедал тебе пещися о своем житии, чтоб внутренний человек, освободясь от страстей, еще в настоящей жизни начал вкушать те блага.

79. Сподобясь высоких Божественных созерцаний, наипаче пекись о любви и воздержании, чтобы, сохраняя страстную часть безмятежною, иметь в душе непрестающий свет.

80. Раздражительную силу души обуздывай любовью; вожделевательную умерщвляй воздержанием; мыслитель-

ную воскрыляй молитвою: и свет ума никогда не помрачится в тебе.

81. Расторгающие любовь причины суть следующие: бесчестие, причиненный урон, оклеветание или веры или жития, побои, удары, раны и проч.; и притом, когда сие случается или с самим кем, или с кем из родственников его и друзей. Разрывающий любовь по какой-либо из таковых причин не познал еще, какая цель заповедей Христовых.

82. Старайся сколько можешь любить всякого человека. Если же сего еще не можешь, то по крайней мере не ненавидь никого. Но и сего не в состоянии будешь сделать, если не презришь всего земного.

83. Такой-то похулил тебя: не ненавидь его, но хулу и подустившего к тому его демона. Если же ненавидишь похулившего тебя, то ты возненавидел человека и преступил заповедь, и что он сделал словом, то ты совершаешь делом. А если хранишь заповедь, то покажи к нему дело любви, и если в чем можешь, помоги ему, да отвратишь его от зла.

84. Христос не хочет, чтобы ты имел на человека ненависть и досаду, или гнев и злобу на кого, каким бы то ни было образом, и за что бы то ни было временное. Сие всякому проповедуют четыре Евангелия.

85. Много нас, говорящих, но мало делающих. Но никто не должен искажать слово Божие в угоду своей беспечности, а лучше исповедать свою немощь, не скрывая истины Божией, дабы вместе с преступлением заповедей не сделаться повинными еще в перетолковании слова Божия.

86. Любовь и воздержание освобождают душу от страстей; чтение же и богомыслие избавляют ум от невежества, а стояние на молитве поставляет молящегося пред самого Бога.

87. Когда демоны увидят, что мы презираем вещи мира сего, не желая за них ненавидеть людей и отпасть от любви, тогда воздвигают на нас клеветы, дабы мы, не перенося огорчения, возненавидели клеветников.

88. Нет для души тяготы тягостнее клеветы; веру ли оклевещут или поведение; и никто не может презреть сего, кроме того, кто, как Сусанна, на Бога взирает, единого сильного и от бед избавить, как ее избавил, и людям показать удостоверительно истину, как и о ней показал, и душу утешить надеждою.

89. Соответственно тому, как будешь молиться за оклеветавшего, Бог удостоверительно открывать будет истину о тебе соблазнившимся.

90. По существу благ един Бог; по настроению же души — один Богоподражатель: ибо главная у него цель — злых совокупить с благим по существу, чтобы и они сделались добрыми. Для сего, будучи поносим благословляет; гонимый — терпит; хулимый — утешает; убиваемый — молится за убивающих (см. 1 Кор. 4, 12-13). Все делает он, чтобы не отпасть от главной цели своей — любви.

91. Заповеди Господни научают нас благословно пользоваться вещами средними. Благословное же пользование средними вещами чистым делает состояние души; чистое состояние души рождает рассудительность; рассудительность же рождает бесстрастие, от которого рождается совершенная любовь.

92. Тот еще не имеет бесстрастия, кто в случае искушения не может оставить без внимания погрешность друга, в самом ли деле она есть за ним или только кажется, что есть. Ибо скрывающиеся в душе такого страсти, возбуждаясь, ослепляют ум и не дают усмотреть лучи истины, и различить доброе от худого. Не следует ли положить, что таковой не стяжал еще и совершенной любви, изгоняющей вон страх суда (1 Ин. 4, 18).

93. *Другу верну несть измены* (замены) (Сир. 6, 15): он несчастия друга почитает своими и подъемлет их вместе с ним, страдая даже до смерти.

94. Много друзей, но во время благоденствия; во время же искушений едва найдешь и одного.

95. Всякого человека от души любить должно, упование же возлагать на одного Бога, и Ему единому служить всею крепостью. Ибо пока Он хранит нас, то и друзья все нам благоприятствуют, и враги все сделать нам зла не сильны. А когда Он нас оставит, то и друзья все от нас отвращаются, и враги все берут силу над нами.

96. Есть четыре главных вида оставления Божия: иное оставление промыслительное, как то было с Самим Господом, дабы кажущимся оставлением спасти оставляемых; иное оставление испытательное, как было с Иовом и Иосифом, дабы явить одного столпом мужества, другого столпом целомудрия. Иное оставление духовно-воспитательное, как то было с апостолом Петром, дабы смиренномудрием сохранить в нем преизбыток благодати. Иное, наконец, оставление по отвращению, как то было с иудеями, дабы наказанием обратить их к покаянию. Все сии виды оставления спасительны и исполнены Божией благодати и человеколюбия.

97. Одни верные блюстители заповедей и истинные тайники судеб Божиих не оставляют друзей, по Божию попущению искушаемых, но презрители заповедей и непосвященные в таинства судеб Божиих, когда друг благоденствует, наслаждаются с ним, а когда искушаемый злостраждет, оставляют его. Бывает, что они становятся на стороне противников.

98. Други Христовы всех любят искренно, но не всеми бывают любимы. Друзья же мирские и не всех любят, и не всеми любимы бывают. Други Христовы до конца сохраняют союз любви, а друзья мирские, пока не встретится у них друг с другом столкновения за что-либо мирское.

99. *Друг верен, кров крепок* (Сир. 6, 14). Ибо он и при благоденствии друга бывает добрым советником и единодушным сотрудником, и при злострадании — заступником искреннейшим и поборником сострадательнейшим.

100. Многие многое сказали о любви, а найдешь ее у одних учеников Христовых, если поищешь, ибо одни они имели истинную любовь учительницею любви, о которой сказано:

аще имам пророчество, и вем тайны вся, и весь разум... любве же не имам: ни кая польза ми есть (1 Кор. 13, 2-3). Стяжавший убо любовь стяжал Самого Бога, ибо *Бог любы есть* (1 Ин. 4, 16); Ему слава во веки. Аминь.

3
УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ И ДЕЯТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ, ВЫБРАННЫЕ ИЗ СЕМИСОТ ГЛАВ ГРЕЧЕСКОГО ДОБРОТОЛЮБИЯ

1. Един есть Бог — безначальный, непостижимый, всю всецело имеющий силу быть (сый), всякую совершенно мысль исключающий о *когда* и *как* есть, как для всех недоступный и никакою тварью непознаваемый в естестве Своем [1, 1][1].

2. Все сущее называется домыслимым, познаваемым, таким, познанию о чем имеются доказательные начала. Бог же именуется недомыслимым, но из домыслимого, познаваемого веруется, что Он есть [1, 8].

3. Познания сотворенных вещей имеют в доказательство свое собственные основания, естественным путем получаемые, которыми естественно и определяются. Бог же по основаниям, в сих вещах находящимся, только веруется, что Он есть, давая благочестивым исповедание и веру в то, что Он есть, твердейшую всякого доказательства. Вера есть истинное познание, имеющее недоказываемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово [1, 9].

4. Бог есть начало, средина и конец всего сущего: начало, как Творец, средина, как Промыслитель, конец, как Завершитель, ибо, как говорит Писание, из *Того, и Тем и в Нем всяческая* (Рим. 11, 36) [1, 10].

5. Нет души, более досточестной, чем та, которая по естеству разумна. Бог, яко благий, создавая всякую душу по образу

---

[1] Первая цифра означает сотню, а вторая главу из сей сотни.

Своему, приводит ее в бытие самодвижною (свободною). Потом каждая по произволению своему или честь избирает, или бесчестие наживает произвольно делами своими [1, 11].

6. Бог, как написано, есть *солнце правды* (Мал. 4, 2), всех равно осияваюшее лучами благости Своей. Душа же, по настроению своему, обыкновенно бывает или воском, как боголюбивая, или грязью, как веществолюбивая. Как грязь по естеству своему солнцем иссушается, а воск естественно им умягчается, так и всякая душа веществолюбивая и миролюбивая, приемля от Бога внушения вразумительные и по настроению своему отревая их, жестеет, как грязь, и сама себя подобно Фараону ввергает в пагубу; всякая же боголюбивая душа при этом умягчается, как воск, и восприемля отпечатления образов Божественных вещей, делается в духе жилищем Бога [1, 12].

7. Осиявший ум свой Божественными разумениями, слово приучивший Божественными песньми непрестанно чтить Творца, и чувство освятивший непорочными на все взираниями, — сей к естественному добру бытия по образу приложил и благобытие по подобию произвольным благонастроением [1, 13].

8. Хранит душу свою не оскверненною тот, кто ум свой понуждает помышлять о едином Боге и Его совершенствах, слово поставляет правым истолкователем и изъяснителем сих совершенств, а чувство научил благочестно взирать на видимый мир и на все, что в нем, и душе возвещать о величии сокрытого в том разума [1, 14].

9. Бог, освободив нас от горького рабства тиранам — демонам, даровал нам человеколюбное иго Богочестия — смирение, коим вся сила дьявольская укрощается, всякое же добро благоустрояется приявшим его иго и сохраняется некрадомым [1, 15].

10. Верующий боится Бога; боящийся Бога смиряется; смиряющийся кротким делается, прияв настроение, недоступное для неестественных движений гнева и похоти; кроткий соблюдает заповеди; соблюдающий заповеди очищается; очистившийся

озаряется; озарившийся сподобляется совозлежать с женихом-Словом в сокровищнице тайн [1, 16].

11. Как земледелец, обозревая поле, пригодное к пересаждению на него дерев, неожиданно нападает иногда на сокровище, так и всякий подвижник, смиренный и непритворный, и ровный по душевному настроению, чуждому зарослей земных страстей, подобно блаженнейшему Иакову, на вопрос отца о способе благоуспешности; *что сие, еже скоро обрел еси, о чадо?* может ответить, говоря: *еже даде Господь Бог твой предо мною* (Быт. 27, 20). Ибо, когда Бог без труда с нашей стороны подает премудрые созерцания Своей премудрости нам, не ожидавшим того, то мы думаем, что внезапно обрели духовное сокровище. Искусный и опытный подвижник есть духовный земледелец, узреваемое посредством чувств в видимых вещах, как дикое дерево пересаживающий на духовное поле и обретающий при сем сокровище — благодатное узрение проявления Божией премудрости в сотворенных вещах [1, 17].

12. Ищущий ведения для показности и не достигающий его пусть не завидует ближнему и не убивается скорбью, а лучше пусть пройдет приготовительный к ведению труд, как установлено, труд деятельной добродетели. Люботрудно совершая сие наперед телом, он уготовит душу к приятию ведения [1, 20].

13. Те, которые право с благочестивым намерением пекутся о познании вещей, никаких не держа в мысли видов на показность пред другими, встретят пресветлые о них созерцания и найдут указания к вернейшему познанию самих себя. К таковым говорит закон: вошедши в землю обетования, наследуете *грады велики и добры,* которых не создавали, *домы полны всяких благ,* которых не строили, *потоки ископаны,* которых не искапывали, *винограды и маслины,* которых не насаждали (Втор. 6, 10-11). Ибо живущий не для себя, а для Бога, бывает исполняем Божественных даров, которые не всегда явны бывают по причине угрожающего нападения страстей [1, 21].

14. Лицемер, пока думает, что не разгадан, покоен бывает и молчит, довольствуясь славою, какую имеет от того, что кажется праведным; когда же бывает открыт, то язвительные изрыга-

ет слова, поношением других думая прикрыть собственную срамоту. Такому слово Писания, уподобив его порождению ехидны, как лукавого, повелевает творить достойные плоды покаяния, то есть сообразно с тем, чем он кажется, переделать и свое сокровенное настроение сердца [1, 23].

15. С целью повредить ближнему притворявшийся другом есть волк, овчею одеждою прикрывающий свое злодейство. Такой, встретив простой нрав или что-нибудь по-христиански простосердечно сказанное или сделанное, схватывает и пожирает, и потом бесчисленными обдает поношениями тех, на слова и нравы коих нападает, яко *соглядатай свободы* братий, яже *о Христе* (см. Гал. 2, 4) [1, 25].

16. Притворяющийся со злою целью молчаливым, устрояет козни против ближнего; не успев же в этом, отходит к страсти своей, приложив терзание сердца. Но молчащий пользы ради умножает дружбу и отходит, радуясь, как получивший просвещение, разогнавшее тьму [1, 26].

17. В собрании братий стремительно пресекающий слушание беседы не скрывает (обнаруживает), что болит славолюбием, которым будучи уловлен, предлагает он многие прямые и непрямые мысли о предмете речи, желая расстроить течение ее [1, 27].

18. Мудрый, и уча и учась, желает учиться и учить одному полезному, а кажущийся мудрец, и вопрошая и вопрошаемый, предлагает одно то, что питает любопытство [1, 28].

19. Каких благ благодати делается кто причастным по Божиему благоволению, те и другим независтно долженствует он передавать, по слову Господню: *туне приясте, туне дадите* (Мф. 10, 8). Скрывающий под землею дар оклеветывает даровавшего, будто он жесток (Мф. 25, 24), и отрицается от добродетели ради щадения плоти. Кто же врагам продает истину, тот потом будучи осужден и как славолюбивый, не перенося бесславия, удавление приемлет [1, 29].

20. Тем, которые еще боятся брани против страстей и страшатся нападения невидимых врагов, надлежит молчать, то есть в борьбе за добродетель не следует употреблять способ

противоречия, но обращаться к молитве, предав Богу попечение о себе и защиту свою, каковым говорится в книге Исхода: *Господь поборет по вас, вы же умолкните* (Исх. 14, 14). Тем же, кои по поражении гонящих их врагов взыщут в чувствах благодарения уразуметь, какой бы им начать образ добродетели, следует иметь только открытым сердечное ухо и внимать, что речет Господь, как повелено было Израилю: *слыши Израилю* (Втор. 6, 4)! А кто по очищении сердца неудержно вожделевает Божественного ведения, тому благоприлично благоговейное дерзновение, вследствие коего ему речется: *что вопиеши ко Мне* (Исх. 14, 15)? Итак, кому ради страха положено молчание, тому прилично только прибегание к Богу; кому же повелевается слушать, тому приличествует готовность к услышанию и исполнению заповедей Божественных, а достигшему духовного разумения пригодно непрестанное в молитве вопияние, как с испрашиванием отвращения зол, так с изъявлением благодарения за полученные блага [1, 30].

21. Душа никогда не может простертися к познанию Бога, если Сам Бог по благоснисхождению к ней не коснется ее и не возведет ее к Себе. И ум человеческий никогда не мог бы настолько востечь горе́, чтобы приять некое Божественное озарение, если бы Сам Бог не восторгал его, сколько возможно уму человеческому восторжену быть, и не просвещал Божественными осияниями [1, 31].

22. Верующий только, по Евангелию, сдвигает гору (Мф. 17, 19) греха деятельною в добре жизнью, исторгая из себя прежнее пристрастие к чувственным вещам, непостоянным и изменчивым. Кто же возмог сделаться учеником, тот, приемля от Слова руками преломления (ломти) хлебов духовного ведения, насыщет ими тысячи, делами показывая размножающую силу Слова (см. Мф. 15, 32 и далее). А возмогши быть и апостолом, врачует *всяк недуг и всяку болезнь* и бесов изгоняет (Мф. 10, 1): *изгоняет бесов,* то есть прогоняет действо страстей; *болезни исцеляет,* т. е. упованием возводит к благочестивому настроению лишившихся оного; *недуги врачует,* то есть расслабевших от лености возбуждает и укрепляет словом о суде. Но, получивши

власть наступати на змию и на скорпию (Лк. 10, 19), истребляет начало и конец греха [1, 33].

23. Апостол и ученик конечно есть и верующий; но ученик не всегда апостол, а всегда верующий; только же верующий не есть уже ученик и апостол. Впрочем, возможно жизнью и созерцанием и этому третьему (верующему) взойти в чин и достоинство второго (ученика), и сему второму — в чин и достоинство первого (апостола) [1, 34].

24. Что во времени по временному порядку производится, то, достигши совершенства, останавливается, потому что тогда прекращается естественное его возрастание. Но что благодать Божия производит по порядку добродетельной жизни, то и достигши совершенства опять подвигается к возрастанию: ибо здесь так бывает, что конец одного служит началом другого. Кто пресек в себе живущие в нем тленные страсти деятельною добродетелью, тот вместе с сим начал другие Божественнейшие преобразования *от славы в славу* (2 Кор. 3, 18): поколику и Бог, в нем действующий, не престает творить добро, как и не начинал, потому что, как свойство света есть светить, так Божие свойство есть творить благое. Почему, по закону, соответствующему состоянию вещей временных, рождающихся и умирающих, чтится суббота пресечением дел; а по Евангелию, соответствующему состоянию вещей духовных и мысленных, она празднуется благоделанием добрых дел; хотя не разумеющие, что суббота ради человека, а не человек субботы ради, и что Сын человеческий Господь есть и субботы, негодуют на это (см. Мк. 2, 27-28) [1, 35].

25. Для вкушения духовного радования душе недостаточно одного покорения страстей, если не стяжет и добродетелей через исполнение заповедей. *Не радуйтесь,* говорит Господь, *яко духи вам повинуются,* то есть действа страстей, *радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20), то есть что по благодати сыноположения ради добродетели переписаны вы в место (в графу) бесстрастия [1, 77].

26. Пока не исторглись мы умом до чистоты из природы своей и всего, что есть после Бога, дотоле не можем считать себя

стяжавшими неизменный навык к добродетели. Ибо только когда любовью установится в нас такое настроение, познаем мы силу Божественного обетования, потому что совершенная непревратность достойных водружена, как должно верить, там, где предварительно ум любовью своею укоренил силу. И не исшедший из себя и всего, о чем можно как-нибудь помышлять, и не утвердившийся в превышающем всякое помышление молчании (умолкнутии всех умовых движений) никак не может быть свободен от превратности [1, 81].

27. Великий Моисей, после того уже, как поставил скинию свою вне стана, то есть после того, как сердце свое и ум твердо установил вне всего видимого, начинает поклоняться Богу; и после того, как вступил во мрак, то есть в безвидное и безвещное место ведения, там пребывает, священнейшие совершая таинства (или посвящается на то) (см. Исх. 33, 7; 20, 21) [1, 84].

28. Во Святом Писании различать можно плоть и дух, как бы оно было некиим духовным человеком. И кто сказал бы, что буква Писания есть плоть, а смысл его — дух или душа, тот не погрешил бы против истины. Явно же, что тот премудр, кто, оставя плоть, как тленное нечто, весь прилепляется к духу, как нетленному [1, 91].

29. Исполняющий закон жизнью и поведением воздерживается от одних дел страстных, принося Богу в жертву действо бессловесных страстей. И этого для него достаточно ко спасению по духовному детству его [1, 94].

30. Пестунствуемый пророческим словом к отвержению дел страстных прилагает и отложение сочувствия им и сосложения с ними, составляющихся в душе, чтобы, показывая себя воздерживающимся от греха худшею частью (плотью), частью лучшею (душою) не быть скрытно грешащим с неудержимостью [1, 95].

31. Евангельскую искренно восприявший жизнь и начало и конец греха отсекает в себе, и всякую совершает добродетель и делом и умом, принося Богу жертву хвалы и исповедания, как избавленный от действенного нападения страстей и свободный

от мысленной с ними брани, и одно имеющий ненасытное услаждение, питающее душу надеждою будущих благ [1, 96].

32. Чувство или ощущение впечатлений чувственных, сопровождает ***деятельного*** — трудящегося над совершением добродетелей, а нечувствие или неколебание чувственными впечатлениями присуще ***созерцательному,*** ум свой сосредоточивающему в Боге, отторгая его от плоти и мира. Тот, подвизаясь разделить душу от естественных уз сочувствия плоти, ***деятельным*** на добром пути трудом, часто чувствует себя утомленным и благонастроение свое ослабевающим; а этот, исторгнув занозы сего сочувствия упражнением и пребыванием ***в созерцании,*** ничем уже совершенно не может быть пленяем и удерживаем, сделавшись чистым от того, чем обыкновенно уязвляли и удерживали его желавшие овладеть им [1, 99].

33. Как плод непослушания есть грех, так плод послушания есть добродетель, и как за непослушанием следует преступление заповедей и расторжение союза с Тем, Кто дал заповеди, так за послушанием следует исполнение заповедей и теснейшее соединение с Заповедавшим. Соблюдший убо через послушание заповедь и правду исполнил, и единение любви к Заповедавшему сохранил неразрывным. А преступивший через непослушание заповедь и грех соделал, и отторг себя от единения любви с Заповедавшим [2, 7].

34. Кто после расторжения союза по причине преступления опять идет к воссоединению, тот, во-первых, удаляется от страстей, потом от страстных помыслóв, потом от природы и всего природного (от вещественного мира), потом от вещей мысленных и ведения о них (от мира духовного), наконец претекши разнообразие планов Провидения (течение событий), неведомо как приближается к самой Единице, в коей единой узрев свою непревратность, радуется *радостию неизглаголанною* (1 Пет. 1, 8), как обретший *мир Божий, превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7), и того, кто сподобляется его, непрестанно охраняющий от падения [2, 8].

35. Страх геенны понуждает вводимых в сказанный путь (новоначальных) избегать греха; желание воздаяния благ придает

готовности преуспевающим в делании добродетелей; а таинство любви восторгает ум превыше всего тварного, соделывая его слепым для всего, что после Бога. Ибо только тех, кои соделались слепыми для всего, что после Бога, Господь умудряет, показывая ему Божественнейшее (см. Пс. 145, 8) [2, 9].

36. На Господе, как на некоем основании веры, воссозидая высокое здание благ, будем полагать (на сем основании) *злато, сребро и камение честное,* то есть чистое и неподмесное богословие, жизнь светлую и славную, Божественные помыслы, и маргаритовидные созерцания; а не *дрова, сено и тростие* (1 Кор. 3, 12), то есть не идолослужение или пристрастие к чувственному, не жизнь неразумную, не помыслы страстные, лишенные, как зрелых колосьев, премудрых разумений [2, 12].

37. Посвящающий себя ведению да утвердит стопы души своей пред Господом неподвижно, как сказал Бог Моисею: ты же здесь *предстань предо Мною* (см. Исх. 34, 2 и далее). Ведать однако ж подобает, что и между стоящими пред Господом есть различие, если не мимоходом читается любомудрыми следующее: *суть неции от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе* (Мк. 9, 1). Ибо Господь стоящим пред Ним не всем всегда является во славе, но к тем, которые только вводятся на путь к Нему (новоначальным) приходит Он в виде раба, а тем, кои сильны следовать за Ним в восхождении на высокую гору Его Преображения, является в образе Божием, в коем Он был прежде бытия мира. Итак, возможно, чтобы один и тот же Господь неодинаково являлся приступающим к Нему, но одним так, а другим иначе, сообразно с верою каждого разнообразя видение [2, 13].

38. О проходящем деятельную жизнь говорится, что он временно проживает во плоти, как пришелец, имеющий целью деланием добродетелей отсечь от души своей сочувствие к плоти и отторгнуть себя от вещественных прелестей. А о том, кто проходит жизнь созерцательную, говорится, что он в самой добродетели пришельствует, как в зерцалах еще и гаданиях созерцающий истину. Ибо еще не узрены им, через вкушение как бы лицом к лицу, подлинные виды чаемых благ, как они есть.

И всякий святой в отношении к будущим благам *образом ходит*, вопия: *пресельник аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 7, 13) [2, 17].

39. Хорошо, всегда от всего упраздняясь, искать Бога как нам повелено (см. Пс. 45, 11; 104, 4). Ибо хотя по свойству настоящей жизни, ища Его, мы не можем дойти до предела глубины Божией, но, может быть, и малость некую глубины Его достигнув, узрим святых святейшее, и духовных духовнейшее. Это образно показывает и Архиерей, когда от святого (первая часть скинии), которое святее двора, входит во святое святых, которое святее святого [2, 19].

40. Если Сын Бога и Отца, Бог Слово того ради соделался Сыном человеческим и человеком, да человеков соделает богами и сынами Божиими; то да веруем, что будем там, где ныне есть Сам Христос, *есть глава телу Церкви* (Кол. 1, 18), соделавшийся Предтечею о нас к Отцу по человечеству. Ибо в сонме богов, то есть спасаемых, будет стоящим посреди Бог, разделяя удостоения (сколько кто достоин) тамошнего блаженства, без местного однако ж отстояния достойных одних от других [2, 25].

41. Кто исполняет еще страстные вожделения плоти, тот живет в земле халдейской, как служитель и делатель идолов. Когда же, рассудив здраво, придет он несколько в познание подобающего ему по естеству образа жизни (и возымеет к нему сочувствие), тогда, оставя землю халдейскую, идет в Харран месопотамский (Быт. 11, 31), то есть в состояние, сопредельное добродетели и греху, не чистое еще от чувственной прелести. А когда он пройдет за пределы этого среднего чувственного разумения добра, тогда вступает в землю благую, то есть в состояние, свободное от всякого греха и неведения, которое не ложный Бог показывает и дать обещает, как награду добродетели, любящим Его [2, 26].

42. Ревнующий обрести любомудрие в духе благочестия и в боевой ставши порядок против невидимых сил, да молится, чтоб с ним пребыли и естественное различение (добра и зла), свет коего не велик, и просветительная благодать Духа; из коих

первое детоводит плоть к деятельной добродетели, а вторая световодит ум всему предпочитать сожительство с премудростью (см. Прем. 7, 28; 8, 2), коею разоряются твердыни зла *и всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (см. 2 Кор. 10, 4-5). Это показывает и Иисус Навин, просящий в молитве, *да станет солнце прямо Гаваону,* — то есть да сохранится в нем незаходимым свет ведения Бога на горе мысленного созерцания, — и *луна прямо дебри* — (Нав. 10, 12), то есть да естественное различение добра и зла, лежащее над плотскою немощью, пребудет неизменным относительно добродетели [2, 33].

43. *Гаваон* есть высокий ум; а *дебрь* — плоть, смиренная смертью. *Солнце* есть Слово, просвещающее ум, дающее ему силу к созерцаниям и от всякого неведения его избавляющее; а *луна* — естественный закон, обязующий плоть законно покориться духу к приятию ига заповедей. Естества же символом принимается луна по причине изменчивости. Впрочем, во святых естество бывает неизменным по причине неизменного навыкновения в добродетели [2, 34].

44. Не вне самих ищущих должен быть иском Господь, но в себе самих ищущие должны искать Его верою, в делах свидетельствуемою. *Близ ти глагол есть,* говорит апостол; *во устех твоих и в сердцы твоем, сиречь глагол веры* (Рим. 10, 8); ибо искание и глагола веры есть искание Самого Христа [2, 35].

45. Не помышляя о высоте Божеской беспредельности, да не отчаиваемся в Божием человеколюбии, как бы оно, по такой высоте, не могло достичь до нас; ни воспоминая о безмерной глубине нашего через грехи падения, да не неверуем в возможность восстания умерщвленной в нас добродетели. То и другое возможно для Бога, — как низойти и просветить ум наш ведением, так и восставить опять добродетель в нас, и нас совозвысить с Собою посредством дел правды. *Да не servations речеши в сердцы твоем,* говорит апостол, *кто взыдет на небо? сиречь Христа свести: или кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести* (Рим. 10, 6-7) [2, 36].

46. Подобно животным живущие для одних чувств зле употребляют творения Божии на угождение страстям. Не внемля

всем явному слову премудрости, да познают и прославят Бога из творений Его, и да уразумеют, откуда мы, что мы, на какой конец, и куда стремиться посредством видимого созданы, они во тьме блуждают весь век свой и одно неведение о Боге осязают обеими руками [2, 41].

47. Одной букве Святого Писания внимающие и телесным по закону служением связующие достоинство души думают жертвами бессловесных животных благоугодить Богу. У них много попечения о теле и внешних его очищениях, о красоте же души, искаженной ранами страстей, они нерадят, тогда как ее ради произведено все множество видимых вещей и изданы весь закон и все Божественное слово [2, 42].

48. То, что Господь *лежит... на падение и на возстание многим во Израили* (Лк. 2, 34), если то и другое взять в добрую сторону, будет означать: на падение в каждом из верующих страстей и злых помыслов, и на восстание добродетелей и всякого боголюбивого помысла [2, 44].

49. *Страха ради иудейска* сидящие в горнице *дверем затворенным* (Ин. 20, 19), то есть страха ради духов злобы в стране откровений, на высоте Божественных созерцаний твердо установившиеся, заключив подобно дверям чувства, приемлют неведомо приходящего Бога Слова, Который, явясь им не по чину чувственных явлений, дарует через *мир вам* — бесстрастие, а через дуновение — причастие Духа Святого, сообщает власть над злыми духами и показывает символы своих таинств (см. Ин. 19-23) [2, 46].

50. *Земля халдейская* есть страстная жизнь, в которой устрояют идолов греховных и покланяются им. *Месопотамия* есть образ жизни, то на одну то на другую из противоположных сторон склоняющийся. А *земля обетования* есть состояние (духа), исполненное всяких благ (духовных). Всякий, подобно древнему Израилю, нерадящий о сем благонастроении, опять ниспадает в рабство страстей и лишается дарованной свободы [2, 48].

51. Заметить надо, что никто из святых добровольно не отходил в Вавилон: ибо неуместно и неразумно любящим Бога

вместо того, что благо, избрать то, что худо. Если же некоторые из них невольно были отведены туда вместе с народом, то под ними разумеем мы тех, кои не сами от себя, а по особому обстоятельству ради спасения нуждающихся в руководстве, оставя высокое слово ведения, переходят к учению о страстях: по каковому обстоятельству и великий апостол почел более нужным пребыть во плоти, то есть продолжать преподавание нравственного учения для учеников, тогда как все желание имел отрешиться от нравственного учения и со Христом быть через премирное и простое духовное созерцание [12, 49].

52. Как блаженный Давид, играя на гуслях, успокаивал давимого злым духом Саула (см. 1 Цар. 16, 23); так всякое слово духовное, сладостное по проникающим его мысленным созерцаниям, успокаивает страждущий эпилепсиею ум, освобождая его от давящей его злой совести [2, 50].

53. *Чермен добрыма очима,* подобно великому Давиду (1 Цар. 16, 12), есть тот, кто при светлости жизни по Богу имеет светозарное подобно ей и слово ведения. В таких добрая деятельность сочетавается с созерцанием; и первая блестит разными видами добродетелей, а вторая светит Божественными помышлениями [2, 51].

54. Молящийся получить насущный хлеб, конечно, не весь приемлет Его, как Он есть Сам в Себе хлеб, но как может приять приемлющий. Всем просящим дает Себя Хлеб животный (см. Ин. 6, 35), как человеколюбивый, не всем однако ж поровну, но, соделавшим великие дела правды больше, а тем, кои скудны такими делами, меньше; каждому сколько может приять достоинство (или благонастроение) его ума [2, 56].

55. Тому, кто деятельно проходит жизнь, Господь присущ посредством добродетелей, а от того, кто ни во что ставит добродетель, Он отсутствует. И опять, мужу созерцательному Он присущ через истинное ведение вещей; от того же, кто в какой-либо мере в сем погрешает, отсутствует [2, 58].

56. В начале обучения людей ко благочестию дело обыкновенно идет так, как бы оно относилось только к телу. И беседуем мы на первых порах приступления к Богочестию более по

букве, нежели по духу. Потом мало-помалу приступая ближе к духу и плотяность речений утончая духовными созерцаниями, в чистом чисто бываем уже мы Христе, сколько это возможно людям; так что можем говорить по апостолу: *аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем* (2 Кор. 5, 16). Это по причине простого (или чистого) приступания ума к Слову без покровов на Нем, так как мы преуспели уже от плотского разумения Слова взойти к узрению *славы Его... яко Единороднаго от Отца* (Ин. 1, 14) [2, 61].

57. Кто начал жить жизнью во Христе, тот превзошел правду и подзаконную и естественную: что, давая разуметь, Божественный апостол говорит: *о Христе бо Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание* (Гал. 6, 15), — словом *обрезание* обозначая подзаконную правду, а словом *необрезание* намекая на подобную же праведность по закону естества [2, 62].

58. Слово Божие есть путь (см. Ин. 14, 6) для тех, кои, проводя деятельную жизнь, верно и твердо текут поприщем добродетели, не уклоняясь ни на десно по тщеславно, ни на шуе поползновением на страсти, и по Богу направляя стопы свои: чего до конца не соблюдши Аса, царь иудейский (см. 3 Цар. 15, 23), заболел, как о нем говорится, под старость ногами, как расслабевший и обессилевший тещи далее путем жизни по Богу [2, 68].

59. *Аз есмь дверь,* сказал Господь (Ин. 10, 9). Ибо Он тех, кои добре совершили весь путь добродетелей в непорочном течении деятельной жизни своей, вводит в область ведения и как свет, показывает им пресветлые сокровища премудрости. Один и тот же Он есть и путь, и дверь, и ключ, и Царствие: путь, как путеводитель; ключ, как отпирающий достойным вход к Божественным сокровищам; дверь, как вводитель; Царствие, как наследуемый и по причастию во всех сущий [2, 69].

60. Господь называется *светом, жизнию, воскресением, истиною: светом,* и как озаритель душ, и как отгнатель тьмы неведения, и как просветитель ума к уразумению недоуменных вещей, и показатель таинств, доступных одним чистым; *жизнию,* как податель душам, возлюбившим Его, подобающего

движения в области Божественных вещей; *воскресением,* как возбуждающий ум от мертвого пристрастия к вещественному и делающий его чистым от всякого тления и мертвости; *истиною,* как дающий достойным неизменное расположение к делам благим [2, 70].

61. Прославляет Бога в себе не тот, кто словами только благоговейно чтит Бога, но кто ради Бога из-за заповедей терпеливо переносит страдания и труды. Таковой взаимно Богом прославляется славою, сущею в Боге, как награду за добродетель, по причастию нося в себе благодать бесстрастия. Ибо всякий, прославляющий Бога в себе страданиями из-за добродетели в деятельной своей жизни, и сам в Боге прославляется через бесстрастное озарение Божественными лучами в состоянии созерцания. И Господь, грядущи на вольную страсть, говорит: *ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися* о *Нем. Аще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его* (Ин. 13, 31-32). Отсюда явно, что за страданиями ради добродетели последуют Божественные дары благодати [2, 72].

62. Пока душа совершает свое от силы в силу и от славы в славу прехождение, то есть от добродетели преуспеяние в большей добродетели, и от ведения восхождение к высшему ведению, дотоле она не перестает быть пришелицею, по сказанному: *много пришельствова душа моя* (Пс. 119, 6). Ибо велико расстояние, и множество должно пройти ей степеней ведения, пока *пройдет в место селения дивна даже до дома Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующаго* (Пс. 41, 5), всегда к гласам глас, к духовным гласам духовный глас прилагая в преуспеянии в духовных созерцаниях с радованием об умноузренных вещах, с радованием и соответственным благодарением. Такие празднества совершают все, получившие *благодать Духа*, вопиющаго в сердцах их: *авва Отче* (Гал. 4, 6) [2, 77].

63. *Место селения дивна* есть бесстрастное и непоколебимое благонастроение к добродетелям, по коему Бог Слово, пришедши, благоукрашает душу разными красотами добродетелей, как скинию. *Дом Божий* есть из многих и разных созерцаний составившееся ведение, по коему Бог, посетив душу,

исполняет ее множеством мудрости. *Глас радования* есть взыграние души при взоре на множество добродетелей. *Исповедание* есть благодарение за славное насыщение или исполнение премудростью. *Шум* есть непрестанное таинственное славословие, из смешения обоих (радования и исповедания) слагающееся [2, 78].

64. Мужественно преодолевший плотские страсти, и довольно побед одержавший над нечистыми духами, и помышления их изгнавши из своей душевной области, да молится, чтоб ему дано было сердце чистое и дух правый обновился во утробе его (см. Пс. 50 , 12), то есть чтоб благодатью Божиею совершенно очиститься ему от помыслов худых и исполниться помышлений Божественных [2, 79].

65. Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зрит как бы и самого Бога; в чем — крайнейший предел благ. Посетив такое сердце, Бог удостаивает Духом начертывать на нем Свои письмена, как на скрижалях Моисеевых, в такой мере, в какой оно само себя возрастило доброю деятельностью и созерцанием, по заповеди, таинственно повелевающей; *расти и множитися* (Быт. 35, 11) [2, 80].

66. Ум Христов, который приемлют святые, по сказавшему: *мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16), приходит не по лишению собственной нашей умственной силы, и не как существенно и лично переходящий в наш ум (на его место): но как своим качеством освещающий силу нашего ума и к одному с собою уносящий его действию. Ум Христов, по моему, имеет тот, кто о всем помышляет в Его духе, и через все приводится к мысли о Нем [2, 83].

67. Мы называемся телом Христовым, по слову апостола: *вы же есте тело Христово, и уди от части* (1 Кор. 12, 27), не по лишению наших тел Его телом бывая, и не потому, чтобы Он лично переходил в нас или разделялся по членам; а потому, что, подобно плоти Христовой, и наша освобождается от греховной тли. Ибо как Христос по естеству был безгрешен и плотью и душою, как человек; так и мы, верующие в Него

и в Него облекшиеся Духом, можем произволением быть в Нем без греха [2, 84].

68. Пока кто в этой жизни находится, дотоле, сколько бы ни был совершен, по здешнему состоянию, в деятельности и умозрении, отчасти только имеет и ведение, и пророчество, и залог Святого Духа, но не во всей полноте, — имея некогда прийти в совершенное состояние, которое достойным показывает истину лицом к лицу, как она есть сама в себе: так что он не часть только полноты будет иметь, но самую полноту всю будет носить в себе по причастию. Ибо апостол говорит, что тогда все (спасаемые) достигнут *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), в Немже суть вся *сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2. 3); по проявлении чего *еже от части упразднится* (1 Кор. 13, 10) [2, 87].

69. Некоторые ищут, каково будет состояние удостаиваемых совершенства в Царствии Божием? Будет ли там преуспеяние и прехождение (к лучшему и лучшему) или будет одно, установившееся до неизменности положение? Как будут тогда тела и души, и как об этом думать? На это, подумавши, кто-нибудь может сказать, что, как в отношении к телесной жизни пища имеет двоякое значение: то она служит к возрастанию, то к сохранению питаемых, именно, пока достигнем совершенной меры возрастания телесного, питаемся для возрастания, а когда тело остановится в прибавлении увеличения, тогда питается оно не для возрастания, а для сохранения: так и в отношении к душе пища двоякое имеет значение. Питается она добродетелями и умозрениями, когда преуспевает, пока, прешедши все сущее, достигнет в меру возрастания исполнения Христова, но достигши сего, останавливается в преуспеянии или прибавлении себе возрастания положенными средствами, и будучи питаема непосредственно пищею нетленною, способом превышающим разумение, а, может быть, по тому самому и высшим возрастания, приемлет ее уже только для сохранения данного ей Боговидного совершенства и для изъявления безмерных услаждений от пищи оной, по коей приемля присещающее ее всегда одинаково благобытие, она бывает богом по причастию

Божественной благодати, и сама преставши от всех по уму и чувству действий, и вместе с собою заставив престать и естественные действия тела, освобожденного вместе с нею в мере доступного ему обожения; так что через душу и тело просиявает един Бог, с препобеждением естественных их признаков преизбытком славы [2, 88].

70. Ищут некоторые из любящих до всего доходить, в чем будет состоять различие вечных обителей и обетованных наследий, местом ли оно будет определяться или количеством и качеством духовных совершенств каждого? И одним кажется первое, а другим — второе. Кто познал, что есть: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21) и что: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14, 2), тот станет на сторону второго [2, 89].

71. Царство Бога и Отца по вседержительству есть во всех верующих, по благодати же в тех, которые всецело отложили всякое расположение к естественной жизни, душевной и телесной, и стяжали жизнь духовную; так что могут говорить: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20) [2, 92].

72. Возмогший трудами доброделания умертвить *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5) и через исполнение заповедей Слова победить сущий в нем мир, никакой не будет иметь скорби, как оставивший уже мир и начавший пребывать во Христе, победителе мира страстного и всякого мира подателя. Ибо не оставивший пристрастия к вещественному, конечно будет иметь скорбь, изменяясь в чувствах вместе с изменением того, что изменчиво по природе; а начавший быть во Христе ни под всяким видом не восчувствует уже изменения в вещественном, каково бы оно ни было. Почему Господь говорит: *сия глаголах вам, да во Мне мир имате: в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33). То есть во Мне, Слове, вы иметь будете мир, будучи избавлены от превратности и смятения земных вещей и страстей; в мире же, то есть в пристрастии к вещественному, будете иметь скорбь по причине непрестанного в нем одного в другое изменение. Скорбь будут иметь оба, и действующий добродетельно по причине

соединенного с тем труда, и любящий мир по причине потерь и лишений в вещественном; но у одного она спасительна, а у другого разорительна и пагубна. Для того же и другого покой есть Господь: для первого тем, что по трудах доброделания дает ему покой бесстрастия в состоянии созерцания, а для второго тем, что через покаяние отнимает у него обычное пристрастие к тленному [2, 95].

73. Нам надлежит быть не только телесных страстей убивателями, но и душевных страстных помыслов истребителями, подражая тому святому, который говорит: *воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззаконие* (Пс. 100, 8); то есть телесные страсти и душевные беззаконнующие помыслы [2, 97].

74. Кто с благочестивым и правым ведением сохранит путь добродетели непокривленным через уклонения на противную ей сторону, тот будет уразумевать бывающее ему ради бесстрастия посещение Божие, как уверяет тот же святой пророк, говоря: *пою, и разумею, в пути непорочне, когда приидеши ко мне* (Пс. 100, 2) [2, 98].

75. Вводимому на путь благочестия не должно руководствоваться одною благостию к исполнению заповедей, но и памятованием о строгости судов Божественной правды почаще быть возбуждаемому на подвиги; чтоб как любовью вожделевать Божественное, так страхом воздерживаться от худого. Почему говорит: *милость и суд воспою тебе, Господи* (Пс. 100, 1), свидетельствуя, что как любовью услаждаемый молитвенно с Богом беседует, так страхом укрепляемый песнь к Нему воссылает [2, 98].

76. Едино есть пребезначальное и пресущественное благое Существо, Триипостасная Единица, Отец, Сын и Дух Святой, трех беспредельных беспредельное со-сущие; относительно бытия Коего, как Он есть, что есть и каков есть, для сотворенных умов недоступно всякое разумение. От всякого убегает оно уразумений умствующих, отнюдь не исходя из естественной своей внутри сокровенности, и всякое всех ведений безмерно превосходит ведение [3, 1].

77. Един Бог Отец, Единого Сына Родитель, и Единого Духа Святого Изводитель; Единица неслиянная и Троица нераздельная; Ум безначальный, Единый Родитель Единого, существенно безначального Слова и Единой присносущной Жизни, то есть Духа Святого, Источник [3, 4].

78. Един Бог, Единица безначальная и пресущная, частей не имеющая и нераздельная; один и тот же — и Единица, и Троица [3, 5].

79. Рождается Христос Бог и, с приятием плоти, имеющей разумную душу, соделывается человеком, Он, даровавший бытие всему сущему из несущего, Которого Дева, родив преестественно, не лишилась никакого знамения девства. Ибо как Он человеком соделался, не изменив естества и не преложив силы; так и родившую Его и матерью содевает и сохраняет Девою, в одном и том же на чудо чудом указывая, и вместе каждым из них прикрывая другое. Бог Сам по Себе, по естеству Своему, всегда таинственно сокровен, и если выводит иногда Себя из естественной Своей сокровенности, то так, что самым проявлением ее делает ее еще более сокровеннейшею. Так (и в Своем рождении человеком) Он делает Деву рождающею матерью, так, что само рождение содевало неразрешимыми узы девства [3, 9].

80. Будем с верою смотреть на таинство Божественного воплощения и только прославлять без пытливости Того, Кто благоволил быть сему для нас. Ибо кто, надеясь на силу исследования своего разума, может изречь, как Бог Слово зачинается? Как без семени образуется для Него плоть? Как рождается без истления? Как Матерь та, которая и по рождении пребыла Девою? Как превыше всякого совершенства Сущий преуспевает возрастом (см. Лк. 2, 52)? Как Чистый крещение приял? Как насыщал Сам алчущий? Как Сам утруждающийся подавал силу? Как сам страждущий подавал исцеление? Как Сам умирающий оживотворял? И, изрекая первое последним, как Бог человеком бывает, и — что еще паче таинственнейшее есть, как Слово, по ипостаси существенно есть во плоти, по естеству ипостасно все пребывая

в Отце? Как один и тот же и Бог есть по естеству, и стал естественно человеком, отнюдь не отрекшись ни от какого естества, ни от Божеского, по коему Бог есть, ни от нашего, по коему стал человеком? Все сии таинства вмещает одна вера, исповедающая сущими вещи, кои суть выше слова и разума (см. Евр. 11, 1) [3, 13].

81. Адам, преслушав заповедь, узнал, что рождение естества нашего имеет начало от чувственной сласти. Господь, изгоняя сию из естества, не признал уместным для Себя зачатие от семени. Жена, преступившая заповедь, показала, что рождение естества нашего начинается муками. Господь, отревая сии от естества, родившись, не попустил родившей потерпеть истления; чтобы вместе и произвольную сласть, и по причине ее непроизвольные муки изъять из естества, соделавшись истребителем того, чего не был Творцом, и чтобы научить, что в духе таинственно должна зачинаться другая жизнь, начинающаяся, может быть, муками и болезнями, но оканчивающаяся всячески услаждением Божественным и обрадованием бесконечным. Для сего бывает человеком и рождается, как человек, Создавший человека, да спасет человека, и страсти страстьми уврачевав, явится умертвителем наших страстей, паче естества Своими по плоти лишениями человеколюбно обновляя наши духовные благорасположения [3, 14].

82. Для добродетели благотворно подвизаться среди болезненных трудов; ибо в таком случае она благодушно все претерпевающим в награду приносит бесстрастие души, по всему душа, любовью соединясь с Богом, отторгается расположением от плоти и мира. Изможление тела есть укрепление души [3, 17].

83. Увлеченные обольщением чувственной сласти, предпочитали мы истинной жизни смерть. Понесем же благодарно убивающий сию сласть труд телесный, чтобы, когда смертью ее уничтожится вместе с нею через нее происшедшая смерть, восприять возвращающуюся к нам жизнь, прежде проданную за сласть, а теперь опять купленную за немногие труды плоти [3, 18].

84. Если, когда плоть здорова и в довольстве, обычно возрастает сила греха; то явно, что когда она в скудости, юнеть следует силе добродетели. Будем же нести мужественно измождение плоти, сию очистительницу душевных скверн и виновницу будущей славы. *Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18) [3, 19].

85. Как врачи, тело врачующие, не одно и то же для всех предлагают лекарство; так и Бог, врачуя душевные болезни, не один, для всех пригодный, знает способ врачевания, но каждой душе подавая благопотребное, совершает исцеления. Возблагодарим же Его, будучи врачуемы, хотя бы бывающее с нами и муку имело: ибо конец блажен [3, 20].

86. Ничто так не обличает настроение души, как восстание плоти изможденной, ибо если она поддастся им, то покажет, что любит плод паче Бога, а если пребудет непоколебленною такими приражениями, то обнаружит, что чтит добродетель паче плоти; ради чего Бога сожителем в себя восприимет, благоволившего ради ее страдать нашим естеством, и, как древле ученикам, взывающего: *дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33) [3, 21].

87. Если все святые были причастны обучительному наказанию, то будем вместе с ними благодарны и мы, когда обучительно наказуемы бываем, чтоб сподобиться быть причастными и славы их. *Егоже бо любит Господь наказует, биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12; Евр. 12, 6) [3, 22].

88. Адам, прияв ребро (жену из ребра), предлагавшее ему сласть, изверг человечество из рая. А Господь, благоволивший пронзенным быть копием в ребро, ввел в рай разбойника. Возлюбим же болезненное преутруждение плоти и возненавидим ее сласти: ибо то вводит в рай и делает причастными благ его, а те изгоняют из него и лишают благ его [3, 23].

89. Если Бог страждет плотью, быв человеком, то кто не порадуется, когда страдает, имея Бога соучастником в страдании? Ибо сострадание Ему виновно бывает Царствия. Истинен

сказавший: *с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 17) [3, 24].

90. Если всячески необходимо болезновать по причине срастворенной прародителем с нашим естеством сласти, то будем доблестно переносить временные болезности, притупляющие в нас жало сласти, и избавляющего нас вечных за нее мучений [3, 25].

91. Конец всех благ есть любовь, так как она всех ходящих в ней ведет, приводит и приближает к верховнейшему из благ Богу, виновнику всякого блага, как всегда верная, никогда не отпадающая и всегда неизменною пребывающая. Вера есть основание за нею следующих надежды и любви, как твердо установляющая истину. Надежда есть крепость стоящих по краям ее, справа и слева — любви и веры, как собою самою обеим им показующая верность (веруемого) и достолюбезного (любимого), и путь к тому творить собою научающая. Любовь есть исполнение их, как вся все последнее желательное объемлющая, и упокоение в нем подающая. Вместо веры в то, что есть, и надежды того, что будет, вводя собою (и в себе) обладание сим, как настоящим и вкушение того, как присущего [3, 26].

92. Есть три зла, величайшие и злоначальные, и всякого, сказать просто, зла прародители: неведение, самолюбие и ненависть, друг с другом родственно сочетанные и взаимно друг друга поддерживающие. Ибо от неведения Бога — самолюбие, а от этого — ненависть в отношении к соестественному. И никто не противоречит тому, что лукавый производит и возбуждает их в нас, научая нас злоупотреблять своими силами — разумом, вожделением и энергией [3, 31].

93. Надлежит разумом, вместо неведения, к Богу возноситься через познание Его взысканием, вожделением, очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием — энергией, отрешив ее от ненависти, усиливаться улучить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, любовь, которая из них (Боговедения и Богожелания) и ради которой они [3, 32].

94. Когда отвергнем самолюбие, это, как я сказал, начало и матерь всех зол, тогда вместе с ним оттогнется и все, что из него: ибо когда его не будет, тогда никакой вид или след зла не может уже никак устоять в нас [3, 33].

95. Надлежит нам так себя самих и друг друга чтить и любить, как Сам Христос первый Своим примером показал, благоволив пострадать за нас [3, 34].

96. Действо и доказательство совершенной любви к Богу есть искреннее и благожелательное расположение к ближнему. *Ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, как может любити?* — говорит Божественный Иоанн (1 Ин. 4, 20)? [3, 36].

97. Вот дверь, коею входящий вступает во Святая Святых и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святой и царственной Троицы [3, 38].

98. Невозможно содружиться с Богом нам, бунтующим против Него страстьми и охотно платящим дань греха злому тирану и губителю душ — диаволу, если прежде не восстанем решительною войною против этого лукавого. Ибо дотоле мы состоим врагами и противоборцами Богу, несмотря на то, что прилагаем к себе имя верных, пока самоохотно рабствуем страстям бесчестия. И никакой нам не будет пользы от мира мирского, когда душа наша, худа по своему настроению, восстает против своего Творца и не хочет быть под Его царскою властью; между тем, как продает себя бесчисленным злым господам, ввергающим ее в грехи и льстиво научающим вместо спасительного пути избирать паче путь, ведущий в пагубу [3, 41].

99. Бог на то создал нас, чтоб мы соделывались *Божественнаго причастницы естества* (2 Пет. 1, 4), и причастниками Его присносущности, и подобными Ему являлись (см. 1 Ин. 3, 2) по благодатному обожению, ради коего все сущее устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и порождается [3, 42].

100. Если хотим именоваться и быть Божиими, то восприимем подвиг — не предавать страстям Слова, подобно Иуде, или

не отрекаться от Него, подобно Петру. Отречение же от Слова есть отказывание делать добро из-за какого-либо страха, и предательство есть преднамеренное согрешение делом и самоохотный порыв к согрешению [3, 43].

101. Самолюбие и плотское мудрование людей, отторгши их друг от друга и криво истолковав закон, рассекло единое естество (едино-естественных) на многие части, и введши в силу ныне всех обдержащее жестокосердие, таким настроением вооружило природу самих против себя (людей друг против друга). Почему всяк кто здравым смыслом и благородным мудрованием успеет унижтожить такое настроение природы, самому себе прежде других оказывает милость, настроив сердце свое, как следует по природе, и к Богу по такому настроению естественно приближась и показав на себе, что значит быть по образу, и как благолепно Бог, в начале создав нашу природу подобно Себе и преясно отображающею в себе Его собственную благость, устроил ее во всем себе самой равною, не буйною, мирною, не возмутительною, с Богом и с самой собою тесно любовью связанною, такою, по коей мы Бога объемлем вожделенно (*как вожделенное благо*), а друг друга сочувственно (как одного сущих естества) [3, 46].

102. Человеколюбивый Бог для того соделался человеком, чтобы человеческое естество (всех людей) собрать к Себе и остановить его от падкости на зло, по коей оно само на себя разделяется и само против себя восстает, никакой не имея остановки по причине непостоянной подвижности (изменчивости) расположения в отношении к другим [3, 47].

103. Отречемся, сколько силы есть, от удовольствий настоящей жизни и от страха прискорбностей ее и всеконечно избавимся от всякого страстного помысла и от всякой злокозненности демонской. Ибо ради удовольствия любим мы страсти и по причине прискорбностей бегаем добродетели [3, 52].

104. Прелесть и сласть греха обыкновенно исчезает вместе с приведением в исполнение способов, коими он совершается; почему человек, находя по указанию самого опыта, что за всякою страстью греховною преемственно всегда следует скорбное

неудовольствие, к сласти возымел все стремление, а к неудовольствию и прискорбности — все отвращение, первую изыскивая всею силою, а вторые предотвратить всячески стараясь, полагая, что впрочем совсем невозможно сим способом отделить их друг от друга, и только одним удовольствием услаждать свое злое самолюбие, не терпя совершенно никакой прискорбности, забыв как обычно в ослеплении страстью, что сласть греховная никогда не бывает без горечи неудовольствия. Ибо с сластью греховною срастворена естественно горечь скорби, хотя вкушающие и забывают об этом по причине возобладания над ними страстной сласти: так как обладающее всегда так занимает внимание, что совсем закрывает от чувства, что предлежит потом. Таким-то образом за сластьми по самолюбию гоняясь, всякой горечи же по той же причине стараясь всячески избегать, мы бесчисленные в себе поражаем тлетворные страсти [3, 53].

105. Не испытывает никто такого чувства сласти и горечи, когда, освободившись от всякой плотской склонности, соединяется или паче прилепляется умом к Богу, воистину достолюбезному, дражайшему и превознесенному благу [3, 54].

106. Как Богу никто не может чисто служить иначе, как совершенно очистив душу, так и твари не может он служить, не лелея тела самоугодливо. Совершая это тлетворное телесное служение, и по тому самому сластолюбив будучи, человек искренно имел в силе и действии сласть и горечь, вкушая всегда от древа преслушания, в коем в одно и то же время растворено познание добра и зла, чувством испытываемое на самом деле [3, 55].

107. Где разум не властвует, там обыкновенно присуща власть чувственная, с коей срастворена сила греха, через сласть влекущая душу к жалению сродной с нею по естеству плоти: вследствие коего она на себя прияв как бы естественное ей дело, страстное и сластолюбивое попечение о плоти, отводит человека от настоящей естественной жизни и склоняет его сделаться для себя устроителем не имеющего самостоятельного существования зла [3, 56].

108. Зло для разумной души есть забвение естественных своих благ, происходящее от страстного отношения к плоти и миру, которое ум, став руководителем, уничтожает по своему ведению духовных порядков, истолковывая, как следует, происхождение и природу мира и плоти, и гоня душу в сродную ей область духовную, куда отнюдь не переступает закон греха, не имея чувства, которое могло бы послужить ему как бы мостом для препровождения его к уму (или в умную духовную область); так как прежние отношения сего чувства к душе уже разрушились и все чувственные зрелища пройдены мимо, так что ум, перешед их, уже совсем не чувствует их, став чужд им по настроению, как и по природе [3, 57].

109. Как ум, держа страсти в своей власти, делает чувства орудиями добродетели; так и страсти, когда держат ум в своих руках, настраивают чувства ко греху. И надобно трезвенно смотреть и обсуждать, как следует душе блюсти подобающий добрый образ действования, пользуясь тем же к порождению и утверждению добродетелей, чем прежде пользовалась при совершении грехов [3, 58].

110. Святое Евангелие вводит отречение от плотской жизни и восприятие жизни духовной. Я говорю о тех, кои всегда умирают (см. 1 Кор. 15, 31) по человеку, то есть по человеческой во плоти в мире сем жизни, живут же только для Бога Духом, по Божественному апостолу, — живут ни как уже не своею жизнью, но живущим в себе имеют Христа (см. Гал. 2, 20). Таким же образом мертвыми плотью почитаются и те, которые имеют в мире сем великие скорби, мучения и притеснения, и с радостью терпят гонения и всякого рода искушения [3, 59].

111. Всякая страсть слагается и порождается от сочетания чего-либо чувственного с чувством, при уклонении естественных деятельных сил, разумею, раздражения или похотения, или разума, от правого естественного своего образа действования. Если теперь ум, усмотрев цель этого их друг с другом сложения, то есть чувственного предмета, чувства и естественной деятельной силы, в сем участвующей, возможет своим рассуждением каждое из сих воззвать в свойственный им по природе

чин, и каждое созерцать само по себе, то есть чуственный предмет без отношения к нему чувства, чувство без сродства с ним чувственного предмета, и деятельную силу, в сем участвующую, вожделение, к примеру сказать, или другую какую, без страстного к предмету чувственному и чувству расположения, не давая самой страсти направлять его умозрение; если, говорю, успеет ум это сделать, то он измельчит и рассеет подобно тельцу, слиянному древле Израилем (см. Исх. 32, 20), это сложение страсти, какая бы там она не случилась, и рассыплет ее по воде ведения, совершенно уничтожив и самое тонкое помышление о страсти, через возвращение производящих ее вещей к тому чину, какой свойствен им по природе [3, 60].

112. Жизнь, запятнанная многими грехопадениями от плотских страстей есть оскверненная одежда. Ибо образом своей жизни, как одеждою какою, всякий человек обыкновенно проявляет каков он, праведен или неправеден: один имеет одежду чистую, то есть жизнь добродетельную, а у другого жизнь вся испачкана злыми делами. Или лучше — оскверненная от плоти одежда есть внутреннее настроение и расположение, которое дает образ душе, какой имеет она по совести (или пред совестью) в силу воспоминания об исходящих от плоти худых движений и действий, каковую одежду непрестанно видя на себе, она (душа) поражается зловонием страстей. Ибо как от духа через разумное сочетание добродетелей одной с другою в душе делается одежда нетленная, коею облекшись, она является доброю и преславною, так от плоти через сплетение разных страстей, по сродству их одной с другою, производится для нее некая одежда нечистая и испачканная, являющая собою, какова душа, налагая на нее другой образ и подобие вместо Божественного [3, 61].

113. Твердое и верное основание надежды на обожение для естества человеческого есть вочеловечение Бога, в такой мере делающее человека богом, в какой Сам Бог соделался человеком. Ибо явно, что соделавшийся без греха человеком может обожить и естество без преложения его в Божество, в такой мере возвысив его до Себя, в какой Сам смирил Себя человека

ради. Чему таинственно поучая, великий апостол говорит, что *в вецех грядущих* явится на нас *презелное богатство... благости* Божией (см. Еф. 2, 7) [3, 62].

114. Нечистотою сластей, как ржавчиною покрытую душу очищает болезненный труд и совсем истребляет в ней всякую склонность к вещественному, когда она делом познает вред от любления его; чего ради Бог попускает диаволу по праведному суду угнетать людей мучительными скорбями [3, 64].

115. Удовольствия и скорби, и следующие за ними пожелание и страх не были первоначально созданы вместе с естеством человеческим: иначе они принадлежали к числу черт, определяющих сие естество; но говоря согласно с учением великого Григория Нисского, они введены после потери свойственного нашей природе совершенства, быв привиты к неразумнейшей части нашего естества; и через них тотчас по преступлении заповеди обнаружилось явно и ясно наше подобие бессловесным животным, вместо блаженного образа Божия. Ибо надлежало, чтоб по омрачении достоинства разумности человеческое естество праведно несло наказание от того самого, чем оно усвоило себе черты неразумности. Так премудро устроил Бог, чтоб человек приходил через то в чувство превосходства разумности [3, 65].

116. Хороши бывают и страсти в руках ревнителей о добром и спасительном житии, когда, мудро отторгши их от плотского, употребляем к стяжанию небесного; именно: когда вожделение соделываем стремительным движением духовного вожделания Божественных благ; сластолюбие — живительным радованием под действием восхищения ума Божественными дарами; страх предостерегательным тщанием о том, как бы не подвергнуться будущему мучению за прегрешения; печаль раскаянием, направленным на исправление настоящего зла; и коротко сказать, когда страстями этими будем пользоваться к уничтожению или предотвращению настоящего или ожидаемого зла, равно как к стяжанию и сохранению добродетели и ведения, подобно тому, как мудрые врачи уничтожают или

предотвращают сущее уже в теле повреждение от яда или имеющее проявиться телом ядовитого зверька ехидны [3, 66].

117. Закон первого Завета деятельным любомудрием очищает естество наше от всякой скверны, а закон Завета Нового созерцательным тайноводством мысленно возводит ум от телесного к сродным ему зрелищам вещей мысленных [3, 67].

118. Святое Писание лишь только вводимых (новоначальных) и еще в предверии Божественного двора добродетелей находящихся, называет ***боящимися*** (руководящимися страхом); стяжавших же соразмерный навык в разумении и в образе совершения добродетелей обыкновенно называет ***преуспевающими,*** а тех, кои духовным разумением взошли на самый верх истинного ведения добродетелей, называет ***совершенными.*** Итак, отвратившийся от ветхого вращения в страстях и все свое расположение по действию страха предавший Божественным заповедям, никакого из благ, подобающих новоначальным, не лишается, хотя не стяжал еще навыка в добродетелях и не сделался причастником премудрости, глаголемой в среде совершенных (см. 1 Кор. 2, 6). Равно и преуспевающий не лишается ни одного из благ, принадлежащих его степени, хотя не стяжал еще такого же презельного ведения Божественных вещей, какое свойственно совершенным. А совершенные, таинственно сподобившиеся уже созерцательного богословия и ум свой соделавшие чистым от всякого вещественного мечтания, являются внедрившими в себя Божественную любовь, носящую полное без всякого недостатка подобие образа Божественной красоты [3, 68].

119. Страх двояк: один чистый, а другой нечистый. Тот страх, который порождается по причине прегрешений под действием ожидания мук, нечист; так как причиною имеет сознаваемый за собой грех, и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием через покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливого беспокойства из-за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист, и никогда не отойдет; потому что он соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное

всем благоговеинство пред Его величием, превысшим всякого царства и силы [3, 69].

120. Дух Святой во всех вообще есть, как всех объемлющий и о всех промышляющий, и во всех приводящий в движение естественные семена (добра). Но в сущих под законом Он определительно есть, как указатель преступления заповедей и просветитель предсказанного относительно Христа обетования. Во всех же, сущих по Христе, кроме сказанного, и как сыноположитель, или усыновления производитель. А как премудрости податель, ни в ком из сказанных лиц не есть Он просто и безусловно, но только в тех, кои, разумея дело, соделали себя достойными Его Божественного вселения своею богоподобною жизнью. Ибо всякий, не творящий Божиих волений, пусть он и верный, неразумное имеет сердце, как детелище злых помыслов, и тело, грехам повинное (во грехах виновное), как всегда полное нечистыми страстными помыслами [3, 73].

121. Желающий всем человекам спастися и алчущий обожения их Бог, их кичение и тщеславие, как бесплодную смоковницу, иссушает проклятием (см. Мф. 21, 19), чтоб они, предпочетши действительную праведность тому, чтоб только казаться праведными, и сбросив с себя лицемерный хитон добронравной показанности, неподдельно приступали к добродетели, как сего хочет Божественное слово, и благочестно прочее проводили жизнь, стараясь паче пред Богом держать доброе расположение души, нежели пред людьми выставлять внешно добронравную показность [3, 74].

122. Диавол и враг есть Божий и мститель. Враг, когда из ненависти к Нему являя притворную, но пагубную, любовь к нам человекам, при возбуждении разных страстей, сластью, от них чаемою, прельщает произволение наше предпочитать вечным благам временные, и ими похищая все расположение души, совсем отторгает нас от любви Божественной и делает произвольными врагами Сотворшего нас. Мститель, когда, излив всю к нам ненависть, требует казни в наказание нам, через грех соделавшимся как бы подчиненными ему. Ибо ничто

так не любезно диаволу, как видеть человека казнимым. Когда же это бывает ему попущено, он, подобно буре, налетает на тех, на коих по попущению Божию получил власть, придумывая одни за другими наведения им непроизвольных страданий (за произвольные страсти), не повеление Божие исполнить хотя, но желая насытить свою к нам страстную ненависть; чтоб душа, изнемогши под тяжестью скорбей и бед, отбросила всякую надежду на Божественную помощь. И наведение прискорбных случайностей, вместо вразумления, соделала причиною потери веры в самое бытие Бога [3, 80].

123. Без Божия попущения и сами демоны ни в чем не могут служить диаволу. Ибо Бог ведает как с подобающим человеколюбным и благим промышлением попускать диаволу через слуг своих совершать разные наказания за то, в чем мы согрешили. Явно сие показывает Писание в сказании об Иове, в коем пишется, что диавол совершенно ничего не мог сделать Иову без Божественного соизволения [3, 83].

124. Благ будучи Бог и желая совершенно исторгнуть из нас семя зла, то есть похотение сластолюбное, лишающее ум Божественной любви, попускает диаволу наводить на нас прискорбности и страдания: чтоб через прискорбности и очистить душу от яда предшествовавших похотений и внедрить в нее ненависть и совершенное отвращение от настоящих, льстящих одной чувственности, как ничего полезного кроме мучительных последствий недоставивших при прежнем удовлетворении их; и чтоб таким образом самую мучительную и человеконенавистную силу врага сделать обстоятельною причиною возвращения к добродетели тех, кои произвольно погрешили против нее [3, 86].

125. Страждущий за попрание Божией благодати, если познает цель врачующего его Божественного промышления, то и случившуюся прискорбность с благодарностью приемлет радуясь, и грех, за который наказуется, охотно исправляет, а кто нечувствительным остается к таким врачевательным намерениям, тот и данной ему благодати праведно лишается и предается

смятению страстей, оставлен будучи в дело приводить то, к чему внутри имел расположение и стремление [3, 89].

126. Кто по Божию попущению, к исправлению его наводимую на него через невольные искушения скорбную беду с благодарностью не приемлет, и самомнение, по коему кажется себе праведным, раскаявшись, не отлагает; тот, как противящийся Божественным определениям праведных судов и произвольно не соглашающийся быть по Божественному повелению под игом вавилонского царя, предается в плен, терпит цепи и узы, голод, смерть и меч, и совсем изводится из своей земли. Все это и многое другое подобное терпит и тот, кто, как из земли своей изводится из благонастроения и навыка в духе добродетели и ведения, по причине нехотения своего, из гордости и суетного о себе мнения в очищение своих грехов, благоволительно побыть, по Божественному апостолу, *в скорбях, в бедах, в теснотах* (2 Кор. 6, 4; 12, 10). Ведал великий апостол, что уничижение внешнего через тягостные телесные положения имеет свойство сохранять в душе Божественные сокровища; почему благоволительно претерпевал их и для себя, и для тех, которым должен был явить в себе образ веры и добродетели; чтоб они, хотя бы по своей вине пострадали что-либо, подобно оному подвергшемуся епитимии коринфянину (см. 1 Кор. 5, 5), имели пред собою невинно страждущего в утешение себе и в подражание его терпению [3, 91].

127. Божественный апостол разные действа Святого Духа называет разными дарами, одним и тем же Духом сообщаемые (см. 1 Кор. 12, 4). Такое явление Духа подается по мере сущей в каждом вере, в причастии известного дара; именно каждый из верующих, соответственно вере и сущему в нем душевному настроению, соразмерно приемлет действо Духа, дающее ему достаточное к исполнению такой или другой заповеди расположение и силу [3, 96].

128. Как один получает слово премудрости, другой — слово разума, иной — веру, а иной — иное какое из исчисленных великим апостолом дарований (1 Кор. 12, 8-12): так один получает

через Духа дар совершенной, непосредственной и ничего вещественного не имеющей любви к Богу по мере веры; другой через того же Духа получает дар совершенной любви к ближнему; иной — другой какой дар, по тому же Духу, как я сказал, так как каждый имеет свой действующий в нем дар. Ибо всякое действенное и сильное к исполнению заповеди расположение апостол называет даром Духа [3, 97].

129. Вера есть сила, все внутри в благонастроении содержащая, или есть самое благонастроение, подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующего с веруемым Богом [4, 8].

130. Поелику человек, состоя из души и тела, подлежит действию двух законов, то есть закону плоти и закону духа, из коих закон плоти имеет действо чувственное, а закон духа — мысленное или духовное; причем закон плоти, чувственно действуя, обыкновенно связует с веществом, а закон духа, мысленно или духовно действуя, непосредственное производит единение с Богом; то совершенно в порядке бывает, что кто *не размыслит в сердцы своем* (Мк. 11, 23), то есть не пресечет совершившегося через веру непосредственного единения с Богом; тот, как бесстрастный, паче же как богом соделавшийся в силу единения с Богом через веру, *речет горе сей: прейди отсюду тамо, и прейдет* (Мф. 17, 20): каковым изречением, как перстом указывается, что мудрование и закон плоти воистину тяжел и неудободвижим. Для естественных же наших сил и совсем недвижим и не колеблем [4, 9].

131. В естество человеческое через чувственность так укоренилась сила неразумного животолюбия или животности, что многие ничем иным почитают человека, как плотью, имеющей способность только к наслаждению настоящей жизнью [4, 10].

132. Господь, сказав: *ищите же прежде Царствия Божия и правды его* (Мф. 6, 33), то есть прежде всего познания истины, и потом деятельного упражнения в стяжании преподобных нравов, ясно показал, что верующим должно искать

единого Божественного ведения и украшающей его делами добродетели [4, 16].

133. Поелику много потребно, чего верующие должны искать для богопознания и добродетели, каковы: освобождение от страстей, терпение искушений, разумение добродетелей и видов соответственных им деяний, и знание пристрастия души к плоти. Отчуждение расположения чувства к чувственному, совершенное отстранение ума от всего тварного и обще сказать бесчисленное есть множество вещей, кои потребны для удаления от греха и неведения, и стяжания ведения и добродетели: то Господь сказал: *вся, елика аще воспросите в молитве, верующе приимете* (Мф. 21, 22), выражая тем, что вообще всего, что способствует к богопознанию и добродетели, и притом этого одного благочестивые с разумом и верою должны искать и испрашивать: ибо это все — душеспасительное для нас и Господь всегда подает сие просящим у Него [4, 17].

134. *Вонею животную в живот* (2 Кор. 2, 16) был апостол, как своим примером располагающий верных деятельно стремиться к стяжанию благоухания добродетелей или как проповедник, послушных слову благодати переводящий от жизни чувственной к жизни духовной; вонею же смертною в смерть был он для тех, которые от смерти неведения низринулись в смерть неверия, дав им восчувствовать ожидающее их осуждение [4, 24].

135. Три есть силы в душе — разумная, раздражительная (энергическая) и похотная. Разумною силою ищем мы знать что благо; похотною вожделеваем познанного блага, а раздражительною подвизаемся и боремся из-за него. Любящие Бога, стремясь этими силами к Божественной добродетели и ведению, и одною ища, другою вожделевая, третьею подвизаясь, приемлют нетленную пищу и утучняющее ум ведение Божественных вещей [4, 25].

136. Бог, создавший человеческое естество, вместе с дарованием ему по воле Своей бытия, сочетал с ним и силу исполнять достодолжное; под силою же сею разумею существенно в есте-

ство наше вложенное движение (влечение) к совершению добродетелей, которое сознательно проявляется на деле по воле того, кто имеет его [4, 27].

137. Человек, если будет держаться одного чувственного, свойственного телу, различения вещей по приятности и неприятности их, то, преступив Божественную заповедь, вкушает от древа познания добра и зла, то есть чувственного бессловесия или неразумности, одно умея добре различать, что служит к сохранению целости тела. И вследствие того приятное принимать, как доброе, а неприятного избегать, как злого. Если же он будет всецело держаться одного умного рассуждения, добре различающего временное от вечного, то, сохранив Божественную заповедь, вкушает от древа жизни, то есть премудрости, в уме созидающейся, одно умея добре различать, что служит ко спасению души, и вследствие того славу вечных благ принимать, как добро, а тленность благ временных отвергать, как зло [4, 34].

138. Добро для ума есть бесстрастное расположение к духовному, а зло — страстная склонность к чувственному. Для чувства же добро есть страстное движение к телу, по вкушению сластолюбивой похоти, а зло — неприятное состояние вследствие лишения сего [4, 35].

139. Виноград дает вино; вино причиняет опьянение; опьянение — исступление (злое, временную потерю смысла). Не так ли и живодейственный ум, который можно уподобить винограду, будучи возделываем добродетелями, порождает ведение, а ведение порождает доброе исступление, исторгающее ум из уз чувственных [4, 37].

140. Вместе с помышлениями о чувственных вещах лукавый злокозненно влагает и воображения их внешних видов и форм, через кои обыкновенно возбуждаются страстные вожделения тех вещей по одной их наружности, когда разумная наша деятельность останавливается в своем прехождении к мысленному и духовному через (или сквозь) посреде сущее

чувство. Тут-то враг и успевает растлить душу, ввергнув ее в страстное волнение [4, 38].

141. Слово Божие есть свет и огонь, поколику освещает естественные помыслы и попаляет неестественные; равно как поколику разгоняет мрак чувственной жизни для тех, кои через исполнение заповедей стремятся к чаемой лучшей жизни, а тех, которые самоохотно по любви к плоти держатся этой темной ночи жизни (чувственной) казнить огнем суда и осуждения [4, 39].

142. Сила ума нашего по естеству способна к познанию телесных и бестелесных существ; о Святой же Троице ведение приемлет она по единой благодати, веруя только, что Она есть, но отнюдь не дерзая пытать, что Она есть по естеству, как (это делает) демонский ум.

143. Чистым оком веры узревший благоволение будущих благ охотно повинуется повелению изыти из земли своей, от сродства своего, и из дома отчего, оставляя всякое сочувствие и пристрастие к плоти, чувству и всему чувственному, и бывая, если случится какое с сей стороны искушение, выше естества, как предпочетший естеству причину его, подобно великому Аврааму, предпочетшему Исааку Бога (Быт. 22 , 1 и далее) [4, 50].

144. Кто не славы ради, ни в видах лихоимания, ни из лести и человекоугодия, ни для показности (см. 1 Фес. 2, 3-5) старается проходить добродетель и изучать Божественные Писания, но все для Бога и делает, и говорит, и помышляет, сей с разумом шествует путем истины [4, 51].

145. Кто постится и воздерживается от всякой страстевоспалительной пищи и другого много делает такого, что может способствовать к избавлению души от греховных влечений, тот уготовляет путь, о коем говорится — *уготовайте путь Господень* (Лк. 3, 4). А кто по тщеславию или лихоиманию, или из лести и человекоугодия, или для другого чего-либо, а не для Богоугождения берет на себя такой образ жизни, тот *не творит правыми стезей Божиих;* труд для уготовления пути подъемлет, а Бога существующим путем сим иметь не сподобляется [4, 52].

146. Посвятивший себя истинной жизни, зная, что всякая прискорбность произвольная ли или невольная бывает смертью для породительницы смерти — похоти (см. Иак. 1, 15), всякие сретения острых невольных искушений принимает с радостью и веселием, терпением соделывая сии прискорбности путями удобными и гладкими *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), незаблудно препровождающими его, благочестно по ним Божественное течение совершающего. Ибо смерти породительница есть похоть, а смерть похоти есть прискорбность произвольная или помимо воли находящая [4, 55].

147. Всяк многоизгибистую и многосоставную со всем чувственным многообразно сплетшуюся похоть подавивший воздержанием, *пути стропотные соделал правыми,* а сретенные несносные и жестокие прискорбности поправший терпением, *пути острые соделал гладкими.* Почему Он в награду за добродетель и за труды ради ее, как добре и законно их подъявший и похоть победивший вожделением добродетели, а болезненность скорбей подавивший возлюблением истины, тем же и другим мужественно совершивший Божественные подвиги, *узрит,* по писанному, *спасение Божие* (см. Ис. 40, 4-5) [4, 56].

148. Стропотности (кривости и извилины) произвольных страстей, то есть движение похоти, воздержанием выпрямивший и острые случайности непроизвольных искушений, то есть разные виды прискорбностей, терпением угладивший и сделавший путями ровными, сей по правде узрит *спасение Божие*, как соделавшийся чист сердцем, коим, в силу добродетелей и благоговейных созерцаний, узревает Бога в конце борений и подвигов, по слову Господа: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), приемля за труды в совершении добродетелей благодать бесстрастия, кроме которого *никто не узрит Бога* [4, 58].

149. Ум, пока имеет в себе живущим памятование о Боге, взыскивает Господа через созерцание (см. Пс. 26, 4, 8), но непросто, а *во страсе Господни* (2 Пар. 26, 5), то есть с исполнением заповедей. Ибо ищущий Господа без сего исполнения

не находит Его, потому что не в страхе Господнем взыскал Господа. *И благопоспеши ему Господь* (там же); ибо всякому с ведением делающему должное благопоспешает Господь, и научая его разным добродетелям, и открывая ему истинное значение вещей сотворенных [4, 62].

150. Без веры, надежды и любви, как из худого ничто в конец не истребляется, так и из доброго ничто совершенно не установляется в нас. Вера убеждает боримый ум прибегать к Богу и возбуждает его к дерзновению уверением в готовности для него всяких духовных орудий; надежда бывает для него необманчивою поручительницею за Божественную помощь, обещая истребление противных сил, а любовь соделывает его неудобоотторжимым. Лучше же — совсем неотторжимым от родственного сочетания с Божественным, даже и во время самой брани, прилепляя всю силу его расположения к вожделению Божественного [4, 68].

151. Вера утешает боримый ум, воодушевляя его несомненностью в помощи; надежда, пред очи представляя уверованную помощь, отражает нападение сопротивоборцев; а любовь делает мертвым (или бездейственным) для Боголюбивого ума приражение врагов, совершенно обессиливая его вожделенным устремлением к Богу [4, 69].

152. Обращение к Богу само собою ясно свидетельствует о полнейшем сердечном восприятии Божественной надежды. Без коей никогда, ни у кого, ни по чему, не бывает устремления к Богу: ибо надежде свойственно представлять пред очи будущее, как настоящее и удостоверять боримых супостатскою силою, что от них отнюдь не отступает покровительствующий им Бог, за Коего и ради Коего святым предлежит брань. Ибо без какого-либо чаяния, трудно или удобоисполнимого, никогда ни у кого не бывает обращения к добру [4, 71].

153. Всякий ум, Божественною силою препоясанный, как бы старейшинами какими и князьями имеет ***силу мыслительную***, в коей порождается разумная вера, научающая всегда созерцать неизреченно присущим Бога и будущими благами

надеждою наслаждаться, как настоящими; ***силу вожделительную,*** в коей установляется Божественная любовь, прилепляющая произволение к вожделению чистейшего Божества и неотторжимым держащая расположение к вожделенному; и ***силу раздражительную,*** в коей сильно водворяется Божественный мир, все движение вожделений устремляющий к возлюблению Божества. Сии силы всякий ум имеет содейственницами своими в искоренении зла и в насаждении и хранении добродетели [4, 73].

154. Тому, кто не очистился прежде от страстей, не должно касаться рассматривания естественных вещей, потому что образы чувственных вещей могут вовлечь в страсть ум, не совершенно освободившийся от страстей. Ибо ум, из угождения чувственности долго останавливающийся в мечтаниях своих на видимостях чувственных вещей, бывает производителем нечистых страстей и через созерцание к сродным ему мысленным вещам перейти не имеет силы [4, 75].

155. Кто во время восстания страстей мужественно заключит чувство, совершенно изгонит мечтание и память о чувственных вещах и совсем подавит естественные движения ума к исследованию того, что вне его: тот победоносно посрамит с помощью Божественной благодати восставшее на него злое и тиранское насилование страсти и диавола [4, 76].

156. Когда бывают ум безумен, гнев неудержим, похотение скотско и, вследствие того — неведение, своеволие и срамные движения овладевают душою, тогда греховный навык с силою выступает, сплетшись с разными чувственными сластями [4, 77].

157. Уму, научившемуся разумно избегать невидимых схваток или столкновений (с невидимыми врагами), не следует ни приступать к естественному рассуждению, ни что-либо другое делать во время нападения злых сил, но только молиться, утомлять трудами тело, пресекать со всем тщанием вещественное мудрование, и блюсти стены града, разумею, сторожевые душевные добродетели или способы хранения добродетелей,

то есть воздержание и терпение; чтобы как-нибудь враг, прельстив душу десными и похитив ее склонение на свою сторону, не отдалил ее от Бога, напаяя ее *развращением мутным* (Авв. 2, 15), и мнимым добром не увлек сердца, ищущего лучшего, к худшему [4, 78].

158. Кто рассудительным и всеобъемлющим воздержанием и терпением мужественно заключил чувства и через душевные силы входы к уму чувственных образов преградил, тот удобно расстраивает все злые козни диавола, обращая его вспять со стыдом *путем, имже прииде, темже возвратится* (4 Цар. 19, 33) [4, 79].

159. Кто во время восстания искушений воздерживается от помышлений о вещах, прилежит же молитве с собранием ума от всего к себе самому и к Богу, тот убивает грехотворную склонность и тем со стыдом обращает вспять диавола, восставляющего сказанную склонность, в надежде на которую он и подступил к душе с обычною ему дерзостью, гордостными восставая против истины помыслами: что и познав, и пострадав, и сделав, великий Давид, по опыту очень хорошо знавший порядок всех мысленных браней, сказал: *внегда востати грешному предо мною, онемех и смирихся, и умолчах от благ* (Пс. 38, 2, 3), и после него божественный Иеремия, повелевающий народу *не исходить на нивы, и на пути не ходить, понеже меч вражий обитает окрест* (Иер. 6, 25) [4, 82].

160. Естественные пожелания и удовольствия не подвергают укору тех, кои испытывают их, так как они суть необходимые следствия устроения нашего естества. Ибо естественное доставляют нам и помимо воли нашей удовольствие — и прилучившаяся пища, удовлетворяющая предшествующий голод; и питие, утоляющее томление жажды; и сон, обновляющий силы, истощенные бодрствованием; и все и другое, что бывает у нас по естественным потребностям необходимое для благосостояния нашего естества, и благопотребное к стяжанию добродетели для ревнителей о том. Все такое уместно и во всяком избегающем греховного попозновения в разумных однако ж

пределах, недопускающих, чтоб он подвергся через то рабству, произвольно образующихся в нас укоризненных и противоестественных страстей, не имеющих другого в нас начала, кроме неуправляемого разума движения естественных потребностей и пожеланий, которые и прирождены не с тем, чтоб сшествовать нам в бессмертную и долговековую жизнь [4, 90].

161. Высочайшей благости дело есть, что она не только Божественные и бестелесные естества мысленных тварей соделала отображениями неизреченной Божественной славы, как способные сообразно со своею приемлемостью воспринимать все недомыслимое благолепие неприступной красоты; но и в тварях чувственных, во многом недостаточествующих пред существами мысленными, отпечатлела явные следы своего величия, могущие ум человеческий, в них углубляющийся, переносить прямо к Богу, восторгая его выше всего видимого, как бы вводя в область верховного блаженства [4, 96].

162. Деятельное любомудрие деятеля делает высшим страстей, а созерцательное знателя ставит выше всего видимого, возводя ум его к сродным ему предметам [4, 100].

163. С деянием соединяющий ведение и с ведением деяние есть престол Божий и подножие ног Его: престол по ведению, подножие по деянию. Если же кто назвал бы небом такой человеческий ум, очищенный от всякого мечтания о вещественном и всегда занятый, или паче украшенный отрешенными помышлениями о Божественном, тот, мне кажется, не зашел бы за пределы истины [5, 1].

164. Началом движения всякой страсти служит обыкновенно сродный с нею чувственный предмет. Ибо без такого предмета, который бы через посредство какого-либо чувства привлекал к себе силы души, страстное движение никогда не породилось бы; так как страсть без чувственного предмета не бывает. Не будь жены, не будет блуда; не будь яvств, не будет чревобесия; не будь злата, не будет златолюбия. Так всякого страстного движения естественных наших сил началом

служит чувственный предмет или бес, через него разжигающий душу на грех [5, 3].

165. Между Богом и человеком стоят предметы чувственные и умно созерцаемые. Ум человеческий, желая пройти до Бога, не должен быть порабощен вещам чувственным в деятельной жизни, и отнюдь не задерживаемым предметами мысленными в жизни созерцательной [5, 5].

166. Гнев Божий есть болезненное чувство обучаемых; причиняется же сие чувство болезненное наведением невольных неприятностей в жизни, коими Бог часто приводит к скромности и смирению ум, надмевающийся добродетелью и знанием, давая ему через них познать самого себя и сознать свою немощь, восчувствовав которую, он отлагает суетное надмение сердца [5, 9].

167. Гнев Господа есть сокращение или пресечение подаяния Божественных даров, которое (пресечение) бывает на пользу всякому уму, высоко и много о себе думающему и хвалящемуся от Бога данными ему благами, как бы они были плодом его собственных добродетелей [5, 10].

168. Божественный яко воистину предел и закон Промышления в течении событий есть наказывать так, чтобы несчастьями научить благодарности тех, которые в лучшем состоянии оказались неблагодарными, испытание настоящих прискорбностей соделывая путем к признанию Божественной силы, действовавшей в предыдущем благобытии: дабы иначе, если бы Провидением попущено было нам беспрепятственно надмеваться тем, что в нас есть хорошего, совсем не впасть нам в Богопротивную гордыню, возмечтав, что стяжание добродетели и ведения достигается собственными нашими естественными силами, а не благодатью [5, 12].

169. Мнящий о себе, что достиг уже верха добродетелей, никак не станет уже искать источник причины благ, одному себе приписывая силу преуспевать в добре, и сам себя за то лишая утверждения и ограждения спасения, то есть Бога. А кто чувствует в себе естественную скудость сил на добро,

тот не перестает спешно тещи к Могущему восполнить недостающее ему [5, 14].

170. Праведно гнев посещает высокомудрствующий о себе ум, (оставление его) или попущение ему потерпеть нападки от демонов и в деятельности, и в умствовании; чтоб он пришел через это в чувство естественной своей немощи и в сознание покрывающей его и все доброе в нем совершающей Божией силы и благодати и смирил себя, далеко отревая от себя неестественную и чуждую ему высимость. Дабы иначе не нашел на него другой гнев, гнев отъятия ниспосланных прежде даров [5, 16].

171. Не образумившийся первым видом гнева, то есть оставлением, и не смирившийся, признав его добрым научителем благодарности, встречает другой находящий на него гнев, отъемлющий у него действие прежних дарований и лишающий его охранявшей доселе силы. Ибо так говорит Бог о неблагодарном Израиле, представляя его под видом винограда: *отыму ограждение его, и будет в разграбление; и разорю стену его, и будет в попрание; и оставлю виноград мой, и ктому не обрежется, ниже покопается и взыдет на нем, якоже на лядине, терние; и облаком заповем, еже не одождити на него дождя* (Ис. 5, 5-6) [5, 17].

172. Еще другой есть ведущий к нечестию путь — нечувствие к потере добродетелей. Ибо привыкший оказывать неповиновение Богу (преслушанием заповедей) и Самого отречется Бога, когда позовет на то какое обстоятельство (угрожая за верность заповеди смертью), так как он плотскую жизнь предпочитает Богу и плотские удовольствия в чувствах сердца имеет лучшими всяких Божеских повелений [5, 18].

173. Боголюбивый и добродетельный человек, подобно Езекии разумно препоясавшийся силою против демонов, если когда случится ему испытать приражение злых духов, завязывающих с ним невидимо в уме брань, и он, молитвы ради, примет свыше от Бога посылаемого ему Ангела, то есть большее слово премудрости, и, сокрушив, рассеет всю эту диавольскую фалангу, и однако ж, не припишет Богу причину такой победы

и спасения, но одному самому себе; то таковой не воздает Богу по воздаянию Его (см. 2 Пар. 32, 25), не уравнив с великостию спасения множество благодарения, и с благодарением спасшего не соразмерив свое к Нему благорасположение [5, 20].

174. Просветим ум Божественными разумениями, а тело благоукрасим соответственными сим разумением образами его держания, соделав его через отвержение страстей разумным детелищем добродетели. Ибо прирожденные телу страсти, разумом управляемые, не имеют ничего укорного, но когда допускается их движение без этого ограничения, тогда они наводят укор. Почему говорится, что отвержение должно быть таких страстей, коих движение естественно, но коих употребление бывает часто не по естеству, не бывая управляемо разумом [5, 21].

175. Вознесшийся сердцем по причине полученных им дарований и возвысокоумстовавший, *яко не прием* (1 Кор. 4, 7), праведно испытывает находящий на него гнев, когда Бог попускает диаволу сплестись с ним мысленно, и как поколебать деятельные его порядки добродетели, так и помрачить умственные его светлые разумения, чтоб он, восчувствовав свою немощь, сознал, где та сила, которая одна побеждает в нас страсти, и, покаявшись, смирился, отвергая дмение самомнения, и тем умилостивил Бога отвратить от него обыкновенно находящий на нераскаянных гнев, отъемлющий благодать, охраняющую душу, и оставляющий пустым неблагодарный ум [5, 22].

176. Никто не может истинно благословлять Бога, если он не освятил тело добродетелями, и душу не просветил истинными познаниями. Благорасположение к добродетели есть лицо умозрительствующего ума, как на небо подъемлемого на высоту истинного ведения [5, 27].

177. Блажен, кто воистину сознал, что Бог в нас, как в органах, совершает всякое дело и созерцание, добродетель и ведение, победу и мудрость, доброту и истину, так что мы совершенно ничего к сему от себя не привносим, кроме одного, желающего добра, расположения: каковое имея, великий Зоровавель говорит,

обращая речь свою к Богу: *благословен еси, иже дал еси мне премудрость и Тебе исповемся Господе Боже Отец наших. От тебе победа, и от Тебе премудрость, и Твоя слава, и аз раб Твой* (2 Ездр. 4, 60, 59). Как истинно благодарный раб все отнес он к Богу, все даровавшему, от Коего прияв, имел он премудрость; и Ему в исповедании приписав всю силу дарованных благ, кои суть, как сказано, сочетание победы и мудрости, добродетели и ведения, деяния и созерцания, доброты и истины: ибо они, друг с другом сочетаясь, испускают лучи единой славы и светозарности Божией [5, 28].

178. Все совершенства святых явно были дарами Божиими, так что никто совершенно ничего не имея, кроме дарованного блага, которое само Богом, как владыкою всяческих, бывает соразмеряемо со степенью благодарности и благорасположения приемлющего, одного того обладателем остающегося, что посвящает Богу [5, 29].

179. Всякий из нас по мере сущей в нем веры стяжает явное действие Духа, так что всякий сам для себя бывает раздаятелем благодати. Почему никто из благомудрствующих никогда не станет завидовать другому, обилующему благодатями, так как на нем самом лежит стяжать расположение, условливающее приятие Божественных благ [5, 34].

180. Причиною различия в раздаянии Божественных благ служит *мера веры* каждого (см. Рим. 12, 6); соответственно же тому, как веруем, имеем мы и ревностную готовность действовать в духе веры. И так делающий (дела в духе веры) мерою своей деятельности показывает меру веры, приемля и благодать в такой мере, в какой поверовал. А не делающий так мерою своего неделания показывает меру неверия, претерпевая и лишение благодати в такой мере, в какой вдался в неверие. Почему нехорошо делает завидующий добро действующим, когда явно в его, а не в чужих руках находится приумножение веры и дел, и затем приятие благодати, приходящей по мере веры (и сообразных с нею дел) [5, 35].

181. *И почиет на нем,* говорит Исаия, *Дух Божий, Дух премудрости и разума, дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия: исполнит его Дух страха Божия* (Ис. 11, 2-3). Свойственны же сим духовным дарам: *страху* — воздержание от злых дел; *крепости* — делание дел благих; *совету* — различение противоположного долгу; *благочестию*[1] — безошибочное видение должного; *ведению* — самим делом постижение сокрытой в добродетелях разумности; *разуму* — совершенное души расположение к познанному (вкушение его); *премудрости* — недоведомое единение с Богом, делающее по причастию богом того, кто его причастен бывает [5, 38].

182. Дух *страха* Божия есть воздержание от злых дел; *дух крепости* есть усердное стремление и движение к энергичному исполнению заповедей; *дух совета* есть навык различения (добра и зла), по коему разумно исполняем заповеди, отревая от лучшего худшее; *дух благочестия* есть непогрешительное видение образов творения добродетелей, по коему действуя, никогда не отступаем от здравого суждения разума; *дух ведения* есть верное понимание заповедей и разумных оснований их, на коих стоят и образы добродетелей; *дух разума* есть сосложение с образами и основаниями добродетелей (решимость исполнить первые и действовать по вторым) или лучше сказать, претворение (себя по ним), по коему совершается срастворение естественных сил с образами и основаниями заповедей; *дух премудрости* есть восторжение к Причине сущих в заповедях духовнейших разумений, и соединение с Нею, в силу коего, неведомо как посвящаемы бывая, сколько это доступно людям, в сущее в Боге разумение вещей сообщаем его другим людям речью, бьющею из сердца как из некоего источника [5, 39].

183. Слепую имеет веру тот, кто по вере не исполняет заповедей Божиих. Ибо, если Божии заповеди суть свет (см. Притч. 6, 23); то явно, что без Божественного света остается тот, кто не

---

[1] Стоит – ἐπιστήμης, – науки, умения; умение действовать есть деятельное благочестие, опытно знающее, как действовать.

исполняет Божиих заповедей, нося голословное, а не истинное Божественное звание [5, 45].

184. Никто, согрешая, не может представлять в извинение греха немощь плоти. Ибо единение с Богом Словом разрешением клятвы восстановило в силе все естество, сделав таким образом неизвинительным для нас склонение произволения на страсти. Божество Слова, будучи всегда по благодати соприсуще верующим в Него, заглушает закон греха, сущий во плоти (см. Рим. 8, 2) [5, 46].

185. Знание, необуздываемое Божественным страхом, производит надмение, внушая надмившемуся из-за него почитать собственным то, что даровано. Деятельность же, вместе с Божественною любовью множащаяся, не получая знания выше того, что следует делать, делает делателя смиренномудрым [5, 48].

186. Небесное жилище есть бесстрастный добродетельный навык и знание, никакого заблуждения не имеющее, которое могло бы смущать мысли [5, 49].

187. Первое бесстрастие есть совершенное воздержание от злых дел, видимое в новоначальных; второе — совершенное отвержение помыслов о мысленном сосложении на зло, бывающее в тех, кои с разумом проходят путь добродетели; третье — совершенная неподвижность страстного пожелания, имеющее место в тех, кои от видимых вещей восходят к мысленным созерцаниям; четвертое бесстрастие есть совершенное очищение даже от самого простого и голого мечтания, образующееся в тех, кои через ведение и созерцание соделали ум свой чистым и ясным зерцалом Бога. Итак, очистивший себя от страстных дел и освободившийся от мысленного на них сосложения, и пресекший похотное к ним движение, и соделавший ум свой чистым даже от простого о них помышления, имея сии четыре главные бесстрастия, исходит из области тварей вещественных и вступает в чин существ мысленных, Божественный и мирный [5, 51].

188. Первым бесстрастием называется нетрогающееся с места движение тела к действительному греху (побуждение есть,

но ему не дают хода); вторым — совершенное отвержение душевных страстных помыслов, коим заморяется возможное по первому бесстрастию движение, не имея возбуждающих его к действию страстных помыслов; третьим — совершенная неподвижность похотения к страстям, ради коей и второе бывает, состоящее в чистоте помыслов; четвертым бесстрастием называется совершенное отложение в мыслях всех чувственных мечтаний, по коему получает начало и третье, не имея чувственных мечтаний, живописующих картины страстей [5, 52].

189. Начало и конец спасения каждого есть премудрость, которая, начиная, прежде порождает страх, а потом, усовершившись к концу, порождает любовь. Или лучше, по началу она сама смотрительно бывает страхом, чтоб удерживать любителя своего от худа, а потом к концу сама собою естественно оказывается любовью, исполняя духовным обрадованием тех, которые сожительством с нею заменили обладание всеми видимыми благами [5, 60].

190. Всякое исповедание смиряет душу, то научая ее признать, что она оправдана благодатью, то заставляя сознаться, что в прегрешениях своих она сама виновна по причине нерадения своего [5, 62].

191. Исповедание бывает двояко по содержанию: одно бывает в чувствах благодарения за дарованные блага; а другое в чувствах самообличения и сознания в том, что наделано худого. Ибо исповеданием называется и благодарное припоминание Божиих благодеяний, добре восчувствованных, и откровенное сознание худых дел виновными в них. То же и другое бывает породительницею смирения. Ибо смиряется обычно и тот, кто благодарит за блага, и тот, кто истязует себя за прегрешения: тот, считая себя недостойным дарованных благ; а этот, умоляя о получении прощения прегрешений [5, 63].

192. Страсть гордыни состоит из двух неведений или несознаний, кои, сошедшись воедино, производят одно слиянное мудрование (гордостное). Ибо один тот горд, кто не признает ни Божеской помощи, ни человеческой немощности. Таким

образом, гордость есть Божественного и человеческого знания лишение [5, 64].

193. Тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и переступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели, и трудами своими имеет в виду накупить лишь человеческих непостоянных похвал [5, 65].

194. Человекоугодливый об одном том печется, чтобы внешнее его поведение было показно, и чтобы заслужить доброе слово льстеца, первым зрение, а вторым слух подкупая в свою пользу у тех, кои услаждаются или в удивление приводятся только видимым и слышимым, и добродетель определяют только тем, что показывают чувства. Человекоугодие таким образом будет добрых нравов и слов показывание пред людьми и для людей [5, 66].

195. Лицемерие есть притворение дружбы или ненависть, прикрываемая видом дружбы, или вражда под прикрытием благоволения действующая, или зависть, подражающая характеру любви, или жизнь красная притворным видом добродетели, а не действительною добродетелью, или притворение праведности. Показание только, будто она есть, соблюдаемое, или обман, имеющий вид истины; что все ухитряются устроять в нравственной испорченности, подражающие змию [5, 67].

196. Причина всех тварей и всех сущих в них благ есть Бог. Почему возносящийся добродетелью или знанием, и с мерою добродетели, то есть преуспеяния в ней при помощи благодати, не сопростирающий сознание своей немощности, очевидно не избег злого духа гордыни; ради собственной славы делающий добро себя предпочел Богу, пронзен будучи остном тщеславия; творящий добродетель или говорящий о ней, только *да видим будет человеки* (Мф. 23, 5), человеческое одобрение поставил выше Божеского, боля страстью человекоугодия, а подкрасивший свое поведение только честною представительностью добродетели, злонамеренно для обмана и видимостью благоговеинства прикрывающий недоброе настроение сердца,

торгует добродетелью по лукавству лицемерия. Не очевидно ли, что всякий из сих на другое нечто, а не к Причине всего направил цель свою [5, 68].

197. Демоны ни целомудрия не ненавидят, ни постом не гнушаются, равно как ни раздаянием имений, ни странноприимством, ни псалмопением, ни прилежанием к чтению, ни уединением, ни высокими умозрениями, ни спанием на голой земле, ни бдением, ни всем другим, чем характеризуется жизнь по Богу, пока целью таких дел поставляется что-нибудь им угодное [5, 70].

198. Демоны, борющие при недостатке добродетели, суть те, которые научают блуду, пьянству, сребролюбию и зависти; а при добродетелях борющие суть те, которые научают самомнению, тщеславию и гордости, и таким образом через десное скрытно насевают в нас шуее [5, 77].

199. О, когда бы и нам этим духам злобы, которые невидимо приступают к нам с притворным видом духовной дружбы, и, в намерении *благим* нам *соделать смерть* греховную (см. Рим. 7, 13), говорят: *будем и мы строить вместе с вами* (2 Езд. 5, 65), — отвечать: *несть вам и нам созидати дом Господу Богу нашему. Мы бо сами созиждем Господу Богу* нашему. Мы одни созиждем его Господу Богу *Израилеву* (2 Езд. 5, 67-68). Одни, потому что, освободившись от духов, борющих по недостатку добродетели, которых мы уже избежали, не хотим опять быть искушенными и от вас, вознесшись избытком ее, и пасть падением, столько гибельнейшим первого, сколько в том была легче надежда восстания, потому что мы тогда были в числе снисходительно прощаемых по причине немощи, а в этом или совсем ее нет, или она очень затруднительна, потому что мы будем в состоянии ненавидимых за гордость. И мы *не одни,* потому что имеем святых Ангелов помощниками себе в добре, паче же самого Бога, нам Себя являющего делами правды и нас Себе созидающего во святый храм, свободный от всякой страсти [5, 78].

200. *Много бо может молитва праведнаго поспешествуема,* как сказано (Иак. 5, 16). Поспешествуема же она бывает двояко:

первое (когда молящийся сам праведен), и возносит к Богу молитву при делах по заповедям, как такую, которая не в одном только слове состоит, и не пустым звуком голоса произносится, и предлежит праздною и ничего твердого под собою неимеющего, но есть действенна и жива, воодушевляема будучи делами по заповедям. Ибо сила и состоятельность молитвы зависят от исполнения заповедей через творение добродетелей; вследствие чего праведный имеет сильную и многомогущую молитву, поспешествуемую заповедям. Второе, когда кто, прося молитвы у праведного, сам творит дела молитвы, обещая исправить и действительно исправляя прежнюю жизнь, и таким добрым своим обращением делая молитву праведного сильною и многомогущею [5, 80].

201. Никакой нет пользы от молитвы праведного для прибегающего к ней, когда он более услаждается грешными делами, чем добродетелями. Так некогда и великий Самуил оплакивал Саула грешного, но умилостивить за него Бога не был силен, не прияв в поспешество плачу своему подобающего исправления грешащего. Почему Бог, останавливая раба Своего от бесполезного плача, говорит ему: *доколе ты плачеши о Сауле. Аз же уничижих его, не царствовати во Израили* (1 Цар. 16, 1) [5, 81].

202. Опять и Иеремия сострадательнейший, молясь о народе иудейском, до безумия прилепившемся к прелести демонской, не услышивается, потому что молитва его не была подкрепляема обращением безбожных иудеев от этой прелести. Почему останавливая и его от непрестанного умаливания без пользы, Бог говорит: *не молися о людех сих, и не проси, еже помилованным быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя* (Иер. 7, 16) [5, 82].

203. Знак великого невежества, чтоб не сказать безумия, искать спасения молитвами святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами, и просить прощения в том, чем с самохвальством в то же время действительно сквернится он в мыслях и чувствах. Просящему молитвы праведного не должно позволять самому себе делать ее бесплодною и недейственною,

если воистину ненавидит зло, но окрыляя ее своими добродетелями, делать ее действенною и сильною востечь до Могущего давать оставление прегрешений [5, 83].

204. Много может молитва праведного, поспешествуема будучи или праведным, творящим ее, или тем, кто просит праведного творить ее. Со стороны праведного споспешествуется она тем, что дает ему дерзновение пред лицом Того, Кто мощен исполнять прошения праведных; а со стороны того, кто просит о ней праведного, тем, если он оставляет прежнее свое худонравие и всем сердцем обращается к добродетели [5, 84].

205. Слово истины двоякую ведает печаль, из коих первая в душе составляется невидимо; а вторая видимо устрояется в чувственном порядке: та всю глубь души объемлет, будучи причиняема бичами совести, а эта чувственность облагает, удерживая ее от естественного ему разлияния тяжестью бедствий прискорбных [5, 86].

206. Как две печали ведает слово истины, так знает оно и два рода искушений, из коих одни внутри в области произволения устрояются возбуждением худых пожеланий, а другие помимо произволения со вне находят в виде невольных неприятностей, скорбей и бед. Первое бывает причиною печали душевной, а второе — печали чувственной [5, 90].

207. Искушение, в области произволения устрояющееся, душе печаль причиняет, а чувственности доставляет удовольствие; напротив, искушение непроизвольное душу (разумно его встречающую) утешает, а плоть тяготит печалью [5, 91].

208. Думаю, что, когда Господь и Бог наш научал учеников Своих, как должно молиться, то, словами: *не введи нас в искушение* (Мф. 6, 13), внушал отмалчиваться от искушений, в области произволения устрояющихся, то есть от возбуждений похоти, колеблющих добрые расположения и намерения; а великий Иаков, братом Господа именуемый, научая подвизающихся за истину не поражаться находящими искушениями, имел ввиду искушения непроизвольные, говоря: *всяку радость имейте братие моя, егда во искушения впадаете различна*

(Иак. 1, 2), то есть напроизвольные, помимо воли нашей находящие, и причиняющие скорби и тяготы. Это ясно показывают следующие за тем и другим изречением слова: ибо там Господь присовокупляет: *но избави нас от лукаваго,* а здесь великий Иаков наводит: *ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чем же лишени* (Иак. 1, 3-4) [5, 92].

209. *Совершен* тот, кто с произвольными искушениями борется воздержанием, и непроизвольные переносит терпением; а *всецел* тот, кто деяния совершает с ведением, и умозрение не оставляет бездейственным [5, 94].

210. Ум и чувство противоположное одно другому имеют естественное действо, по крайнему несходству и разности предметов их. Тот предметами своими имеет мысленные и бестелесные сущности, которые восприемлет бестелесно; а это — чувственные и телесные естества, которые и восприемлет чувственно [6, 2].

211. Ум, как только начнет считать чувство своею собственною естественною силою, то, оплетшись видимостями чувственных вещей, делается изобретателем плотских удовольствий, не имея силы возвыситься над естеством видимых вещей по причине пристрастного расположения к чувству [6, 5].

212. Спасительным удовольствием называется обрадование души по причине добродетели; а душеполезным неудовольствием — скорбение плоти из-за добродетели. Почему страстно предающийся чувственным благам не на должное обращает свое стремление; и отвращающийся от случайностей, причиняющих лишение сих благ, бежит от того, от чего не следует убегать [6, 11].

213. Как без солнечного света глаз не может воспринимать чувственное, так без духовного света ум человеческий никогда не может воспринять духовного созерцания. Ибо чувственный свет естественно освещает чувство к восприятию ведения вещей чувственных, а свет духовный осиявает ум к созерцательному постижению сверхчувственного [6, 17].

214. Придумание произвольных притрудностей и наведение непроизвольных, хотя заморяют похотение, пресекая действенное его движение; не уничтожают, однако ж, силы или способности к рождению, лежащей в естестве нашем, как закон. Ибо добродетельное любомудрие обыкновенно порождает бесстрастие воли, а не естества: по каковому бесстрастию воли посещает ум благодать Божественного услаждения [6, 36].

215. Невозможно, чтобы Господь, по естеству будучи мудр, праведен и всемогущ, как мудрый, не ведал способа уврачевания (нашего заболевшего грехом естества), как праведный, восхотел властительски содевать спасение человека, волею подпавшего под иго (и вину) греха, как всемогущий не силен был совершить, что требовалось к уврачеванию нашему [6, 40].

216. Премудрость Божия обнаруживается в том, что Он воистину существенно соделывается человеком; правда в том, что Он через рождение воспринял способное подобно нам страдать естество; всемогущество — в том, что Он страданиями и смертью устроил для нашего естества непрестающую жизнь и неизменное бесстрастие [6, 41].

217. Завидуя Богу и нам, диавол обманно внушил человеку, будто Бог завидует ему, и тем склонил его к преступлению заповеди. Завидует же он Богу, чтоб не сделалась явною действительно воспетая сила Его, боготворящая человека; а человеку, чтоб он за добродетель не стал видимо причастником Божеской славы. Так этот, пакостнейший, завидует не только нам из-за славы нашей у Бога ради добродетели; но и Богу из-за проявления всепетой любви Его во спасении нашем [6, 48].

218. Бог, по единому беспредельному мощному хотению благости Своей, объемлет и держит всех, и Ангелов и человеков, благих и злых. Они же все не равно причастны бывают Бога, незадержанно проходящего через всех, но сообразно с их настроением [6, 53].

219. Мы не признаем во Христе различия лиц, потому что Троица пребыла Троицею и после того, как Слово воплотилось, через сие воплощение не приложилось новое лицо к Святой

Троице. Но признаем в Нем различие естеств, чтоб не исповедать плоти по естеству единосущною Слову [6, 57].

220. Клятвопреступник есть (ложно клянется именем Господним) тот, кто обещает Богу жить добродетельно, а потом все попечение свое обращает на иное, чуждое обету, собственными устами изреченному, и через неисполнение заповедей преступает заветный обет благочестной жизни. И коротко сказать, предызбравший жизнь по Богу и для настоящей жизни не ставший совершенно мертвым лжец есть и клятвопреступник; как поклявшийся Богу, то есть обещавший тещи непорочно путем Богоугодных подвигов, и не исполнивший того [6, 67].

221. Кто приражение невольных искушений, подобно блаженному Иову и доблестным ученикам, переносит с непоколебимым мудрованием, тот есть светильник сильный, и сам хранящий неугасимым свет спасения, силою от Господа приемлемою. Но и тот, кто знает козни лукавого, и сражения, (столкновения, схватки) в невидимых бранях ведает, и этот, осияваемый светом ведения, другим является светильником, который, подобно великому апостолу, достойно может говорить:*не не разумеваем бо умышлений его* (2 Кор. 2, 11) [6, 78].

222. Как без елея невозможно светильнику соблюстись неугасимым, так без обратившегося в навык благонастроения, питающего внутреннюю доброту соответственными тому словами, делами и нравами, равно как чувствами и помышлениями с ним сообразными, невозможно сохранить свету даров духовных. Ибо всякий духовный дар соответственного себе требует и навыка (или настроения) непрестанно подливающего ему, как елей, некое мысленное вещество, чтоб он по благонастроению получившего его пребыл целосохранным [6, 81].

223. Бог именуется и бывает Отцом по благодати только тех, которые о своем благодатном от Бога в духе рождении свидетельствуют добродетельными нравами. В сих нравах видится как бы лицо души, отображающее в добродетелях явные черты родившего ее Бога; имеющие их располагают взирающих

на них прославлять Бога, представляя свою жизнь для подражания, как изряднейший образец добродетели. Ибо не голыми словами прославляется обыкновенно Бог, но делами правды, много паче слов провозглашающими о Божеском велелепии [6, 86].

224. Кто показывает в себе ведение отелесяемым деятельностью, и деятельность одушевляемою ведением, тот обрел точный способ истинного в нас Богодействия. Кто же имеет какую-либо из сих черт разъединенною с другою, тот или ведение сделал пустою фантазией (не утвержденною, влающеюся), или деятельность превратил в бездушного идола. Ибо ведение недеятельное ничем не разнится от мечтаний фантазии, не имея в подтверждение свое деятельности, и деятельность неосмысленная есть то же, что идол, не имея одушевляющего ее ведения [6, 88].

225. Проклятая воистину страсть — надменность, состоящая из сочетания двух зол, гордости и тщеславия: из коих гордость отрицается от Творца добродетели и природы, а тщеславие, как природу, так и самую добродетель подделывает; ибо у гордого ничего не делается по Богу, а у тщеславного ничто не происходит по природе [7, 5].

226. Писанный закон, страхом удерживая от неправды, приучает к правде; со временем же навык в сем порождает правдолюбивое расположение, от коего пребывает твердое к добру настроение, наводящее забвение предшествовавшей порочности [7, 11].

227. Обрезание есть, в духовном значении, совершенное отсечение склонности к похотениям плотским [7, 41].

228. Суббота есть упокоение движения страстей или совершенное бездействие их [7, 43].

229. Бог повелел чтить субботу, новомесячия и праздники, не потому что хотел, чтобы дни, как дни, были почитаемы от людей: ибо это значило бы узаконить служение твари паче Творца (см. Рим. 1, 25), в той мысли, будто дни сами по себе естественно досточтимы, а потому и поклонения достойны.

Но через постановление чтить дни Он Себя самого символически повелел чтить. Ибо Он Сам есть и Суббота, как упокоение от потов и забот житейских, и от трудов по делам правды; есть Он и Пасха, как освободитель держимых в горькой работе греха; и Пятидесятница есть Он, как начало и конец всего [7, 46].

230. Жертвами духовными признаем не только умерщвление страстей, закалаемых *мечом духовным, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), но и всех естественных сил посвящение Богу и огнем благодати Духа принесение их во всесожжение Богу [7, 51].

231. Власть греха или плотское мудрование, пресекается благодатью Святого Крещения, а деятельное повиновение Божественным заповедям совсем умерщвляет его мечом Духа [7, 56].

232. Страсть чревоугодия сластолюбивым помыслом, как мечом, многие добродетели обесчадствовала: семена целомудрия убивает она невоздержанием; равнозаконие правды растлевает любоиманием; естественные союзы человеколюбия рассекает самолюбием; и коротко сказать, страсть чревоугодия бывает истребительницею всех порождений добродетели [7, 57].

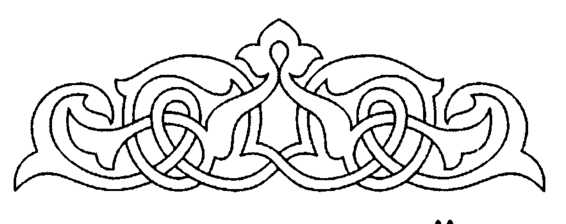
233. Всякий ревнитель спасения предлежит и делам добродетелей и святым помышлениям; ибо без добродетели и ведения никогда никто не успевал еще улучить спасение: дело добродетели есть приводить в чин движения телесные здравым рассуждением, как уздою искусно удерживать их от неуместных поползновений, а дело ведения есть добре обдумывать и разумно обсуждать, как следует действовать и потом располагать к исполнению того [7, 62].

234. Всякий *умертвивший уды, яже на земли* (Кол. 3, 5) и все свое плотское мудрование угасивший, и всякое к нему сочувствие отсекший, так, что мог бы с блаженным Павлом апостолом говорить: *кто ны разлучит от любве Божия?* (Рим. 8, 32) всякий таковой стал *без отца, без матерее, без причта рода,* подобно великому Мелхиседеку (Евр. 7, 3), не имея, чем бы удерживали

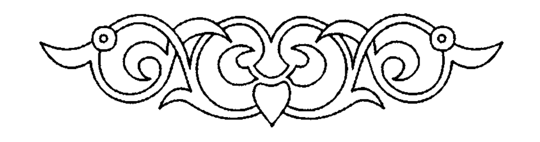
его плоть и естество по причине совершившегося в нем полного сочетания с духом [7, 75].

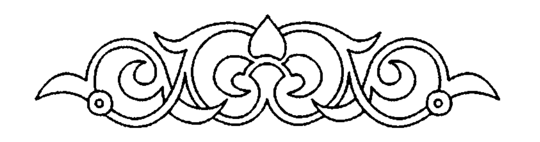
235. Конец настоящей жизни несправедливо, думаю, называть смертью, а скорее избавлением от смерти, удалением из области тления, освобождением от рабства, прекращением тревог, пресечением браней, выходом из тьмы, отдохновением от трудов, утишением кипячения, укрытием от стыда, убежанием от страстей, и, обще сказать, пределом всех зол, в которых святые, исправившись через свободное самоумерщвление, соделали себя чуждыми и странниками в этой жизни. Ибо доблестно борясь с миром и с плотью, и с исходящими от них восстаниями, и подавив из обоих их по сочувствию чувства с чувственным порождающееся прельщение, они не порабощенным сохранили в самих себе достоинство души [7, 76].

236. Святые были благи и человеколюбивы, благоутробны и милосерды, оказавшись одинаково имеющими ко всему роду расположение любви, силою коей через всю жизнь верно сохраняя наилучшее из всех благ, разумею, смирение, сию хранительницу благ и разрушительницу противоположного им зла, они пребыли неуловимыми для всех, тяготящих нас искушений, как произвольных, кои от нас, так и непроизвольных, кои не от нас, восстания первых подавляя воздержанием, а приражения вторых отражая терпением.



БЛАЖЕННЫЙ ФАЛАССИЙ

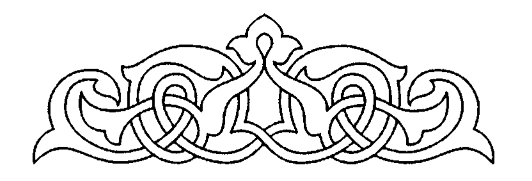




КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О БЛАЖЕННОМ ФАЛАССИИ

Преподобный отец наш Фалассий процветал в первой половине VII века и был пресвитером и настоятелем одного монастыря в пустынях ливийских. С любовью к благочестию блаженный авва сей соединял и любовь к духовному просвещению и много занимался изучением Святого Писания. Он был современником святому Максиму Исповеднику, с которым состоял в духовном общении. Есть к нему несколько писем святого Максима; и ему посвящена им целая книга, содержащая изъяснение трудных мест Святого Писания. Святой Максим высоко чтил сего авву, и в одном письме называет его даже своим наставником. Блаженная кончина его последовала вероятно не позже 660 года.

Предлагаемые четыре сотни изречений его о любви, воздержании и духовной жизни преисполнены назидания. Они все преимущественно нравственно-аскетического содержания, но есть и такие, которые содержат догматические мысли, коими пользовался святой Дамаскин в своем изложении веры. Если читать подряд только начальные буквы изречений по подлиннику, то получится определенная мысль, которая и ставится в начале каждой сотницы.



АВВЫ ФАЛАССИЯ О ЛЮБВИ, ВОЗДЕРЖАНИИ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ К ПРЕСВИТЕРУ ПАВЛУ

СОТНЯ ПЕРВАЯ,
коей акростих таков:

Духовному брату и возлюбленному господину Павлу Фалассий, по видимости — безмолвник, по истине же — торгаш тщеславный.

1. Любовь, всецело к Богу устремленная, связует любящих с Богом и друг с другом.

2. Ум, стяжавший духовную любовь, ничего такого не думает о ближнем, что не приличествует любви.

3. Под видом любви скрывает лицемерие тот, кто устами благословляет, а сердцем уничижает.

4. Стяжавший любовь невозмущенно переносит все печальное и прискорбное, что причиняют ему враги.

5. Одна любовь сочетает твари с Богом и между собою в единомыслие.

6. Истинную любовь стяжал тот, кто ни подозрений, ни слова не допускает против ближнего.

7. Досточестен пред Богом и людьми, кто ничего не предпринимает, что могло бы расстроить любовь.

8. Нелицемерной любви свойственно слово истинное от *совести благия* (1 Тим. 1, 5).

9. Под видом благорасположения скрывает зависть, кто передает брату укорные слова, от других слышанные.

10. Как телесные добродетели привлекают славу от людей, так духовные от Бога.

11. Любовь и воздержание очищают душу, ум же (дух. осияваet чистая молитва.

12. Силен муж тот, который деянием и разумом отгоняет зло.

13. Обрел благодать у Бога, кто стяжал бесстрастие и разумение духовное.

14. Если хочешь избавиться от страстных помыслов, стяжи воздержание и любовь к ближнему.

15. Сохрани себя от невоздержания и ненависти, и не встретишь преткновения во время молитвы.

16. Как в помойной яме нельзя найти ароматов, так в злопамятной душе благоухания любви.

17. Обуздывай мужественно гнев и похоть, и скоро избавишься от худых помыслов.

18. Тщеславие истребляет укрывание добрых дел, а гордость прогоняет никого неуничижение.

19. Тщеславию свойственны лицемерие и ложь, а гордости — самомнение и зависть.

20. Властелин тот, кто над собою возвластвовал, и душу и тело подчинил уму (духу).

21. Искренность друга познается в искушении, когда бывает он общником нам в нужде нашей.

22. Заключи чувства посредством безмолвного уединения, и подвергай строгому суду помыслы, восставшие в сердце.

23. О печальных оскорблениях помыслы встречай не злопамятно, а к любосластным относись враждебно.

24. Безмолвное уединение, молитва, любовь и воздержание — се четвероконная колесница, возводящая ум на небеса.

25. Изможди плоть пощением и бдением, и отгонишь мучительный сластолюбный помысл.

26. Как *тает воск от лица огня* (Пс. 67, 3), так нечистый помысл от страха Божия.

27. Большое зло для разумной души — долго пребывать в срамной страсти.

28. Переноси терпеливо удары печальных и душераздирательных случайностей, ибо таковыми очистить тебя хочет Божие промышление.

29. Бросив имущество и отрекшись от мира, отрекись, наконец, и от худых помыслов.

30. Подобающее уму дело — всегда поучаться в словесах Божиих.

31. Как дело Божие — управлять миром, так дело души — править телом.

32. С какою надеждою сретим Христа мы, даже до ныне рабствующие плотским сластям.

33. Истребляют похоть злострадание и печаль, произвольные ли или Промыслом посылаемые.

34. Сребролюбие есть пища страстей, поскольку оно поддерживает и растит всеобъемлющую самоугодливую похоть.

35. Печаль рождает оскудение удовольствия (или удовлетворения сластолюбия); удовольствие же соплетено со всякою страстью.

36. Какою мерою отмеряешь ты телу своему, соразмерно с тою возмерится тебе и от Бога (см. Мф. 7, 2).

37. Дела Божественных судеб бывают воздаянием за дела, содеянные посредством тела.

38. Добродетель и ведение рождают бессмертие; оскудение же их соделалось матерью смерти.

39. Печаль по Богу отъемлет похоть; похоти же отъятие есть воскресение души.

40. Бесстрастие есть неподвижность души на худое, но ее невозможно улучить без благодати Христовой.

41. Христос есть Спаситель души и тела, и последующий стопам Его освобождается от всего худого.

42. Если хочешь улучить спасение, отрекись от плотских сластей и восприими воздержание, любовь и молитву.

43. Бесстрастию свойственно истинное рассуждение, по коему все делается правою мерою.

44. Господь наш и Бог есть Иисус Христос; и ум, последующий Ему, во тьме не пребудет.

45. Собери ум твой и наблюдай за помыслами, и которые найдешь страстными, воюй против них.

46. Есть три источника, из которых получаются помыслы: чувства, память и полносочие тела; докучливее же из них те, которые исходят из памяти.

47. Кому дарована премудрость, тот делается причастным разумения бесплотных и знает, какое начало мира и какой конец его.

48. Не нерадиі о подобающей деятельности, и просветится ум твой; ибо таковым обетовано: *сокровища... сокровенная* и *невидимая отверзу тебе* (Ис. 45, 3).

49. Обрел благодать у Бога, кто освободился от страстей, и великой милости сподобился, кто удостоен ведения.

50. Ум, освободившийся от страстей, делается световидным, будучи непрестанно осияваем созерцаниями всего сущего.

51. Свет души — ведение, которого будучи лишен неразумный во тьме ходит.

52. Неразумный во тьме проводит жизнь; и его объемлет тьма неведения.

53. Любящий Иисуса избавится от зла; и последующий Ему узрит свет истинный.

54. Ум, освободившийся от страстей, видит тонкие помышления, и когда бодрствует тело и когда в сон погружается.

55. Ум, достигший высшей степени чистоты, чувствует себя утесняемым тварями и желает быть вне всего сотворенного.

56. Блажен, кто достиг в беспредельную беспредельность; достигшим же сего может быть только тот, кто прешел все предельное.

57. Испытывает словеса Божии чтущий Его; обретает же (смысл. их истины любитель.

58. Ум, правотою движимый, находит истину; движимый же какою-либо страстью не улучит ее.

59. Как в существе своем недоведом Бог, так в величии неопределим.

60. Какое существо не имеет ни начала ни конца, того и премудрость неисследима.

61. Спасение всякой твари есть всеблагое о ней промышление Создавшего ее.

62. Поддерживает Господь всех падающих и восставляет всех поверженных долу по милосердию Своему.

63. Христос есть Судия живых и мертвых, и всякого деяния праведный Мздовоздаятель (см. Деян. 10, 42; Пс. 61, 13).

64. Если хочешь начальствовать над душою и телом, то упреждай отсекать причины страстей.

65. Сцепи силы души с добродетелями, и всякое стремление страстей отлепится от них.

66. Стремления похоти обуздывай воздержанием, а стремления гнева — духовною любовью.

67. Безмолвное уединение и молитва суть самые могущественные орудия добродетели; ибо они, очищая ум, делают его зрительным.

68. Собеседование полезно только духовное, всем же другим предпочтительнее безмолвие.

69. Из пяти видов собеседования три держи, четвертого не учащай, от пятого же воздержись.

70. Безмолвие любит не имеющий пристрастия ни к чему мирскому; всех же людей любит, кто не любит ничего человеческого.

71. Учитель истинный есть совесть, которой слушающийся пребывает непреткновен.

72. Тех только одних не обижает совесть, которые или достигли верха добродетели, или ниспали в самую глубь зла.

73. Совершенное бесстрастие порождает чистые помышления, а совершенное ведение ставит пред лицо Непостижимого.

74. Печалится непохвальною печалью не улучивший плотских утех; презревший же их беспечален пребывает.

75. Печаль вообще есть лишение желаемого удовольствия, того ли, которое бывает по Богу, или того, которое бывает в духе мира.

76. Царствие Божие — доброта и мудрость, коих улучивший жительствует на небесах.

77. Окаянен человек, душе тело, а Богу мир делами предпочетший.

78. Равную ко всем любовь стяжал, кто преуспевающим в добре не завидует, а о нерадящих о том жалеет.

79. Начальствовать по надлежащему следовало бы тому, кто для души и тела положил законом требования добродетели.

80. Добрый купец духовный есть, кто для будущего равно отрекся и от утех, и от прискорбностей жизни сей.

81. Душу укрепляют любовь и воздержание, а ум (дух. — молитва чистая и созерцание духовное.

82. Слушая слово полезное, не суди говорящего, чтоб не лишить себя душеспасительной назидательности.

83. Злое сердце злое помышляет и исправности ближнего превращает в неисправности кривым истолкованием дел его.

84. Не верь помыслу, осуждающему ближнего, потому что имеющий злое сокровище злое и помышляет.

85. Благое сердце и помышления износит благие; ибо по сокровищу его бывают и помышления у него.

86. Блюди помыслы и бегай зла, чтоб не омрачился ум твой и не стал превратно видеть вещи.

87. Помышляй об Иудеях и огради себя от дел их. Они, будучи ослеплены завистью, Господа и Бога хульно признавали за Веельзевула.

88. Злая подозрительность помрачает ум и заставляет его непутное видеть путным.

89. Близ всех добродетелей источаются и страсти; почему люди страстные и перетолковывают добродетели в страсти.

90. Если ум долго остается в утехе или печали, то скоро очень впадает в страсть уныния.

91. Чистая совесть восторгает душу, нечистый же помысл низвергает ее долу в преисподнюю.

92. В движение приходя, страсти прогоняют тщеславие, а когда их прогонят, оно опять возвращается.

93. Если хочешь избавиться от всех вместе страстей, восприими воздержание, любовь и молитву.

94. Ум, молитвенно пребывающий в Боге, и страстную часть души освобождает от страстей.

95. Бог, дав бытие тварям, промышлением Своим объемлет их все вместе.

96. Будучи Владыкою всего, благоволил Он соделаться рабом и тем показал высшую степень Промышления Своего о твари (см. Флп. 2, 7).

97. Бог Слово, непреложно воплотившись, через плоть соединился со всею тварью.

98. Дивное чудо на небе и на земле то, что Бог на земле, и человек на небе; чтоб, соединив человеков с Ангелами, вместе и всей твари даровать обожение.

99. Освящение и обожение Ангелов и человеков есть познание Святой и Единосущной Троицы.

100. Прощение грехов есть освобождение от страстей, от которых неизбавившийся благодатью еще не улучил прощения.

СОТНЯ ВТОРАЯ,

коей акростих следующий:

Молись о мне, брате честнейший, ибо я великих бед ожидаю достойно по делам моего произволения: печалей душевных и прискорбностей телесных.

1. Хочешь ли за раз избавиться от страстей? Отрешись от матери страстей — самолюбия.

2. Здравие душе — бесстрастие и ведение, и улучить его невозможно тому, кто порабощен плотским сластям.

3. Иссушают сластолюбие, и телесное и душевное, воздержание с терпением и любовь с великодушием.

4. Началом порочных страстей для души служит самолюбие; самолюбие же есть телолюбие (или саможаление).

5. Отличительная черта разумности есть подчинять себя уму и в то же время подчинять себе и порабощать тело.

6. Укор для разумного — подчиняться неразумному и промышлять только об удовлетворении срамных похотей.

7. Для души разумной пагубно оставлять Создавшего ее и раболепствовать телу.

8. Тебе повелено тело иметь рабом, а не порабощаться сластям его противоестественно.

9. Разорви узы содружества с телом и не давай сему рабу ничего, кроме крайне необходимого.

10. Заключи чувства в крепость безмолвного уединения, чтоб они не увлекали ума к свойственным им похотям.

11. Наисильнейшее оружие для безмолвствующего с терпением суть воздержание, любовь, молитва и чтение.

12. Ум не перестает кружиться по предметам плотских сластей, пока, поработив себе плоть, не предастся созерцаниям.

13. О соблюдении заповедей подвизаемся, чтоб освободиться от страстей, а о хранении Божественных догматов — чтоб сподобиться ведения.

14. Безмятежие души — от бесстрастия и ведения, и улучить его невозможно порабощенному плотским сластям.

15. Порабощай тело, отсекая его сластолюбные пожелания, и избавишь его от тяжелого рабства им.

16. Свободным создан и на свободу призван будучи, не позволяй себе раболепствовать нечистым страстям.

17. Печалями и утехами, желаниями и страхами привязывают демоны ум к чувственному.

18. Страх Божий удерживает похотения, а печаль по Бозе отгоняет сластолюбие.

19. Вожделение мудрости презирает страх, а сладость ведения прогоняет печаль.

20. Писание содержит следующие четыре предмета: заповеди, догматы, угрозы и обетования.

21. Останавливают похотение воздержание и труд, а иссушают — безмолвное уединение и Божественная любовь.

22. Не уязвляй брата загадочными подозрительными словами; ибо и сам ты, если случится, не перенесешь подобного.

23. Останавливает гнев великодушие и незлобие, а уничтожают его любовь и сострадание (снисхождение).

24. Кому дано ведение, дан свет умный; но кто, получив, обесчестит его, тот увидит тьму.

25. Соблюдение заповедей рождает бесстрастие; бесстрастие же души блюдет ведение.

26. Переведи чувственное на умное созерцание и возведешь чувство выше чувственного.

27. Чувственная (видимая) жена означает душу деятельную, с которою сочетаясь, ум рождает добродетель.

28. Исследование словес Божиих научает разуму Божию того, кто взыскивает сего истинно, благоговейно и ревностно.

29. Что есть свет для зрящих и для зримого, то Бог для мыслящих и для мысленного.

30. Чувственная твердь означает твердь веры, на которой, подобно светилам, сияют все святые.

31. Иерусалим есть наднебесный — ведение бестелесного; ибо в нем созерцается видение мира.

32. Не неради о деятельной жизни; иначе умалится и ведение; и тогда, по причине наставшего через то глада, спустишься в Египет (Быт. 26, 1, 2).

33. Свобода духовная есть освобождение от страстей, чего никто не улучает без благодати Христовой.

34. Земля обетованная есть Царство Небесное, которого достойными нас делают бесстрастие и ведение.

35. Египет духовный есть омрачение страстей, в которое никто не спускается, если прежде не подпадет гладу.

36. Наполняй ухо свое духовными словесами, и ум свой отдалишь от нечистых помыслов.

37. Благ и премудр по естеству один Бог, но бывает таковым по причастию и ум, если поревнует о том.

38. Удерживай чрево, сон, гнев и язык; и не *преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 12).

39. Подвизайся полюбить одинаково всякого человека, и за раз отгонишь все страсти.

40. Зрение чувственного обще уму и чувству; ведение же умного (духовного) есть принадлежность одного ума.

41. Невозможно уму заняться духовными предметами, если наперед не отсечет склонности к чувствам и чувственному.

42. Чувство естественное имеет пристрастие к чувственному и, будучи развлекаемо им, развлекает и ум.

43. Отдай чувство в служение уму и не давай ему времени развлекать его.

44. Когда случится уму заняться чувственным, предупреди развлечение его чувствами, возводя его к духовному разумению предлежащего.

45. Знак, что ум предался занятию духовными вещами, есть презрение всего, услаждающего чувства.

46. Ум, устремляясь к созерцанию духовных предметов, имеет от того неотступную сладость.

47. Когда ум обогатится ведением Единого, тогда все конечно порабощенным себе имеет и чувство.

48. Не давай уму своему кружиться по вещам чувственным, чтоб не набрался и свойственных им утех и печалей.

49. Которых ум всегда занят духовными предметами, у тех и желательная часть души становится Божественным оружием.

50. Невозможно уму преисполниться ведением, если прежде и желательная часть души не украсится свойственными ей добродетелями.

51. Ум тогда делается чуждым мира, когда совершенно отсечет всякое к чувственному чувство.

52. Отличительною чертою разумной части души должно служить упражнение в познании Бога, а желательной — любовь и воздержание.

53. Ум не может всегда занят быть чем-либо чувственным, если никакого к тому не имеется пристрастия.

54. Совершен ум тот, который преисполнен ведения; душа же совершенна та, которая в добродетелях утвердилась.

55. Склонность ума к чувственному делает его рабом телесных сластей.

56. Подвигается и ум с места ведения, когда желательная часть отодвигается от своих добродетелей.

57. Мы прияли власть чадами Божиими быть (Ин. 1, 12), но не бываем ими, если не совлечемся страстей.

58. Никто пусть не думает, что он действительно сделался чадом Божиим, если не стяжал еще в себе Божеских черт.

59. Усвоение нравов добрых или худых делает сынами Бога или сатаны.

60. Мудр муж тот, кто внимает себе и спешит очиститься от всякой скверны.

61. Ожесточенная душа, и когда бичуют ее, не чувствует и к благодетелю никакого чувства восприять не может.

62. В нечистую облеченный одежду извергается из брачных чертогов Божественных, и делается причастником тьмы кромешной (см. Мф. 22, 12-13).

63. Боящийся Бога радеет о своей душе и от злой участи избавляет себя.

64. Невозможно улучить милость от Бога тому, кто, оставя Его, раболепствует плотским сластям.

65. Иисус Христово есть слово, что никто не может двум господам работать (см. Мф. 6, 24), хотя мы не хотим верить тому.

66. Душа осквернившаяся ожесточается страстьми, и без сечений и прижиганий уверовать не способна.

67. Огрубелым потребны страшные испытания; ибо без сильных болей они умягчиться не могут.

68. Разумный муж печется о душе своей, и посредством произвольных себя умучений избегает непроизвольных мук.

69. Попечение о душе — злострадание (подвиги самоумерщвления) и смирение, ради коих Бог прощает все грехи.

70. Как похоть и гнев умножают грехи, так воздержание и смирение изглаждают их.

71. Печаль по Бозе сокрушает сердце, ее же рождает страх адских мук.

72. Печаль по Бозе очищает сердце и от нечистых сластей отдаляет его.

73. Терпение есть трудолюбие души (желание преутруждать душу); где же есть такое трудолюбие, там изгнано сластолюбие.

74. Всякий грех делается для сласти; всякое же прощение бывает ради злострадания и печали.

75. Непроизвольным болям Промышлением Божиим подвергается тот, кто не берется совершить покаяние с болями произвольными.

76. Христос есть Спаситель всего мира; и Он даровал людям покаяние во спасение (см. Мф. 4, 17).

77. Покаяние порождает соблюдение заповедей, а заповедей соблюдение очищает душу.

78. Очищение души есть освобождение ее от страстей; освобождение же от страстей рождает любовь к Богу.

79. Душа чиста та, которая любит Бога, а ум чист тот, который освободился от неведения.

80. За заповеди Божии подвизайся даже до смерти, ибо очистившись через них, внидешь ты в живот.

81. Пользуйся телом, как слугою заповедей, сколько возможно сохраняя его несластолюбивым и безболезненным (здоровым).

82. Восстание плоти бывает от нерадения о молитве, диете и безмолвии.

83. Доброе безмолвие добрых рождает чад — любовь, воздержание и молитву чистую.

84. Чтение и молитва очищают ум, любовь же и воздержание — желательную часть души.

85. Соблюдай всегда одинаковое воздержание, чтоб через неравность не впасть в противное ему.

86. Наложив на себя законы, не изменяй себе, софистически криво истолковывая их потом; ибо кто сим образом отводит себя от них, тот сам себя прельщает (сам себе дьявол).

87. Страстные души суть мысленные запады, ибо в таковых зашло солнце правды.

88. Сын есть Божий тот, кто уподобился Богу в благости, в мудрости, силе и правде.

89. Болезнь души есть злая склонность; смерть же ее есть грех, делом совершенный (см. Рим. 5, 12).

90. Нестяжательность духовная есть совершенное бесстрастие, при коем ум удаляется от всего здешнего.

91. Соблюдай все согласно добродетели душевные, потому что от сего рождается плод правды.

92. Созерцание мысленных предметов есть, говорят, бестелесно, как совершенно чуждое вещества и вида.

93. Как четыре стихии не чужды вещества и вида, так не чужды их и составленные из них тела.

94. Слово, соделавшееся по человеколюбию плотью (см. Ин. 1, 14), ни того, чем было, не преложило, ни того, чем создалось, не изменило.

95. Мы говорим о Боге Сыне воплотившемся, как то, что Он есть из Божества и человечества, и в Божестве и человечестве, так и то, что Он есть из двух естеств и в двух естествах.

96. Одно лицо исповедуем во Христе при двух естествах, соединенных нераздельно.

97. Единое нераздельное лицо во Христе славим и неслиянное единение двух естеств в Нем исповедуем.

98. Триипостасному единому Божества естеству покланяемся и единосущную Святую Троицу богословим.

99. Собственны каждой из трех ипостасей отчество, сыновство, исхождение; а общи трем ипостасям существо, естество, Божество, благость.

СОТНЯ ТРЕТЬЯ,
коей акростих таков:

Злом, собственно, должно почитать не то, что тяготит плоть, а душу очищает; но то, что оскорбляет совесть, а плоть услаждает.

1. О Том, Кто благ по естеству, благо умствуй; и о всяком человеке доброе помышляй.

2. В день суда должны будем дать ответ пред Богом о словах, делах и помышлениях.

3. Навык к доброму или худому заставляет нас думать, говорить и делать доброе или худое.

4. Ум, одержимый страстьми, помышляет неподобающее; обнаруживаются же его мысли словами и делами.

5. Худой мысли предшествует страсть, страсти причина — чувства, а худого употребления их причина, явно, есть ум.

6. Заключай чувства, поборай помыслы и оружием заповедей потребляй свои страсти.

7. Зло устаревшее и подвига требует продолжительного; ибо укоренившаяся привычка скоро не сдвигается с места.

8. Продолжительный подвиг воздержания и любви при терпении и безмолвии потребляют надлежащую страсть.

9. Чаще воздвигай ум на молитву, и разгонишь помыслы, вращающиеся в сердце.

10. Подвижничество требует терпения и мужества; потому что сластолюбие изгоняется не иначе, как долговременным и охотным самоутруждением.

11. Удобно совершишь подвиги подвижничества, если все будешь делать в меру и по правилу.

12. Держи всегда одинаковую меру в подвигах и без крайней нужды не нарушай положенного правила.

13. Как любовь и воздержание очищают помыслы; так созерцание и молитва — *всяко возношение* воздымающееся (2 Кор. 10, 5).

14. Совесть чистою соделывают труды подвижнические, именно: пост, бдение, терпение, великодушие.

15. Кто благодушно претерпевает удары невольных искушений, тот делается смиренномудрым, искусным (в духовном. и благонадежным.

16. Терпение стоит на душевном желании самоутруждения; состоит же оно в подъятии произвольных трудов и невольных искушений.

17. Благодушное перенесение страшных напраслин рождает незлобие; терпение же до конца искореняет из души все худое.

18. Удары тяжелых случайностей раздирают сердце, и порождаемая тем печаль прогоняет сластолюбие.

19. Есть четыре страсти главнейших, из которых одною против другой премудро пользуется Провидение.

20. Ибо сластолюбие уничтожается наведением печали, а похоть увянуть понуждает страх адских мук.

21. Ум благоразумный душу научает духовным деланиям, а тело приучает ко всякому телесному подвигу.

22. Ревнуй показать монахом не внешнего только человека, но и внутреннего через очищение их от страстей.

23. Первое отречение есть освобождение от вещей (имущества), второе и третье есть освобождение от страстей и неведения.

24. Кто захочет удобно отрешится от вещей, но не малый потребен труд для отрешения от пристрастия к ним.

25. Держащий в руках похоть и с гневом управится, ибо в той причина раздражения гнева.

26. Что же? Очистились ли мы от страстных помыслов и вкусили ль вследствие того чистой и невещественной молитвы, или еще нет?

27. Ум велик, если он освободился от страстей, отрешился от всего тварного и в Боге пребывает.

28. Преуспевающий любомудрствует о следующих трех предметах: об исполнении заповедей, о познании догматов и о вере во Святую Троицу.

29. Ум, освободившийся от страстей вот в чем вращается — в тонких помышлениях, в созерцании тварей и в вечном Свете.

30. В душах наших скрываются худейшие страсти; явными же они делаются, когда обличатся дела их.

31. Бывает, что ум невозмущенным себя имеет и малость некую улучив бесстрастия; но остается не искусным по причине отсутствия вещей (или предметов для деятельного упражнения).

32. Страсти приходят в движение от следующих трех вещей: от воспоминания о предметах их, от довольства и покоя плоти, и от чувств, как сказано.

33. Ум, чувствами добре правящий и плоть в порядке установивший, одну только имеет брань — брань с памятью.

34. Через чувства тогда приходят в движение страсти, когда нет воздержания и любви духовной.

35. Умеренный пост, бдение и псалмопение обыкновенно упорядочивают устроение тела.

36. Следующие три вещи явно изменяют на худшее устроение тела: беспорядочность диеты, изменение воздухов и приражение бесов.

37. Страстные памятования умаляются следующим: молитвою, чтением, воздержанием и любовью.

38. Прежде чувства заключи безмолвием и потом поборай воспоминания оружиями добродетелей.

39. Грех мысленный есть употребление на зло помыслов, а грех деятельный есть употребление на зло вещей.

40. Помыслами и вещами злоупотребление есть нечестивое и неправедное обоих их употребление на зло.

41. Предосудительные страсти суть узы, держащие ум в чувственности.

42. Тот имеет совершенное бесстрастие, у кого нет пристрастия ни к делам и вещам, ни к воспоминанию о них.

43. Душа благая благотворит ближнему и, если встретит неблагодарность, великодушною является к нему, и терпеливо сносит, если что пострадает от него.

44. Помыслы злые суть сущее зло, и неочистившийся от них не научится истинному ведению.

45. Слушающий Христа световодит себя, и подражающий Ему исправляет себя.

46. Злопамятство есть проказа души; случается же оно по поводу или бесчестий, или потерь, или подозрительных помыслов.

47. Господь ослепляет ум завистливого за то, что он неправедно печалится о благах ближнего.

48. Душа клеветливая имеет трехлезвийный язык, ибо уязвляет и себя, и слышащего, а бывает, что и оклеветываемого.

49. Незлобив, кто искренно молится об оскорбившем, и избавляется от злопамятства, кто не щадит даров ему.

50. Ненависть к ближнему есть смерть души; и вот что имеет, и что причиняет себе душа клеветника.

51. Разленение от вознерадения души; нерадит же душа, сластолюбием болящая.

52. Любящий Господа Иисуса предается трудам подвижническим, постоянство же в сих трудах прогоняет леность.

53. Душа крепнет от подвижнических трудов и, делая все в меру, отгоняет леность.

54. Властвующий над чревом иссушает похоть, и блудным помыслам не раболепствует ум его.

55. Ум воздержного храм есть Святого Духа, а ум чревоугодника — жилище вранов (см. Ис. 34, 11).

56. Пресыщение рождает похотение разных яств, а голодание сладким делает и один хлеб.

57. Избавляется от зависти скрытно сорадующийся тому, кому завидуют; и избавляет от зависти укрывающий то, чему завидовать можно.

58. Удаляйся от живущего нерадиво, хотя имя его велико у многих.

59. Возымей другом мужа трудолюбивого, и найдешь в нем покров своих погрешений.

60. Нерадивый продал себя многим господам; и как они ведут его, так он и живет.

61. Нерадение, как друг, благоволит к тебе во время мира; а во время искушения, как враг, восстает на тебя.

62. Душу свою полагает оно за тебя прежде восстания страстей, а когда восстанут, твою душу берет себе.

63. Земля заброшенная зарастает терниями, а душа нерадивая наполняется страстями нечистыми.

64. Ум разумный обуздывает душу свою, изможлает тело и порабощает себе страсти.

65. Видимые движения суть указания невидимых внутренних как приносимые плоды указывают, какое древо приносит их.

66. Слова и дела обличают лицемера, как они же обнаруживают и скрытного лжепророка.

67. Ум обезумевший не обучает души своей и удаляет ее от любви и воздержания.

68. Причиною непотребных помыслов бывает худой нрав, поддерживаемый тщеславием, гордостью и надмением.

69. Обладаемому указанными страстями свойственны лицемерие и лукавство, равно как злохитрость, насмешливость и непотребнейшая ложь.

70. Такие лица раболепствуют также зависти и рвению, гневу и ярости, печали и злопамятству.

71. Таков путь живущих в нерадении и таковы сокровища, сокрытые во мне.

72. Злострадание (строгие подвиги телесные) и смирение спасают душу и от указанных выше страстей избавляют ее.

73. Разумного ума признак — слово полезное, доброй же души признак — дело доброе.

74. Ум просвещенный износит мудрые слова, а душа чистая возделывает Божественные помыслы.

75. Помыслы ревностного поучаются премудрости, и слова его просвещают слышащих.

76. Когда в душу заложены добрые расположения, тогда она возделывает благие помыслы, а когда в ней заложены худые склонности, тогда она порождает помыслы непотребные.

77. Страстная душа есть детелище худых помышлений и из сокровищницы своей износит она худое (см. Мф. 12, 35).

78. Благое сокровище — добродетельный навык, и ум благий износит из него благое.

79. Ум, Божественною любовью движимый, возделывает благие о Боге мысли, движимый же самолюбием порождает противное тому.

80. Ум, движимый любовью к ближнему (см. Рим. 13, 10), непрестанно доброе о нем помышляет; движимый же противным тому предполагает в нем худое.

81. Благих помышлений причина — добродетели, добродетелей — заповеди, а их исполнения — произволение благое.

82. Добродетели и пороки, бывая в душе и отбывая из нее, добре или зле настраивают душу, подвигая ее на помышления, враждебные одни другим.

83. Злых помышлений причина — страсти, страстей — преслушание заповедей, преслушания — прельщение чувствами, прельщения — небрежение ума о хранении чувств.

84. В преуспевающих добрые расположения могут еще удобно прелагаться на противоположное, а в совершенных расположения сии бывают неудобопреложны.

85. Сила души — навык в добродетели неудобопреложный, которого достигший говорил: *кто ны разлучит от любве Божия?* (Рим. 8, 35).

86. Предшествует всем страстям самолюбие; после же всех их следует гордость.

87. Три главнейшие страсти греховные порождение свое имеют из страсти самолюбия.

88. Эти три суть — чревоугодие, тщеславие и сребролюбие, из которых исходят все другие страсти.

89. За чревоугодием следует блуд, за тщеславием — гордость, прочие же — за всеми тремя.

90. За всеми тремя последуют — печаль, гнев, злопамятство, зависть, леность и прочие...

Молитва

91. Владыко всех Христе! От всего сего избави нас: как от пагубных страстей, так и от порождаемых ими помыслов.

92. Тебя ради созданы мы, да в Тебе блаженствуем, быв помещены в раю, Тобою насажденном.

93. Нынешнее же бесчестие сами мы навлекли на себя, блаженному услаждению предпочетши пагубное.

94. За что сами в себе восприяли мы воздаяние, вместо жизни вечной наследовав смерть.

95. Ныне убо, Владыко, как всегда призирал Ты на нас, и до конца призрителем нашим буди, как воплотитися ради нас благоволил, так и спаси всех нас.

96. Ибо спасти нас, погибших, пришел Ты; не отлучай же нас от части спасаемых.

97. Воскреси души и спаси телеса, очищая нас от всякой скверны.

98. Сокруши узы обдержащих нас страстей, как сокрушил полчища нечистых бесов.

99. И избави нас от тиранства их, да послужим Тебе Единому, Свету вечному.

100. Когда, по воскресении из мертвых, с Ангелами составим единый блаженный и вечно неразрывный хор.

СОТНЯ ЧЕТВЕРТАЯ,
коей акростих такой:

Но молись прилежно Богу нашему, да избавимся от зол и настоящих и не настоящих, а только почитаемых такими.

1. Кто ум свой отрешил от любления и ласкания плоти, тот Животворящим Духом умертвил деяния плотские (см. Рим. 8, 13).

2. Не думай отрешиться от склонности к плотскому, если ум твой еще занимается тем, что свойственно плоти.

3. Как плоти свойственно чувство и чувственное, так душе свойствен ум и мысленное!

4. Отвлеки душу от чувств и чувственного, и ум твой пребывать станет в Боге и заниматься предметами духовными.

5. Родственны Божеству умные естества, одним умом познаваемые; чувства же и вещи чувственные созданы на служение уму.

6. Да служат тебе чувства и вещи чувственные к духовному созерцанию, а не к удовлетворению похоти плоти.

7. Повелено тебе *умертвить деяния плотская* (Рим. 8, 13), чтоб трудными подвигами воскресить душу, умерщвленную сластьми плотскими.

8. Буди господствуем от Бога, и господствуй над чувствами, и, будучи лучшим, не давай власти над собою тому, что хуже тебя.

9. Бог вечен, беспределен и неограничен, и блага вечные, беспредельные и неизреченные обетовал слушающимся Его.

10. Уму свойственно пребывать в Боге, и о Нем умствовать, равно как о Его промышлении и о страшных судах Его.

11. Имеешь власть склониться на то или другое, но будь на стороне лучшего, и подчинишь себе худшее.

12. Хороши чувства и хорошо чувственное, как творения благого Бога, никак, однако ж, не могут идти в сравнение с умом и умовым.

13. Разумное и мысленное естество создал Бог способным к познанию всего и Его самого, а чувства и чувственное произвел на полезное сему употребление.

14. Как неуместно неключимому рабу подчинять себе благого господина, так неуместно ум разумный подчинять телу тленному.

15. Ум, не властвующий над чувствами, через них падает в грехи; ибо, прельщен бывая чувственными сластьми, он обычно порождает непотребство.

16. Держа во власти своей чувства, крепко запирай и память; ибо прежде через чувства полученные впечатления, потом через воспоминание о них, снова приводят в движение страсти.

17. Преутруждай тело и чаще молись, и скоро избавишься от предвзятых помыслов.

18. Поучайся непрестанно в словесах Божественных; ибо трудолюбное в сем упражнение истребляет страсти.

19. Избавляют ум от блуждания по вещам страстным чтение, бдение, молитва и псалмопение.

20. Как весна возбуждает растения к оживлению, так и бесстрастие подвигает ум к познанию Сущего.

21. Соблюди заповеди, и найдешь покой; возлюби Бога, и улучишь ведение.

22. В приболезненном труде и поте лица осужден ты снедать хлеб ведения.

23. Нерадение довело праотца до падения и вместо утешений райских осудило на смерть.

24. Повелевай и ты своей Еве блюстись змия; чтоб прельщена быв от него, не подала она тебе плода запрещенного.

25. Как по естеству душа животворит тело, так душу — добродетель и ведение.

26. Мнящийся быти мудрым ум есть облако безводное, носимое ветрами тщеславия и гордости.

27. Воздерживаясь от тщеславия, берегись и от блуда, чтоб, избегая почестей, не впасть в бесчестие.

28. Избегая тщеславия, к Богу воззревай, чтоб иначе не впасть в самомнение или блуд.

29. Тщеславию свойственно действовать напоказ; а гордости — уничижать других и гневаться.

30. Избегая чревоугодия, блюдись от человекоугодия, желтизну лица своего притворно показать ухитряющегося.

31. Прекрасно пощение, радующееся малоястию и довольствующееся скудоястием, избегая притом и человекоугодия.

32. Постясь до вечера, не наедайся досыта, чтоб не оказаться созидающим опять то, что только что разорил.

33. Воздерживаясь от вина, не пей много и воды; ибо иначе все же ты доставишь материал для блуда.

34. Гордость заставляет отступаться от Божественной помощи, на себя надеяться и воздыматься над людьми.

35. Два предлежат врачебных средства против гордости, которыми если кто не воспользуется, встретит и нехотя третье, очень жестокое.

36. Гордость прогоняют молитва со слезами, никого не уничижение и невольные скорби.

37. Вразумление через искушения есть жезл духовный, научающий смиренномудрию того, кто надымается в неразумении своем.

38. Умное дело не подчиняться помыслу того, кто тайно наговаривает на ближнего.

39. Как огородник, не выпалывающий сорных трав, заглушает через них овощи, так ум, не очищающий помыслов, губит подвижнические труды.

40. Разумен муж, который слушается совета, особенно когда совет предлагается по Богу духовным отцом.

41. Умерщвленный страстьми совета и понять не может, и подчиниться духовному наставлению совсем не способен.

42. Не приемлющий совета не правыми путями шествует, но всегда носится по стремнинам и пропастям.

43. Монах — ум, отрешившийся от чувственного и помысла сластолюбного даже и видеть не попускающий.

44. Врач — ум, себя уврачевавший, и тем, чем сам уврачевался, других врачующий.

45. Взыщи добродетели, и затем ревнуй не потерять их, чтоб не жить срамно и не умереть немилосердо.

46. Господь наш Иисус Христос всем даровал Свет, но не верующие Ему сами себя держат во тьме.

47. Не почитай малым лишение добродетели; через это смерть вошла в мир.

48. Послушное исполнение заповедей есть воскресение мертвых; ибо жизнь есть естественное следствие добродетели.

49. За умерщвлением ума через преступление заповеди необходимо следует и смерть тела.

50. Как Адам, преступив заповедь, подпал смерти, так Спаситель, послушлив быв, умертвил смерть.

51. Умертви грех, чтобы не воскреснуть мертвым, и от смерти малой не перейти в великую.

52. По причине преступления Адамова Спаситель воплотился, чтобы, разрешив клятву, всех воскресить.

53. Из жизни сей в живот вечный переходит тот, кто умертвил страсти и освободился от неведения.

54. Исследовав Писания, найдешь заповеди, а исполнив сказанное, освободишься от страстей.

55. Исполнение заповедей очищает душу, очищение же души делает ее причастною света.

56. Древо жизни есть познание Бога, Которого причастным сделавшись, чистый пребывает бессмертным.

57. Начало жизни деятельной есть вера во Христа, конец же ее — любовь к Богу.

58. Иисус Христос есть Господь и Бог наш, даровавший нам веру в Него для получения жизни вечной.

59. Он явился нам, соединив Божество с душою и телом, чтобы, как Богу, избавить от смерти и душу и тело.

60. Стяжем веру, чтоб прийти в любовь, из коей рождается свет ведения.

61. За стяжанием веры вот что последует: страх Божий, воздержание от сластей, терпение трудов, надежда на Бога, бесстрастие, любовь.

62. Из искренней любви рождается ведение естества; после же него наступит исполнение верха желаний, то есть благодать богословия.

63. Ум, обуздывающий страсти, всеконечно обуздывает их силою страха Божия, веруя в Бога и в то, чем Он угрожал и что обетовал.

64. Кому дарована вера, от того требуется воздержание, которое, утвердившись, рождает терпение, поддерживающее трудолюбивый навык.

65. Признак терпения есть любовь к трудам, на которых опираясь, ум восприемлет упование, что улучит, что обетовано, и избегнет, чем угрожается.

66. Чаяние будущих благ соединяет ум с чаемым; пребывая же в сем сочетании, он забывает о благах настоящих.

67. Бросает настоящее, вкусивши чаемого; ибо тогда он все свое желание предает сему последнему.

68. Будущие блага обетовал сам Бог, Которому поверивший вожделевает будущего, как настоящего.

69. Знак того, что ум живет в чаемых благах, есть то, если он старается утвердить в себе совершенное забвение здешних вещей и расширяется в познании благ будущих.

70. Добра истина, коей научает Бог истины, отвсюду удостоверяя в ней боголюбивую душу.

71. Превечны суть и прежде всех веков, и паче ума и слова, блага, уготованные наследникам обетования.

72. Соделаем себя сообразными с правилами благочестия, чтоб, уклонившись в страсти, не отпасть от упования.

73. Иисус Христос Един есть от Святой Троицы, и Его-то сонаследником имеешь быть ты.

74. Наученный от Бога ведению сущего не станет затрудняться в веровании Писанию о том, что в нем предсказано.

75. Дух Святой, находя ум, обнаженным от страстей, сообразно с тем тайно вводит его в познание уповаемого.

76. Сообразно с очищением ума душа руководится и к познанию словес Божественных.

77. Установивший тело свое в должном чине и в Божественном ведении упражняющийся, самым сим ведением все более и более очищается.

78. Ум, начинающий любомудрствовать о Божественных вещах, от веры начинает, и потом среди сих вещей вращаясь и шествуя, опять в веру же достигает, но высшую.

79. Созерцается, что за началом сего любомудрия последует страх, а концу его предшествует любовь.

80. Ум, начиная любомудрствовать от веры внимающей (или понимающей, во что верит) достигает в богословие, простирающееся за пределы всякого ума, которое определяют верою незабываемою (всегда присущею сознанию, неподвижно в нем пребывающею) и созерцанием сокровенного.

81. Словеса о Боге святыми и блаженными отцами нашими созерцаются не такими, чтоб они были по Нему (соответствовали сущности и величию Его), но такими, кои суть о Нем (о Нем открывают нам, сколько то вместимо для ума нашего).

82. Разумеются же о Нем, то есть о Боге, все слова или положительно, или отрицательно.

83. Так, существо, Божество, благодать и другое подобное, говорятся положительно, а — безначальное, беспредельное, невидимое, и подобное — отрицательно.

84. Поелику едино есть естество, превыше сущее всякого ума и слова, и едино сокровенное Божество Святой Троицы; то все, о Ней изрекаемое и созерцаемое, говорится и созерцается обще.

85. Как едино Божество Святой Троицы веруется, так и три лица единого Божества исповедуются.

86. Означенные выше положительные и отрицательные свойства обще прилагаются ко всей Святой и единосущной

Троице, кроме личных свойств, из коих также иные положительны, а иные отрицательны.

87. Личные свойства Божественных ипостасей суть — отчество, сыновство, исхождение и другие, собственно к лицам прилагаемые.

88. Ипостась определяют естество с личными свойствами; так что каждая ипостась имеет и то, что едино обще естеству, и то, что собственно ипостаси.

89. Из общих ко всей Святой Троице прилагаемых свойств отрицательные почитаются главнейшими; но не так сие относительно свойств личных. Ибо и из них, как уже сказано, иные суть положительные, а иные отрицательные, как например, нерожденность и рожденность, и подобные. Нерожденность от рожденности отличается по своему значению: ибо нерожденность означает Отца, а рожденность Сына.

90. Речения и наименования употребляются для уяснения того, что созерцается окрест естества Святой Троицы, как сказано (см. гл. 81), но не в сущности естества: ибо к ней относящееся недоведомо для ума и неизреченно для слова, а ведомо единой Троице.

91. Как единое естество Божества именуется Триипостасным, так Святая Троица исповедуется единосущною.

92. Отец созерцается и безначальным, и началом: безначальным, яко нерожденный, а началом, яко родитель Сына и изводитель Духа Святого, Кои вечно из Него и в Нем суть.

93. Единица, до Троицы движась, пребывает единицею; и Троица, до единицы сводясь, пребывает Троицею. Сие и дивно есть!

94. Сын и Дух Святой исповедуются не безначальными, однако ж вечными: не безначальными, яко к началу и источнику относимые к Отцу; а вечными, яко от вечности один рожденно, а другой исходно, сущие с Отцем.

95. Нераздельным едино Божество Троицы всегда верно созерцается и неслиянными три ипостаси единого Божества всегда верно исповедуются.

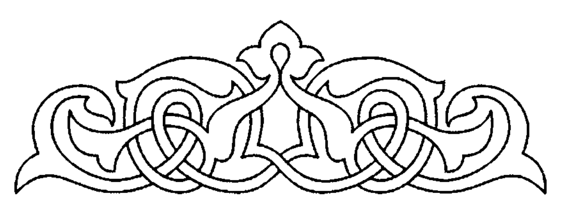
96. Личные свойства суть: Отца — нерожденность, Сына — рожденность, Духа Святого — исходность. Начало Сына и Духа Святого исповедуется безвременным. Ибо, как из солнца ж в солнце свет, так и Они из Вечного и в Вечном вечное имеют существование.

97. Личные свойства ипостасей неподвижными и неизменными всегда созерцаются, а общее естество или Божество — нераздельным.

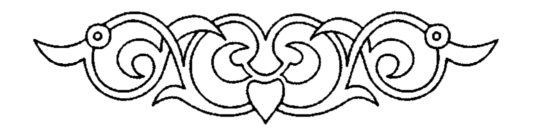
98. Единицу в Троице и Троицу в единице исповедуем, как нераздельно разделяемую и раздельно соединяемую.

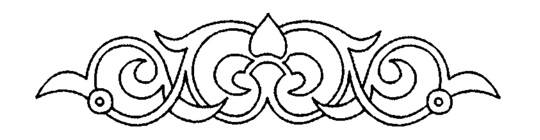
99. Едино начало в Божестве созерцается — Отец — начало Сына и Духа, яко родитель и источник Их вечный совечных, беспредельный собеспредельных; и три сии единосущны суть и нераздельны. Тварей же всех Творец — Промыслитель и Судия есть Триипостасный Бог — Отец через Сына во Святом Духе. Ибо говорится, что *из Того, и Тем, и в Нем всяческая: Тому слава во веки. Аминь* (Рим. 11, 36).

100. Совечными Отцу исповедуем Сына и Духа Святого и собезначальными, яко вечное и безначальное имеющие из Него и в Нем свое существование и начало. Они вечно со Отцем и в Отце, и Отец вечно с Ними. Не было момента, когда бы Отец был без Них и Они без Него. Таков образ бытия Единого естеством и Триипостасного в лицах Бога, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.



СВЯТИТЕЛЬ ФЕОДОР, ЕПИСКОП ЕДЕССКИЙ





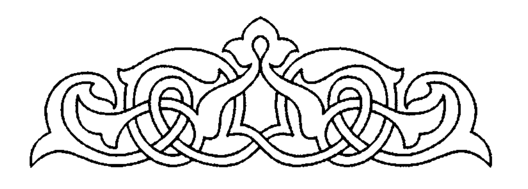
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СВЯТИТЕЛЕ ФЕОДОРЕ, ЕПИСКОПЕ ЕДЕССКОМ

Сын молитв и видения родителей, жителей Едессы, Феодор, когда стал учиться, не показывал способности к учению, но молился Богу об открытии смысла. Раз скрылся он под святою трапезою во время литургии, и некий юноша, напитав его сотом, внушил ему сладость уединения. Священнодействовавший епископ, узнав о том, посвятил Феодора в чтеца, и он остался в обители, где легко и свободно изучал тогдашний круг наук у общего наставника Софрония. На 18-м году, лишась родителей, раздал он имение, отделив только часть сестре, и на 20-м году удалился в обитель святого Саввы, что близ Иерусалима, где 12 лет пробыл в общежитии и 24 года в затворе. Из сего затвора изведен он был, по определению патриархов Антиохийского и Иерусалимского, и рукоположен в епископа Едесского, куда и отправился. Прибыв в Едессу, он все силы свои обратил на благоустроение церкви и верующих, но труды его встречали большие препятствия со стороны магометан, владетелей города и еретиков, наполнявших его. Видя неуспешность своих усилий и даже опасность для своей жизни, святой Феодор отправился в Багдад к калифу Мавии просить милостей. Исцелив калифа от болезни, он расположил его дать повеления правителям Киликии, Сирии и Месопотамии возвратить церкви едесской достояние Ее и не препятствовать обращаться в православие. Возвратясь в Едессу, он радостно принят был православною паствою, которая множилась потом обращением еретиков, и благотворно была правима ревностным сим свыше руководимым пастырем. Предвидя приближение смерти и желая почить в прежней своей уединенной келлии, отправился святой Феодор в Палестину, где на месте пустынных подвигов своих вскоре и скончался в девятый день июля, когда и память ему положена. В Царьграде тогда царствовал Михаил с матерью Феодорою, век IX.

Предлагаемые здесь сто душеспасительных глав составлены им по просьбе старцев обители, когда он был еще в затворе. О них составители греческого Добротолюбия пишут: «Оставил ли святой Феодор другие какие писания,

с достоверностью сказать не можем. Настоящие же сто глав, им трудолюбно составленные, помещаем в ряду других отеческих писаний о трезвении, потому что они добре изображают дело священного трезвения, и потому богатую могут принесть духовную пользу тем, кои с достодолжным вниманием будут читать его».

Память его 9 июля.



ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОРА,

великого подвижника и епископа Едесского, сто душеполезнейших глав

1. Поелику Бога благого благодатью отрекшись от сатаны и дел его, сочетались мы Христу, как вначале в бане пакибытия, так теперь снова в иноческих обетах, то будем соблюдать Его заповеди. Сего требует от нас не сугубый только обет наш, но и естественный долг; потому что будучи исперва созданы Богом *добрыми зело,* мы и должны быть таковыми. Хотя грех, привзошеший от нашего невнимания, произвел в нас и то, что не ествственно нам; но, по множеству милости великого Бога нашего, мы опять воззваны, обновлены страстью Бесстрастного и искуплены ценою крови Христа Господа, избавясь таким образом от древнего праотческого преступления. Судя посему, если мы соделаемся праведными, то в этом не будет ничего великого; но тем паче будет достойно жалости и осуждения, если отпадем от правды.

2. Как доброе дело, без правой веры бывающее, мертво есть всецело и бездейственно; так и вера одна, без дел праведных, не избавляет нас от огня вечного. Ибо *любяй Мя,* говорит Господь, *заповеди Моя соблюдет* (Ин. 14, 23). Итак, если любим Господа и веруем в Него, засвидетельствуем о том исполнением заповедей Его, чтоб улучить жизнь вечную. Если же в презрении у нас соблюдение повелений Его, коим покорствует вся тварь, то как назовем себя верными мы, почтенные паче всякой твари, и одни из всех их непокорные повелениям Сотворшего и неблагодарными оказывающиеся благодетелю?

3. Заповеди Христовы соблюдая, мы ничего тем не доставляем Ему, ни в чем не нуждающемуся и всех благ подателю,

но самим себе благодетельствуем, заслуживая себе жизнь вечную и наслаждение неизреченных благ.

4. Всяк, противящийся нам в исполнении заповедей Божиих, будь то отец или мать, или кто бы то ни был, мерзок нам и ненавистен, чтоб не услышать нам: *иже любит отца или матерь паче Мене,* или другого кого из людей, *несть Мене достоин* (Мф. 10, 37).

5. Свяжем же себя всеусильно исполнением заповедей Господа, чтоб не быть связанными неразрешимыми узами злых похотей и душетлительных сластей, в каком случае изречется и о нас присуждение о бесплодной смоковнице, гласящее: *посецы ю, вскую и землю упражняет* (Лк. 13, 7), ибо *всяк,* говорит, *нетворящий плода добра, посекается и во огнь вметается* (Лк. 3, 9).

6. Побуждаемый похотями и сластями, и в мире обращающийся, скоро впадет в сети греха; грех же, содеянный однажды, есть что огонь в тростнике, что камень, катящийся с горы, что водотечь, расширяющаяся от прибавления притоков. Так это бывает, и всяко грех губит того, кто творит его.

7. Душа через грех выступает из своего естественного чина, и, дичая от сего и исполняясь терниями сластей греховных, делается жилищем страшных зверей, по сказанному: *ту почиют онокентаври... тамо возгнездится еж... и срящутся беси со онокентавры* (Ис. 34, 14-15), кои суть различные страсти греховные. Когда же она воззовет себя в естественный свой чин (ибо может, если захочет, пока связана с плотью), укротить себя старательными над собою трудами и станет жить но закону Божию, тогда вгнездившиеся прежде в ней звери убегут, а хранители жизни нашей Ангелы прибудут, днем веселия и радования соделывая день ее обращения; тогда и благодать Святого Духа найдет на нее, научая ее ведению, как не только сохранить себя в добре, но и преуспеть еще более в нем.

8. Молитву отцы называют оплотом духовным, без которого нельзя выходить нам на брань, чтоб не быть уязвленными копьями вражескими и отведенными в страну их. Но молитву действенную, чистую стяжать нельзя никому, если не приседит

он Богу в правоте сердца: ибо Бог есть даяй молитву молящему, и научаяй человека разуму.

9. То, что душу беспокоят страсти и приступают к ней с бранью, не в нашей власти; но что замедляют в нас страстные помыслы и приводят в движение страсти, это в нашей власти. Первое безгрешно, как не в нашей власти состоящее, а второе, если, мужественно воспротивясь, победим, доставляет венцы, а если, послабив, побеждены будем, подвергает мучениям.

10. Есть три главнейших страсти: сластолюбие, сребролюбие и славолюбие. За ними следуют другие пять духов злобы, а от этих наконец порождается многое множество страстей и все виды разнообразных склонностей греховных. Почему, победивши трех первых начальников страстей и вождей, вместе с тем низлагает и следующих за ним пять страстей, а потом покоряет и все страсти.

11. Что по страсти сделано нами, о том и воспоминания страстьми возмущают душу. Но когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца до того, что и не приближаются к нему, тогда это служит признаком отпущения прежних грехов, ибо пока душа страстно к чему-либо греховному относится, дотоле надо признавать присущим в ней владычество греха.

12. Страсти телесные и веществолюбивые обыкновенно умаляются и увядают от телесных злостраданий (произвольных лишений и подвигов телесных), а душевные и невидимые уничтожаются смиренномудрием, кротостью и любовью.

13. Похоть страстную увядает воздержание со смиренномудрием; гнев пламенеющий укрощает любовь; помысл влающийся сосредоточивает прилежная молитва с памятью Божиею. Так очищаются все три части души. Их-то желая исправить, Божественный апостол говорил: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

14. Некоторые недоумевают, как сказать, — помысл ли приводит в движение страсти или страсти помысл; так как одни говорят то, а другие — это. Я же говорю, что помыслы приходят

в движение от страстей: ибо если б не было в душе страстей, то страстные помыслы не беспокоили бы ее.

15. Обычай есть у всегда воюющих против нас бесов посильным для нас и удобоисполнимым добродетелям полагать преграды, а как непосильным и безвременным (за которые не время еще нам браться) сильное влагать стремление, именно: преуспевающих в общежительном послушании они заставляют делать дела безмолвников, а безмолвникам и отшельникам внушают держаться правила общежительного. Таким же образом они поступают и в отношении к каждой добродетели. Но мы да *не не разумеваем бо умышлений* их (2 Кор. 2, 11), ведая, что все, в свое время и в своей мере делаемое, хорошо, все же безмерное и безвременное вредно.

16. Тех, кои вращаются в мире и встречаются с предметами страстей, бесы борют, увлекая их на дела страстные, а тех, которые в пустынях живут, где нет таких предметов, возмущают помыслами страстными. В этом втором виде брани гораздо труднее одержать победу, чем в первом. Там для дела требуются время, место и прочее удобство; ум же в помыслах своих удободвижен и неудержим. В противоборство сей невидимой брани дана нам чистая молитва, в коей и заповедали нам пребывать непрестанно. Она делает ум сильным в брани и всегда готовым к ней, так как может быть совершаема и без участия тела.

17. Указывая на совершенное умерщвление страстей, апостол говорит: *а иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо когда умертвим страсти, уничтожим похоти и мудрование плоти подчиним духу; тогда только берем на себя крест, и последуем Христу; и удаление от мира есть ничто иное, как это умерщвление страстей и проявление сокровенной во Христе жизни.

18. Бедствующие от восстаний сего смертного тела и каждочасною почти войною его утомляемые, пусть не плоть за это осуждают, а самих себя; ибо если б они не давали ей силы, попечения о ней простирая до похоти, то не бедствовали бы столько от нее. Или не видят они распенъших плоть свою

со страстьми и похотьми и мертвость Иисусову в мертвенной плоти своей носящих, как они имеют ее содейственницею паче в добром — не противоборствующею, но покорною и ведомою законом Божиим? Пусть и они также соделают, и тогда такого же вкусят покоя.

19. Всякое сосложение помысла с какою-либо запрещенною похотью или склонение на сласть похотную грешно для инока. Ибо сначала помысл начинает омрачать ум вожделетельною частью, потом душа склоняется на сласть греховную, не выдерживая брани, а наконец происходит сосложение, которое, как сказано, есть грех. Если продлится это, то отсюда порождается страстное влечение, которое мало-помалу приводит и к самому делу греховному. По сей-то причине пророк и ублажает тех, кои избивают о камень младенцев вавилонских (см. Пс. 136, 9). Значение сего ясно для мудрых и разумных.

20. Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспеянии в добродетели; почему стараются наполнять нас духовными созерцаниями и содействуют нам во всяком добре. Напротив, бесы, слуги гнева и злобы, радуются, когда умаляется добродетель, и весь труд свой обращают на то, чтоб увлекать души наши в срамные мечтания.

21. Вера есть благонастроительное благо; она рождает в нас страх Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей или устроению доброй деятельной жизни; из деятельной жизни произрастает честное бесстрастие; а отрождение бесстрастия — любовь, которая есть исполнение всех заповедей, их в себе связующая и держащая.

22. Как чувство тела, когда здорово, чувствует, какой схватывает его недуг; не распознающий же сего болит нечувствием: так и ум, поскольку хранит целую свойственную ему деятельность, постольку сознает силы свои, и видит, откуда находят на него страсти, более тиранские, и на ту часть направляет более настоятельное противоборство. Но положение его бедственно, если он в нечувствии иждивает дни свои, подобясь бьющемуся со врагом ночью, так как не видит вражеских помыслов.

23. Когда мысленная наша сила неослабно прилежит созерцанию добродетелей, и когда к нему же одному и к подателю его Христу Господу, устремляется сила вожделетельная, а раздражительная вооружается против бесов, тогда силы наши действуют по естеству своему.

24. По святому Григорию Богослову, разумная душа тричастна. И он добродетель мысленной силы назвал благоразумием, ведением и мудростью; добродетель силы раздражительной — мужеством и терпением, а добродетель силы вожделетельной — любовью, целомудрием и воздержанием; правда же во всех их имеет свою часть, научая действовать благообразно. Благоразумием воюет она с ангелами вражескими, защищая добродетели; целомудрием бесстрастно смотрит на вещи; любовью всех людей, как себя, любить заставляет; воздержанием отсекает всякую сласть; мужеством и терпением вооружается против невидимых браней. Такова благозвучная гармония органа душевного.

25. Тщащийся о целомудрии и вожделевающий блаженной чистоты, которую, не погрешил бы кто, назвав бесстрастием, да бьет нещадно и порабощает плоть, со смиренномудрым помыслом Божественную призывая благодать, — и получить желаемое. Откармливающий же тело без воздержания в ястии и питии измучен будет духом блуда. Ибо как вода в большом количестве угашает пламень, так алчба и жажда, или вообще всякое воздержание со смирением душевным уничтожают разжжение плоти и срамные мечтания.

26. Да отступит совсем от души твоей страсть злопамятства; и отнюдь не давай места в себе вражде. Ибо что огонь скрытый в соломе, то злопамятство, гнездящееся в сердце. Но паче молись тепле об оскорбившем тебя и поблагодетельствуй ему, сколько и чем можешь, чтоб избавить душу свою от смерти и не быть бездерзновенну во время молитвы своей.

27. В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых — страсти бесчестия: ибо ничто так не усиливает их против нас, как высокомудрые помыслы; и напротив, ничто

так действенно не исторгает с корнем из души эти былия злые, как блаженное смирение, которое справедливо потому названо страстеубийцею.

28. Да очищается паче и паче душа твоя от злых воспоминаний, и да просвещается добрейшими помышлениями, держа всегда в уме сказанное, — что во время исхода сластолюбивое сердце — темница и узы, а трудолюбивое — дверь отверстая. Ибо воистину чистым душам по исходе их из тела сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и неочистившиеся покаянием, перехватывают, — увы мне! — бесы.

29. Прекрасна глава, украшенная драгоценной диадемой, блестящей камнями индийскими и маргаритами, но несравненно краше ее душа, богатая ведением Бога, светящаяся светозарными созерцаниями и имеющая обитающим в себе Всесвятого Духа. И кто может достойно изобразить в слове такую блаженную душу!

30. Гневу и ярости не позволяй водворяться в душе твоей: ибо *муж ярый неблагообразен* (Притч. 11, 25); в сердце же кротких почиет премудрость (ср. Притч. 14, 33). Если страсть гнева возгосподствует над душою твоею, то лучшими тебя найдены будут живущие в мире, и ты покроешься стыдом, оказавшись негодным монахом.

31. Во всяком искушении и во всякой брани молитву имей непобедимым оружием, и победишь благодатию Христовой. Но да будет она чиста, как заповедует нам премудрый учитель наш, говоря: *хощу убо, да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). Кто нерадит о такой молитве, тот предан будет искушениям и страстям.

32. Написано, что *вино веселит сердце человека* (Пс. 103, 15). Но ты, давший обет плакать и рыдать, отклони от себя такое веселье, и будешь обрадован дарами духовными. Увеселяясь же вином, будешь проводить жизнь в сожительстве со срамными помыслами и много переиспытаешь печалей.

33. Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество.

34. Бодрствовать в псалмопениях, молитвах и чтениях повелено нам и всегда, но тем паче в праздники. Бодрствующий монах утончает ум свой для душеполезных созерцаний, а многоспание одебелевает ум. Но смотри, не вдавайся во время бдения в пустые воспоминания и в помыслы греховные: ибо лучше спать, чем бодрствовать ради таких суетностей и осквернений себя не подобающими занятиями.

35. Питающий змею в лоне своем и лукавый помысл в сердце оба умерщвлены будут: тот в теле поражен будучи ядовитым жалом, а этот, в душу вложив смертоносный яд (помысла). Но как поспешно побиваем мы порождения ехидны, так и помыслам злым не дадим порождаться в сердце, чтоб потом не страдать от них горько.

36. Душа чистая — сосуд избранный, справедливо может быть названа еще и *вертоградом заключенным, источником запечатленным* (Песн. 4, 12) и *престолом чувствия* (Притч. 12, 23). Но душа, оскверненная нечистыми страстями, преисполнена смрадом зловония греховного.

37. Слышал я от опытных и деятельных старцев, что помыслы греховные в душе рождаются от щеголеватости в одеждах, пресыщения чрева и вредных бесед.

38. Похотение имений да неводворяется в душах подвижников. Многостяжательный монах — корабль с течью, взбрасываемый волнами многозаботливости и погружаемый в глубину печали. Болезнь любоимания многих страстей бывает родительницею и справедливо названа *корнем всех зол* (1 Тим. 6, 10).

39. Нестяжательность и молчание — сокровище, сокрытое на поле монашеского жительства. Поди же, продай все, что есть у тебя и раздай бедным, и этим купишь поле то, которое покопав и обретши сокровище, блюди его в себе тщательно от похищения, чтоб обогатиться богатством некрадомым.

40. Начав жить вместе с духовным отцом и восчувствовав пользу от него, не допускай, чтоб кто-либо отдалил тебя от любви к нему и от сожительства с ним; не осуждай его ни в чем; не говори о нем худо, хотя будешь им обличаем и даже бием; уха своего не открывай, когда кто другой станет злословить его; и отнюдь не сдружайся с тем, кто поносит его, чтоб не прогневался на тебя Господь и не изгладил тебя из книги живых.

41. Подвиг послушания утверждается на отречении от себя и от всего, как мы изведали. Проходящий его да оградит себя тремя оплотами: верою, надеждою и любовью всечестною и Божественною, чтобы, ими будучи огражден, успешно мог подвигом добрым подвизаться и получить венец правды.

42. Не будь судьею дел отца твоего, но исполнителем заповедей его. Демоны, как обычно им, начнут указывать тебе на недостатки его, чтоб оглушить уши твои для уроков его, и тебя через то или сделать немощным и страшливым воином на брани, или одними помыслами неверия расслабить тебя и разложить ко всякому виду добродетели.

43. Неслушающий отеческих заповедей оказывается преступником наилучших пунктов обета своего. Кто же внедрил в себя послушание и волю свою отсек мечем послушания, тот исполнил подобающее ему, что при многих свидетелях обещал он Христу Господу.

44. Наблюдая над иноками, видели мы ясно и затвердили, что на подвизающихся в послушании отцам сильно злобствуют враги нашей жизни, бесы, скрежеща на них зубами своими и всякие против них злоумышляя козни. И чего они не делают, чего не внушают, чтоб отторгнуть их от отеческих недр? Выставляют предлоги к непослушанию, будто благословные, устрояют неудовольствия, возбуждают неприязнь к отцу, его наставления представляют обличениями, а обличения, как стрелы изощренные, вонзают в сердце. И для чего ты, говорят они, будучи свободным, сделался рабом, и рабом бессердечного деспота? Доколе будешь ты тереть лямку рабства, не видя света свободы? После сего внушают: лучше бы тебе заняться странно-

приимством, ходить за больными, пещись о бедных. Потом расхваливают подвиг совершенного уединения и безмолвия; и всякого рода злые плевелы насевают в сердце подвижника благочестия, только бы извергнуть его из духовной ограды отеческой и, извлекши из благоотишной пристани, отбросить в неистовствующее душетленною бурею море. Если наконец успеют в этом, то забрав его в свою власть, как пленника заставляют его действовать по их злым хотениям.

45. Не выпускай же из памяти этой злокозненности врагов и противоборцев твоих, находясь в послушании отца своего духовного и не забывай обетов звания твоего пред Богом: ни руганиями не будь побеждаем, ни обличений и поношений, или насмешек не бойся, ни прилогами греховных помыслов не увлекайся, ни отческой строгости не бегай, ни дерзким самоугодием и самоволием не бесчести благого ига смирения; но в сердце вложив Господнее слово, что *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). С *терпением да теки на предлежащий* тебе *подвиг, взирающе на Начальника веры и совершителя Иисуса* (Евр. 12, 1-2).

46. Золотарь, влагая в горнило золото, делает его чистейшим, и новоначальный монах, предающий себя подвигам подчинения воле отцов и всеми прискорбностями жизни по Богу жегомый, с трудом же и терпением великим изучающий послушание, выплавив из себя все недобрые нравы, преисполняется смирением, весь светлым соделывается и достойным небесных сокровищ, бесскорбной жизни и блаженного пребывания, откуда отбежали печаль и воздыхание и где насаждены непрестанная радость и веселие.

47. Вера правая и глубоко внедренная рождает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповедей: ибо, говорит, где страх, там соблюдение заповедей; в соблюдении же заповедей состоит деятельная добродетель, которая есть начало созерцания; плод же всего сего — бесстрастие; через бесстрастие же водворяется в нас любовь, а о любви говорит возлюб-

ленный ученик: *Бог любы есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16).

48. Как прекрасна воистину и добра жизнь монашеская! Как прекрасна она воистину и добра, когда течет в пределах и по законам, какие положили для нее началовожди и предводители ее, Духом Святым наученные. Ибо воину Христову надлежит быть безвещну (ничего не имущу), неозабочиваему никакими замыслами и делами мирскими, как говорит апостол: *никтоже бо, воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4).

49. Подобает убо монаху быть безвещну, бесстрастну, чужду всякого греховного похотения, не сладкоястливу, невинопийце, не мешкотну, не лениву, не сребролюбиву, не сластолюбиву, не славолюбиву; ибо если кто от всего такого не отрешится, то он не может исправно вести эту ангельскую жизнь; для тех же, кои так именно поступают, она есть иго благое и бремя легкое, так как, в таком случае, Божественная надежда все делает для них легким. Приятна жизнь сия, усладительны дела ее, блага часть ее, которая не отымется от стяжавшей ее души.

50. Отрекшись от житейских забот и восприяв иноческий подвиг, не возжелай богатства для раздаяния бедным: ибо и это есть одно из прельщений лукавого, ведущее к тщеславию, чтоб ввергать ум в многоделие хлопотливое. Пусть только хлеб имеешь ты и воду, и ими одними можешь стяжать мзду страннопримства. Пусть даже и их не имея, с одним благим расположением примешь странника и дашь ему слово утешения, и таким образом можешь заслужить мзду страннопримства. Имеешь пример сему в бедной вдове, о которой Господь засвидетельствовал в Евангелии, что она своими двумя лептами, в силу благого произволения своего, превзошла подаяния богатых.

51. Это сказано тем, кои живут в безмолвии. Находящиеся же в послушании отца одно да имеют в уме — ни в чем не отступать от заповеди отца; ибо исполняя это, как следует, они исполняют все, требуемое от них; как наоборот, отступающие

от точного исполнения этого долга, останутся неискусными во всяком виде добродетели и духовного жительства.

52. Вот и еще совет мой тебе, христолюбче: возлюби странничество, то есть будь как странник, чуждый для событий своей страны; не завлекайся заботами родительскими и любвами родственными; бегай бывания в городе и с терпением сиди неисходно в пустыне, говоря с пророком: *се удалихся бегая и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8).

53. Ищи мест уединенных и удаленных от мира, и хотя будет утеснять тебя там скудость необходимых потреб, не бойся; если и враги окружат тебя, как пчелы или злые осы, всякого рода воздвигая на тебя брани и всяческими возмущая тебя помыслами, не устрашайся, не приклоняй к ним послушливого уха и не убегай с поприща состязания, но паче мужественно перетерпевай все, припевая себе и говоря: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2), и узришь величие Божие, Божие заступление, попечение и всякое спасительное о тебе промышление.

54. Друзьями должно тебе иметь такие лица, которые были бы назидательны для тебя и сходились с тобою в образе жизни; ибо говорит Писание, мужи мирные да будут други тебе, братия духовные — отцы святые, о коих и Господь наш сказал: *мати моя и братия моя* те суть, кои творят *волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 12, 49).

55. Не будь пристрастен к разнообразным и дорогим яствам и не питайся ими пространно; ибо *питающаяся же пространно,* говорит Писание, *живá умерла* (1 Тим. 5, 6). Да и не дорогими яствами, если можно, избегай насыщения. Ибо написано: *ниже прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15).

56. Часто бывать вне келлии не позволяй себе, если ты избрал себе безмолвное житие; потому что это очень вредно — отъемлет благодать, омрачает мысли, ослабляет ревность. Почему и сказано: *парение похоти пременяет ум незлобив* (Прем. 4, 12). Пресеки же сношения с внешними, чтоб ум твой не сделался парительным и не возмущал порядков безмолвия твоего.

57. Сидя в келлии, не совершай деланий своих бессмысленно, и времени не иждивай в праздности: ибо бездельно, говорят, путешествующий — всуе протрудится. Но стяжи себе благое делание, собери ум свой, пред очами имей всегда последний час смертный, помни о суетности мирской, как она обольстительна, и вместе как нетверда и ничтожна; помышляй об обстоятельствах страшного на суде испытания, как наши горькие обличители будут видимо представлять тогда наши дела, слова и помышления, которые они влагали, а мы принимали; приводи себе на мысль и адские мучилища, и то, как в них заключены будут души; представляй также великий оный и страшный день, — разумею, день общего воскресения, предстания пред Богом и окончательного определения Судии неложного, воображай имеющие объять грешных мучения, стыд и обличение совести, и то, как будут они отвержены Богом и ввержены в огонь вечный, к червю неусыпающему, во тьму непроницаемую, где плач и скрежет зубов, обозревая же все другие мучилища, не переставай стеня обливать слезами лицо свое, одеяние свое и место, на котором сидишь. Такими помышлениями, как я видал, многие стяжевали себе обилие слез и дивно очищали все силы души своей.

58. Помышляй также о благах, отложенных праведным, поставление их одесную Христа, благословенными их нарицающий глас Владыки — Господа, наследие Царства Небесного, превышающие ум дары им, свет оный сладчайший, радость, конца не имеющую и никакою печалию не пресекаемую, обители оные небесные, сожительство Ангелов и все другое, обетованное боящимся Господа.

59. Такие помышления да пребывают с тобою за столом, да сопровождают тебя ко сну и да восстают с тобою. Смотри, никогда не забывай их, но где бы ты ни был, не отводи ума своего от памятования о них, чтоб худые помыслы бежали от тебя, Божественные же утешения преисполняли душу твою. Душа, не будучи ограждена и вооружена сими помышлениями,

не может исправно держать безмолвие: ибо источник, воды не содержащий, напрасно носит это имя.

60. И вот какой образ жития законоположено вести безмолвствующим: пост, сколько сил достанет, бдение, спание на голой земле и всякие другие произвольные лишения ради будущего упокоения; ибо как говорит Писание, *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18); особенно же молитва чистая, непрестанная и непрерывная: она есть стена крепкая, пристанище благоотишное, добродетелей охрана, страстей истребление, души благоустроение, ума очищение, страждущим упокоение, плачущим утешение; молитва есть беседа с Богом, созерцание вещей невидимых, и тех, кои вожделевают их удостоверение в истине их, сообращение с Ангелами, преуспеяние в добром, подтверждение уповаемого. Сию царицу добродетелей восприими, подвижниче, и всеми силами удержать в себе старайся, молись день и ночь, в благонастроении и расстройстве, молись со страхом и трепетом, бодренным и трезвенным умом, чтоб благоприятна была Господу молитва твоя, ибо Писание говорит: *очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их* (Пс. 33, 16).

61. Некиим из древних очень верно и с делом сообразно сказано, что из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливые желания, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию; другие же все, идя позади их, забирают пораненных ими.

62. И воистину, присматриваясь, узнали мы, что не бывает, чтоб человек впал в грех какой или в какую-либо страсть, если прежде не уязвлен он чем-нибудь из сих трех. Почему на эти три помысла наводил тогда диавол и Спасителя, но Господь, явясь недоступным для них, велел диаволу удалиться назад Себя, даровав и нам победу над ним, как благий и Человеколюбивый Владыка, облекшийся в подобное нам во всем тело, кроме греха, и показавший нам неложный путь к несогрешанию, по коему идя, мы созидаем в себе нового человека, *обновляемаго... по образу Создавшего его* (Кол. 3, 10).

63. Совершенною ненавистью ненавидеть бесов, как врагов нашего спасения, Давидское научает нас слово. И это очень пригодно в деле преуспеяния в добродетелях. Но кто же будет этот, совершенною ненавистью ненавидящий врагов спасения? Тот, кто не грешит не только делом, но и мыслью. Коль же скоро сосуды любления их, то есть причины страстей, будут в нас, то как установиться в нас ненависти к ним? Ибо сластолюбивое сердце бессильно питать в себе ненависть к ним.

64. Брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отдалившейся от мирских сластей, отрекшейся от всех непотребных похотей и всецело посвящающей себя Боголюбивым помышлениям и чистейшим созерцаниям. Коль же скоро она поблажает страстям бесчестия и в них закосневает, то совлекается сей одежды целомудрия и облекается в рваные и оскверненные рубища, как и в Евангелиях показывается, что связанный оный по рукам и ногам и брошенный во тьму кромешную (см. Мф. 22, 13) имел из таких помыслов и деяний сотканное одеяние, которое Словом Господним сочтено недостойным Божественного и нетленного чертога брачного.

65. О самолюбии, всех ненавидящем, верно сказал некто из премудрых: лютая брань самолюбия, как тиран некий, стоит во главе всех помыслов, коими три оные и пять восхищают ум наш.

66. Дивно будет, если кто, насыщаясь всегда вдоволь яствами, возможет стяжать бесстрастие. Бесстрастием же я называю не удаление от греха делом: ибо это есть воздержание; но то, если кто пресек совершенно исхождение из сердца самых помышлений страстных, что называется и чистотою сердца.

67. Удобнее очистить душу нечистую, нежели очистившуюся и снова уязвившуюся ранами страстей опять возвести к здравию: ибо только что отрешившимся от мирских уз, в какие бы грехи ни случалось им впадать, доступнее достижение бесстрастия; а тем, которые *добраго вкусивших Божия глагола* (см. Евр. 6, 5) и текли уже путем спасения, и потом опять уклонились к греху, доступ к бесстрастию загражден едва

преодолимыми препонами. Это по причине установившегося греховного навыка и укоренившейся склонности ко греху, не меньше же и от того, что тогда бес привычного греха, вертясь пред очами ума, непрестанно преподносит ему образы сего греха. Впрочем, душа ревностная и трудолюбивая и это труднейшее дело удобно исполнит содействием благодати Божией, человеколюбно долготерпеливой к нам, к покаянию нас призывающей и возвращающихся с неизреченными утробами щедрот приемлющей, как научаемся мы в Евангелиях притчею о блудном сыне.

68. Никто из нас собственными силами не может избежать обходов и козней лукавого, но только непобедимою силою Христовою. Потому опасно заблуждаются мечтавшие совершаемыми ими подвигами и силою воли своей упразднить грех, упраздняемый одною благодатью Божиею. Чего ради светило церкви Иоанн Златоуст говорит, что недостаточно одного усилия человеческого, если не получится и помощь свыше; и опять, никакой не будет пользы от помощи свыше, если не будет собственного усилия. То и другое показывают на себе Иуда и Петр: тот, столь много прияв от благодати, не получил от того никакой пользы, потому что не приложил своего хотения и не привнес своего усилия; а Петр, хотя и ревностную изъявил готовность, но как не получил помощи свыше, пал. Итак, очевидно, что из того и другого сплетается добродетель. Посему прошу, как, все возложив на Бога, и самим не спать, так и ревностью ревнуя, не думать все исправить собственными усилиями.

69. Бог ни ничего не делающими нас видеть не хочет, почему не все Сам содевает, ни опять не хочет, чтоб мы много о себе думали, почему не все предал нашей воле и нашим усилиям; но с той и другой стороны отъемля вредное, оставил полезное. Добре и Псалмопевец научает нас, говоря: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1). Невозможно также наступить на аспида и василиска и попрать льва и змия (см. Пс. 90, 13), если кто, прежде очистив себя сколько

доступно то для сил человеческих, не получит на это сил от рекшего апостолам: *се даю вам власть наступати на змию и скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Почему и заповедано нам в молитве умолять Отца Небесного: *не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого* (Мф. 6, 13). Ибо если мы силою и помощью Христовою не избавимся от разжженных стрел лукавого и не сподобимся улучить бесстрастия, то тщетно трудимся, чая собственными силами или рвением исправить что-либо подобающее. Итак, желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, и сделаться причастным Божественной славы, должен со слезами и воздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенною душою, ночь и день Божией искать помощи и Божественного заступления. Желающий же получить таковые должен соделать душу свою чистою от всякого сладострастия мирского и от всех страстей, и похотей. Ибо о таких именно душах говорит Бог: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), и Господь говорил ученикам: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и к нему приидема и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

70. Весьма разумное и благоприятное слово изрек некто из древних относительно помыслов, говоря: истязуй помыслы на пороге сердца (при входе в него), наши ли они или от сопротивных; и родные нам, и благие вводи во внутреннейшее хранилище души и храни их там, как в некрадомой сокровищнице, а противнические бичами разумного рассуждения помучив, тотчас изгоняй, не давая им покоища и места даже в окрестностях души своей или, лучше, совсем избивай их мечом молитвы и Божественнейшего поучения, чтобы от такого истребления татей страх напал и на самого начальника их. Ведай, что кто так тщательно истязует помыслы, тот бывает истинным ревнителем и об исполнении заповедей.

71. Усиливающийся отсечь борющие его и смущающие помыслы и движения пусть побольше ополчит своинников и споборников и приблизит их к себе на совместное противоборство, таковы: смирение душевное, труд телесный и всякое другое

подвижническое самоумерщвление, и особенно молитва из сокрушенного сердца со множеством слез, как поет Давид: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18) и: *слез моих не премолчи* Господи (Пс. 38, 13), еще: *быша слезы моя мне хлеб день и нощь* (Пс. 41, 4). Опять: *питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 10).

72. Соперник нашей жизни, диавол, разными помыслами умаляет грехи наши и часто покрывает их забвением, чтоб мы послабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости.

73. Никто не думай своими силами понести труды и преуспеть в добродетели: ибо виновник всего доброго для нас есть Бог, как всего худого — обольститель душ наших — диавол. Почему, когда сделаешь что доброе, приноси благодарение виновнику его; и когда стужает тебе что худое, относи то к начальнику таких вещей.

74. Сочетавший с ведением соответственную деятельность есть похвальный возделыватель духовный, из двух приятнейших источников напаяющий ниву душевную. При сем ведение окрыляет ум созерцанием наилучшего, а соответственная ему деятельность умерщвляет *уды... яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5). Когда же эти умертвятся, тогда распускаются прекрасные цветы добродетелей, приносящие обильные плоды духовные — *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера кротость, воздержание* (Гал. 5, 22-23). Тогда, наконец, целомудрый сей делатель, распеньши *плоть со страстми и похотми,* речет с Богоносным проповедником: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос, а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 20).

75. И вот еще что да неутаится от тебя, Христолюбче, что одна страсть, нашедши в тебе себе место и укоренившись до навыка, в тот же дом приводит и прочие страсти, ибо хотя страсти соперничают одна против другой, равно как и виновники их, бесы, но погибели нашей все согласно ищут.

76. Цвет плоти заставляющий увянуть подвигами и всякую волю ее отсекавший, вот кто язвы Христа Господа носит на мертвенней плоти своей (см. Гал. 6, 17).

77. Подвижнических трудов конец — покой бесстрастия, а разнообразных утешений плоти — страсти бесчестия.

78. Не позволяй себе делом стоющим считать многолетие твоей монашеской жизни и не будь уловлен самовосхвалением из-за долгого пребывания в пустыне и терпеливого подъятия там жестоких подвигов, но Господнее слово держи в уме, что ты все еще раб неключимый, и все еще не исполнил заповеди Владыки своего. И в самом деле, пока находимся мы в настоящей жизни, дотоле состоим невоззванными из изгнания, но еще сидим на реках вавилонских, еще страждем под гнетом плинфоделия египетского, еще не увидели земли обетованной, так как не совлеклись еще ветхого человека, тлеющего в похотях прелестных, еще не облеклись в образ небесного, еще носим образ перстного. Итак, нет нам дороги к самопохвальбе, но плакать долженствуем мы, молясь к могущему спасти нас от рабства горького фараона, исторгнуть из лютого тиранства его и ввести в благую землю обетования, да обретем наконец покой во Святилище Божием, удостоясь поставленными быть одесную величествия Вышняго. Благ же сих, паче ума великих, сподобиться мы можем не от дел, которые успеем наделать в правде, но по безмерной милости Божией. Не перестанем же проливать слезы день и ночь, подражая рекшему: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Ибо *сеющии слезами, радостию пожнут* (Пс. 125, 5).

79. Далеко отгони от себя многоречивого духа, потому что в нем кроются всезлобные страсти: от него ложь, от него дерзость,

от него смехотворство, срамословие, буесловие и многое другое; так что по нем верно оправдывается сказанное: *от многословия не избежиши греха* (Притч. 10, 19). *Муж* же молчаливый *престол чувствия* (Притч. 12, 23). Но и Господь сказал, что мы должны будем дать ответ за всякое праздное слово (см. Мф. 12, 36).

80. Тем, которые злословят и укоряют нас, или другим каким образом нападают на нас, не тем же отвечать получили мы заповедь, то есть не противозлословить и не противоукорять, а напротив добрые о них говорить речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми не мирными, тогда в брани или битве состоим с демонами; когда же с братиями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, которых научены мы совершенною ненавидеть ненавистью, и непрерывную вести с ними брань.

81. Избегай словом лукавым претыкание полагать ближнему, чтоб самому не быть преткнуту от вселукавого диавола. Ибо слушай, что вопиет пророк: *мужа кровей и льстива гнушается Господь* (Пс. 5, 7) и еще: *потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый* (Пс. 11, 4). Равным образом избегай и осуждать брата при падении его, чтоб не отпасть от благости и любви. Ибо кто благости и любви к брату не имеет, тот не познал Бога; ибо *Бог есть любовь,* как взывает Иоанн, сын громов и возлюбленный ученик Христов (1 Ин. 4, 8). Если Христос и Спаситель всех душу Свою положил за нас, то и мы должны полагать души за братий (см. 1 Ин. 3, 16).

82. Любовь справедливо названа матерью добродетелей, главою закона и пророков. Подымем же всякий труд, пока улучим преподобную любовь и через нее исторгнемся из тиранства страстей, и на небеса взыдем, возносясь на крыльях добродетелей, и Бога узрим, сколько это доступно для человеческого естества.

83. Если Бог любовь есть, то имеющий любовь Бога имеет в себе. Когда же ее нет, то нет нам совершенно никакой пользы и совсем невозможно говорить, что мы любим Бога. Ибо святой

Иоанн говорит: *аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть* (1 Ин. 4, 20), и опять: *Бога никтоже нигдеже виде: аще друг друга любим, Бог в нас пребывает, и любы Его совершенна есть в нас* (1 Ин. 4, 12): отсюда явно, что любовь есть благо высшее всех благ, указанных в Писании святом; и нет ни одного вида добродетели, человека с Богом соводворяющей и сочетающей, которая не была бы связана с любовью и от нее не исходила, неизреченно как бы ею бывая объемлема и охраняема.

84. Принимая приходящих к нам братий, не будем отягощаться тем или почитать то пресечением безмолвия, чтоб не нарушить устава любви, не будем также приглашать их, как добро им делаюшие, но паче как сами от них приемлющие добро, и странноприимем их, как обязанные им, с мольбою и лицом радостным, как показал нам пример патриарх Авраам. Почему и Богослов учит, говоря: *чадца моя, не любим словом, ниже языком, но делом и истиною; и о сем разумеем, яко от истины есмы* (1 Ин. 3, 18-19).

85. Патриарх, избрав в постоянное себе делание странноприимство, сидел пред своею скинею и приглашал мимоходящих, всем потом без различия, нечестивым и варварам, предлагая трапезу, не раздумывая. Почему сподобился и дивного оного сотрапезования, странноприяв Ангелов и всех Владыку. Будем и мы прилежать странноприимству со всем усердием и готовностью, чтоб принять не только Ангелов, но и Самого Бога. Ибо Господь говорит: *понеже сотвористе единому сих братий моих менших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). Всем хорошо благодетельствовать, но наипаче тем, кои не имеют чем воздать (см. Лк. 14, 14).

86. Кого сердце не зазрит в нарушении заповеди Божией или в нерадении, или в принятии вражеской мысли, тот чист сердцем и достоин услышать: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

87. Постараемся достигнуть того, чтоб разумно управлять чувствами, особенно зрением, слухом и языком, поставляя

себе законом ничего ни видеть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто так не поползновенно на грех, как эти органы, когда они не управляются разумом; и напротив ничто паче их не благоприятно делу спасения, когда ими правит разум, держит их в строе и ведет, куда должно, и куда хочет. Ибо когда они бесчинствуют, тогда и обоняние изнеживается, и осязание с неистовством простирается на недолжное, и бесчисленное множество страстей приходит; когда же они разумом держатся в своем чине, тогда повсюду в нас проявляются великий мир и невозмутимая тишина.

88. Как драгоценное миро, хотя заключено бывает в сосуде, но, намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет приятным ощущением: так и благоухание добродетельной и боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем видящим сие показывает внутрь сокрытую добродетель. Ибо кто, видя, что язык не произносит ничего неуместного и неблагопристойного, а все такое, что полезно для слышащих, что глаза смотрят скромно, слух не принимает никаких неподобающих мелодий и речений, ноги ступают благообразно, лицо не искажается смехом, а скорее указывает на готовые излитые слезы и плач; кто, видя все сие, не познает, какое обильное благоухание добродетелей заложено внутри. Почему и Спаситель говорит: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16).

89. Который путь Христос и Бог наш в Евангелии наименовал тесным и прискорбным, тот потом назвал игом благим и бременем легким (см. Мф. 7, 13-14; 11, 30). Как же то и другое, кажущееся противоположным, видится в одном и том же? Так: по свойству своему путь сей жесток и труден, а по произволению совершающих его и по надеждам благим он вожделенен, возлюблен и сладостен паче, нежели скорбен для душ добролюбивых. Вот почему ты и видишь, что избравшие сей путь

тесный и прискорбный с большею готовностью идут по нему, чем по пространному и широкому. Послушай, что говорит блаженный Лука об апостолах, как они, после биения бичами, возвратились от лица собора, радуясь (см. Деян. 5, 40-41). Но ведь не таково свойство бичей, не сладость и радость, а скорбь и болезнь причиняют они. Если же бичи сладостны были Христа ради, что дивного, если Его ради и другие виды злостраданий и озлоблений плоти таковыми же бывают?

90. Мучимые и в плену держимые страстьми нередко в недоумении вопрошаем мы в себе самих, от чего претерпеваем мы это? Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами по причине отступления нашего от созерцания Бога. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке, то, — верен Бог, — Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякого пленения, как говорит пророк: *предзрех Господа предо Мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Что же сладостнее, как иметь всегда одесную себя Господа, покрывающего, ограждающего и не дающего подвигнуться? Но сподобиться сего от нас зависит.

91. Добре и бесспорно верно сказали отцы, что не найдет человек покоя иначе, как стяжав и утвердив в себе такое внутреннейшее расположение, что в мире только и есть, что Бог, да он, отнюдь ни к чему не обращаясь умом своим, но Его единого вожделевая и к Нему единому прилепленным пребывая. Такой воистину найдет покой и свободу от тиранства страстей. *Прильпе,* говорит Псалмопевец, *душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

92. Самолюбие, сластолюбие и славолюбие изгоняют из души память Божию; когда же пресекается память Божия, тогда поселяется в нас мятеж страстей.

93. Самолюбие бывает родительницею неисчетных страстей. Почему, когда кто исторгнет из сердца своего самолюбие, тогда легко возьмет силу и над другими страстями, при содействии Господа. Ибо из него обыкновенно рождаются гнев, печаль, злопамятство, сластолюбие и необузданная дерзость;

и побежденный им неизбежно побеждается и прочими страстями. Самолюбием же называем мы страстное расположение и любовь к телу с исполнением плотских пожеланий.

94. Кто что любит, тот с тем непрестанно и быть желает, и отвращается от всего, что препятствует соводворяться и сообращаться с любимым предметом. Явно потому, что и Бога любящий вожделевает всегда с Ним пребывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько сил есть; ибо она присвояет нас Владыке нашему. Таков был тот, кто изрек: *Боже, Боже мой, к Тебе утренюю, возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2), ибо утреннюет к Богу тот, кто, удалив ум свой от всего худого, непрерывно уязвленным бывает Божественною любовью.

95. От воздержания и смирения, как научились мы, рождается бесстрастие, а от веры ведение; через них же душа преуспевает в рассудительности и любви. Божественную же в недра свои вселившие любовь, на крыльях чистой молитвы непрестанно востекают на самую высоту ее, *дондеже* достигнут... *познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

96. Деятельною добродетелью порабощается похоть и обуздывается гнев, а ведением и созерцанием окрыляется ум, и вознесшись над всем вещественным, к Богу преселяется и истинное в Нем улучает блаженство.

97. Первый наш подвиг — умалить страсти и по силе победить их; а второй подвиг — стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недеятельною; третий же — трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов: ибо нам заповедано не только делати трудолюбно, но и хранити бодренно.

98. *Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящии,* говорит Господь (Лк. 12, 35). Доброе препоясание чресл наших, посредством которого мы делаемся хорошо приспособленными и легкими на делание, есть воздержание со смирением сердца; под воздержанием же я разумею отсечение всех страстей. А духовного светильника световодитель есть чистая мо-

литва и совершенная любовь. Сим образом благонастроенные воистину подобны суть человекам, чающим Господа своего, которые, когда придет Он и постучит, тотчас отворят Ему, и Он, пришедши со Отцем и Святым Духом, обитель у них сотворит. И блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет творящих тако (см. Лк. 12, 36-37).

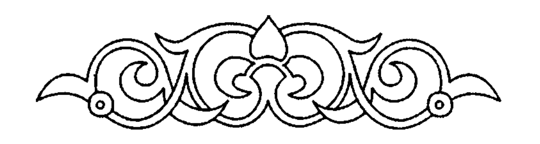
99. Должно монаху, как сыну, от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу, благоговеинствовать пред Ним и повиноваться Ему, и со страхом и трепетом заповеди Его исполнять: духом гореть, во всеоружие Духа Святого облечену быть, на уповании получения жизни вечной упокоеваться, все заповеданное неопустительно творить, трезвенствовать, блюсти сердце свое от помыслов худых, в помышлениях благих непрестанно совершать святое богомыслие, каждодневно суд над собою производить относительно помыслов и дел, недостающее восполнять, а соделанным не возноситься, называя себя рабом неключимым, должного не исполнившим, как следует, о всем Бога всесвятого благодарить и Ему восписывать все исправное в жизни своей, ничего совершенно не делать по тщеславию или человекоугодию, но все тайно делать, от единого Бога чая похвалы; прежде же всего и паче всего в душе своей ограждену быть православною верою во все догматы вселенской церкви, преданных ей от апостолов Богопроповедников и от святых отцов: ибо тем, которые так жительствуют, воздаяние велико — жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая, у Отца и Сына и Святого Духа, единосущного и Триипостасного Бога.

100. *Конец слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек,* говорит Екклезиаст (12-13). Я, говорит, тебе в кратких словах показываю, в чем состоит путь Божий: *бойся Бога, и заповеди Его храни.* Страх же разумеется здесь не вводный страх мучений, но совершенный и совершенство созидающий, который обязаны мы иметь по любви к Давшему заповеди. Ибо если мы из страха наказания не делаем грехов, явно, что если б не предлежало подвергнуться этим ужасам,

то мы, имея греxолюбивое расположение, конечно делали бы их, не останавливаясь. Если же не по страху наказания, но по отвращению к самым грехам воздерживаемся от них, то действуем по любви к Владыке своему, боясь прогневать Его. Когда боимся, чтоб не опустить чего из заповеданного, то такой страх чист, потому что бывает из-за самого добра, и он очищает души наши, равносилен будучи совершенной любви. Имеющий сей страх и по нему заповеди соблюдающий, се всяк человек, то есть человек настоящий, как следует быть ему.

Сие ведая, будем таким страхом бояться Бога и заповеди Его блюсти, *да будем совершенни и всецели, и ни в чемже лишени* из добродетелей (Иак. 1, 4), имея мудрование смиренное и сердце сокрушенное, и непрестанно вознося к Господу молитву Божественного Арсения Великого: «Боже мой! Не остави мене; ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне по благодати Твоей положить тому начало». Ибо все спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога, Ему слава и держава, и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОР

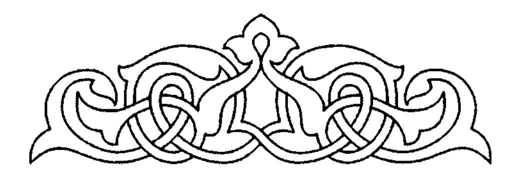


ПРЕДИСЛОВИЕ К УМОЗРИТЕЛЬНОМУ СЛОВУ

Предлежащее умозрительное слово достойно занять место в ряду других аскетических писаний по мудрому истолкованию внутренних явлений в нашей духовной жизни и выводу из того подобающих уроков для подвизающихся.

Кто был автор сего слова – неизвестно. В заглавии он именуется преподобным Феодором. Но кто он был, не видно. Собиратели греческого Добротолюбия, видя в сем слове мысли, сходные с теми, кои содержатся в ста главах святого Феодора Едесского, приписали его сему последнему и поместили вслед за его ста главами. Но преосвященный Филарет Черниговский пишет (об отцах. § 277, нота 10), что святому Феодору Едесскому можно приписывать слово сие только гадательно. И действительно, само слово не дает на то решительного указания.

Почему оставляя на свободу каждому признавать или не признавать принадлежность сего слова святому Феодору Едесскому, чтение же его почитая полезным для всех, ищущих пользы от чтения, помещаем его по примеру греческого Добротолюбия вслед за ста главами святого Феодора Едесского.



ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОРА СЛОВО УМОЗРИТЕЛЬНОЕ

1. Сколь велик подвиг расторгнуть эти крепкие узы веществолюбия, освободиться от работы ему и стяжать навык в доброделании! Воистину доблестная и мужественная потребна душа, чтоб отрешиться от всего вещественного.

2. Чего же после сего искать следует, есть не очищение только от страстей, ибо это не есть еще само по себе добродетель, а только приготовление к добродетели, но к очищению недобрых навыков должно приложить и стяжание добродетелей.

3. Очищение же души есть: *по части мысленной* — применение и совершенное оставление дольных прелестных нравов, то есть житейских забот и попечений, худых склонностей и неуместных гаданий, и загадываний; *по части вожделетельной* — не стремиться ни к чему вещественному и не смотреть на чувство, но быть покорным разуму; *по части раздражительной* — ни чем из приключавшегося не возмущаться.

4. А после такого очищения и истребления всего, делающего силы наши не чистыми, и благоустроения их, требуется и восхождение к духовным совершенствам и обожение: ибо уклонившемуся от зла надлежит делать благое (см. Пс. 33, 15). При сем отвергнуться себя должно прежде всего и, таким образом, взяв крест, последовать Владыке, для достижения высшего состояния обожения.

5. Какое же это восхождение к совершенству и обожение? По *части ума,* это — совершеннейшее ведение сущего и Того, Кто выше всего сущего, сколько это доступно для человеческого естества; по *части вожделения* — всеконечное и непрестанное вожделение и стремление к первому добру; по *части раздражения* — энергичнейшее и деятельнейшее движение к вожделенному, непрестающее и неослабное, никакими из

встречающихся прискорбностей непресекаемое в своем поступании вперед; но неудержимо, и вспять не обращаясь, шествующее.

6. Движение души к доброму должно быть столько сильнее движения ее к худому, сколько мысленные красоты превосходят чувственные; так что и попечение ее о плоти должно быть допускаемо лишь настолько, сколько это необходимо для удовлетворения ее потребностей и поддержания жизни, чтоб иначе не довести животный организм наш до насильственного расстройства. Но это установить для себя легко; в дело же произвести весьма трудно; ибо нельзя без труда искоренить устаревшие привычки души.

7. Как обучение какому-либо искусству не приобретается без пота, так и к блаженному естеству — Богу — напряженное воззревание и простирание вниманием достигается многими трудами и в долгое время, пока вожделетельная сила освоится с последствиями такого стремления и вкусит от плодов его. При этом многое ум наш должен проявлять сопротивление чувственности, влекущей к дольнему, от чего брань у нас и борьба с плотью непрекращающаяся до смерти: хотя иногда и кажется она умаляющеюся, вследствие укрощения гнева и похоти и подклонения чувства под иго обогатившегося опытным ведением и искусством в брани ума.

8. Надлежит, однако ж, заметить, что душа непросвещенная, как использующаяся обыкновенно помощью от Бога, ни очиститься не может подлинно, ни к Божественному вознестись свету, как сказано: ибо сказанное должно считать сказанным о верных. К большему же сего уяснению надобно вкратце объяснить, какое различие есть в познаниях наших. Из здешних наземных познаний одно бывает по естеству, а другое сверх естества. Что есть это второе, явно будет из первого.

9. Знанием естественным называем мы то, которое душа может получить через исследование и изыскание, естественными пользуясь способами и силами, о творении и Виновнике творения, разумеется, сколько это доступно для связанной с веществом души. Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения

его и срастворения с телом, и от сего не может он быть в непосредственном прикосновении с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, которой природа — творить образы протяженные и дебелые. Итак ум, поколику во плоти есть, имеет нужду в соответственных образах вещей, чтобы судить об них и понимать их. Какое теперь познание ум, таков сущи получит сим естественным способом познание, такое мы называем естественным.

10. А сверхъестественное знание есть то, которое привходит в ум путем, превышающим его естественные способы и силы, или в котором познаваемое сравнительно превышает ум, связанный с плотью, так что такое познание очевидно свойственно уму бестелесному. Бывает же оно от единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещественного пристрастия и объятым Божественною любовью.

11. Не одно, впрочем, знание так разделяется, но и добродетель: ибо иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействуется от первого источника добра, и как превышающая естественные наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхъестественною.

12. Объяснив это, полагаем, что естественное познание и естественную добродетель может иметь и непросвещенный, сверхъестественных же никак. Ибо как бы мог он возыметь их, не причастен будучи действующего здесь верховного Виновника? А просвещенный может иметь их обе.

13. Прибавлю только при сем еще одно различие: сверхъестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной; знания же сверхъестественного сделаться причастным и без естественного ничто не препятствует. Ведать, однако ж, надлежит, что как чувство и фантазии имеют и животные, имеет их и человек, только у него сии силы гораздо лучше и выше: так и в отношении к естественным добродетелям и познаниям бывает, что их оба, и просвещенный и непросвещенный, имеет, но у просвещенного они в гораздо

лучшем и высшем состоянии находятся, нежели у непросвещенного.

14. Приложу и еще: из познаний, называемых естественными, то, которое занимается добродетелями и противоположными им склонностями, бывает тоже двоякое: одно голое, когда философствующий о таких расположениях не испытал их на деле, каковое познание иной раз колеблется сомнениями, а другое деятельное и, как бы сказать, задушевное, когда познание подтверждается испытанием на деле таких расположений, — каковое познание бывает очевидно и верно, никогда не колеблется и не допускает сомнения.

15. Между тем, как сие так бывает, узнаем, что есть четыре вещи, противодействующие уму в стяжании добродетели: первое — предрасположение к противным ей навыкам, которое в силу долговременного навыка влечет склониться на земное; второе — действие чувства, которое, увлекаясь чувственными красотами, вместе с собою увлекает и ум; третье — ослабление энергии ума, которому подвергается он по причине соплетения своего с телом. Ибо не в таком отношении состоят зрение к зримому, и вообще чувство к чувственному, как ум к мысленному. Говорю об уме души, еще сущей в теле. Ибо безвещественные умы действеннее соприкасаются с мысленным, нежели зрение с зримым. Но как когда зрение заволокло — оно не ясно, не точно и паче слиянно отображает в себе формы видимых им вещей: так и ум наш, хотя сознает мысленное, однако ж не может действенно зреть мысленных красот; а вместе с тем и вожделевать из того ничего он не может, так как мера расположения бывает по мере познания, — и он тотчас опять низвлекается к чувственным красотам, яснее ему представляющимся; ибо он по необходимости устремляется к тому, что является пред ним добром, истинным ли или не истинным. Кроме же всего этого еще и (*четвертое.* — нападения бесчеловечных нечистых духов. И сказать нельзя, сколько и каких сетей для уловления душ расставляют они, увы! — всюду по пути многовидно и многообразно, в чувствах, в слове, в уме, во всем, можно сказать, сущем, которых никак не избегла бы ни одна душа,

если б восприявший на рамо свое заблудшее овча — тех, которые на Него очи свои устремляют, безмерным попечением Своим не делал высшими их.

16. Во избежание всего сего три следующие потребны нам средства, из коих ***первое*** и величайшее есть к Богу очей своих вседушное обращение и от Него руки помощи испрашивание, все упование на Него возлагая по искреннему убеждению, что если Он не заступится, то неизбежно попадет в плен тех, кои влекут нас к себе. ***Второе*** же, которое, как я полагаю, служит причиною и первого, есть непрестанное ума питание ведением. Под ведением же сим я разумею ведение всего сущего, чувственного и мысленного, как оно есть само по себе и какое отношение имеет к первой причине, яко от Нее и для Нее сущее, — и доступное для нас созерцание Виновника всего сущего, по наведению из того, что от Него. Ибо исследование естества тварей очищает от страстного к ним расположения, избавляет от прельщения ими и возводит к началу их, давая, как в зерцале, видеть в прекрасном, чудесном и великом прекраснейшее, чудеснейшее и величайшее, лучше же сказать то, что выше всякой красоты, чудесности и величия. Вращаясь всегда в таких помышлениях, ум может ли не возжелать сущего блага? Ибо если он иной раз устремляется к чуждому для него, не тем ли паче устремится к своему? Пленившись же сим, душа, к чему из сущего долу позволит себе прилепиться, когда оно обыкновенно отвлекает ее от любящего ее и любимого ею? Да она даже и жизнью во плоти станет недовольна, как такою, которая полагает ей препоны к стяжанию и вкушению истинных благ. Ибо если и неясно, как сказано, ум узревает в вещественном мысленную красоту, но мысленные блага таковы и толики, что и малое оттечение из моря оной красоты и слабое лучей ее появление может убедить ум перелететь через все немысленное и к тем одним благам устремиться, отнюдь не попуская себе отступать от сладости оной, хотя бы из-за сего случилось подпасть чему-либо и горькому. А ***третье***, что должно быть при сем, есть умерщвление супружницы нашей, плоти; ибо иначе невозможно ясно и раздельно узреть сказанные появления

небесных оных доброт. Умерщвляется же плоть постом, бдением, спанием на голой земле, суровою одеждою необходимою и утомительными трудами. Так умерщвляется или, лучше, сораспинается Христу плоть. Сделавшись же таким образом утонченною и очищенною, легкою и благоустроенною, она удобно без сопротивления следует за движениями ума и вместе с ним возвышается горе. Без сего же всякое наше старание о том оказывается тщетным.

17. Сия честная троица, когда бывает согласною сама в себе, порождает в душе лик блаженных добродетелей. И невозможно, чтоб в украшенных сею троицею или след греха какого оказался, или недоставало какой-либо добродетели. В таких не смущают уже ума ни стяжание, как уже брошенное, ни слава, как уже оплеванная, от которых душа, паки привязана к ним бывает, уязвляется многими страстьми. И как утверждаю, что невозможно воспарить горе душе, приверженной к богатству и славе, так не говорю, чтоб было возможно заботиться о них душе, которая довольно долго подвизалась в сказанных трех духовных деланиях, так что и до навыка в них дошла. Ибо если она при таком настроении не считает истинным благом ничего, кроме блага Верховного, из прочих же благ — лучшим то, которое, как убеждена, более подобно первому; то как может она любить и благоволительно принимать злато и сребро, или другое что из дольних вещей? Сие же да будет сказано и относительно славы.

18. Даже и эта ненасытнейшая вещь, разумею, забота, не делает тогда нападений на разум с противной стороны. Ибо о чем стал бы заботиться ни к чему из здешнего не пристрастный и ничем из того не занимавшийся? Облако забот составляется из испарений от главнейших страстей — сластолюбия, сребролюбия и славолюбия, так что свободный от этих, чужд и заботы.

19. У сказанных лиц, навыкших трем оным духовным деланиям, нет недостатка и в благоразумии, которое почитается другинею мудрости, и есть наисильнейшее из ведущих горе средств. Ибо в науке добродетелям заключается точное распознание и блага и того, что противно тому, а для этого требуется

благоразумие. Под его же руководством опыт и борение с плотью научают, как наилучше делать добро и противиться злу.

20. И страх присущ им. Ибо по мере того, как увеличивается любовь, возрастает и страх; и колика надежда получить благо, толико страх не получить. И это гораздо более угрызает душу уязвленных любовью, нежели угрозы бесчисленными муками; ибо как получить блаженнейшее, так не получить окаяннейшее.

21. Чтоб по пути нам слово и иным образом предтекло, надобно начать с конца: ибо все бывающее от конца своего получает как различение частей, так и их чинное соотношение. Конец нашей жизни есть блаженство или, что то же, Царство Небесное или Царство Божие. А оно само есть не зрение только царственнейшей Троицы, но при этом приятие и Божественного привтечения, и как бы восприятие обожения, и сим привтечением восполнение недостающего в нас усовершение несовершенного. И это-то служит пищею мысленных существ — это восполнение недостающего через Божественное оное привтечение. Здесь совершается круг некий непрестанный, от того же начинающийся и тем же кончающийся. Ибо чем более кто разумевает, тем более вожделевает, чем более вожделевает, тем более вкушает, чем более вкушает, тем более возбуждается к большему опять уразумеванию; и тотчас снова начинает это недвижимое движение или, пожалуй, недвижимую недвижность.

22. Итак, конец жизни нашей, сколько доступно это нашему постижению, таков. Теперь следует рассмотреть, как к нему должно идти. Для разумных душ, кои суть умные сущности и малым чем отстоят от умов Ангельских, здешняя жизнь есть борение, и жизнь во плоти дана им на подвиг. Воздаяние же за подвиг и борение есть сказанное состояние, — дар, достойный вместе и Божественной благости, и Божественной правды: правды, потому что блага оные достигаются не без собственных трудов и потов; благости, потому что дар безмерно превосходит всякий собственный труд, и еще потому, что самое то, чтоб возмочь делать доброе, есть дар Божий.

23. Но в чем же здешний подвиг? Разумная душа сопряжена с животным телом, из земли имеющим бытие и к дольнему тяготеющим. Срастворена же она с сим телом так, что из сих двух, — души и тела, — совершенно друг другу противоположных, состоялось одно существо без превращения, однако ж, или смешения сих частей, — да не будет! — но так, что из сих двух, носящих свойственное им по природе их, состоялось одно лицо в двух совершенных естествах. Так двуестественным некиим существом состоявшееся сие составное животное — человек — проявляет и в действии свойственное каждому в частности естеству. И телу естественно желать подобного ему — телесного. Такое желание подобного естественно всем существам, так как само существование их условливается всуществлением в себя подобного себе. Телу естественно и наслаждаться подобным в чувстве; еще же любезен ему отдых при утомлении. Вот что естественно и желательно животному нашему естеству. Разумной же душе как естеству умному, естественно и желательно такое же умное, и наслаждение тем свойственным тому образом. Прежде же и паче всего естественно вкоренена в ней любовь к Богу. И она естественно желает наслаждаться им и другими мысленными вещами, но не может этого делать беспрепятственно.

24. Первый человек беспрепятственно мог как чувством чувственное, так умом умное воспринимать и наслаждаться тем. Но ему следовало преимущественно заняту быть не худшим, а лучшим; хотя сам по себе мог он входить в общение и с мысленным через ум и с чувственным через чувство. Я не говорю, что Адаму не следовало пользоваться чувством: ибо не напрасно был он обложен телом, но что не следовало ему преимущественно услаждаться чувственным и ради чувственного, а следовало, усматривая через чувственные впечатления красоту тварей, востекать к Виновнику ее и Им услаждаться с изумлением, сугубые имея причины изумляться Создавшему, а не к чувственному прилепляться и тому дивиться, оставя мысленную красоту Создателя. Так должен был действовать Адам.

25. Но как он, худо пользуясь чувством, чувственной стал дивиться красоте, и увидев плод прекрасным для видения и добрым в снедь, вкусил его, оставив наслаждение мысленными вещами, то праведный Судия, почетши его недостойным созерцания Бога и всего сущего — вещей, презренных им, изгнал его, *положив тьму закров свой* (Пс. 17, 12) и всех невещественных предметов. Ибо не должно было нечистому предоставлять святое; но что возлюбил он, наслаждение тем и попустил ему Бог, оставя его жить чувством с малыми следами жизни умной.

26. Вот от чего подвиг к достижению общения с мысленными вещами соделался для нас тягчайшим: ибо не в нашей власти умом наслаждаться мысленным также, как чувством наслаждаемся чувственным, хотя и великую к тому получаем помощь через крещение, будучи им очищаемы и возвышаемы. Впрочем, сколько доступно нам, мы все же должны упражняться в мысленном, а не в чувственном; тому дивиться и того желать, из чувственного же ничему не дивиться, и ничем не желать услаждаться самим по себе (как чувственным и в удовлетворение чувственности): ибо по истине оно никакого сравнения не может иметь с мысленным. Видим, что как сущность сущности, так и красота красоты бывает удивительнее. Но каковы они есть, так и относиться к ним должны мы. Возлюблять же срамное паче благолепнейшего и низкое паче досточестного, всякое превосходить безумие? И это еще когда так относятся к тварям, мысленным ли то или чувственным. Но что сказать, если так относимся и к Тому, Кто выше всего, когда и Ему предпочитаем вещество безóбразное и ничтожное?

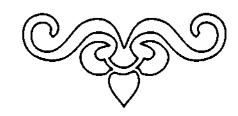
27. И вот в чем теперь наш подвиг — внимать себе со тщанием, чтобы мысленным всегда наслаждаться, к тому и ум и желание простирая, и отнюдь не позволять себе окраденными быть чувственным, увлекаясь к тому чувством до удивления ему ради его самого. Но если нужно и чувством пользоваться, надлежит пользоваться им для того, чтобы от тварей Творца познавать, в них видя Его, как в водах видим солнце, так как в сущем отображается первый Виновник всего, поколику это вместимо для него.

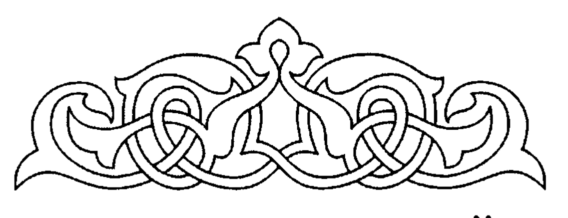
28. Таково лежащее на нас дело: но как его исполнить, об этом следует подумать. Ибо как сказано, тело желает наслаждаться свойственными ему вещами посредством чувства, и чем более удовлетворено бывает, тем более желает. А это противно стремлению души. Почему первою заботою души да будет — всем чувствам наложить узду, чтоб не услаждаться чувственным, как сказано. Поелику же тело чем сильнее бывает, тем сильнее стремится к своему; чем же сильнее к сему стремится, тем неудержимее бывает, то душе надлежит усильно стараться умерщвлять плоть постом, бдениями, стояниями, спанием на голой земле и всякими другими лишениями, чтоб, истощив силы ее, иметь ее смиренною и благопокорливою при своих духовных деяниях: в этом и есть главное, что предлежит ей исполнить. Но как желать сего легко, а исполнять трудно, и много при сем допускается опущений против должного, по причине окрадения чувством при всем внимании: то третье благоразумно придумано врачевство — молитва и слезы. Молитва благодарит за дарованные блага и испрашивает отпущение прегрешений и ниспослания сил на дальнейшее преуспеяние; так как без Божественной помощи душа, как сказано уже прежде, ничего не может исправно делать одна. Еще же она доставляет единение с Тем, Кого взыскала душа, и услаждение Им, и желательной силы всецелое к Нему устремление: что наиважнейшее есть дело в достодолжной жизни, то есть это склонение воли желать сего сколько возможно сильнее. И слезы великую имеют силу: умилостивляют Господа о прегрешениях наших, очищают причиняемое нам чувственною сластью осквернение и окрыляют вожделение горнего.

29. Так вот в чем все дело: главное — созерцание мысленных или духовных благ и всецелое их возжелание; в силу сего порабощение плоти, коего части суть: пост, целомудрие и прочее, все одно для другого подъемлемое; для сего же и вместе с сим, молитва. Каждое из сих деланий разлагается на многие части, кои, однако ж, все состоят в связи, так что одно другим требуется и одно без другого не бывает.

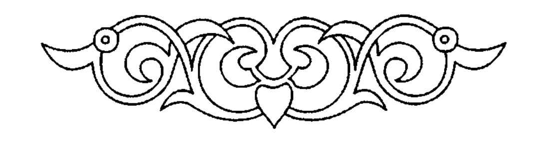
30. Никто пусть не думает, что славолюбие и сребролюбие принадлежат к телесным страстям. Телесная страсть — одно сластолюбие, которое находит подобающее врачевство в умерщвлении плоти. Сказанные же две страсти суть порождения неведения. Не испытав и не познав истинных благ, мысленных или духовных, душа придумала блага ложные, богатством думая утешиться в оскудении духовными благами; о богатстве печется она вместе с сим и для удовлетворения сластолюбия и славолюбия и для него самого, почитая его некиим благом. О чем скажем, что все это есть порождение неведения истинных благ. Славолюбие не по причине скудости потреб телесных бывает, ибо им не телесное что-либо удовлетворяется, но по причине неиспытания и неведения первого блага и истинной славы.

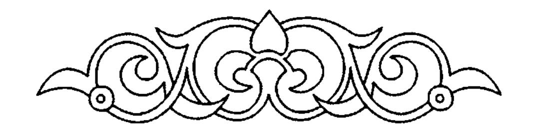
31. И не славолюбия только, но, коротко сказать, и всех зол корнем служит неведение. Ибо невозможно, чтобы тот, кто, как должно, познал природу вещей, и то, откуда каждая из них и какое имеет назначение, забыв потом о своем последнем конце, устремился к земному. Душа не пожелает такого блага, о коем знает наверное, что оно только кажется благом. Пусть даже тирански влечет ее к чему-либо привычка, она, в силу точного и ясного познания дела, может победить и самую привычку. Но и когда еще не было привычки, она по причине неведения прельщаема была. Так что паче всего и пораньше надобно стараться приобрести верные о всем сущем познания и потом в соответствие тому и волю свою окрылить стремлением к первому благу. Презреть же все настоящие блага нетрудно тому, кто верно познал полную их суетность.





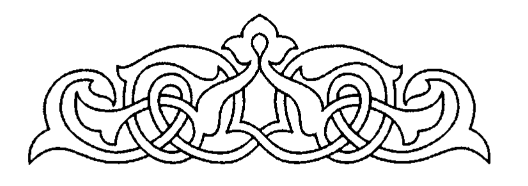
ПРЕПОДОБНЫЙ АВВА ФИЛИМОН





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ АВВЕ ФИЛИМОНЕ

В какое время жил преподобнейший отец наш Филимон, из богоносных отцов наших трезвеннейший и слезносокрушеннейший, достопамятности отеческие не сказали нам. Но что он был муж благоговейнейший и многоопытный, и любил безмолвие паче, нежели кто другой из старцев, как точнейший подражатель Великого Арсения, это желающим предлежит увидеть из настоящего слова. Ибо в молитвах и молениях день и ночь терпеливо пребывая в пустынной своей пещерке, и приснотекущими источниками слез и сладчайшего плача омывая себя, и над всем чувственным и мысленным боголюбно вознесшись, как глухой и немой всегда предстоял он Богу и сподобился предивного просвещения Божественной Его благодати, от которого как от солнечного сияния, сей приснопамятный в своем крайнем безмолвии и молчании обогатился даром не только воссуждать и рассуждать, но и прозревать и предвидеть. Свидетель сему верный – предлежащее здесь сказание о нем, в котором предлагается рассудительнейшее его учение о священном трезвении, как с деятельной его стороны, так и созерцательной, основанное на долговременном собственном его опыте. Итак, кому желательно сбросить с себя скверную и мерзкую одежду страстей или, что то же, совлещись ветхого человека и облещись в светлое одеяние бесстрастия и благодати, или в нового во Христе Иисусе человека, тот, часто поучаясь в сем учении старца и узнаваемое по силе исполняя делом, удобно достигнет желаемого.



МНОГОПОЛЕЗНОЕ СКАЗАНИЕ ОБ АВВЕ ФИЛИМОНЕ

1. Говорили об авве Филимоне отшельнике, что он заключил себя в некоей пещере, недалеко отстоявшей от лавры, называемой Ромиевою, и предался подвижническим трудам, мысленно повторяя себе тоже, что, как передают, говорил себе Великий Арсений: Филимон, зачем изшел ты сюда? Довольное время пребыл он в этой пещере. Делом его было — вить верви и сплетать кошницы, которые отдавал он эконому, а от него получал небольшие хлебцы, коими и питался. Он ничего не ел, кроме хлеба с солью, и то не каждый день. О теле, как видно, совсем не имел он попечения, но, упражняясь в созерцании, был осеняем Божественным просвещением и, сподобляясь оттоле неизреченного тайноводства, пребывал в духовном радовании. Идя в церковь по субботам и воскресеньям, он шел всегда один в самоуглублении, не позволяя никому приближаться к себе, чтоб ум не отторгался от делания своего. В церкви же, став в углу и лицом поникши долу, испускал источники слез, непрестанное имея сетование и в уме вращая память смерти и образ святых отцов, особенно Арсения Великого, по следам которого и шествовать всячески старался.

2. Когда в Александрии и окрестностях ее появилась ересь, он удалился оттуда и отошел в лавру Никанорову. Прияв его, боголюбивейший Павлин отдал ему свое уединенное место и устроил для него совершенное безмолвие. Целый год никому не попустил он повидаться с ним, и сам нимало не докучал ему, разве только в то время, когда подавал потребный хлеб. Настало святое Христово Воскресение. Когда при свидании зашла у них между собою беседа, и речь коснулась пустыннического жития, тогда уразумев, Филимон, что и благоговейнейший сей брат Павлин тоже питает прекрасное намерение (пустынножи-

тельствовать), богатно всевает в него подвижнические словеса из Святого Писания и отеческие, всем показывая, что без совершенного уединения невозможно угодить Богу, как негде любомудрствует и Моисей, богопросвещенный отец, что безмолвие рождает подвиг, а подвиг рождает плач, плач — страх, страх — смирение, смирение — прозрение, прозрение — любовь, любовь же делает душу здравою и бесстрастною, и тогда человек познает, что он недалек от Бога.

3. Он (Филимон) говорил ему: надлежит тебе посредством безмолвия совершенно очистить ум и дать ему непрестанное делание духовное. Как глаз, обращаясь на чувственное, всматривается в видимое, так чистый ум, обращаясь к мысленному, восхищается духовно созерцаемым, так что и не отторгнешь его от того. И на сколько посредством безмолвия обнажается он от страстей и очищается, на столько сподобляется и ведения (оных духовных вещей). Совершенным же ум бывает тогда, когда вступит в область существенного ведения и соединится с Богом. Тогда он, царское имея достоинство, не чувствует уже бедности и не увлекается ложными пожеланиями, хотя бы ты предлагал ему все царства. Итак, если хочешь достигнуть таких доброт, бегом беги от мира и со усердием теки путем святых, брось заботу о внешнем своем виде, одежду имей бедную и убранство смиренное. Нрав держи простой, речь нехитростную, ступание нетщеславное, голос непритворный. Полюби жить в скудости и быть всеми небрегомым. Паче же всего попекись о хранении ума и трезвении, будь терпелив при всяких теснотах и всячески сохраняй приобретенные уже блага духовные неповрежденными и неизменными. Внимай себе тщательно и не принимай ни одной из тайно прокрадывающихся сластей. Ибо, хотя безмолвие укрощает душевные страсти, но если давать им возгораться и изостряться, то они обыкновенно еще паче рассвирепевают, и допускающих сие еще с большею силою влекут ко греху. Так и телесные раны, будучи растираемы и раздираемы, бывают неисцелимы. Может и одно слово отдалить ум от памяти Божией, когда бесы нудят на то, и чувства соглашаются с ними. Велик подвиг и страх — хранить душу.

Итак, надлежит тебе совсем удалиться от мира и отторгнув душу от всякого сострастия телу, стать безградным, бездомным, бессобственником, бессребренником, бесстяжательником, бесхлопотником, бессообщником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, тихонравным, готовым принимать от Божественного ведения вразумительные напечатления в сердце. Ибо и на воске невозможно писать, не изгладив наперед прежде начертанных на нем букв, как научает нас сему Великий Василий. Таков был лик святых, которые, совсем удалившись от всех обычаев мирских и храня в себе невозмущаемым небесное мудрование, просветились Божественными законами и возблистали благочестивыми делами и словами, умертвив *уды... яже на земли* (Кол. 3, 5) воздержанием, Божиим страхом и любовью. Ибо непрестанною молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя сил, — и бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа, и человек весь соделывается духовным. Вот чего сподобляются делатели блаженного безмолвия и теснейшего подвижнического жития, которые, удалив себя от всякого утешения человеческого, одни с единым на небесах сущим Владыкою непрестанно беседуют!

4. Выслушав сие, тот боголюбивый брат и Божественною в душе уязвившись любовью, (оставляет свое место) и вместе с оным (Филимоном) достигает скита, где величайшие из отцов совершили путь благочестия. Жить они поселились в лавре святого Иоанна Колова, передав попечение о себе эконому лавры, так как желали пребывать в безмолвии. И пребывали они тут благодатию Божиею в совершенном безмолвии, по субботам и воскресеньям исхождения творя на общие собрания церковные, а прочие дни пребывая у себя; причем каждый совершал молитвы и служения особо.

5. У старца святого (Филимона) было такое правило служения: ночью пропевал он всю Псалтирь и песни (девять, помещаемых в Псалтири), неспешно, без суетливости, прочитывал

одно зачало Евангелия, потом садился и сидел, говоря в себе: Господи помилуй! со всем вниманием и довольно долго, пока не мог уже возглашать сего воззвания; и, наконец, давал себе соснуть. Потом опять на рассвете пропевал первый час и, седши на свое седалище лицом к востоку, попеременно то пел (псалмы), то читал по произволению из Апостола и Евангелия. Так проводил он весь день, непрестанно поя, молясь и услаждаясь созерцанием небесного; ум его часто так уводим был в созерцание, что он не знал, на земле ли он находится.

6. Брат, видя, что он так всеусердно прилежит молитвенным служениям и иногда совсем изменяется от Божественных помышлений, сказал ему: «Трудно, тебе, отче, в такой старости так умерщвлять и порабощать тело свое?» Он ответил ему: «Поверь мне, Бог такое усердие и такую любовь к молитвенному служению вложил в душу мою, что я не в силах вполне удовлетворять ее к тому стремления; немощь же телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих благ». Так все желание его было умно воскриляемо в небеса, и это даже во время трапезования, а не только в другие времена.

7. Однажды спросил его живший с ним брат некий: какие бывают тайны созерцания? И он, видя его неотступность, и то, что он искренно ищет назидания, сказал ему: «Говорю тебе, чадо, что тому, чей ум совершенно очистился, Бог открывает видения самых служебных сил и чинов (ангельских)».

8. Спросил он его и о следующем: «Чего ради, отче, паче всякого Божественного Писания услаждаешься ты Псалтирию, и чего ради, поя тихо, ты представляешься будто разговаривающим с кем-то?» На это он сказал ему: «Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждения сокрытыми в них всяческими созерцаниями; ибо они объемлют все Божественное Писание». Это исповедал он вопрошавшему с великим смирением пользы ради и после долгого неотступного упрашивания.

9. Брат некий по имени Иоанн, от примория устремившись, пришел к святому сему и великому отцу Филимону, и обняв ноги его, сказал ему: «Что сотворю отче, да спасуся? Ибо ум

мой носится и парит туда и сюда, где не следует». И он, помолчав немного, сказал: «Сия болезнь (душевная) есть принадлежность тех, кои внешни суть, и в них она пребывает. И в тебе она есть, потому что ты не возымел еще совершенной любви к Богу, еще не пришла в тебя теплота любви и познания Его». Говорит ему брат: «Что же мне делать, отче?» Тот сказал ему: «Поди, возымей сокровенное поучение в сердце своем, и оно очистит ум твой от сего». Брат, не будучи посвящен в то, что этим сказывалось, говорит старцу: «Что же это за сокровенное поучение, отче?» И он сказал ему: «Поди, трезвися в сердце своем, и в мысли своей трезвенно со страхом и трепетом говори: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!*» Так преподает новоначальным и блаженный Диадох.

10. Брат пошел и, содействием Божиим по молитвам отца успокоившись, усладился таким поучением немного. Но потом это услаждение отошло от него, и он не мог уже трезвенно совершать такое делание и молиться. Почему он опять пошел к старцу и сказал ему о случившемся. Старец говорит ему: «Теперь узнал уже ты путь безмолвия и умного делания и вкусил происходящей от того сладости. Имей же сие всегда в сердце своем, — ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находишься или в келлии сидишь, не преставай трезвенною мыслию и неблуждающим умом молиться такою молитвою, петь и поучаться в молитвах и псалмах; даже при исправлении самых необходимых потребностей своих не давай уму своему быть праздным, но заставляй его сокровенно поучаться и молиться. Так можешь ты уразуметь глубины Божественного Писания и сокрытую в нем силу и дать уму непрестанное делание, да исполнишь апостольское слово, заповедующее: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17). Внимай же себе тщательно и блюди сердце свое от приятия худых помыслов или каких-нибудь суетных и неполезных; но всегда, и когда спишь, и когда встаешь, и когда ешь, и когда пьешь, и когда ведешь беседу, пусть сердце твое втайне мысленно то поучается в псалмах, то молится: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя!* Также когда

поешь псалмы языком, внимай, чтоб не говорить одного устами, а в другом парить мыслию».

11. Брат спросил его еще: «Много суетных мечтаний вижу я во время сна». Старец сказал ему: «Не ленись и не малодушествуй; но прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслам и покушениям диавола водить тебя по воле своей, да восприимет тебя Бог. Сколько сил есть заботься о том, чтобы засыпать с псалмами в устах и умным поучением, и никак не позволяй по нерадению уму своему принимать чуждые помыслы, но с какими помышлениями молился ты, в тех поучаясь склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, они пребывали в тебе, и когда пробудишься, собеседовали с тобою. Проговаривай также и святой символ православной веры, прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ».

12. Еще спросил его брат: «Сотвори любовь, отче, скажи мне, какое делание имеет твой ум? Научи меня, чтобы и мне спастися». Он сказал ему: «Зачем это любопытствуешь ты знать?» Тот встал, обняв ноги святого, и, лобызая их, умолял его сказать ему это. Старец довольно времени спустя сказал: «Не можешь еще ты понести сего. Давать каждому чувству пригодное дело свойственно мужу, обыкшему вращаться в благах правды; и невозможно дара сего сподобиться тому, кто не стал совершенно чист от суетных помышлений мира. Потому, если ты истинно желаешь сего, держи сокровенное поучение в чистом сердце. Ибо если пребудет в тебе непрестанно молитва и поучение в Писаниях, то отверзутся очи души твоей и будет в ней радость великая, и чувство некое неизреченное и горячее, при согреянии от Духа и плоти, так что весь человек станет духовным. Итак, ночью ли или днем сподобит тебя Бог нерассеянно помолиться чистым умом, оставь свое молитвенное правило, и, сколько сил есть, простирайся умносердечно прилепляться к Богу. И Он просветит сердце твое в духовном делании, за которое ты принялся».

К сему присовокупил он: «Некогда пришел ко мне один старец, и когда я спросил его об устроении его ума, сказал мне: два

года пребыл я в молитве пред Богом, от всего сердца умоляя Его прилежно, да дарует Он мне, чтобы непрестанно и нерассеянно печатлелась в сердце моем молитва, которую предал Он ученикам Своим, и великодаровитый Господь, видя труд мой и терпение, подал мне просимое».

И вот еще что он говорил ему: «Помыслы, о вещах суетных бывающие в душе, суть недуг празднолюбивой и предавшейся нерадению души; почему нам надлежит, по Писанию, всяким хранением блюсти ум свой, разумно петь без рассеяния и молиться чистым умом. Итак, брате, Бог хочет, чтоб мы являли к Нему свое усердие во-первых трудами (подвижничества и доброделания), потом любовью и непрестанною молитвою, и Он подаст нам путь спасения. Явно же, что нет другого пути, возводящего на небо, кроме совершенного удаления от всего злого, стяжания всего благого, совершенной к Богу любви и сопребывания с Ним в преподобии и правде, так что когда у кого будет сие, то он скоро востечет к небесному лику. Но при сем всякому, желающему взыти на высоту, неотложно надлежит умертвить уды, сущие на земле. Ибо когда душа наша усладится созерцанием истинного блага, то уже не возвращается ни к одной из страстей, возбуждаемых сластью греховною; но от всякого отвратившись телесного сладострастия, чистою и нескверною мыслью приемлет явление Бога. Итак, нам потребно великое себя хранение, много телесных трудов и очищения души, да вселим Бога в сердца наши, чтобы прочее безгрешно исполнять Божественные Его заповеди, и чтобы сам Он учил нас блюсти твердо Его законы, испуская, как солнечные лучи, Свои на нас воздействия вложенною в нас благодатью Духа. Трудами и искушениями должны мы очистить образ, по коему были мы созданы разумными и способными воспринимать всякое разумение и Богу уподобление, нося чувства, чистые от всякой скверны через переплавление их в пещи искушений, и претворяемы бывая в царское достоинство. Бог и человеческое естество создал причастным всякого блага, могущим мысленно созерцать ликования Ангелов славы, Господств, Силы, Начала, Власти, Свет Неприступный, Славу Пресветлую. Но когда

исправишь ты какую добродетель, смотри, да непревознесется помысл твой над братом, потому что ты исправил ее, а он понерадел; ибо это начало гордости. Когда борешься с какою страстью, смотри, не унывай и не малодушествуй от того, что брань стоит упорно; но восстав, повергни себя пред лицом Бога, от всего сердца говоря с пророком: *суди Господи обидящия мя* (Пс. 34, 1), ибо я не силен против них. И Он, видя смирение твое, скоро пошлет тебе помощь Свою. Когда идешь с кем в пути, не принимай суетной беседы, но дай уму духовное делание, которое он имел, чтобы пребыло в нем сие благое навыкновение и забвение мирских сластей, и он не исходил из пристани бесстрастия».

Такими и многими другими словесами огласив брата, старец отпустил его.

13. Но спустя немного времени он опять пришел и, начав речь, спросил: «Что мне делать, отче? В ночном моем служении отягчает меня сон и не дает мне трезвенно молиться и пободеть побольше; и я хочу брать в руки работу, когда пою». На это старец сказал: когда можешь молиться трезвенно, не касайся рукоделия; когда же объят будешь дреманием, тогда, подвигшись немного против помысла, претя ему, коснись рукоделия». Тот опять спросил: «Ты сам, отче, не отягчаешься сном во время служения своего?» Старец сказал: «Не так-то легко, однако же, когда нападает иной раз дремание, немного подвигнусь, но начинаю читать с начала Евангелие от Иоанна, возводя к Богу око ума, и оно тотчас же исчезает. Похоже на это поступаю я и в отношении к помыслам, именно когда найдет какой из них, я встречаю его как огонь, со слезами, и он исчезает. Ты же еще не можешь так вооружаться против них, но паче держи сокровенное поучение и усердствуй совершать установленные святыми отцами как дневные молитвословия, как-то часы: третий, шестой, девятый и вечерню, так и ночные службы. И всеми силами старайся ничего не делать по человекоугодию, и берегись иметь вражду с кем-либо из братий, чтоб не отдалить себя от Бога своего. Старайся также хранить мысль свою нерассеянною, всеусердно внимающею внутренним помыслам.

Когда, бывая в церкви, имеешь намерение причаститься Святых Христовых Таин, не исходи из нее, пока не получишь совершенного мира. Став на одном месте, не отступай оттуда до самого отпуста; в себе же помышляй, что находишься на небе и со святыми Ангелами Богу предстоишь, имея восприять Его в сердце свое; готовься же к сему со страхом и трепетом, чтоб не недостойно сопричастником быть святых сил.

Добре таким образом вооружив брата и предав Господу и Духу благодати Его, старец отпустил его.

14. К сему рассказывал еще и живший с ним брат следующее. Сидя однажды подле него, я спросил его, был ли он искушаем наветами демонскими, живя в пустыне. Он же сказал: прости, брат, — если попустит Бог прийти на тебя искушениям от дьявола, каким я подлежал, то не думаю, чтоб ты мог вынести горечь их. Мне семидесятый год или и с прибавком, много терпел я искушений, живя в разных пустынях в совершенном безмолвии; что же испытал я и вытерпел от этих демонов, о горечи того не полезно повествовать тем, кои не искусили еще безмолвия. В таких искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, Коему давал и обеты отречения, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе промышления и не творю; но зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться. Немало помогает при сем и то упование, что чем большие нападают скорби и беды, тем большие они готовят венцы терпящему: ибо у праведного Судии те и другие уравновешивают себя взаимно. Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию. Вступил ты в среду брани, чтоб бороться, и борись, воодушевляясь и тем, что тех, кои за нас ратуют против врага Божия, очень много, больше вражеских полчищ. Да и как можно бы было нам осмелиться противостать такому страшному супостату рода нашего, если бы державная десница Бога Слова не обымала нас, не ограждала и не покрывала? Как бы выдержало человеческое естество наветы его? Ибо как говорит Иов, *кто открыет лице облечения*

его? В согбение же персей его кто внидет? Из уст его исходят аки свещи горящия, и размещутся аки искры огненныя. Из ноздрей его исходит дым пещи горящия огнем углия. Душа же его яко углие и яко пламы из уст его исходит. На выи же его водворяется сила, пред ним течет пагуба. Сердце его ожесте аки камень, стоит же аки наковальня неподвижна. Возжизает бездну, якоже пещь медяну, мнит же море яко мироварницу, и тартар бездны, якоже пленника... Все высокое зрит, сам же царь всем сущим в водах (Иов. 41, 4, 10-13, 15, 22-23, 25). Вот против кого у нас брань, брате! Вот каким и коликим изобразило слово этого тирана! При всем том, однако ж, победа над ним бывает удобна для тех, которые как следует проходят уединенническую жизнь, по причине неимения ими в себе ничего, ему принадлежащего, по причине отречения их от мира, по причине их высоких добродетелей, и по причине того, что мы имеем Побораюшего по нас. Ибо кто, скажи мне, приступив к Господу и страх Его приявши в ум, не претворился естеством и, осияв себя Божественными законами и делами, не соделал душу свою светлою и способною сиять Божественными разумениями и помыслами? Праздною же быть он никогда не дозволяет ей, имея в себе Бога, Который возбуждает ум ненасытно стремиться к свету. И душе таким образом непрерывно воздействуемой дух не попускает разблажаться страстьми, но как царь какой, дыша страшным гневом и прещением, нещадно посекает их. Такой никогда не возвращается уже вспять, но практикою (добродетелей) с воздеянием рук на небо и умною молитвою одерживает победу в брани».

15. Рассказывал еще брат тот, что при других добродетелях имел авва Филимон и такую: терпеть не мог слышать праздное слово, и если кто, забывшись, рассказывал что-либо, не относящееся к пользе душевной, то он совсем не отзывался на это. Также когда я уходил по какому-либо делу, он не спрашивал, чего ради уходил? И когда возвращался, не говорил: где ты был? или что и как делал? Так однажды сплыл я в Александрию по необходимой потребности, а оттуда по одному церковному делу отправился в Царьград, не дав о том знать рабу Божию;

потом, пробыв там довольно времени, посетив тамошних благоговейных братий, возвратился наконец к нему в скит. Увидев меня, старец обрадовался, и по обычном приветствии, сотворив молитву, сел; но ни о чем совершенно не спросил меня, а пребыл занятым обычным своим умным деланием.

16. Некогда, желая испытать его, я несколько дней не подавал ему хлеба поесть. Он же ни хлеба не попросил и ничего на это не сказал. Тогда, сотворив поклон, я спросил: «Сотвори любовь, отче, и скажи мне, не оскорбился ли ты, что я не приносил тебе по обычаю поесть». Он сказал: «Прости брате! Если двадцать дней не дашь ты мне поесть хлеба, я не попрошу его у тебя; ибо доколе терплю душою, терплю также и телом». Так был он занят созерцанием истинного блага.

17. Говорил он: «С тех пор как пришел в скит, не попускал я помыслу своему выходить за стены келлии; но и в мысль свою не принимал я никакого другого помысла, кроме страха Божия и судилищ будущего века, держа в памяти угрожающий грешным суд и огонь вечный, и кромешную тьму, и то, как живут души грешников и праведников, и какие блага уготованы праведным и как каждый получает свою награду по труду своему: один за труды подвижничества, другой за милостыню и любовь нелицемерную, иной за нестяжательность и полное отречение от мира, другой за смиренномудрие и совершенное безмолвие, тот за крайнее послушание, этот за странничество. Все сие содержа в мысли, не попускаю я иному помыслу действовать во мне и не могу уже быть с людьми или ими занимать ум свой, чтоб не отдалиться от Божественных помышлений».

18. К сему присоединил он и сказание о некоем уединеннике, говоря, что он уже и бесстрастия достиг, и от руки Ангела принимал хлеб в пищу, но по причине разленения (ослабления внимания) лишился такой чести. Ибо когда душа ослабит рассмотрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемлет ночь. Где не сияет Бог, там все разливается, как во мраке; и не может тогда душа воззревать к единому Богу и трепетать словес Его. *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча. Аще утаится кто в сокровенных,*

и Аз не узрю ли его... Еда небо и землю не Аз наполняю (Иер. 23, 23-24). И о многих других, подобное пострадавших, припоминал он. Привел и падение Соломона, который, говорит, такую получил премудрость и так был всеми славим — потому что как денница, утром восходящая, всех осиявал светлостью премудрости, за малую сласть потерял такую славу. Итак, страшно поблажать разленению, но надобно непрестанно молиться, чтоб другой какой помысл, нашедши, не отлучил нас от Бога, и вместо Его не приподставилось уму нашему иное что. Только чистое сердце, став вместилищем Духа Святого, чисто зрит в себе, как в зеркале, самого Бога всего сущего.

19. Слыша сие, говорит живший с аввою Филимоном брат, и на дела его смотря, я уразумел, что в нем совсем перестали уже действовать телесные страсти, и что он был усердный любитель всякого совершенства, так что всегда виделся преображаемым Божественным Духом (от славы в славу) и воздыхающим воздыханиями неизглаголанными, в себе с собою сообращающимся и себя взвешивающим (или себя держащим ровно, как на весах), и всячески подвизающимся, чтоб что-нибудь, пришедши, не возмутило чистоты ума его и скверна какая-нибудь тайно не приразилась к нему.

Видя, говорит, сие и ревностью к подобному образу жизни возбуждаемый, я с усердным обращался к нему прошением, говоря: как и я мог бы стяжать чистоту ума подобно тебе? Он же говорил: поди — трудись; ибо для этого труд потребен и болезнование сердца. Блага духовные, достойные усердного искания и труда, не достанутся нам, если будем возлежать на одрах и спать. И земные блага никому не достаются без труда. Тому, кто желает прийти в преспеяние, надобно прежде всего отрешиться от своих хотений и стяжать непрестанный плач и нестяжательность, не внимая согрешениям других, а своим только, и об них одних плача день и нощь, и не имея суетной дружбы ни с кем из людей: ибо душа, скорбящая о своем бедственном положении и уязвляемая памятью о прежних согрешениях, бывает мертва миру, как и мир умирает для нее, то есть тогда недейственны бывают плотские страсти и человек недействен сим

страстям. К тому же отрекшийся от мира и со Христом сочетавшийся, и в безмолвии пребывающий любит Бога, хранит образ Его и подобием Ему богатится; ибо свыше приемлет от Него подаяние Духа и бывает домом Бога, а не демонов, и дела праведные представляет Богу. Так душа, став чистою по жизни, свободною от осквернений плоти и не имеющею скверны или порока, облечется наконец венцом правды и воссияет красотою добродетелей.

В ком же в начале отречения не поселяется в сердце плач, ни слезы духовные, ни память о не имеющих конца муках, ни безмолвие истинное, ни молитва непрестанная, ни псалмопение и поучение в Божественных Писаниях, в ком не обратилось сие в навык, так чтоб по причине непрерывности приседения сему, он понуждаем был и нехотя делать то от ума, — и страх Божий не господствует в душе его: тот еще почивает на содружестве с миром и не может иметь ума чистым в молитве; ибо только благочестие и страх Божий очищают душу от страстей и, соделывая ум свободным, вводят его в естественное ему созерцание и дают ему коснуться богословия, которое приемлет он в образе блаженства *(блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят),* что для сподобляющихся сего еще отселе служит залогом (будущего), и хранит (духовное их устроение) непоколебимым.

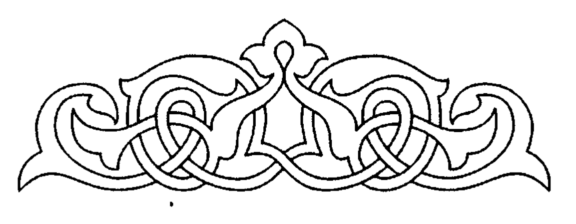
Итак, всеми силами потщимся о практическом делании (добродетелей и подвигов), которым возводимся к благочестию, то есть к мысленной чистоте, плод которой — богословское созерцание естественное (уму). Ибо деяние есть восхождение к созерцанию, как (говорит) проницательный и богословнейший ум (Григория Богослова). Почему если вознерадим о делании том, то будем чужды всякого любомудрия; ибо хотя бы кто достиг самого верха добродетели, все ему необходимы труд подвижничества, обуздывающего бесчинные стремления тела, и строгое хранение помыслов. И этим способом едва можем мы улучить вселение Христа. Ибо чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом, и ему открываются

неизреченности таинств. Тогда истинно познает он, где мудрость, где сила, где разум для познания всего, где долголетие и жизнь, где свет очей и мир. Ибо пока занят он борьбою со страстьми, дотоле не имеет возможности насладиться сим; так как и добродетели и пороки слепым делают ум: те, чтоб не видел добродетелей, а эти, чтоб не видел пороков. Но когда восприимет он покой от брани и сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействуем благодатью, весь соделывается световидным и становится не отклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но прешел от смерти в живот. Тому, кто восприемлет достоподражательную жизнь и к Богу приближиться ревнует, надлежит иметь непорочное сердце и уста чистые, чтоб слово, исходя из чистых уст чистым, могло достойно воспевать Бога, так как душа, к Богу прилепившаяся, непрестанно с Ним собеседует. Возжелаем же, братие, достигнуть до такой высоты добродетелей и перестанем пресмыкаться по земле, прилепившись к страстям. Подвизающийся и достигший близости к Богу, причастившийся святого света Его и уязвившийся любовью к Нему наслаждается Господним некиим и непостижимым веселием духовным, как говорит Божественный псалом: *насладися Господеви, и даст ти прошение сердца твоего... и изведет яко свет правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 4, 6). И какая любовь так сильна и так неудержима, как та, которая от Бога вливается в душу, очистившуюся от всякого зла? Такая душа от истинного расположения сердца говорит: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5). Неизреченны и неизъяснимы блистания Божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца, все это неуважительно в сравнении со славою оною, и больше скудно пред лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла пред чистейшим полуднем. Так предал наш и Василий, дивный между учителями, из опыта познав сие и научившись сему.

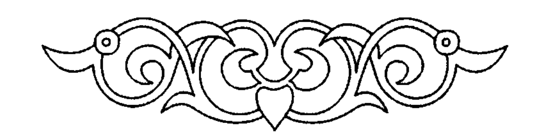
20. Сие и большее сего рассказывал живший с аввою брат. Но кто не подивится в нем еще и следующему, как доказательству

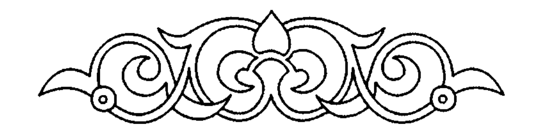
великого смирения его? Удостоен будучи пресвитерства давно-давно, и так преискренне коснувшись небесного и жизнью и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий, как бремени, так что в продолжении многих лет своего подвижничества он очень редко соглашался приступать к святой трапезе (для священнодействия). Но и Божественных Таин приобщаться, несмотря на такую постоянно опасливую жизнь, не причащался, когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми; хотя при этом не говорилось им ничего земного, но одно душеполезное для искавших беседы с ним. А когда намеревался причаститься Божественных Таин, то пред этим долго докучал Богу, умилостивляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа иереева, который возглашает при сем, говоря: Святая святым. Ибо в это время, говорил он, вся церковь полна бывает святых Ангелов, и сам Царь сил, таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое тело и кровь, через Святое причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокуплял он, надлежит нам лишь непорочно и чисто, и как бы вне плоти бывая, без всякого сомнения и колебания дерзать на святое причастие Пречистых Христовых Таин, чтоб сделаться причастными бывающего от них просвещения. Многие из святых отцов видели святых Ангелов, которые остерегали их (от всего неподобного); почему и сами они держали себя в глубоком молчании, не говоря ни с кем.

21. И вот еще что говорил (брат тот), что, когда бывала старцу нужда самому продавать свое рукоделие, то чтоб не привзошла как-нибудь ложь какая или божба, или лишнее слово, или другой какой вид греха, если б разговаривать и торговаться, он стоял, притворясь на вид юродивым; и всякий, желавший купить его рукоделие, брал его у него и давал за то, что хотел. Работал он малые корзинки, и даваемое за них принимал с благодарностью, отнюдь ничего не говоря, сей любомудрый муж.



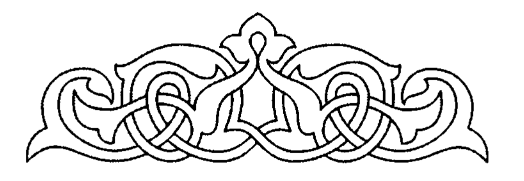
ПРЕПОДОБНЫЙ
ФЕОГНОСТ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ФЕОГНОСТЕ

Преподобный Феогност, отец предлежащих глав, был ли тот александриец-толковник, о котором поминается у Фотия в 106 чтении, или другой кто, и в какое время жил, наверное сказать не можем. Но сколько из плода познается древо, и он был из числа добре поживших деянием и разумом и за чистоту жизни сподобившихся иметь живущим в себе Святого Духа, Коего озарениями просвещаемый в уме и живительными веяниями вдохновляемый, как песнь некую священную воспел, изрекши настоящие главы, коими ради сокрытой в них благодати и духовных созерцаний услаждает и слух, и ум читающих и живую в них возбуждает ревность к жизни по их наставлению, так как в них и верный излагается образ жизни деятельной и незаблудное указывается восхождение к жизни созерцательной. Сверх сего в них желающий может поучиться и тому, каков должен быть и как действовать почтенный саном священства. И вообще тем, кои трудолюбно будут прочитывать их, они доставят богатое нравственное назидание и верное руководство к спасительному трезвению.



ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОГНОСТА

о жизни деятельной и созерцательной и о священстве главы,

коих акростих такой:

Преподобнейшим отцам, Лазарю и Варлааму, скудный всем Феогност, недостойный более всех живущих в мире настоящем.

1. Тогда думай, что имеешь истинную добродетель, когда совершенно ни во что поставишь все, сущее на земле, всегда имея в сердце с чистою совестью готовность преселиться к Господу. Если же хочешь познанным быть от Бога, будь не знаем людьми, сколько можно.

2. Остерегайся излишних утешений телесных и воздерживайся от них, чтобы они не отняли чего-либо из цены трудов твоих. Почитай ущербом не лишение себя чувственных услаждений, а отпадение через вкушение их от лучшего.

3. Всем чувством почитай себя муравьем и червем, чтоб соделаться человеком Богосозидаемым: ибо если не будет того прежде, не последует и сие. Сколько спустишься вниз в чувстве о себе, столько подымешься вверх в действительности. Когда в ничто вменяешь себя пред лицом Господа, подобно Псалмопевцу (см. 38, 6), тогда бываешь сокровенно велик из малого; и когда сознаешь себя ничего неимеющим и незнающим, тогда ты богат и деянием и разумом, похвальными у Господа.

4. Сотри хребет грешника и лукавого — сластолюбия, говорю, и лукавства, от которых рождается всякое зло; сотри же воздержанием и смиренным незлобием, чтобы, если б и строго изыскиваема была в тебе грешность, во время суда ничего такого не нашлось в содеянном тобою; ибо прегрешения изглаждаются, когда мы, возненавидев причины их, по коим они

были совершены, воевать начнем против них и первое поражение вознаградим последнею победою.

5. Ничего нет лучше чистой молитвы, из которой, как из источника, истекают все добродетели — благоразумие и кротость, любовь и воздержание, и слез ради свыше нисходящее заступление и утешение. Доброту же ее составляют держание внимания ума в том, что произносится языком и помышляется при сем умом, и ненасытное всегдашнее вожделение собеседования с Богом, когда ум, через рассмотрение Сущего устремляясь в след своего Владыки и с пламенною любовью жаждательно ища обрести невидимого, и встречая тьму, закрывающую Его, опять возвращается в себя со всеблагоговейным смирением, довольствуясь тем, что ныне на пользу открывается созерцанием, и тем утешаясь; в благой, однако ж, пребывая надежде всеконечно достигнуть желаемого тогда, когда кончатся видение *якоже зерцалом в гадании,* и настанет чистое *лицем к лицу* зрение Его непрестанное (1 Кор. 13, 12).

6. Воздержись от высших созерцаний, если ты не достиг еще крайнего бесстрастия, не гонись за тем, чего догнать нельзя, и не ищи того, что выше сил твоих. Если желаешь, говорит некто, сделаться богословом и созерцателем, путем жизни взойди до сего и чистотою стяжи чистое (боговедение). Помянув о богословии, напоминаю тебе, смотри, не простирайся в высоту его до безмерности, и ведай, что не пристало нам, еще млеком добродетелей напаяемым, покушаться воспарять туда, чтоб понапрасну не растерять перьев, как бывает с молодыми птенцами, хотя сладость ведения и сильно влечет наше желание. Когда же по очищении целомудрием и слезами восторгнемся от земли, как Илия или Аввакум, предначиная или предызображая имеющее некогда быть восхищение на облацех, и молитвою созерцательною, чистою и непарительною, став вне чувств, взыщем Бога, тогда, может быть, коснемся сколько-нибудь и богословия.

7. Равным образом желая сподобиться Божественного видения и озарения ума, прежде возлюби мирную и безмолвную жизнь, и упраздняясь от всего, познай и себя и Бога. Если будет

это, то ничто уже не воспрепятствует тебе, как в тонком веянии ветра (гласе хлада тонка) при внутреннем устроении твоем, чистом и никакою страстью невозмущаемом, умно узреть для всех Невидимого, благовествующего тебе спасение через впечатлительнейшее познание Его.

8. Как после блеснутия молнии, тотчас ожидается и гром, так и там, где воссияло Божественное очищение, утихает буря страстей. А где это, там вместе с сим водворяется в стяжавшем сие залог тамошнего (будущего) блаженства. Но не бывает ни чувства милости Божественной, ни надежды бесстрастия в душе, любящей мир паче Создавшего, питающей пристрастия к видимому и всем желанием вожделевающей плотских удовольствий и наслаждений.

9. Божества, что оно есть и где, не ищи умом; ибо оно преестественно и местом не объемлется, яко превыше всего сущее. Но только описуемого (по воплощении) Бога Слово показуй в себе, как в зеркале, сколько сие доступно, который в сем случае, светлые испуская лучи Божественным естеством своим, в определенном месте мысленно полагается, пребывая вездесущим, по неописанности Божества. Впрочем, на сколько очищаться будешь, на столько будешь сподобляться и озарения Божественного.

10. Возжелав истинного ведения и удостоверения в спасении несомненного, умудрись прежде расторгнуть страстные союзы души с телом, и обнажившись от пристрастия к вещественному, низойди в бездну смирения, и обретешь многоценный бисер спасения, как в раковине, в Божественном ведении сокрытый, и светлость Царствия Божия тебе предобручающий.

11. Для того, кто добре совершил духовное послушание, плоть подчинив духу, не требуется послушание человеческое; ибо таковой в послушании состоит Слову Божию и Закону, как благодарный раб. Но для тех, у коих идет борение и война тела против души, необходимо иметь вождя и правителя и слушаться его, яко умеющего со знанием дела править рулем жизни нашей и снаряжать нас вовремя благопотребными оружиями,

чтоб не захватили нас в плен невидимые супостаты, и страсти не потопили по неопытности нашей.

12. Когда не станет возмущать тебя никакая страсть, Божественное же желание будет возрастать внутри тебя в сердце твоем; когда при том не станешь ты бояться смерти, почитая ее сном, а паче вожделевать будешь разрешения с телом, тогда стяжешь ты как должно залог спасения, и Царствие Небесное будешь носить внутри себя, радуясь радостью неизреченною.

О священстве

13. Сподобившись Божественного и честного священства, прежде всего себя самого обязан ты всегда иметь принесенным в жертву умерщвлением страстей и сластей плотских, и таким образом дерзать приступать к животворной и страшной жертве, если не желаешь быть сожжен Божественным огнем, как какое-либо легко сгорающее вещество. Ибо если Серафим не дерзнул без клещей прикоснуться к углю (см. Ис. 6, 6); как ты коснешься без бесстрастия? Через него же ты будешь иметь и язык освященным, и уста очищенными, и душу непорочною вместе и с телом, и самые руки паче всякого злата блестящими, как слуг преестественного огня и жертвы.

14. Сознай поглубже силу сказанного, потому что каждодневно зришь оное спасительное Божие таинство, которое однажды увидев, Симеон старец изумился и просил смерти; и если не имеешь извещения от Духа Святого, что ты благоприятный посредник между Богом и человеками, как равноангельный, то на пагубу себе не дерзай на всесвятое и страшное священнодействие Божественных Таин, пред коим Ангелы благоговеют и от коего всеблагоговейно воздерживались многие из святых, чтобы подобно Зану оному не быть изъяту из среды живых по Суду Всевышнего.

15. *Внимай себе,* как сказал апостол (1 Тим. 4, 16). Внимай себе и всегда совершай приношение о своих наперед грехах, чтоб, если что было в тебе или, может быть, есть еще нечистого по немощи, потребляемо было Божественным огнем. Таким образом возможешь ты, как бы сосуд избранный, благотребный, чистый и для такой жертвы достойный, прелагать себя

в серебряного или даже златого, хотя был каким-то деревянным или глиняным, если только ради дерзновенного упования твоего будешь иметь Бога преклоняющимся на милость к тебе. Ибо где Бог готов услышать, там нет препон к преложению одного в другое.

16. Внимай, какой удостоен ты равноангельной чести, и старайся со всякою добродетелью и чистотою пребывать непорочным на сей степени, на какую призван. Видишь, из какого каким стал падший Люцифер за превозношение. Не пострадай того же и ты, возмечтав о себе великое, но почитая себя землею, пеплом и сором, плачь всегда, что, несмотря на то, допускаем бываешь к Божественному причастию и к совершению страшного священнодействия Святых Таин по безмерному человеколюбию и неизреченной благости Божией.

17. Приявшему священство и от всех страстей надлежит быть чисту, особенно же от блуда и злопамятства, о коих даже легких помышлений иметь не следует, если не хочешь подвергнуться гневу и проклятию, подобно прокаженному или сажею испачканному, когда он дерзнет коснуться царева тела.

18. Потоками слез паче снега убеленный, со светлою в чистоте совестью касайся Святых Таин, как святой, внешним ангелоподобным благообразием являя внутреннюю души красоту. Но смотри, в совершении Божественных Таин не удовлетворяйся человеческими только преданиями, но да будет с тобою и благодать, сокровенно и таинственно дающая тебе уразумевать при сем и высшее.

19. Возжелав нетления и бессмертия, благочестно и благоговейно совершай животворные и нетленные Тайны, желая вместе и преселения отсюда, как совершенным ставший через веру. Если же боишься смерти, то ты еще не сорастворился любовью со Христом, Которого собственноручно жрети удостоен и Которого плотью насыщаешься. Ибо если б было так, ты спешил бы отойти туда, где Любимый тобою, ни во что вменяя и жизнь и плоть.

20. Плоти Божией и жрецом, и общником через причащение соделавшись, сраспенным быть обязан стал ты и подобию

смерти Его, *не ктому себе* живя, но, по апостолу, распеншемуся и умершему за тебя (см. 2 Кор. 5, 15). Если же для плоти и мира страстно живешь ты, то уготовляешь себя после смерти на вечное мучение; если прежде кончины произвольно не перестанешь совершать бескровную жертву. Кому неизвестно, что многие из недостойно священнодействующих восхищены быв отселе внезапною смертью, пересланы прямо в тамошние мучилища.

21. Один иерей и вместе монах, славившийся благочестием и многими по внешней видимости почитаемый досточестным, внутри же скрытно ласкосердствовавший и оскверняввшийся, когда, совершая Божественную и священную литургию, дошел до херувимской песни, и преклонив, как обычно, выю пред святою трапезою, начал читать: *никтоже достоин...* внезапно оказался мертвым, потому что душа оставила его в этом положении.

22. Правого разума и ведения ничего нет предпочтительнее. Ибо от сего порождается страх Божий и любовь к Богу: и тот очищает через благоговеинство и самообуздания, а эта совершенствует через светлое благонастроение и рассудительность, и ум соделывает свободно парящим в высоких созерцаниях и восхождениях горе. Но без страха невозможно прямо перенестись к Божественной любви и, минуя любовь, возлететь к уповаемому и почить в нем.

23. Пойди же ты мне, возжелавший спасения, теки с жаром и не зная утомления, пока достигнешь, ищи притрудно, проси непрестанно, толцы терпеливо, пока улучишь, водрузив на верху лествицы, как знамя, твердую веру и смирение. Достигшим же желаемого почитай себя не тогда, когда получишь отпущение грехов, но когда перестанешь бояться восстания всяких страстей, без страха и с дерзновением готов бывая изыти из тела.

24. Со многими слезами взыщи приять удостоверение в спасении, однако ж не прежде кончины, если ты смиренномудр, чтоб иначе потом, обеззаботившись, не вознерадеть о деле спасения, но тогда близ исхода обрести его, молись, — несомненное впрочем, — чтоб, дерзновенно на посмеяние себе возмечтав, что имеешь его, не оказаться не попавшим туда, куда мечтал

метить, когда придет наконец чаемое время. Куда же пойдешь ты тогда, окаянный, без залога и спасительного несомненного удостоверения, подаемого Духом Святым?!

25. Возжелав боготворного бесстрастия, прежде послушанием и смирением взыщи сего желаемого, чтобы, пошедши к нему другою дорогою, не причинить себе напрасных трудов. Бесстрастие же стяжавшим должно почитать не того, кто иногда осаждаем бывает страстями, а иногда мирен и покоен бывает от них, но того, кто непрестанно наслаждается бесстрастием, и когда присущи причины страстей, недвижимым от них пребывает, и когда помышления о них приходят, ничего от того не претерпевает.

26. С бранью и укорами дерзко приступает враг к душе, исшедшей из тела, как горький и страшный обличитель падений ее. Но можно увидеть тогда, как боголюбивая душа, хотя прежде часто многими уязвляема была грехами, нисколько не поражается его нападениями и угрозами, но утверждаясь в Господе, окрыляется радостью, исполняется дерзновением, видя сопровождающие ее Святые силы, и, ограждаема будучи светом веры, с великою небоязненностью взывает к лукавому: «Что тебе и мне, беглец с неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами. Над нами, как над всем, власть имеет Христос, Сын Божий. Ему мы согрешили, Ему и отчет дадим, поручителем имея Его к нам милосердия и нашего в Нем спасения Крест Его честный. Ты же беги дальше от нас, окаянный; ничтоже тебе и рабам Христовым». От таких дерзновенных речей души хребет наконец дает диавол, воплями раздираемый, не могши устоять пред именем Христовым. Душа же после сего, миновав область князей воздушных, обрадованная относится Божественными Ангелами в определенное ей, по ее устроению, место.

27. Любовь к вещам текучим да не увлекает к земле тебя, горняя мудрствующего. Если же какое пристрастие к земным благам вяжет тебя, то ты подобен орлу, уловленному сетью за ноготь и не могущему взлетать в высь. Имей же и почитай *все уметами* (см. Флп. 3, 8) в надежде лучшего; и, когда время

потребует, сбросив самую плоть, свободно последуешь ты за ведущим тебя Ангелом.

28. Как невозможно монету, не имеющую царской печати, внести вместе с обыкновенными в царскую сокровищницу; так невозможно без правого ведения и бесстрастия приять залог тамошнего блаженства, и с дерзновением и уверенностью выйти отзде к Уповаемому и сочетаться с избранными. Ведением же называю не мудрость, но неложное познание Бога и Божественного, коим боголюбивый, не влекомый долу страстьми, возвышается к обожению благодатью Святого Духа.

29. Хотя бы ты все относящееся к деятельной жизни прошел, не надейся на себя и при этом, будто достиг уже бесстрастия и можешь беззаботно вращаться в мире; чтобы в таком случае, набрав страстных видов, по возвращении к себе не встретил ты в этом чего-либо неблагоприятного порядкам жизни своей. Но всегда, под пестунством страха, усердно пекись о своем изменчивом и превратном естестве, благоразумно удаляясь от причин страстей. Ибо бесстрастие, в высшей степени неизменное, бывает лишь в достигших совершенной любви и непрестанным созерцанием держимых выше всего чувственного и восшедших на верх смирения, которых уже не касается пламя страстей, пресекаемое гласом Господа, ради преложения их в нетление.

30. Бесстрастия не желай прежде времени, чтоб не пострадать того же, что пострадал первозданный, не зрелого вкусивший древа познания; но трудясь с терпением во всестороннем воздержании и непрестанной молитве, и храня с самопрезрением и крайним смирением деятельные навыки и порядки, приимешь после сего во время благоприятное и благодать бесстрастия, сие пристанище упокоения, после бурь и тревог. Ибо не обидлив Бог, чтоб для право шествующих отворить, когда должно, дверь бесстрастия.

31. *Иди ко мравию, о лениве* (Притч. 6, 6), и научись от него трудолюбному деланию. Но при этом не забывай, что во благих наших не имеет нужды Бог, ни в чем не имеющий недостатка и всем преисполненный; но Сам благотворит богатно даровито и спасает по благодати благоумных и верных Ему произволением

и благодарных; хотя человеколюбно приемлет посильные их делания. Итак, если ты трудишься как должник Ему за прежние Его тебе блага, добре творишь и близка к тебе милость Божия; если же должником думаешь иметь Бога за делаемое тобою по видимому добро, то ты заблудил, уклонясь от прямого пути: ибо как благодетель — должник? Впрочем, теки и так, как наемник; и мало-помалу преуспевая, достигнешь, по милости Божией, искомого.

32. Хочешь ли, я покажу тебе и другой путь ко спасению, или лучше, к бесстрастию? Докучай Создателю своему, сколько сил есть, молитвами, чтоб не уклониться от предлежащей цели твоей, ходатаями пред Ним всегда предлагая все Небесные Силы и всех святых, и со Пресвятою Богородицею; и бесстрастия не ищи, как недостойный такого дара, но проси притрудно спасения, и с ним получишь и бесстрастие, из коих одно подобно серебру, а другое золоту чистому; имей и сокровенное наипаче делание, сию Божию рабу, и некоторых сокровенных таин словеса к Богу, боготворящие тебя, коими Он благоугождается и преклоняется.

33. Подвизайся залог спасения приять внутрь в сердце твоем несомненным удостоверением; чтоб иначе во время исхода неожиданно не встретить страха и трепета. Почитай же себя получившим сей залог, когда возымеешь сердце свое, незазирающим тебя ни в каком прегрешении, и совесть, не биющею в прогневаниях; когда дикость зверских страстей подчинилась тебе благодатию Божиею; когда слезы утешения сами собою льются у тебя и ум чисто и без мечтаний молится; и когда радостно с готовностью сердца ожидаешь смерти, для многих страшной, которой желали бы они избежать.

34. *Глаголы живота вечнаго,* которые, как засвидетельствовал апостол Петр (Ин. 6, 68), имеет Бог Слово, суть глаголы о том, что им совершено, которыми тайноводствуемый к Нему еще отзде стяжевает и вечную жизнь, и залог Духа, и непостыдную надежду спасения. Но сего не сподобляется тот, кто предпочитает душе плоть и имеет пристрастие к земным благам, и услаждается ими.

35. Словесен (λογικός — разумен) не тот, кто имеет произносимое слово (имеет способность говорить членораздельно): ибо таков всякий человек; но тот, кто словесною (разумною) силою ищет и исследует, как обрести Бога. Впрочем, никогда не найдет он, что есть по естеству Преестественный. Это невозможно ни для какого естества; но в премудром благоустроении всего сущего, в промышлении о нем, его сохранении, направлении и управлении как бы созерцается и осязается красоты сей хитрец рододелатель и родоначальник (см. Прем. 13, 1, 4, 5), как домостроитель познается из дела рук Своих.

36. Нестяжательности не стяжешь, как должно, без бесстрастия, ни бесстрастия без любви, ни любви без страха Божия и чистой молитвы, ни этих без веры и беспопечения, коими окрыляемый ум бросает долуплетущее мудрование, воспаряет в горнее и обозревает его, ища Владыку своего.

37. Лобызай чистоту, как зеницу ока своего, да будешь храм Божий и дом Ему желанный; ибо без целомудрия невозможно соделаться своим Богу. Порождает же сие любовь к Богу, беспристрастие к миру и удаление от него, а сохраняет смиренномудрие, воздержание, молитва непрестанная, созерцание духовное (богомыслие), плач и рассуждение, доброты коего не улучишь ты без бесстрастия.

38. Никто да не введет тебя в заблуждение, будто без святыни (чистоты), в противность слову апостола можно узреть Бога (см. Евр. 12, 14). Ибо Господь, всеблагий и всякой чистоты превыше сущий, не благоволит внутренне являться нечистому. Как недостоин Его, паче Его любящий отца и матерь или дочь и сына; так недостоин Его и тот, кто любви к Нему предпочитает что-нибудь временное и вещественное и тем паче этот мерзкий и смрадный грех. От того, кто не отвращается от сей нечистоты, отвращается Бог, так как *ниже тление нетления наследствует* (1 Кор. 15, 50).

39. Божественной любви без ведения не сподобишься и ведения без веры. Веру же разумею не просто нагую, но порождаемую деланием добродетелей. Истинное же сокрушение тогда улучишь, когда воздержанием, бдением, молитвою и смирением

иссушив срасленную с плотью твоею сласть похотную, сораспнешься Господу Иисусу и не будешь уже жить страстно, а начнешь жить Духом, сообразуясь с надеждой вышняго звания и избрания (см. 2 Пет. 1, 10).

40. *В сем познах, яко восхотел мя еси,* вопиет к Богу пророк, *яко не возрадуется враг мой о мне* (Пс. 40, 12), до конца тираня и бесчестя меня страстьми. Но прежде конца исхити меня из рук его и, дав мне пожить духовно, по благоугодному Тебе, благоволи по блаженной кончине спасенным представить меня Твоему престолу, и отзде несущим залог спасения по милости Твоей и несомненное в нем удостоверение; так как обрестись в час исхода неготовым и трепещущим я почитаю бедствием невыносимым, горчайшим и злейшим самой смерти и ада.

41. Непростое и неслучайное какое дело — вера и надежда; но вера требует души твердой, а надежда нрава и сердца правого. К тому же кто легко поверит невидимому без благодати? И кто возымеет надежду о будущем неявном, если не имел какого-либо правого опыта дарований Господа, из которых мог бы он получить удостоверение и о будущем как о настоящем? В обеих сих добродетелях требуется и сила нашей воли, и мановение и помощь Божия, коих когда нет, тщетен труд наш.

42. Порождением истинной добродетели бывает или ведение, или бесстрастие, или то и другое вместе. Почему если бы кто тщетно стал искать в нас этого, то было бы неложно, что добродетель наша есть только кажущаяся добродетель, а не истинная. Ибо если б она не была такою, то была бы богата и плодами, а не одними листьями. Таким образом, побуждаемый на добро или человекоугодием, или самоугодием, или другим чем, неугодным Богу, лжив и не боголюбив. Но если мы исправим побудительную причину, то несомненно достигнем совершенства в истинной добродетели, которая в свое время и в должной мере принесет нам и ведение, и бесстрастие благодатью всеблагого Бога нашего.

43. Уразумевай умышления врага (см. 2 Кор. 2, 11) просвещением благодати, и повергая себя пред лицом Бога со слезами, исповедуй немощность свою, ни во что вменяя себя, хотя

обольститель наш и внушает думать, что мы нечто. Не ищи преподания тебе дарований, если они не способствуют спасению и сохранению смиренномудрия; ищи же ненадымающего знания, как причины боговедения, и того, чтоб не быть до конца насилуему страстями, как тиранами, и разрешиться от плоти в бесстрастии или, по крайней мере, в болезновании о прегрешениях.

44. Как нельзя взлететь в высь без крыльев, так нельзя улучить и уповаемого без несомненного удостоверения в том еще отзде; удостоверение же сие порождается из смирения или от благодати Святого Духа в тех, кои совершенно благоугодили Богу, которым конечно свойственно и бесстрастие, или отчасти или совершенно, смотря по мере их богоугождения и очищения. Те же, которые в ином виде исходят из тела, как в зиму страстей или в субботу (без дел добродетели) (см. Мф. 24, 20), подлежат суду и истязанию во время воздаяния.

45. Спасаемый туне, благодари Спасителя Бога. Если же желаешь и дары принести Ему, принеси благодарно от вдовствующей души своей две лепты — смирение, разумею, и любовь. И Он примет их, что добре ведаю, паче многого богатства добрых дел, ввергаемых многими в газофилакию спасения. Если же ты, как Лазарь, имеешь нужду в оживлении, умерши от страстей, эти же самые добродетели, как родных сестер, предпосли ходатаицами пред Ним, и всеконечно получишь искомое.

46. Исправляя, как должно, деятельную сторону добродетельной жизни, через это одно не можешь ты достигнуть пристани бесстрастия, так чтобы чисто и непарительно мог молиться; если в то же время ума твоего не будут обымать духовные созерцания просветительного ведения и познания сущего, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе в истинной, всецело любовью дышащей молитве, к родственным ему светам вышних невещественных чинов, а от них, сколько доступно, к великому возносился бы свету к трисолнечной Богоначальной Троице.

47. Не будем мы наказаны в будущем веке за то, что грешили, и не будем осуждены по сей причине, получив естество

изменчивое и непостоянное, но за то, что, согрешив, не покаялись и не обратились от злого пути к Господу, получив власть и время имея на покаяние. Бог благ и милосерд к кающимся, хотя изображается Он угрожающим и гневающимся, но это на зло и грех, а не на нас, которых всегда готов принять, коль скоро увидит слезу сокрушения на лице нашем. Да и вообще Он бывает таков к нам, каковы дела и расположения наши, каждому воздавая по достоинству его жизни.

48. Когда случайно пошатнешься в добром стоянии, не трепещи, а, выпрямясь поскорее, спеши возвратиться к прежнему благоустроению печалью, жалением, самоукорением, и слез довольным излиянием в сокрушении духа; в силу коих, изшедши из случившегося падения, внидешь в лоно спасительного радования, полагая в сердце вперед твердо стоять, чтоб опять, прогневив Судию, не иметь нужды в слезах и сокрушении в очищение: ибо если здесь этого не будет, то всеконечно в будущем не миновать нам мук достойных.

О священстве

49. Опять у нас слово о пречестном священстве, какого ангельского устроения и какой чистоты требует оно, а по принятии его еще большей, чем прежде, твердости и целомудрия: ибо если нечистое сколько-нибудь следует очищать, то чистое как допускать до осквернения? Иначе, если свету попустим омрачиться, и к масти благовонной примешаем что зловонное, то имеем наследовать *увы,* и пагубу, как святотатцы, подобно Анании и Сапфире.

50. Если и кажется тебе, что ты из сосуда погибельного и непотребного достойно вступил в Ангельский и Божественный чин священства ради малой некоей чистоты, став сосудом избрания, благоприятным Господу, по апостолу; то все же всеусердно блюди незапятнанною честь, которой ты сподобился. Храни Божественный дар, яко зеницу ока, чтоб причастившись без должного внимания, не быть с высоты низринуту в бездну, из которой трудно будет тебе найти выход.

51. Как муж разумный разумей, что когда *Бог* есть оправдаяй, то кто будет осуждаяй (см. Рим. 8, 34)? И если, быв

призван, вступил ты в благодатный премирный чин Божественного священства, нечего тебе беспокоиться о прошедшей жизни, если тебе и запятнаться случилось, но тотчас же с Божиею помощью и очиститься, и исправиться. Но после сего первою заботою, внимательною и трезвенною да будет у тебя не омрачать благодати сей; чтоб если кто неразумно и будет осуждать рукоположение твое в священство по причине прежних твоих дел, услышал он во вразумление Божественный глас, взывающий: *яже Бог очистил есть, ты не скверни* (Деян. 10, 15).

52. Легок чин священства и благо иго его; но если кто, вместе с тем, как приемлет его, начинает и исправлять его как должно, и если не было покушения получить благодать Божественного Духа куплею. Если же человеческим исканием и тленным даром мнится купленным непокупное и непродажное, то как звание при сем было не свыше, так и бремя это будет очень тяжко, как носимое не по достоинству и выше сил, и иго это жестко, стирать будет выю и сокрушать силу влекущего его, пока не истощит и не измождит его в конец, если не сложит.

53. Дерзновенно подшедши под иго священства, право твори пути свои и право правь слово истины, со страхом и трепетом содевая через то свое спасение. Ибо Бог наш есть огонь поядаяй: и если ты коснешься Его, как злато, или и сребро, то не бойся пожжения, как вавилонские отроки в пещи; если же ты травяной и тростниковый, из удобо возгорающегося вещества, как земная мудрствующий, то бойся, чтоб не быть пожжену небесным огнем, если не убежишь от гнева, как Лот, воздержанием от страшных таин или не поспешишь омыться в слезах покаяния. Только осырившись водою слезною, ты станешь неопалим и неуязвим для огня правды, как некогда слабое растение купины. В таком случае, я не знаю, есть ли какой из грехов, на кои мы так скоры по немощи своей, который не был бы изглаждаем Божественным огнем в служении, совершаемом с полною чистотою или действенным очищением.

54. Не осилив же отстать и очиститься от страстного расположения по причине долговременной привычки, как дерзаешь ты, окаянный, касаться того, что и для Ангелов неприкосновенно?

Итак, или вострепещи и воздержись от Божественного священнодействия, и тем умилостиви правду Божию, или как бесчувственный и неисправимый попускай себя впасть в руки Бога живого, Который не пощадит тебя человеколюбно, но накажет немилосердо за то, что ты бесстыдно дерзаешь приступать к царской брачной вечери с душою оскверненною и в рубищах, когда ты недостоин даже входа в царский чертог, а не только возлежания на его вечери.

55. Знал я одного из освященных, который дерзал приступать к Божественному тайнодействию недостойно по причине блудной владевшей им страсти. Впал он за это в тяжкую и неизлечимую болезнь и приближался уже к смерти. Поелику таким образом все сделав для уврачевания своей болезни, не успел он ни мало, и болезнь не только продолжалась, но еще усиливалась, то пришедши в чувство и сознав, что умирает по причине недостойного литургисания, дал он с клятвою обет, что не приступит более никогда к священнодействию. За словом сим тотчас последовало и уврачевание болезни, так что и следа ее никакого не осталось.

56. Блистателен чин священства и священное облачение, но если посвященный имеет при сем внутри и душу, блестящую чистотою. Когда же он сквернится с беспечностью, и совесть, свидетельствующая о срамоте сей, презирается, тогда свет становится тьмою, виновницею и вечного мрака и огня, если, оставя путь сей, стремнинистый по обе стороны, не изберет он другого — жизни добродетельной со смирением, безбедно ведущей в Царствие Божие.

57. Получение спасения достигается добродетелью и в низком состоянии, а не досточестным священством, требующим и жития равноангельного. Итак, или будь бесстрастен по ангельски, как бы вне мира и плоти сущи мудрованием, и таким образом вступи на эту небесную лествицу, или, сознав свою немощь, устрашись высоты, угрожающей и падением великим для неисправных, и емлись за жизнь, общую большинству, не меньше однако ж той особной, приводящей к Богу и присвояющей Ему, в которой, если и пасть тебе случится,

удобнее для тебя восстать покаянием, благодатью всемилостивого Бога нашего.

58. *Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут* (1 Кор. 15, 50). Но ты, причащаясь плоти и крови Бога, и бываешь сотелесен Ему и сорастворен с кровию Его; почему имеешь уже внутрь себя Царство Небесное; как же осаждаем бываешь ты страстьми плоти и крови? Боюсь, что не пребудет в тебе Дух Божий, как в плотяном (см. Быт. 6, 3), и в час Суда рассечен ты будешь полма: тогда возьмут от тебя всечестное священство, как от недостойного такой благодати и отошлют тебя на вечное мучение в ад.

59. Будто страха Божия нет пред очами твоими, что ты, кажется, маловажным нечим почитаешь недостойное священнодействование, прельщаем бывая самолюбием, подлагающим тебе, что Божество благо. На этом почивали некогда Дафан и Авиррон, пока не поглотила их земля. Ужаснись того же и ты, и истинно *убояшася страха, идеже* есть *страх* (см. Пс. 13, 5), держи в мысли, коль велико дело есть Священнодействование; и или достойно и чисто, чтоб не сказать, равноангельно, пользуйся властью Божественного священства, или отступи от сего страшного служения, как человек разумный; чтоб иначе, небрежничая ныне в сем деле и совесть свою, обличающую тебя, обманывая софизмами некогда, когда все будет право рассуждено и осуждено, не возопил ты со стенанием: *страх бо, егоже ужасахся, прииде ми, и егоже бояхся, срете мя* (Иов. 3, 25)!

60. Трезвенно и болезненно, во-первых, о себе самом приноси с сокрушением и слезами мироспасительную Священную жертву во очищение: ибо кто так, как ты, поболезнует о тебе и станет приносить о тебе жертву, когда умрешь? Почему прозревая имеющее быть, как бы уже похороненного поминай себя, в ходатайство о спасении твоем предлагая Богу сии святые дары на трапезе, воспоминая Его вольное здесь и человеколюбивое заколение.

61. Какое несказанное и невыразимое утешение, когда душа с уверенностью во спасении отделяется от тела, слагая его, как одежду! Ибо, как бы во обладании будучи уповаемых благ, она

оставляет его беспечально, с миром идя к Ангелу, свыше сходящему к ней с радостью и веселием, и вместе с ним беспрепятственно проходя воздушное пространство, никакому не подвергаясь нападению со стороны духов злобы, но в радости восходя с дерзновением и благодарными возгласами, пока достигнет поклонения Творцу и там получит определение быть помещенною в сонме подобных ей и равных в добродетели до общего воскресения.

62. Страшное скажу тебе слово, но не дивись. Если и не достигнешь бесстрастия по причине, может быть, тиранских предрасположений, но находясь во время исхода в глубоких чувствах смирения ничем не меньше бесстрастного, вознесешься на облаках. Ибо пусть сокровище бесстрастных составлено бывает из всякой добродетели, но драгоценный камень смирения паче всех их досточестен и высок, и стяжавшему его доставляет не только умилостивление пред Богом, но и вход вместе с избранными в брачный чертог Царствия Его.

63. Приемля от Бога оставление прегрешений, славь Его, что не помня твоего зла, не отмщает тебе за него, и всеусильно охраняй себя от произвольных падений. Ибо хотя и в них возможно получать прощение всякий день до самой смерти, но ты оказываешься неблагодарным, если так легко и в ведении согрешаешь. Впрочем, если камнем благонадежия отгнав пса отчаяния, будешь неотступно и терпеливо умолять благость Божию, то простятся тебе многие грехи, чтоб и ты возлюбил многоблагоутробного и преблагого в веке грядущем.

64. Когда, по действию Божественной благодати, предстанешь ты пред Богом в молитве со слезами, пади ниц, крестообразно простершись на земле и, ударяя главою, проси отпущения отзде, как освобождения от тления и избавления от искушения, но не как тебе желательно, но как, когда и где благоизволит Бог, желай изыти, и даже с любовью готовность изъявляй соизыти вместе с сими слезами ко Господу в глубоком смирении, чтоб утолить пламень желания своего и искания, но соглашайся потерпеть и отсрочку в настоящее время, если Бог прозревает нечто лучшее. Одного только настоятельно и неот-

ступно ищи, чтоб не отпасть от Бога; чего для сего не делая, чего не говоря, чего не намеревая, и чего не предпринимая.

65. Будучи плотоносцем, не покушайся исследовать мысленного и духовного, как оно есть, хотя умность души твоей и располагает тебя к сему, когда бывает чиста. Ибо пока нетелесная душа, держимая в узах плоти и крови, не отрешится от сей дебелости и не станет быть с умными силами, дотоле не может, как должно, помышлять о них и понимать их. Итак, предуготовляясь изыти из своей связи вещественной, как из второй матерней утробы мрачной, в невещественное оное и светлое существование, благодушествуй, славя благодетеля своего, переводящего нас через смерть к чаемому нами лучшему бытию, непрестанно трезвенствуй и бодрствуй, по причине окрест нас ходящих нечистых демонов, всегда наветующих против нашего благобытия и пяту нашу коварно блюдущих до самого конца жизни, и до самого исхода своего трепещи за себя по причине безвестности будущего, как созданный превратным и изменчивым по самовластию своему.

66. Враг тогда встречает нас жестокими и страшными искушениями, когда почует, что душа вступила в высшие меры добродетели. Свидетельствуется же это словами молитвы и возвышением ее над вещественною двоицею плоти и чувств. И тогда человеконенавистник так злобно искушает, что нам приходится даже в жизни отчаиваться. Но не знает он, суетный, каких благ бывает для нас виновником, делая нас через терпение более опытными и светлые нам сплетая венцы.

67. Нет другого столь великого подвига, как подвиг целомудрия и девственности. Честно хранящий безбрачие составляет предмет удивления для Ангелов и увенчавается не менее мучеников. Ибо от того, кто будучи связан плотью и кровью, всегда старается подражать безвещественности бесплотных посредством чистоты, сколько требуется трудов и потов? И воистину, столь велико и высоко это дело, что было бы невозможным, как вышеестественное, если бы Бог свыше не являл Своего заступления, укрепляя и утверждая немощное и бренное естество,

и некиим образом от земли восставляя его Божественною любовью и упованием обетованных воздаяний.

68. Усыренная многопитанием и многоспанием плоть — великая препона целомудрию. Истинное же целомудрие и в сонных мечтаниях пребывает неподвижным. Ибо если ум во сне услаждается ими, то это служит признаком, что он носит во глубине болезнь сей страсти. Если же благодатию Божиею сподобится он во сне беседовать с Богом, то явно, что он пребывает для сей страсти неприкосновен; почему и во всякое время бывает души и тела бодренным стражем, держа их в мирном между собою устроении, и как пес некий бодрствуя над ними по причине злокозненных волков, и через то избегая хищничества.

69. Странное скажу тебе слово, но не дивись. Есть некое сокровенное таинство, между Богом и душою совершающееся. Бывает же сие с теми, которые достигают высших мер совершенной чистоты, любви и веры, когда человек, совершенно изменившись, соединяется с Богом, как свой Ему, непрестанною молитвою и созерцанием. На сей находясь степени, Илия заключает небо на бездождие, и небесным огнем попаляет жертву; Моисей пресекает море и воздеянием рук обращает в бегство Амалика; Иона избавляется от кита и глубины морской. Ибо нуждение некое бывает при сем для человеколюбивейшего Бога, в меру однако ж того, как сие с Его волею согласно. Сподобившийся сего, хотя и плотью обложен, но превзошел меру тления и смертности как обыкновенный сон, приемля смерть, к его утешению пересылающую его к тому, чего всегда чаял он.

О священстве

70. Благоговея пред Владычними Страстями и пред истощанием за нас Бога Слова, а также и пред жертвою и срастворением в нас животворящего и Божественного Тела и Крови, коих не только причастия, но и священносовершения сподобляемся мы, смиряй себя, как овча заколения, почитая всех воистину превосходящими тебя, и всячески блюдись, как бы не уязвить чей-либо совести. Без очищения же себя не дерзай прикасаться Святых Таин, чтоб не пожжену быть как сено Божественным огнем, и как воск растаяв, не разлиться?

71. И воистину, если будешь, как должно совершать сие Божественное, всечестное, и страшное евященнодействие, и совесть ни в чем не будет укорять тебя, то ни в чем другом не обретешь ты столь удостоверительного упования спасения, как в нем. Ибо от него получится тобою благо, паче всякого другого делания и созерцания. Если же не так, то сам смотри, что сие значит. И всеконечно лучше, по сознанию своей немощи отказаться от высокого чина священства, нежели со сознанием своего недостоинства и нечистоты принять его и носить, и кажась для многих высоким, быть на деле по недостоинству подобным трупу, достойным плача.

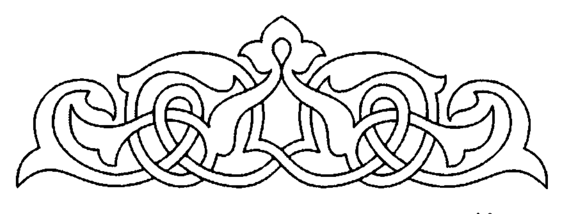
72. Служение честного священства и его умилостивление Бога и неотступное за всех пред Ним ходатайство столько превосходит всякое псалмопение и молитву, сколько солнце звезды. Ибо самого Единородного приносим мы в жертву, Его, по человеколюбию туне заклавшегося за грешников, предлагаем и приводим в умоление не только об оставлении грехов, но и о даровании всего, в чем имеем нужду и о чем молимся: и Тело, с Божеством соединенное, как некий угль попаляет всякое беззаконие и сердца просвещает с верою приступающих; равным образом и Божественная и всечестная Кровь паче всякого иссопа омывает и очищает всякую нечистоту и скверну тех, кои дерзают приступать к Святым Тайнам со всевозможным сокрушением и уповательным умилением. Где можно получить что-либо такое?!

73. Не вознесшееся на небеса тело Бога Слова, как сказал некто из святых, с небес сошедши, жрется, но самый хлеб и самое вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы при совершении с верою, страхом, любовью и благоговением Божественного таинства удостоенными честного священства, в коем таинстве совершается сие пременение одного в другое, действием и наитием всесвятого Духа. Какая же чистота и святость требуется от иерея, касающегося Божественного Тела, и какое дерзновение, когда он должен являться посредником между Богом и людьми, имея смолитвенниками себе со Пресвятою Богоматерию небесные Ангельские чины и всех от века святых?

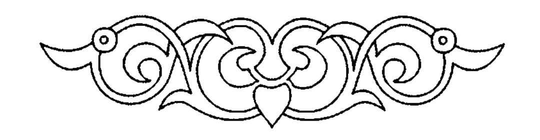
Мне кажется, Ангельские или Архангельские: ибо по сану следует быть и качествам.

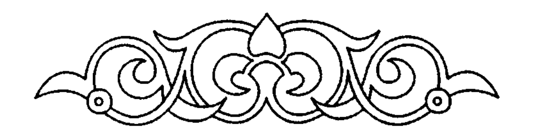
74. Заметить тебе надлежит, брате, что Святые дары, имеющие быть освященными, для того предлежат открытыми после Символа веры, что они некиим образом как бы молятся о приносящих и вопиют неизрекаемыми гласами к Живущему на небесах, да не презрит их, но да призрит на них, воспоминая вольное за грешников истощание Сына своего, Его неизреченное схождение и человеколюбивое заклание. Ибо не праведным нам даровал Он через Свои страдания искупление и спасение, но падших нас помиловал и восставил, яко благий и незлобивый.

75. Хотя тщася о чистой, с Богом невещественно соединяющей невещественный ум молитве, и достиг ты уже того, что, как в зерцале, видишь имеющую сретить тебя после конца здешней жизни участь, как приявший залог Духа и Царствие Небесное внутри стяжавший всем чувством с полным удостоверением; при всем том не допусти себя разрешиться от плоти без предузнания смерти, но и усердно молись об этом и внутренне благонадежен будь улучить сие, если будет благоугодно Богу и полезно тебе пред исходом, к коему и уготовляй себя денно-нощно, отревая всякую боязливость, как бы, прошедши воздушные пространства и избежав духов злобы, дерзновенно и небоязненно был ты уже в небесных областях, спосталяемый с Ангельскими чинами и сопричисляемый к избранным от века праведникам, и Бога зря, сколько сие доступно, или всячески зря блага, от Него нам уготованные, и Бога Слово созерцая, лучами своими освещающего все пренебесное, покланяемого единым с пречистою плотью своего поклонением, купно со Отцем и Святым Духом от всех Небесных Сил и святых всех. Аминь.



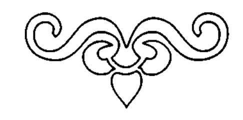
ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛОФЕЙ СИНАЙСКИЙ

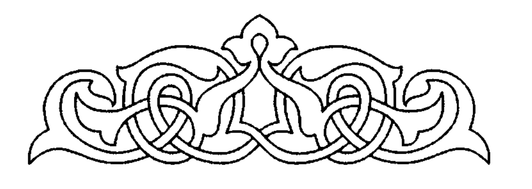




КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ФИЛОФЕЕ СИНАЙСКОМ

Преподобный отец наш Филофей был игуменом словесного монашеского стада, что на Синае, и получил от того прозвание Синайского. В какое время он жил и когда скончался неизвестно. Настоящее, разделенное на 40 глав, его слово, прекрасно составленное, исполнено, и сказать нельзя, коль великой духовной мудрости и душеспасительности. Почему сочтено несправедливым отделить его от состава прочих отеческих писаний о трезвении. И оно требует большого внимания: ибо если б кто назвал его точным истолкованием и верным правилом трезвения, хранения ума и чистоты сердца, не погрешил бы против истины.





ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФИЛОФЕЯ СИНАЙСКОГО

сорок глав о трезвении

1. Есть в нас мысленная брань более тяжелая, чем чувственная. Делателю благочестия надобно тако тещи и ту цель преследовать умом, чтоб, как маргарит какой или камень многоценный, в совершенстве усокровиществовать в сердце память о Боге. Надобно оставить все, даже тело, и презреть самую жизнь настоящую, чтобы Бога единого стяжать в сердце своем. Ибо святой Златоуст сказал, что умного Боговидения одного достаточно к тому, чтоб истребить лукавых.

2. Ведущие мысленную брань должны со всем усердием избрать себе, по указанию Божественных Писаний, духовные делания и возложить их на ум, как целительные пластыри. Так с утра, говорит некто, должно мужественно и неотступно стоять у двери сердца, с крепкою памятью о Боге и непрестанною в душе Иисус Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всех грешников земли, то есть верною, усиленною и горѐ восхищающею памятью о Боге посекать, ради Господа, главы сильных и начала брань воздвигающих помыслов: ибо как знаем, и в мысленных подвижнических трудах есть свой некоторый Божественный чин и порядок действования. Так должно делать нудящим себя (Царствия ради), пока настанет положенное время вкушения пищи. После сего, благодарение воздав Господу, по единому человеколюбию своему питающему нас двоякою пищею — и духовною и телесною, должно томить себя памятованием и размышлением о смерти. А на следующий день опять надо самодержавно браться за утреннее дело. Ибо и при таком каждодневном образе действования, едва-едва возымеем мы в Господе избегнуть сетей мысленного

врага. Такое делание, впрочем, утвердившись в нас, рождает следующие три добродетели: веру, надежду и любовь, из коих вера располагает нас к истинному страху Божию, а надежда, преодолев рабски страх, приводит человека к любви Божией. Если надежда не посрамляет, порождая обыкновенно двоякую любовь, на которой висят закон и пророки; то со своей стороны и любовь николиже отпадает, ни в сем веке, потому что здесь в причастнике своем она бывает причиною исполнения Божественных законоположений, ни в будущем.

3. Редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтоб привлечь к себе Божественную благодать и исполниться истекающим от нее духовным утешением. Итак, если, подобно им, хотим проходить умное делание, сию философию Христову, в хранении ума и в трезвении, начнем путь сей воздержанием от многих яств, положив принимать пищу и питие, сколько возможно, малою мерою. Трезвение справедливо называется путем, потому что оно ведет в Царствие, и то, которое внутрь нас, и в будущее, и умным детелищем (мысленною мастерскою), потому что оно выделывает и убеляет (полирует) нравы ума и страстное переделывает в бесстрастное. Оно подобно также световому оконцу, через которое Бог, приникши, является уму.

4. Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва — там место Божие или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог.

5. Нет ничего разорительнее многословия и зловреднее невоздержного языка; и ничто столько не сильно расстраивать и истреблять богатство душевное. Ибо, что каждый день созидаем в себе, то многословие снова разоряет, и что трудом собираем, то через языкоболие душа снова расточает. Что хуже сего (языка невоздержного)? Он — неудержимое зло. Надобно положить ему предел, обуздать его и стеснить, и, скажу так, заставить

его служить только нужде. И кто может высказать весь душевный вред, происходящий от (невоздержного) языка?

6. Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим, во внимание ума, есть разумное молчание уст, хотя ум еще и не безмолвствует; вторая — мирное (малою мерою определенное) воздержание в пище и питии; третья, очищающая ум и тело — непрестанная память и размышление о смерти. Узрев однажды красоту сей последней и духом, а не оком, уязвившись и усладившись ею, я возжелал стяжать ее себе в сожительницу на целую жизнь, возлюбив ее благообразие и благолепие. Как она смиренна, радостопечальна, задумчива, как страшится будущего праведного истязания и как боится продления (случайностей) жизни! Из чувственных очей своих она обычно источает целительную живую воду, а из очей мысленных — обильный источник премудрых помышлений, который, теча и скача, веселит разум. Эту-то, как я сказал, дщерь Адамову, то есть память о смерти, жаждал я всегда иметь сожительницею себе, с нею спать, с нею беседовать и вместе с нею доследовать, что имеет быть со мною по отложении тела сего; но часто не позволяло мне этого пагубное забвение — сия омраченная дочь диавола.

7. Есть брань, в которой духи злобы втайне сражаются с душою посредством помыслов. Ибо как душа невидима, то зложелательные оные силы, сообразно с ее существом, и нападают на нее невидимою бранью. И можно видеть, как у тех, так и у ней, и оружия, и планы (расположения войск и ведения брани), и обманчивые ухищрения и устрашительные нападения (стремительный натиск, чтоб устрашить), и обоюдные рукопашные схватки и победы и поражения с той и другой стороны. Одного только недостает в этой мысленной, описываемой нами брани, сравнительно с бранью чувственною, определенного времени объявления войны. Для чувственной брани обыкновенно определяется время и свои в отношении к ней соблюдаются порядки; а эта (мысленная) без предъявления внезапно приражается окрест самых глубин сердца, и получив жребий (изби-

рательные; иначе: взяв перевес через согласие сердца на внушаемое), убивает душу посредством греха. Чего ради и для чего воздвигается против нас это ратование и борьба? Того ради, да не будет исполняема нами воля Божия, о коей молимся, говоря: *да будет* в нас *воля Твоя* (Лк. 11, 2), то есть заповеди Божии. И если кто, установив ум свой от блуждания в совершенной трезвенности в Господе, станет тщательно наблюдать за их (врагов невидимых) вторжениями (в сердце), и соплетениями (схватками с трезвящимся умом), происходящими в мечтаниях фантазии, тот узнает это из опыта. Посему и Господь, цель Свою направляя против злобных демонов и как Бог провидя их замыслы, в противность их цели постановил Свои заповеди, с угрозою нарушителям их.

8. Когда приобретем некоторый навык в воздержании и удалении от видимых зол, производимых пятью чувствами, то после сего возможем и сердце свое блюсти с Иисусом и просвещаться в нем от Него, и с теплым некоторым расположением вкушать умом благости Его. Ибо не для другого чего приняли мы закон очищать сердце, как для того, чтоб, когда облака злых помыслов изгнаны будут из атмосферы сердца и разогнаны непрерывным вниманием, мы могли как в ясный день чисто видеть Солнце правды — Иисуса, и сколько-нибудь просветиться в уме словами величествия Его; ибо обыкновенно они открываются не всем, а только тем, кои очищают смысл свой.

9. Мы должны каждодневно держать себя в таком настроении, в каком надлежит являться пред лицом Бога. Ибо пророк Осия говорит: *милость и суд снабди, и приближайся к Богу своему присно* (Ос. 12, 6). Опять и пророк Малахия от лица Божия говорит: *сын славит отца и раб господина своего убоится: и аще Отец есмь Аз, то где слава Моя? и аще Господь, есмь Аз, то где есть страх Мой, глаголит Господь Вседержитель* (1, 6). То же и апостол пишет: *очистим себе от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). И премудрость внушает: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23). И Сам

Господь Иисус Христос заповедует: *очисти прежде внутреннее сткляницы, да будет и внешнее има чисто* (Мф. 23, 26).

10. Плодом неуместных пустых бесед бывает иногда ненависть к нам от тех, кои слушают; иногда же — укор и осмеяние, когда зазрят они неразумие речей наших; иногда осквернение совести, а иногда осуждение от Бога и опечаление Духа Святого, что ужаснее всего другого.

11. Тому, кто, очищая сердце свое и с корнем исторгая из него грех о Господе, труд прилагает ко стяжанию Божественного ведения и успевает узреть умом незримое для многих, не должно возноситься из-за того над кем-либо. Что между тварями чище бестелесного, и что многоведущее Ангела? Однако ж, и он, вознесшись, низвержен с неба, как молния. Его высокоумие вменено ему Богом в нечистоту. Известно, как действуют выкапывающие из земли золото (будь под всеми, как они под землею, чтоб достать золото ведения).

12. Апостол говорит: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Ибо невозможно с насыщенным пищею чревом ополчаться против начал, против невидимых зложелательных сил тем, кои связаны сею плотью, тяжелою и всегда похотствующею на духа. *Несть бо Царствие Божие брашно и питие* (Рим. 14, 17). *Мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может* (Рим. 8, 7). Не может, очевидно, ради того, что будучи земно, составлено из соков, крови и мокрот, к земному всегда имеет пристрастие и услаждается погибельными удовольствиями настоящего века. Мудрование бо плотское смерть есть: *сущии же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8).

13. Потребно нам великое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе, во-первых, в отношении к Богу, и (во-вторых), в отношении к людям. Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и в дело вводя все, могущее смирять его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей в мире жизни, если она припоминается нами, как следует. Также память о всех грехах

от юности, когда кто пересматривает их умом по частям, обыкновенно и смиряет, и слезы рождает, и ко всесердечному благодарению Бога подвигает нас, как и всегдашняя действенная (до чувства доводимая) память о смерти, которая при том рождает и плач радостный со сладостью, и трезвение ума. Преимущественно же смиряет мудрование наше и располагает потуплять очи в землю воспоминание о Страстях Господа нашего Иисуса Христа, когда кто проходит их в памяти и все подробно воспоминает. Это подает также и слезы. Сверх того, истинно смиряют душу великие Божие благодеяния именно к нам, когда кто подробно перечисляет их и пересматривает: ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами.

14. Не чуждайся из самолюбия этих спасительных врачевств душевных, если ты таков, что имеешь в них нужду. Ибо иначе ты уже не ученик Христов и не подражатель Павла, который говорит о себе: *несмь достоин нарещися Апостол* (1 Кор. 15, 9); а в другом месте сознается, что был прежде хульником, гонителем, и досадителем (см. 1 Тим. 1, 13). Видишь ли, горделивец, вот и святой, а не забывал прежней своей жизни? Да и все святые, от начала создания до ныне, облачались в это последнейшее святое одеяние Божие (в смирение). Сам Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, недоведомый и неизглаголанный, в продолжение всей Своей во плоти жизни облечен был в смирение; так что святое смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелью, и Владычнею заповедью и облачением. Также Ангелы и все оные светлые Божественные силы проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордившийся сатана, и как он в пример того, как надлежит страшиться падения (в сей грех) Ангелам и людям, лежит, лукавый в бездне, за гордость свою явленный бесчестнейшим пред Богом паче всякой другой твари. Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости. Имея пред очами такие примеры сей высокотворной добродетели, будем всегда смирять себя всячески, сколько сил есть, пользуясь указанными выше врачевствами. Смирим себя душою и телом, и в мудровании,

и в желании, и в речах, и в помышлениях, и во внешнем виде, и внешно и внутренно. О чем особенно надобно заботиться — это чтоб сущий за нас Иисус Христос, Сын Божий и Бог, не стал против нас. Ибо *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. 3, 34). *Не чист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5); *смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем,* говорит Спаситель (Мф. 11, 29). Внимати убо подобает.

15. *Внемлите же себе,* говорит Господь, *да не когда отягчают сердца ваша объядением* и проч. (Лк. 21, 34). *Подвизаяйся от всех воздержится,* по слову апостола (1 Кор. 9, 25). Ведая все такие изречения, к нам обращенные в Божественном Писании, будем проводить жизнь свою в воздержании. Прежде всего, оставя многообразие яств, приучим тело свое к обычаю и чину добродетельному, давая ему пищи в меру. Ибо таким образом легко укрощаются и подчиняются разуму взыграния похоти, а если полную, по всему убеждению, говорить правду, то и движения гнева. Но и от других прегрешений удобнее при этом воздержаться, так как и добродетелью-то почитается у тех, кои самим делом и опытом проходят добродетели, всестороннее воздержание, то есть, чтоб удаляться от всякого вида зла. Так-то причина чистоты, после Бога, всех благ источника и подателя, есть равное на всякий день и мерою определенное воздержание от многоястия.

16. Как сатана, сопротивляясь Богу, в желании, чтоб не была исполняема воля Божия, то есть заповеди, через нас воюет против Бога тем, что покушается воспрепятствовать исполнению ее, так опять Бог, желая, чтоб нами была исполняема святая воля Его, то есть, как я сказал, Божественные и животворные заповеди, через нас при своем мановении разоряет пагубное намерение лукавого. Безумное желание врага сопротивляться Богу тем, чтоб увлекать к преступлению заповедей Его, Бог сам низвращает через человеческую немощь. И посмотри, не так ли это бывает? Все Божественные заповеди полагают законы для троечастности души и делают ее здравою

посредством того, что повелевают. Кто строго следует им, у того сия троечастность соделывается истинно здравою. Но против этой же троечастности души день и ночь ведет войну и диавол. Если же сатана ведет войну против троечастности, ясно, что он воюет через то против заповедей Христовых: ибо Христос через заповеди облагает законом троечастность души, то есть раздражительную, пожелательную и мыслительную силы души. И смотри: угроза, что гневающийся на брата своего всуе, повинен есть суду (см. Мф. 5, 22), и следующие за тем Его заповедания — се врачевания раздражительной части. Эту заповедь и прочие положенные вместе с нею враг покушается низвратить внутри посредством помыслов любопрительства, злопамятства и зависти. Знает этот противоборец (наш и Божий), что правитель раздражительной части есть сила мысленная. Почему в нее прежде и пускает стрелы посредством помыслов, как я сказал уже, подозрения, зависти, любопрения, сварливости, лукавства, тщеславия, и склоняет мысленную силу сложить с себя свойственную ей власть, и отдав бразды самому раздражению, оставить его без всякого управления. Тогда раздражение, отбросив своего управителя, без удержи износит через уста в словах все, что прежде вложено было в сердце, что усокровиществовано было в нем дотоле посредством вражеских помыслов при нерадении ума. Сердце является тогда исполненным не Духа Божия и не Божественных помышлений, а злобы (неукротимой): ибо как говорит Господь, *от избытка бо сердца глаголют уста* (Лк. 6, 45). Когда же таким образом лукавый доведет человека до того, что он изгрыгать начнет в словах то, что прежде скрытно замышлялось внутри; тогда этот пленник (вражий) *не рака только, или юрод* скажет брату своему, но наговорит самых досадительных слов, а дальше дойдет и до убийства. Вот какие козни употребляет лукавый в отношении к данной нам Богом заповеди не гневаться всуе. А ведь можно бы и не дойти до досадительных слов, а далее и до того, что за ними следует, если б тотчас по приражении раздражения, молитвою и вниманием к тому, что происходит

внутри, были изгнаны из сердца (разжигающие его мысли). Так-то душегубец достигает злой цели своей только тогда, как найдет кого, по воздействию вложенных им в сердце помыслов, готовым нарушить Божественную заповедь.

17. А пожелательной части что предписано Божественною Владычнею заповедию? *Воззревый на жену, ко еже вожделети ее, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 24). И какую же против сей заповеди сеть сплетает в уме злодей, видя, что дана такая заповедь? Так как предметы, могущие раздражить вожделение отдалены, то он подступает внутрь, и там поднимает похожую брань против сказанной заповеди. Это производит он тем, что живописует и печатлеет в душе блудные образы; бывает, что даже и слова слышатся, возбуждающие на страсть; бывает и другое многое, что знают искусившиеся в мысленных бранях.

18. Какая, наконец, заповедь дает руководительные правила силе умственной? *Аз же глаголю вам: не клятися всяко... Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Мф. 5, 34, 37). Еще: *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). И: *внидите узкими враты* (Мф. 7, 13). Таковы заповеди для мысленной части! Противоборец наш, желая и эту мысленную силу, как доблестного какого воеводу, сделать подручною себе, сначала отнимает у ней здравомыслие посредством помыслов чревоугодия и нерадения; лишив же ее таким образом свойственной ей власти над другими силами, и посмеявшись над нею, как над пьяным вождем, заставляет исполнять свои внушения и хотения, употребив пособниками себе в этом раздражительность и похотение. Силы же эти, похотная то есть и раздражительная, оставлены будучи силою мысленною, начинают все пять чувств наших обращать, как слуг покорных, в орудие к явным грехам. И вот какие вследствие того бывают согрешения и падения! Когда ум извнутрь не обуздывает и не вяжет чувств, тогда глаза всюду разбегаются из любопытства, уши любят слушать суетное, обоняние изнеживается, уста становятся неудержимыми и руки простираются осязать то, что не должно. За

этим последуют вместо правды — неправда, вместо мудрости — неразумие, вместо целомудрия — блудничество, вместо мужества — боязливость. А эти четыре главные добродетели, то есть правда, мудрость, целомудрие и мужество такого суть рода, что если они здравы и в силе в душе, то добре управляют тричастностию души; добре же управляемая тричастность удерживает чувства от всего безместного. И тогда ум, пребывая в тишине, при управлении прочих сил по Божиему и при послушности их, удобно одерживает верх в мысленной брани. Когда же по невниманию допустит он прийти в смятение прочим силам, тогда, будучи преодолеваем прилогами лукавого, преступает он Божественные заповеди. За преступлением же заповедей всячески следует или соответственное покаяние, или мука в будущем веке. И так доброе есть очень дело, чтобы ум всегда трезвенствовал; ибо через это, установившись так, как свойственно ему стоять по естеству, доделывается он истинным хранителем Божественных заповедей.

19. Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающего ее мрака не может молиться как следовало бы: ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих, или сама не ведая как), и слепотствует внутренними очами. Но когда она (пришедши в себя) положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве, тогда мало-помалу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы: иначе же разрешиться от нее нет никакой возможности. В это время познает она, что есть внутрь в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Место же ума есть твердое стояние его в добродетели и трезвении. Есть стояние и в добродетельной, и в грешной жизни. Ибо Писание говорит: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути*

грешных не ста (Пс. 1, 1). И апостол учит: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14).

20. Крепко-накрепко да держим Христа; ибо немало таких, кои всячески покушаются поять его из души. И сами не допустим до того, чтоб Иисус уклонился, *народу* (толпе) помыслов *сущу на месте* души (Ин. 5, 13). Но удержать Его невозможно без болезненного труда душевного. Потрудимся осязать следы жития Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно. Восприимем в чувство Страсти Его, чтоб соревнуя Ему, терпеливо переносить все скорбное. Вкусим неизреченного Его смотрительного о нас снисхождения, чтобы от сладкого вкушения сего душою познать нам, сколь благ Господь. Над всем же сим или прежде всего сего, да веруем Ему несомненно во всем, что говорит Он, и каждодневно да чаем промышления Его, на нас обращенного, и что ни случится, что ни встретим, будем принимать то с благодарностью, любовью и радостным довольством, да научимся смотреть на Единого Бога, Который всем управляет по Божественным законам премудрости Своей. Когда сделаем все это, тогда недалеко будем от Бога. (Да ведаем при том, что) благочестие есть конца не имеющее совершенство, как сказал некто из Богоносных и совершенных в духе мужей.

21. Кто добре искупая время жизни своей, непрестанно бывает занят помышлением и памятью о смерти, и через это самое мудро исхищает ум из срастей; тот обыкновенно острее зрит повсечастные приражения бесовских прилогов, нежели тот, кто проводит жизнь без памяти смертной, надеясь очистить сердце действием одного разума, а не тем, чтобы всегда хранить печальную и плачевную мысль. Таковой, мняся своим быстроумием держать в руках все пагубные страсти, не ведая, как связуются одною, худшею всех, падает в высокоумие (как чающий преуспеть в чем-либо) без Бога. Ему надлежит сильно трезвиться, чтобы за надмение не лишиться смысла. Ибо как говорит апостол Павел (см. 1 Кор. 8, 1), души, отсюда и оттуда набирающиеся знания, обыкновенно надымаются пред теми,

которые, как им кажется, меньше их знают, по той причине, как я думаю, что в них нет искры назидающей любви. А кто имеет непрестанное помышление о смерти, тот острозорче, чем тот, кто не имеет его, замечая приражения демонов, удобно прогоняет их и попирает.

22. Сладостная память о Боге, то есть Иисусе, с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обояние помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения, и кратко сказать, все, чем вооружается, и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши. Иисус, будучи призываем, все попаляет легко. Ибо ни в ком другом нет нам спасения, кроме Иисуса Христа. Это сказал и Сам Спаситель, говоря: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

23. Итак, всякий час и всякое мгновение будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу, Который есть премудрость и сила Бога Отца. Будем непрестанно искать Царствия Небесного внутрь сердца; и, конечно, таинственно обретем внутрь себя самих и зерно, и бисер, и квас, и все другое, если очистим око ума своего. Сего-то ради и Господь наш Иисус Христос сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), разумея через то пребывающее внутрь сердца Божество.

24. Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет из внутрь всякую тьму, подобно свету, вдруг воссиявшему по снятии лежащего на нем покрова. А по изгнании тьмы, совесть при непрерывном продолжающемся истинном трезвении снова показывает то, что было забыто, или что скрывалось, не будучи сознаваемо. В то же время, она посредством трезвения же научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и войне в мыслях научает — как метать копья в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтоб их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа,

сего, вместо пагубной тьмы, желанного света. Кто вкусил сего света, тот понимает, о чем я говорю. Вкушение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но никогда не насыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет неизъяснимый сам в себе, соделывающийся однако ж истолковываемым, только не словом, а опытом того, кто приемлет воздействие сего, или точнее сказать, кто уязвляется им — заповедует мне молчать, хотя ум все еще хотел бы наслаждаться беседою о том, о чем идет теперь речь.

25. *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14), ради стяжания любви и чистоты: ибо они-то и суть мир и святыня. Гневом же надобно вооружаться против одних демонов, мысленно враждествующих против нас и ярящихся. Но послушай, как должно вести каждочасно действующую в нас брань, и поступай так: с трезвением сочетай молитву, и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение. Трезвение, непрестанно назирая за всем внутри, замечает, как враги покушаются войти туда, и заграждая им по силе своей вход, призывает в то же время на помощь Господа Иисуса Христа, чтобы Он прогнал этих лукавых воителей. При этом внимание заграждает вход посредством противоречия, а призываемый Иисус прогоняет демонов с мечтаниями их.

26. С крайним напряжением внимания блюди свой ум. Как только заметишь (вражий) помысл, тотчас воспротиворечь ему, но вместе с тем спеши призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты еще будешь говорить, скажет: се с тобою Я, чтоб подать тебе заступление. Но ты и после того, как по молитве твоей все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множайшие прежних, одни за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа, как в пучину, и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог запрещает злым ветрам (помыслов и они утихают). Ты же,

улучив свободу от вражеских нападений на час или минуту, прославь спасшего тебя и углубись в помышление о смерти.

27. Со всяким сердечным вниманием в чувстве душевном будем совершать путь свой. Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илииной колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен. И что я говорю? У того, кто установился в трезвении или старается установиться в нем, чистое сердце соделывается мысленным небом, со своим солнцем, луною и звездами, и бывает вместилищем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению ума). У кого есть любовь к Божественной добродетели, пусть старается во всякое мгновение произносить имя Господа и со всем усердием слова производить в дела. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств, коими обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань. И так ухитряйся предотвращать все внешние (вредные для души приражения и впечатления), а с рождающимися от них внутри помыслами борись богодарованными средствами, духовным руководясь искусством: трудом бдений обуздывай позывы к чувственным удовольствиям, будь воздержен в ястии и питии, и довольно истончи тело свое, чтоб заблаговременно соделать для себя легкою брань сердечную. Этим всем себе будешь благодетельствовать, а не другому. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятью о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой; особенно ночью, когда ум обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и все Божественное.

28. Не будем отрицаться и от трудов телесного подвижничества: ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре. Не будем ложными умствованиями отклонять требование совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное, и всегда изрекает, в чем долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае

она по причине чистоты своей обычно износит ясный суд (о всем встречающемся), суд достодолжный и решительный), исключающий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями; ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему покаяться, и указывая ему врачевство со сладостным убеждением.

29. Дым, выходящий из дров, тяжел бывает для очей; но потом показывает им свет и услаждает тех, кому прежде причинял неприятность. И внимание, держа непрестанно в напряжении умные очи, утомляет и тяготит голову. Но Иисус, призываемый в молитве, пришедши, просвещает сердце. Память о Нем, вместе с осиянием (внутреннего нашего) доставляет и высочайшее из благ (Самого Господа).

30. Враг, навыкши возмущать ум наш, желает склонять нас и к тому, чтоб мы вместе с ним питались перстию, и, быв созданы но образу Божию, ходили на чреве. Но Бог сказал: *и вражду положу между тобою и* тем (Быт. 3, 15). По сей причине надлежит нам всегда воздыхать к Богу, дабы через то могли мы каждый день проводить, не быв уязвлены разженными стрелами диавола. *Покрыю и,* говорит (у Псалмопевца Бог), *яко позна имя Мое* (Пс. 90, 14). И еще: *обаче близ боящихся Его спасение Его* (Пс. 84, 10).

31. Блаженный апостол, избранный сосуд, говорящий во Христе, имея многую опытность во внутренней, в нас происходящей невидимой мысленной брани, сказал в послании к ефесеям: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесными* (Еф. 6, 12). Апостол Петр также говорит: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит иский кого поглотити, емуже противитеся тверди верою* (1 Пет. 5, 8, 9). Сам Господь наш Иисус Христос, беседуя о разности расположений, с какими слушаются слова Евангелия, сказал: *потом же приходит диавол, и вземлет слово от сердца,*

каковую кражу совершает он, наводя злое забвение, *да не веровавше спасутся* (Лк. 8, 12). И опять апостол (Павел) говорит: *соуслаждаюся бо закону Божию, по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих противу воюющь закону ума моего, и пленяющь мя* (Рим. 7, 22, 23). Все сие сказали они, научая нас и давая нам знать сокрытое от нас.

32. Разум, когда потеряет самоукорение и смирение, обычно кичится, помышляя, что он стоит выше многих. Желая стяжать сознание своей немощи, будем мудрствовать так, как мудрствовал тот, кто сказал: *братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13-14). Опять: *Аз убо тако теку, не яко безвестно, тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26-27). Видишь ли, каково смирение и каково вместе с тем стремление к добродетели? Видишь ли, каково смирение и святого Павла, такового и толикого мужа? (Но послушай, что еще говорит он). Христос, говорит, *прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15). Да и можно ли не смиряться нам, имея такую худость естества? Ибо что хуже персти? И о Боге памятовать нам должно, потому что для того мы и сотворены; и как подвигам воздержания приучать себя надлежит нам, чтобы легче было тещи вслед Господа нашего.

33. Невозможно тому, кто предается злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку. Тем, кои не искореняют из сердца злых помыслов, невозможно не обнаруживать их в соответственных злых делах. Причина того, что иной блудно смотрит, заключается в том, что прежде внутреннее око соблудило и омрачилось. Также причина желания слышать срамное заключается в охотном слушании душевными ушами всего, что скверные демоны нашептывают внутри в пагубу нам. Должны мы очищать себя в Господе внутри и во вне; каждый из нас должен хранить свои чувства и каждодневно очищать себя от страстных воздействий и прегрешений. Как прежде в дни неразумия

нашего, когда вращались мы в мире в суете ума, всем умом и всеми чувствами работали мы прелести греховной, так теперь, преложившись на жизнь по Богу, надлежит нам всем умом и всеми чувствами работать Богу живому и истинному, Божией правде и воле.

34. Наперед бывает ***прилог*** (приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом ***сочетание*** (содвоение, внимание сковано предметом, так что только и есть, что душа да предмет приразившийся и ее занявший); далее ***сосложение*** (предмет приразившийся и внимание занявший возбудил желание, — и душа согласилась на то — сложилась); за сим ***пленение*** (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и как рабу связанную ведет к делу); наконец, ***страсть*** (болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к делам, коими оно удовлетворяется) вкачествившаяся в душе (ставшая чертою характера). Вот поприще для одержания победы в происходящей в нас брани! Так определяется и святыми отцами.

35. И ***прилог,*** говорят, есть голый помысл или образ какой-либо вещи, только что родившийся в сердце и представившийся уму; ***сочетание*** есть собеседование с представившимся (предметом или образом) страстное или бесстрастное; ***сосложение*** есть склонение души к зримому оком ума предмету со услаждением; ***пленение*** есть насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нем и слияние будто в одну жизнь с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой); ***страсть*** же вообще, говорят, внедряется в душе долговременным пристрастием (к предмету какому-либо). Из всех этих (действий или состояний) ***первое*** безгрешно, ***второе*** — не совсем; ***третье*** — по состоянию подвизающегося (может быть по мере подвига и противоборства); *брань* же бывает причиною или венцов (когда кто устоит), или мучений (когда падет).

36. ***Пленение*** иначе бывает во время молитвы, и иначе не во время молитвы. ***Страсть*** несомненно подлежит или равно-

сильному (противовесному) покаянию, или будущей муке. Кто противостоит или бесстрастно относится к первому, то есть прилогу, тот за один раз отсекает все срамное. Такова брань злых демонов против монахов и не монахов, в коей бывает и побеждение и победа, как мы сказали. Побеждающих ожидают венцы, а падающих и некающихся — муки. Будем же подвизаться против них мысленно, чтоб злых советов их не осуществлять в видимых греховных делах. Возревнуем обрести внутрь себя самих Небесное Царствие, отсекая от сердца всякий грех. Посредством такого прекрасного делания сохраним мы чистоту сердца и непрестанное пред Богом сокрушение.

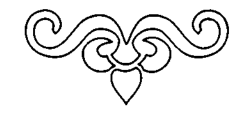
37. Многие из монахов не знают прелести ума, которую претерпевает он от демонов. Они прилежат тому, чтоб быть исправными в делах, не заботясь об уме, и проводят жизнь в простоте и бесхитростности. Думаю, что, не вкусивши сердечной чистоты, они совсем не знают тьмы внутренних страстей. Те, которые не знают брани, о коей говорит святой Павел, неокачествовались может быть опытно и добром, и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счет мысленных побеждений и побед, которых не видит чувственное око, потому что они сокровенны и ведомы только единому подвигоположнику Богу и совести подвизающегося. К таковым, кажется, сказано следующее слово Писания: говорят: *мир, мир, и не бяше мира* (Иез. 13, 10). О тех братиях, которые от простоты находятся в таком состоянии, молиться надобно, и научать их сколько можно, чтоб удалялись не от видимых только худых дел, но и от того зла, которое действует в сердце. У тех же, кои имеют Божественное желание — очистить душевное око (собственно зрительность души), иное есть делание Христово, и иное таинство.

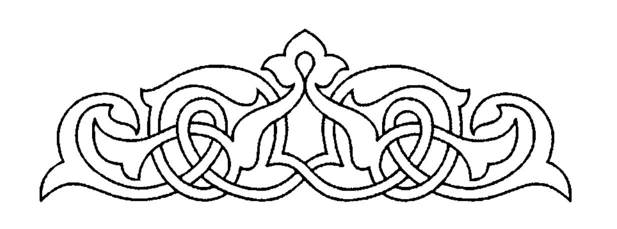
38. Много по истине добродетелей совмещает в себе углубленная память о смерти. Она есть родительница плача, руководительница ко всестороннему воздержанию, напоминательница о геенне, матерь молитвы и слез, страж сердца, источник самоуглубления и рассудительности, которых чада — сугубый

страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов — объемлют много владычных заповедей. В таком сердце зрится тогда борение и подвиг, выдерживаемые с крайним трудом. И об этом-то вся забота у многих из борцов Христовых.

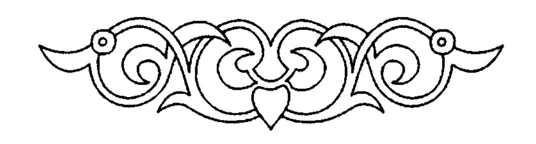
39. Нечаянное какое приключение или напасть расстраивают обычно мысленное внимание и, исторгши ум из спасительного благонастроения с погашением и желания лучшего, увлекают его к грешным любопрениям и распрям. Причиною же такого для нас пагубного бедствия бывает то, что не имеем никакого попечения об искушениях (поминутно готовых напасть на нас, не знать с какой стороны).

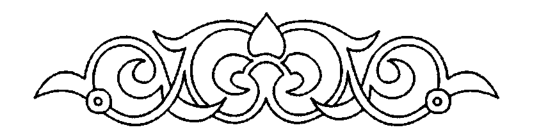
40. Не расстроит и не опечалит нас никакое из повсечасно готовых сретить нас прискорбностей, коль скоро, сознав неизбежность того, будем всегда держать то в мысли. Почему Божественный апостол Павел и говорит: *Благоволю в немощех, в досаждениих, в бедах* (2 Кор. 12, 10). И еще: *вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Тому слава во веки веков. Аминь.





ИЛИЯ
ПРЕСВИТЕР И ЕКДИК





ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЦВЕТОСОБРАНИЮ»

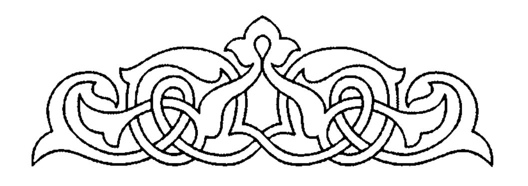
Сей Илия Пресвитер, называемый также и Екдиком, есть ли Илия Критский, истолкователь богословских слов святого Григория Богослова, или другой какой, неизвестно. Но, судя по предлежащим главам видно, что он был муж в высшей степени мудрый и внешнею мудростью, и особенно нашею духовною; и слово его выразительно и сильно, хоть инде темновато. Почему не думаем, что будет преувеличенно назвать настоящее цветособрание, как названы главы мудрого Илии, некиим садом духовным, преисполненным не цветных только злаков, но и плодовых дерев, и не стыдимся пригласить в сей рай ищущих духовных утешений в полной уверенности, что все их духовные чувства – и зрение и обоняние и вкус, найдут здесь богатое удовлетворение (кратко – из предисловия греч. Доброт.).

Название глав Илии пресвитера – Анфологион, то есть цветословие или цветособрание, наводит на мысль, что они были составлены при чтении святых отцов, мысли которых усвояя себе старец Божий и желая сохранить для себя, записывал, выражая их иногда отеческим словом, а иногда своим. Отчего читающие их могли видеть в них отражение то одного, то другого из отцов, или даже и приписывать их кому-либо из них, как это и случилось на западе. Там, в Ватиканском кодексе творений святого Максима, они приписаны сему отцу; и недавний издатель творений святых отцов – Migne – поместил их в числе творений святого Максима, после его семисот глав, умозрительных и деятельных, под заглавием: иные главы, взятые из Ватиканского кодекса творений святого Максима (Patrologiae graecae, t. XC).

Думаем, что собирателям греч. Добротолюбия удобнее было узнать, к кому отнести главы сии, и следуем им, признавая сии главы произведением никоего Илии Пресвитера.

Замечаем к сведению, что в греч. Добротолюбии главы разделены на две половины (109-140). В издании Migne главы имеют один счет от начала до конца. Следуем в сем этому последнему.

Читатель заметит, что в переводе нашем нумерация глав инде идет не подряд, с пропусками. Эти пропуски означают, что и главы, соответствующие им, пропущены по неудобопонятности их. Таких, впрочем, очень не много – и десятка нет.



ЦВЕТОСОБРАНИЕ, ИЗЛЮБОМУДРСТВОВАННОЕ ИЛИЕЮ, МАЛЕЙШИМ ПРЕСВИТЕРОМ И ЕКДИКОМ

1. Христинину, право верующему в Бога, не следует беззаботно предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтоб, когда придет, не изумляться и не смущаться, но благодарно претерпевать тяготу скорби, содержа в мысли, что в псалмопении говорит с пророком; *искуси мя Господи и испытай мя* (Пс. 25, 2), и то, что в другом псалме пророк не сказал: *наказание Твое* извратит меня, но, *исправит мя в конец* (Пс. 17, 36).

2. Начало добра — страх Божий, а конец — любовь к Богу. Начало всякого блага — разум деятельный и делание осмысленное. Почему ни делание без разума не благо, ни разум без дела неуспешен (непрогрессивен).

3. Делание тела есть пост и бдение, а делание уст — псалмопение. Но молитва лучше псалмопения, и молчание драгоценнее слова. Рук делание есть то, что ими безропотно делается; а ног то, что ими по первому мановению исполняется. Делание души есть воздержание с простотою и простота, воздержно действующая; а ума — молитва в созерцании, и в молитве созерцание Бога.

4. Предводительствует всеми добродетелями милость и истина, коих порождение есть смирение, и из нее происходящая, по святым отцам, рассудительность, без коей ни одна (из сказанных добродетелей) не может увидеть (или достигнуть) конца своего.

5. Делание, презирающее иго разума, оказывается, подобно юнице, бесполезно блуждающим там и сям; а разум, сбрасывающий честный хитон делания, не благообразным видится, хотя всячески ухитряется казаться таким.

6. Мужественная душа, подобно жене, держащая два горящих светильника — деятельный и созерцательный — всю жизнь делает свое должное. Противное сему бывает с душою, изнеженною удовольствиями.

7. Недостаточно для души к совершенному освобождению от греха произвольное злострадание, если кроме того, она не будет переплавлена и в раскаленной пещи непроизвольного.

8. Душа, если для совершенного очищения от греха не пройдет, подобно мечу, сквозь огонь и воду, то есть сквозь произвольные и непроизвольные труды и тяготы, не может оставаться неуязвленною при встрече неприятных случайностей.

9. Как для искушений произвольных три бывают главных причины: здоровье, богатство и слава, так и для непроизвольных искушений тоже три причины: потери, болезни и клеветы. Бывает же все сие иным на созидание, а другим на разорение.

11. Истинно добродетельный имеет добро внутрь насажденным; у тщеславного же оно только в мыслях. Зло же ревнитель добродетели имеет на поверхности, а самоугодливый сластолюбец — в глубине сердца.

12. Нечасто и ненамеренно бывает не в добром чине тот, кто ненавидит зло; с тем же, кто еще лелеет причины зла, случается это часто и самоохотно.

13. Которые не имеют расположения приносить покаяние, те чаще и грешат, а которые не по расположению грешат, тем удобоисполнимее покаяние, в котором к тому же редко и потребность бывает.

14. Чувство и совесть да сшествуют произносимому слову, чтобы Божественному Слову, рекшему, что *ту* будет *посреде их* (Мф. 18, 20), не стыдно было по причине продерзости или бесчинности того, что говорится или делается.

15. Кто душу свою не делает неправою делами, о том нельзя еще утверждать, чтоб он хранил ее неоскверненною словами; и о том, кто хранит ее чистою от слов, нельзя еще утверждать, чтоб он не осквернял ее помыслами. Ибо согрешающий трояко это делает (делом, словом и помышлением).

16. Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока с услаждением еще представляешь вид греха. Этот последний тогда покажется тебе ненавистным, когда возжелаешь вкусить первой, и лицо свое отчуждишь от такой образины.

17. Помыслами, а не делами сначала борют душу демоны; но, главное, конечно, у них в виду, дела. Дел причина — слух и зрение, а помыслов — привычка и демоны.

18. Трояка грешительная часть души, обнаруживаясь в делах, словах и помышлениях. А благо негрешения шестерояко: ибо для него надо блюсти неподательными пять чувств и произносимое слово. *Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати все тело,* говорит святой Иаков (3, 2). Это же можно приложить и к пяти чувствам.

19. На шесть долей делится бессловесная часть души: на пять чувств и говорящее слово, которое, когда бесстрастно, отрезвляет все другие части, нераздельно разделяясь по ним, а когда страстно, оскверняет собою все их.

20. Ни тело не может очиститься без поста и бдения, ни душа — без милости и истины; а также ни ум — без созерцания и собеседования с Богом (без молитвы). В ряду этих двоих сия последняя есть самая значительная.

21. Вращаясь в кругу сказанных добродетелей, душа делает недосязаемым для стрел искушений свое охранилище, которое есть терпение. *В терпении вашем стяжите души ваша,* говорит Господь (Лк. 21, 19). Если же она в ином находится положении, то, подобно граду, не огражденному стенами, еще при издали слышном треске и шуме бывает сильно потрясаема ударами страха.

22. Не все разумные в слове разумны и в духовных деланиях, но все разумные в духовном разумны и во внешнем. Ибо это внешнее (тело, чувства, положение), хотя всех держит на оброке (со всех берет подать); не все, однако ж, одинаковые платят ему оброки; иные же и совсем отказываются от сего.

23. Разумность, по природе неразделимая, делится однако ж на разные доли: ибо одному дается большая, а другому меньшая ее доля; пока деятельная добродетель, множась и разрастаясь

с помощью родовых добродетелей, исполнит по каждой из них все возможное добро. Ибо так бывает всегда, что, соответственно недостаточности деятельной жизни и разумности получается меньшая мера.

25. Благоразумного молчания сотрапезники суть время и мера; трапезу же его составляет истина; в силу коей отец лжи, пришедши к душе-страннице (от всего устранившейся), не находит в ней ничего из того, что обычно ищет.

26. Истинно милостив не тот, кто произвольно раздает излишнее, но кто охотно уступает необходимое похитителям.

27. Одни вещественным богатством стяжают невещественное, через постоянство в милостыни подаянии; а другие невещественным отчуждаются от вещественного тем, что пребывают в чувстве (или вкушении) неоскудевающего блага.

28. Всякому приятно богату быть благами, но прискорбно, если тому, кто по Божию устроению получил богатство, не попускается подольше наслаждаться им.

30. Не оскорбляйся на того, кто против твоей воли, хирургисал (оперировал) тебя (то есть обличением вывел наружу кроющееся в тебе зло); но, взирая на выброшенную нечистоту, себя окаявай, а Бога, бывшего причиною такого о тебе устроения, благословляй.

31. Не падай духом, взирая на трудность (душевной) болезни своей; но употребляя действеннейшие против нее врачевства притрудных подвигов, удаляй себя от нее, если искреннее имеешь попечение о здравии души своей.

33. Чем больше чувствуешь душевные болезни свои, тем более будь благодарен тому, кто указал тебе их своими обличениями. Ибо через это он стал виновником для тебя совершенного очищения, без коего ум не может войти в чистую область молитвы.

34. Когда обличают, или молчать надо, или кротко защищаться, если обличение клеветливо; не для того, чтоб поставить на своем, а чтоб поправить ошибку обличителя, соблазнившегося, может быть, по неведению дела.

36. Как высокомудрый не знает своих недостатков, так смиренномудрый своих добрых качеств: ибо у того скрывает все неведение себя укорное, а у этого — богоугодное.

38. Укор возбуждает энергию в душе, а похвала расслабляет ее и делает ленивою на добро.

39. Опора богатства — золото, а добродетели — смиренномудрие. И как тот, у кого золото не спорится, беден бывает, хотя со вне не кажется таким, так и без смирения добродетельный не бывает благоплоден.

40. Как без злата торговец не торговец, хотя бы очень способен был к тому, так без смиренномудрия подвизающийся не увидит благих плодов добродетели, хотя бы очень много полагался на свое благоразумие.

43. Как в исполнении всех заповедей надобно преуспевать, так и в смиренномудрие глубже и глубже должно погружаться тому, кто боится, как бы не оказаться чуждым среди возлежащих на брачной вечери.

44. Смешай с простотою воздержание и с смиренномудрием сочетай истину, и окажешься сотрапезником правды, вслед коей любит сопривводима быть, как на трапезу, всякая другая добродетель.

46. Нрав благий свидетельствует о красоте добродетели, а благопристойность членов о мире души.

47. Первое добро есть ни в чем не погрешать; второе — не стыдиться открывать свое погрешение; но и небесстыдствовать в нем, а паче смиряться, и когда укоряют, укорять и самому себя, и охотно принимать епитимию; чего если не бывает, не имеет цены все приносимое Богу.

48. При произвольном злострадании (подвигах самоумерщвления) должно покорно принимать и непроизвольное, состоящее в клеветах, потерях и болезнях. Не приемлющий покорно сих последних, но бывающий недоволен ими и ропотлив, подобен тому, кто желает всегда вкушать хлеб свой без соли.

49. Господином будучи, зрак раба приемлющим является тот, кто Божественными словесами одежду (души) ближнего

запятнанную омывает, а раздранную починяет приложением заплат. Да блюдется, однако ж, делающий сие, как бы через тщеславие, по поводу того, что он так делает, вместе с наградою за то не лишиться и присущего ему достоинства власти.

51. *Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое* (Пс. 120, 8), воздержанием относительно яств и языка. Ибо кто воздержен в пище — входящей, и употреблении слова — исходящего, тот избегает похоти очес и неразумный гнев укрощает, о которых паче всего должна быть забота у подвизающегося, чтоб они не прорывались. От этого деятельность получает силу, а созерцание твердость.

52. Иные же о входе яств внимательную блюдут осторожность, а об исходе словес нерадят. Таковые не умеют, по Еклезиасту, исторгать гнев из сердца и похоть из плоти (Еккл. 11, 10): чем сердце чисто созидается от обновляющего нас Духа Святого.

54. Пусть чрево твое горит от скудости яств и сердце утесняется воздержанием языка; и твои силы — вожделетельная и раздражительная — всегда будут у тебя находиться в услужении добру.

56. Подвизающемуся необходимо знать, когда и какими яствами следует питать тело, как врага, и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшего, чтоб по ошибке не предложить ему дружеского питания, когда оно враг, и вражеского, когда оно друг, и раздражив его тем и другим, не найти его, во время искушения, на стороне борющих врагов.

57. Когда приемлющий пищу, питание предпочитает услаждению гортани, тогда посещает его благодать слез и начинает утешать его с такою силою, что он забывает о всякой другой сласти, будучи вполне насыщен несравненною сладостью сих слез.

58. У расширяющего путь свой слезы иссякают, а у возлюбившего путь тесный они бьют большим ключом.

59. Не бывают без печали ни грешный, ни праведный; но первый печалится о том, что еще не совсем отстал от греха, а второй о том, что еще не овладел всем добром.

60. Молитва и молчание суть из числа добродетелей, в нашей власти состоящих, а пост и бдение суть из числа не вполне в нашей власти состоящих добродетелей; так как они зависят и от сложения тела. Подвижнику предлежит потому избирать, что наиболее для него исполнимо и полезно.

61. Дом молитвы — терпение: ибо им она поддерживается; потребы же ее — смирение: ибо им она питается.

63. Не связывай себя малым, и большим не будешь порабощен: ибо не бывает так, чтобы большее зло образовалось прежде меньшего.

66. В ком царствуют милость и истина, в том качествует и все Богоугодное; ибо та никого не судит без милости, а эта ни к кому не человеколюбствует не по истине.

67. Растворивший воздержание простотою причастником будет тамошнего блаженства.

68. Не отсечешь борющих тебя страстей, если наперед не перестанешь возделывать землю, из которой они заимствуют себе пищу.

69. Одни только тело стараются очистить, а другие и душу: ибо одни получили силу воздерживаться только от дел греховных, а другие и от страстей; которые же и от похотения (получили силу воздерживаться), тех весьма немного.

72. Страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он и не грешит еще; сладострастен тот, у кого действие (энергия) греха слабее помысла, хотя им обладает страсть внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше, раболепно привязан к тому и другому; бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния греховные (кто не испытывает их).

73. Изгоняется из души страстность постом и молитвою, сладострастие бдением и молчанием, пристрастие — безмолвием и вниманием. Бесстрастие же установляется памятью Божиею.

74. Из уст бесстрастия, как соты меда, каплют словеса вечной жизни. Кто убо сподобится к устам оного прикоснуться своими устами и посреди сосцов его водвориться, и сладкою

вонею одежд его облагоухается? — то есть насладится плодами добродетелей, коих воня паче всех аромат, известных нам через чувства (см. Песн. 4, 10, 11)?!

75. От видимого обнажится всякая душа; от тела же греха не многие из тех, кои насладились сладостями здешней жизни.

76. Из живых телесно мертвыми бывают все; греху же мертвыми только те, кои возненавидели его от всей души.

78[1]. Душа разумная, находясь в сопределии света чувственного и мысленного, при помощи одного имеет возможность видеть и делать телесное, а при помощи другого — духовное. Но поелику в ней свет мысленный помрачился, а чувственный стал более ясным по причине навыка к нему из начала установившегося, то она не может всецело простертися зрением к Божественным вещам, если во время молитвы не будет вся со светом мысленным; но по неволе ей приходится оставаться в промежутке между тьмою и светом, во тьме (чувственной) вращаясь по привычке и склонности, во свете же (мысленном) одним мечтанием.

79. Да сопребывает с умом, как луч в солнце, молитва, без коей чувственные попечения, как облака безводные, вокруг носясь, лишают ум свойственной ему светлости.

80. Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь, если прежде не оставит сластолюбивых попечений своих о чувственном; но всегда будет лишь мучиться бесплодно, вращаясь в тени его (попечения).

82. Если ум не отбросит всякое излишнее попечение о чувственном, то легко возносящимся горé сделаться не может; не может понять и своего чина.

83. Молитва, подкрепляемая слезами, извергает из души во вне все враждебные ей помыслы; но их возвращает опять блуждание ума, усиливаемое празднословием, которое изгнавший изгоняет вместе и всегубительное зло дерзости (не сдержанности во взорах, речах и движениях).

---

[1] Отселе до 166 главы включительно о молитве, что в славянском Добротолюбии означается и особым заглавием.

84. Пост есть образ дня по причине явности его, а молитва — образ ночи по причине неявности ее и сокровенности. Кто же то и другое проходит, как должно, сочетая каждое из них с другим, тот достигнет града преднамеренного, откуда *отбеже болезнь, и печаль, и воздыхание* (Ис. 51, 11).

85. Духовное делание может состояться и стоять без телесного, соответствующего ему дела. И блажен кто вещественному делу (телесному) предпочел лучшее, невещественное (духовное) делание. Кто имеет его, тот им восполняет и отсутствие дела внешнего, живя жизнью молитвы, сокровенною для других, но явною для Бога.

86. Апостол призывает нас верою терпеть, упованием радоваться, в молитве пребывать, чтоб пребыло в нас и благо радования. Если так, то следует, что не имеющий терпения и веры не имеет, нерадующийся не имеет надежды, ибо отверг причину радости — молитву, и не пребывает в ней (см. Рим. 12, 12; Кол. 4, 2; Евр. 12, 1).

88. Как древле, низпав из своей области, ум забыл о ее преславной светлости, так теперь, забыв о всем здешнем, должно ему опять востекать туда молитвою.

89. Что для дитяти иссохшие сосцы матери, то для ума молитва, не дающая ему утешения. Когда же она инаковою бывает (исполняет ум утешением); тогда он уподобляется дитяти, от удовольствия засыпающему в объятиях матери.

91. Не может содружиться с молитвою тот, кто не отрекся от всего вещественного, кроме пищи и одежды (см. 1 Тим. 6, 8). Стань вне всего другого, если желаешь быть в молитве с единым умом.

94. Не все одну и ту же имеют цель в молитве; но одни одну, а другие другую. Иной молится, чтоб, если возможно, сердце его всегда было с молитвою, и чтоб все выше и выше восходить в ней; другой, чтобы (стяжать навык) не быть пресекаемому в молитве помыслами; все же молятся (говоря обще) или чтобы сохранену быть в добре, или чтоб не быть увлечену во зло.

95. Если от молитвы никто не отходит не смиренным: ибо всякий, когда молится, сокрушается во смирении; то очевидно, что не молится во смирении тот, кто во вне обнаруживает горделивую продерзость.

96. Если, пребывая в молитве, будешь смотреть на вдову, подвигшую жестокосердого судью оказать ей справедливость; то не станешь стужати си (см. Лк. 18, 3), при нескорости получения благ, испрашиваемых молитвою.

97. Не пребудет с тобою молитва, если замедляешь в суетных помыслах внутри, и в пустых беседах вне; но она скоро возвращающеюся видится к тому, кто ради ее многое отсекает в себе.

98. Если в лоно души не внидут словеса молитвы, то слезы не омоют ланит души.

100. Ключ в Царство Небесное — молитва. Держащий ее, как следует, зрит отложенные (обетованные) друзьям ее блага. Кто же только настоящее видит, тот не возымел еще дерзновения в ней.

101. Не может ум во время молитвы с дерзновением говорить пред Богом: *растерзал еси узы моя, Тебе пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7), если он вожделением лучшего не отторгся от боязливости (страха за жизнь от утеснения плоти) и разленения, многоспания и многоядения, от коих падение.

102. Стоит вне первой завесы (вне скинии на дворе) тот, кто влается мыслями во время молитвы; за сею завесою внутри скинии (передней ее части, именуемой святая) находится тот, кто молится неразвлеченною молитвою; во святая же святых проникает один тот, кто по умиротворении естественных помыслов и движений с единым Тем пребывает, Кто есть превыше всякого естества, получая от Него и потребное просвещение.

103. Когда душа, упразднившись от всего внешнего, сочетается с молитвою; тогда как бы пламя некое окружает ее и делает ее всю, как железо, огнем проникнутою. И тогда душа — все та же душа, только бывает неприкосновенною подобно раскаленному железу для всего стороннего.

106[1]. У добре проходящих деятельную жизнь молитва иногда, подобно облаку осеняя их, укрощает палящие их помыслы, а иногда как бы каплями дождевыми орошая их, показывает им духовные созерцания.

114[2]. Ум, устремляясь горе, не тотчас востекает туда, но после того, как совершенно презрит все дольнее, посвятив себя Божественным деланиям.

117. Когда освободишь ты ум свой от всякого пристрастия к телам, яствам и деньгам; тогда что ни будешь делать, все то вменится в чистый дар Богу от тебя. И воздано тебе будет за то тем, что откроются очи сердца твоего и ты будешь ясно поучаться в нем законам Божиим, кои слаще меда и сота покажутся умной гортани твоей, по причине издаваемой ими приятности.

118. Не можешь ты сделать ума своего высшим похотения тел, денег и яств, если не введешь его в чистую страну праведных, в коей (или под действием коей), внедрившись в сердце, память о смерти и Боге уничтожит в нем всякое восстание земных похотений.

119. Ничего нет страшнее памяти смертной и дивнее памяти Божией; та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием. Ибо пророк Давид поет: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4); а Премудрый учит: *поминай последняя твоя и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39).

120. Пока ум не узрит *откровенным лицем славу Господню* (2 Кор. 3, 18), дотоле душа не может возглашать в чувстве своем: *аз же возвеселюся о Господе* (Пс. 103, 34), возрадуюся о спасении Его (см. Пс. 19, 6). Потому что покрывало самолюбия лежит на сердце ее, которое не снимается с нее без произвольных и невольных скорбей и лишений; оставаясь же на ней, не дает ей видеть, как все есть и бывает.

121. Не после бегства из Египта, то есть не после пресечения греха делом, и не после прехождения моря, то есть не после

---

[1] Это – последняя глава о молитве.

[2] В славянском Добротолюбии отсюда начинается новая нумерация слов и с новым заглавием.

отсечения сочувствия и склонности ко греху; но после пребывания в пустыне, то есть после претерпения всяких бед, лишений и скорбей, вождь Израиля сподобляется узреть землю обетованную, то есть бесстрастие, обладающее сильным созерцанием умным (см. Втор. 34, 1).

122. По пустыне шествующие, — то есть те, у которых грех в бездействии, — по одному слуху знают о благах блаженной оной земли; соглядатаи своими глазами видят их, то есть пребывающие в трудах добродетели и послушания упованием объемлют их; войти же в нее сподобившиеся всем чувством насыщаются ими, как медом и млеком.

123. Не сораспялся еще Христу тот, кто имеет естественные движения плотские и не спогребся еще Ему тот, кто носит помышления и сочувствия плотские: как же совосстать такому с Ним, чтобы *во обновлении жизни ходити* (Рим. 6, 4)?

138. Древле древним заповедано было приносить в храм *начатки от гумна и от точила* (Исх. 22, 29). Ныне же нам должно приносить Богу, как начатки деятельной добродетели — воздержание и истину, а как начатки добродетели созерцательной — любовь и молитву: теми отсекая стремления похоти и гнева, а этими — суетные помышления и порождаемые ими прилоги.

139. Начало деятельной добродетели — воздержание и смирение, истина и целомудрие; конец же ее — мир помыслов и святая чистота тела.

140. Истинно доброе действование требует не только того, чтобы добре (с добрым духом) делать добро, но и того, чтобы делать, как следует, то есть, чтобы делающий соблюдал в отношении к делаемому и время и меру.

142. Как действование без созерцания не бывает твердо: так созерцание без соответственного действования не бывает истинно. Надлежит, как действованию быть проникнуту созерцанием, так созерцанию утверждаему действованием: чтоб с одной стороны обессиливать зло, а с другой мощною являть добродетель в исполнении благонамерений благостынных.

143. Конец деятельной жизни — умерщвление страстей, а конец жизни созерцательной — видение добродетелей.

145. На поприще деятельной добродетели многие *текут, един же приемлет почесть* (1 Кор. 9, 24), именно тот, кто конца ее старается достигнуть с участием созерцания.

147. Деятельному не удается надолго пребывать в созерцании, ибо он в отношении к созерцанию похож на странника, страннопринятого кем-либо в дом свой, из которого, однако ж, он скоро должен выйти.

148. Деятельные вратами заповедей Божиих входят в молитву, а созерцатели пребывают во дворе добродетелей в пениях и песнях духовных: и те благодарят, что избавились от уз; а эти, что взяли в плен восстававших на них бранью.

150. Гребцами мысленного корабля почитай помыслы, веслами — живительные силы души — раздражение (энергию) и похотение, волю и произволение (избирание решимости). В этих деятельный всегда имеет нужду, а созерцатель не всегда.

155. У деятеля, по причине множества представлений вещей чувственных, во время молитвы лежит на сердце покрывало, не могущее открыться при сочувствии к ним. Один созерцатель, не имеющий такого сочувствия, может откровенным лицом отчасти видеть славу Божию.

158. Двор разумной души есть чувство; храм — рассуждение; архиерей — ум. Итак, на дворе стоит ум, развлекающийся безвременными помыслами; в храме — занимающийся помышлениями благовременными; сподобившийся же внити в Божественное святилище — не касается ни того, ни другого.

159. В доме души деятельной пребывают *рыдание, жалость и горе* (Иез. 2, 10) по причине тяготы трудов; а в душе созерцательной слышится *глас радования, и исповедывания* (Пс. 41, 5) по отрадности ведения.

162. Созерцание мысленных вещей есть рай. Муж духовный входит в него в молитве, как в дом, а муж деятельный в отношении к нему походит на прохожего, который хотел бы заглянуть туда, но не может, потому что ограда того дома выше его духовного роста.

164. Деятель не может украситься совершенным благообразием нравственным, если, подобно патриарху Аврааму, и он не *изыдет из дома своего* естественного закона, и *от сродства своего,* — сравнившейся с ним самоугодливой жизни. Ибо только таким образом и он, как печать, получит обрезание родительной похоти (см. Быт. 17, 11; Рим. 4, 11) по причине коей от рождения лежит на нас покрывало, не дающее нам восприять совершенную свободу.

166. Для жизни деятельной пост и бдение суть *препоясание чресл,* а для жизни созерцательной молчание и молитва суть *светильницы горящии* (Лк. 12, 35).

167. Уму несовершенному не попускается внити в плодоносящий вертоград молитвы; ему достаются как бедному останки от обранья винограда (см. Втор. 24, 21) одни псалмопения.

168. Как не все, удостаивающиеся говорить с царем, приглашаются и к столу его, так не все и из приступающих к молитвенному собеседованию с Богом вводятся в состояние молитвенного созерцания.

169. Узда гневу — благовременное молчание; бессловесному похотению — воздержное питание; а неудержимому помыслу — однословная молитва.

170. Ни желающий спуститься вглубь, чтоб достать оттуда маргарит чувственный, ни желающий вознестись горе, чтоб обрести там маргарит духовный, не достигнут желаемого и искомого, если первый не обнажится от одежд, а второй — от всего чувственного.

171. Ум, внутрь сердца сосредоточивавшийся во время молитвы, бывает как жених, беседующий с невестою своею, а не входящий внутрь себя, как стоящий вне брачного чертога, стеня, вопиет: *кто введет мя во град огорождения?* (Пс. 59, 11) или кто будет мне вождем, чтоб во время молитвы не призревать *в суеты и неистовления ложна* (Пс. 39, 5)?

172. Что пища без соли для гортани, то молитва, без сокрушения проходимая, для ума.

173. Душа, еще ищущая молитвы, подобна жене, мучащейся родами, а душа, обретшая молитву, подобна жене, родившей и радости исполненной по причине рождения (см. Ин. 16, 21).

174. Некогда Аморрей, обитавший на горе, поразил *понудившихся взыти на верх горы той* (Втор. 1, 44; Чис. 14, 44-45). Ныне же злое забвение отгоняет тех, которые, прежде достижения сердечной чистоты, покушаются взойти на самый верх молитвы чистой.

176. Молитва, как молитва, бывает хлебом, укрепляющим новоначальных; молитва, с каким-либо созерцанием соединенная, бывает елеем умащающим; а молитва безвидная (без воображений — вином благоуханным, которое ненасытно пиющие приходят в исступление (см. Пс. 103, 15).

178. Подвизающемуся надобно тело свое ограничить одним видом пищи, а ум — однословною молитвою. И тогда, став неудерживаемым страстьми, будет он в состоянии восторгаться к Господу во время молитвы.

179. Грозящий палкою на собак раздражает их против себя; а демонов раздражает тот, кто нудит себя чисто молиться.

182. Когда непрерывным упражнением в молитве напечатлеются в сердце молящегося словеса псалмов, тогда он, как добрая земля, и сам от себя начинает произращать то розы созерцаний в области духовной, то лилии уразумения красоты и стройности мира вещественного, то фиалки постижения неудобозримых разнообразных судов Божиих.

184. Душа, совершенно отрекшаяся от себя самой и всецело предавшаяся молитве, сходит долу из области, в коей витает выше тварей, не когда сама хочет, но когда благоволит Тот, Кто мерою и весом располагает все наше.

191. Воин слагает оружие, когда кончится брань, а созерцатель — помыслы, когда отрешенно возносится ко Господу.

192. Воевода печалится, не получив добычи на войне, а проходящий деятельную жизнь скорбит, когда не сподобляется духовного созерцания в молитве.

193. Олень бежит на источники вод вещественных (см. Пс. 41, 2), как ураненный зверем; а душа, уязвленная сладчайшею стрелою молитвы, стремится к духовным озарениям.

195. Звезды скрываются с восходом солнца, а помыслы престают с возвращением ума в свое царство.

197. И созерцательный ум, когда, влекомый потребностями естества, сходит с неба долу, может возгласить то же, что и тот, кто изрек: есть ли что дивнее Божественной красоты? И какая мысль обрадованнее помышления о Божеском велелепии? И какое чувство так живо и неудержимо, как любовь, Богом возжигаемая в очищенной от всего худого душе, которая от полноты сердца говорит тогда: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5; 5, 8)?

198. Говорит: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4), прилично тому, кто не утомляется тещи вслед Бога молитвою, и *дне человеча* видеть *не пожелах* (Иер. 17, 16).

199. Да глаголет и деятельная душа, подобно невесте в Песнях песней, когда, по отложению ею всех своих худостей, злые демоны и помыслы лукавые начнут понуждать ее *снова воззреть на суеты и неистовления ложная* (Пс. 39, 5): *совлекохся ризы моея, како облекуся в ню? Умых нозе мои, како оскверню их* (Песн. 5, 3)?

200. Сколь блаженна ты, боголюбивая душа, если с дерзновением можешь взывать к Богу: *возвести ми*, Пастырю добрый, *где пасеши* овец Твоих, и *где... в полудне* даешь почитие овнам Твоим, чтобы, последуя им, не быть мне блуждающею по стадам *другов Твоих* (см. Песн. 1, 6)?

201. Деятельная душа, ища удержать слово молитвы и не возмогоши, подобно невесте песней, вопиет: *на ложи моем в нощех, исках, егоже возлюби душа моя исках его: и не обретох его: воззвах его, и не послуша мене. Востану убо* притруднейшею молитвою, *и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, егоже возлюби душа моя* (Песн. 3, 1, 2). Может быть я найду Его, во всем и вне всего сущего; и *насыщуся, внегда явити ми ся славе* Его (Пс. 16, 15).

204. Если, принявши в дом свой царя, через это самое становится преславным, и этою преисполняется радостью паче всякой другой радости, то что должна чувствовать душа, по очищении своем приявшая в себя Царя Царей по неложному Его обетованию (см. Ин. 14, 23)? И оставит ли она в себе что-либо не выброшенным вон такое, что казалось бы не к упокоению Его служащим? Или что не позаботится она приять внутрь себя такое, что явно благоугодно Ему?

205. Ожидающий быть на утро позванным пред царя, о чем другом будет заботиться, как не о придумании слов, имеющих быть благоугодными царю? И всякая душа, сие в отношении к Богу соблюдающая, не окажется неготовою к тамошнему судилищу.

206. Блаженна душа, которая в ожидании, что ныне приидет Господь ее, ни во что совершенно становит труд целого дня, а затем и ночи, помышляя, что как только настанет утро, он тотчас явится ей.

207. Бог всех видит; Бога же видят одни те, кои во время молитвы ничего другого, кроме Бога, не видят. И которые видят таким образом Бога, те и услышаны бывают от Него; которые же не бывают услышаны, те и не видят Его. Блажен, кто верует, что видим есть от Бога: ибо таковой не подвигнется с пути благоугождения Ему (см. Пс. 15, 8).

208. Благ царствия, сущего внутрь нас, миролюбивое око не видело, и честолюбивое ухо не слышало, и на сердце, лишенное Духа Святого, не восходило то. Они суть залоги благ, какие имеют быть дарованы праведным в будущем Царстве Христовом. Кто не наслаждается здесь сими плодами Духа, тот не может сподобиться наслаждения ими и там.

209. Помыслы мужей деятельных походят на оленей. Ибо как эти то витают на вершинах гор страха ради от звероловов, то спускаются в долины по желанию насладиться тем, что на них: так и эти, — ни в духовном созерцании всегда быть не могут по бессилию своему на то, ни всегда вращаться в естественном порядке дел по потребности упокоения от них, которого они не дают.

212. Не столько трудно пресечь путь реке, чтоб она не неслась вниз, сколько остановить стремление ума, чтоб не влаялся по видимым вещам, а устремлялся горе к сродному ему, сосредоточиваясь в молитве; хотя это последнее по естеству ему, а то не по естеству.

217. Не так быстро течет восвояси освободившийся после долгого плена, пленник, как ум, освободившись от вещественных пристрастий, обрадованною ногою устремляется к сродным ему вещам небесным.

218. Кто не со вниманием молится, но рассеивается в молитве, тому псалом кажется иноязычным, и он сам для псалма бывает, как иноязычный (см. 1 Кор. 14, 17). Посмешище из такого устрояют бесы.

219. Не одно и то же — кому мир распялся, и кто сам миру распинается. Ибо для одних гвоздьми служат пост и бдение, а для других — нестяжание и самоуничижение. К тому же без вторых труды первых бесполезны.

220. Не может чисто молиться тот, кто одержим красотолюбивою и честолюбивою страстью. Ибо пристрастие к сим вещам и суетные помыслы опутывают такого, как вервями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она покушается подняться на воздух.

221. Невозможно уму быть мирну в молитве, если не стяжет он наперед содружества с воздержанием и любовью; из коих первое подвизается уничтожить вражду тела против души, а второе — вражду души к ближнему Бога ради: от чего приходит наконец *мир Божий, превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7), и творит себе обитель у того, кто так умиротворяется (см. Ин. 14, 23),

222. Делу правды того, кто подвизается внити в Царствие Божие, необходимо преизбыточествовать во благих: в милостынях через подаяние *от лишения своего* (Мк. 12, 44; Лк. 21, 4); и в трудах, подъемлемых ради мира, через истощание, терпение, еже о Господе.

226. Иные страсти суть телесные, и иные душевные. Кто первые из них отревает, а о вторых никакой заботы не имеет, тот подобен человеку для защиты от зверей построившему себе

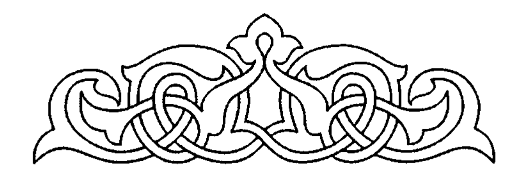
высокую и прочную ограду, а птицам охотно попускающему клевать славные грозды мысленного винограда.

230. Нельзя не открывать чувств, как и не отворять городских ворот. Но необходимо блюсти, чтоб, когда открываются они на нужное, не вошло что-либо через них, благоприятное для врагов наших, и не сделалось причиною брани.

234. Многие восходят на крест злострадания (произвольных телесных лишений), но немногие приемлют гвозди его (пригвождают себя на нем навсегда). Многие бывают рабами произвольного послушания; на посрамление же произвольно предают себя только те, которые отрешились от честолюбия.

240. В ком всему не предшествует страх Божий, в тех помыслы бывают в смятении, как овцы, неимущие пастыря; а кому он сшествует или предшествует, в тех помыслы пребывают в благопокорности и в благочинии, как овцы в овчарне.

241. Страх Божий есть сын веры; сам же он есть блюститель исполнения заповедей, как пастырь, держащий овец на тучном пастбище. Кто не стяжал матери его, тот не сподобится быть узренным овцею паствы Господней.



СОДЕРЖАНИЕ

Блаженный Фалассий

Святитель Феодор, епископ Едесский

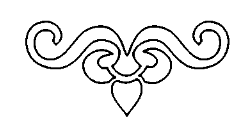
Преподобный Феодор

Преподобный авва Филимон

Преподобный Феогност

Преподобный Филофей Синайский

Илия Пресвитер и Екдик



4-е издание

В оформлении обложки использован фрагмент фрески «Преподобный Максим Исповедник» работы Мануила Панселина из Успенской базилики Протата на Афоне. XIV в.

Формат 70x100/16. Объем 28 п.л. Тираж 5 000 экз.
Печать офсет. Бумага офс. №1. Гарнитура «Ньютон»
Подписано в печать 02.02.2010 Зак. № 1000840
Отпечатано с электронного оригинал-макета
издательства Сретенского монастыря
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-82-10
Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46